

ДАО ДЗИРТА ★ Р.Э.САЛЬВАТОРЕ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

Выросший в хаосе Мензоберранзана, молодой эльф дроу пытается разобраться в конфликте между традициями, которым он должен служить, и протестами собственной совести. Чтобы обнажить видимую им несправедливость и укрепить собственную решимость следовать этическому зову сердца, Дзирт До'Урден выступает в роли агента действия и самоанализа.

И здесь, его писания, становятся критически важными для его спасения, способом, с помощью которого он обретает смысл в мире, который для него вообще не имеет смысла. Влияние его слов, его размышлений, его внутренней решимости будет вести его вперед, заставляя принимать решения, которые другие сочли бы, возможно, благородными, но, несомненно, безрассудными... даже невозможными.

Но для Дзирта единственный выбор - делать то, что истинно и правильно.

Роберт Сальваторе "Дао Дзирта"

Тёмный эльф

Родина

«Положение в обществе». Во всем мире дроу нет более важных слов. Это зов их – нашей – религии, непрестанное перебирание жаждущих сердечных струн.

Амбиции преобладают над здравым смыслом, сострадание отменяется, и все это во имя Ллос, Паучьей Королевы.

Приход к власти в обществе дроу – это просто процесс предательского убийства. Паучья Королева – божество хаоса. Она и ее жрицы, истинные правительницы мира темных эльфов, смотрят сквозь пальцы на честолюбцев, действующих отравленными кинжалами.

Конечно, существуют определенные правила поведения; каждое общество кичится ими. Убийство, совершенное у всех на глазах, или же брошенный при свидетелях вызов немедленно влекут за собой кару закона, а наказания, назначаемые во имя правосудия, у дроу беспощадны. Но вонзить кинжал в спину соперника в неразберихе битвы или в тихой тенистой аллее – это приемлемо и даже поощряется. Расследование не относится к сильным сторонам правосудия дроу.

Преступника даже не ищут.

Положение в обществе – это рычаг управления в руках Ллос, предмет желаний, который она жалуется, чтобы еще более увеличить хаос, чтобы держать своих «детей» – дроу в пределах очерченного самозаточения. Дети? Скорее, пешки, куклы, танцующие для Паучьей Королевы, марионетки на невидимых, но крепких нитях ее паутины. Все карабкаются вверх по лестницам Паучьей Королевы; все стремятся

доставить ей удовольствие – и рано или поздно становятся жертвами других охотников за благосклонностью Ллос.

Положение в обществе – это парадокс мира моего народа, ограничение наших возможностей жадой власти. Оно достигается предательством и толкает к предательству тех, кто достиг его. Наиболее влиятельные эльфы в Мензоберранзане проводят свои дни, постоянно оглядываясь, чтобы чей-нибудь кинжал не вонзился им в спину.

Но обычно смерть является им спереди.

Пустые часы, пустые дни.

Во мне сохранилось мало воспоминаний о первом периоде моей жизни, о тех первых шестнадцати годах, когда я трудился в качестве слуги. Минуты сливались в часы, часы – в дни и так далее, пока все не начинало казаться одним длинным и бессодержательным мигом. Несколько раз мне удавалось тайком пробраться на балкон Дома До'Урден и полюбоваться магическими огнями Мензоберранзана. После таких тайных походов я долго находился под впечатлением сначала становившегося все ярче, потом рассеивающегося тепла-света Нарбондель, башни-часов. Сейчас, оглядываясь назад, на долгие часы наблюдений за тем, как сияние магического огня медленно прокладывает себе путь сначала вверх, потом вниз, я поражаюсь пустоте моего детства.

Я ясно помню, как трепетал от возбуждения каждый раз, когда выходил из дома и, заняв удобное положение, наблюдал за башней. Это было такое простое дело и, тем не менее, такое восхитительное по сравнению с прочим моим существованием!

Каждый раз, когда я слышу щелканье хлыста, другое мое детское воспоминание (в действительности скорее ощущение, чем память), у меня по спине пробегают мурашки. Ошеломляющий удар и следующее за ним онемение от этого змееголового инструмента – такое не скоро забывается. Хлыст рассекает твою кожу, распространяя по телу волны магической энергии, которые заставляют твои мускулы рваться и растягиваться за пределы возможного.

И все же мне повезло больше других. Моя сестра Вирна должна была скоро стать верховной жрицей, когда ей поручили меня воспитывать, это был период жизни, когда ее энергия значительно превосходила энергию, необходимую для выполнения этой задачи. Наверное, в те первые десять лет, проведенные под ее присмотром, случилось много больше событий, чем я могу вспомнить. Вирна никогда не выказывала чрезмерную злобу, как наша мать, а особенно как наша старшая сестра Бриза. Вероятно, были и хорошие времена в уединении домашнего собора; вполне возможно, что Вирна позволяла себе проявить больше доброты к своему маленькому брату.

А может быть, и нет. Хотя я считаю Вирну самой доброй из моих сестер, ее слова сочились ядом богини Ллос ничуть не меньше, чем у любой другой священнослужительницы Мензоберранзана. Кажется странным, что она жертвовала своей мечтой стать верховной жрицей ради обычного ребенка, тем более мальчика.

Были ли действительно радостные моменты в те годы, которые затмила жестокая злоба Мензоберранзана, или ранний период моей жизни был более мучительным, чем последующие годы, – столь мучительным, что мой мозг блокирует память, – я не знаю. Сколько бы я ни старался, я не могу вспомнить.

Я лучше помню следующие шесть лет, и самое яркое воспоминание этих дней дней, проведенных на службе при дворе Матери Мэлис, – это, помимо тайных прогулок вне дома, вид моих собственных ног.

Младшему принцу запрещается поднимать взор.

Академия.

Это рассадник лжи, объединяющей общество дроу; это подлинный питомник фальши, повторяемой столь часто, что она кажется истиной вопреки любым доказательствам обратного. Уроки веры и справедливости, преподаваемые здесь молодым дроу, настолько явно опровергаются повседневной жизнью развращенного Мензоберранзана, что трудно понять, как можно им верить. Тем не менее им верят.

Даже теперь, по прошествии десятилетий, самая мысль об этом месте пугает меня., причем, страшна не физическая боль, не постоянное ощущение грозящей опасности, – за эти годы я прошел мною не менее опасных дорог. Академия Мензоберранзана внушает страх, когда подумаешь о тех, кому удалось выжить, о выпускниках, которые живут – и наслаждаются жизнью – в атмосфере вредных измышлений, формирующих их мировоззрение.

Они живут с твердым убеждением, что все дозволено, если ты умеешь выйти сухим из воды, что главная цель существования – самоутверждение, что власть дается только той или тому, кто достаточно силен и достаточно хитер, чтобы выхватить ее из слабеющих рук, недостойных ее. В Мензоберранзане нет места состраданию, а между тем именно сострадание, а не страх вносит с огласив в жизнь большинства рас. Именно согласие, направленное на достижение общих целей, есть первое условие величия.

Ложь порождает в дроу страх и неверие, доказывает несостоятельность дружбы с помощью острия меча, благословленного Ллос. Ненависть и безмерные амбиции, поощряемые этими аморальными принципами, стали участью моего народа и его слабостью, ошибочно принимаемой им за силу. А результат – парализующее, параноидальное существование, которое дроу называют «состоянием постоянной готовности».

Не знаю, как мне удалось выжить в Академии, как удалось достаточно быстро понять лживость этих принципов, чтобы действовать вопреки им и тем самым еще больше укреплять веру в то, что я всегда ценил превыше всего.

Думаю, это заслуга моего учителя Закнафейна. Благодаря многолетнему жизненному опыту Зака, наполнившему его горечью и столько ему стоившему, я и сам научился слышать крики: крики протеста против убийственного предательства и крики ярости, испускаемые предводительницами общества дроу, верховными

жрицами Паучьей Королевы, – они столь долго эхом отдавались в моем мозгу, что навсегда остались в моей памяти. И еще – крики умирающих детей.

Чьи те глаза, которые все видят,
Всю боль, что у меня в душе сокрыта?
Чьи те глаза, что видят без изъяна
Все происки родни моей лукавой,
Грозящей мне разнузданно и дерзко
Стрелой, ударом, острием меча?
Твои.... твои глаза, моя пантера.
Как быстр твой бег, как мускулист прыжок твой
На мягких лапах с вжатыми когтями
Оружьем, что они приберегают
Для нужд своих, но что не запятналось
Ни кровью пролитой, ни гибельным обманом!
Лицом к лицу – ты зеркало мое, в воде пруда – ты света отраженье.
О, если б мог увидеть этот образ
На собственном своем лице я
И сохранить твоё святое сердце
В своей груди, покуда непорочной!
Так береги же честь и гордый ум свой,
О Гвенвивар, могучая пантера,
И будь всегда, всегда со мною рядом,
Мой дорогой, бесценный, милый друг!

Закнафейн До'Урден. Наставник, учитель, друг. В слепой ярости, вызванной собственными разочарованиями, я не раз приходил к выводу, что Закнафейн не отвечал ни одному из этих определений. Может быть, я ждал от него большего, чем он мог мне дать? Может быть, я напрасно ожидал совершенства от этой измученной души? Следовал ли он общепринятым нормам вопреки собственному опыту, или его опыт отрицал эти нормы?

А ведь я мог бы стать им. Мог бы жить в плену у бессильной ярости, погребенный под ежедневными приступами злобы, какую таит в себе Мензоберранзан, и под всепроникающим злом собственного семейства, от которого не дано избавиться никогда в жизни.

Кажется логичным предположить, что мы учимся на ошибках старших. Я думаю, в этом было мое спасение. И если бы не пример Закнафейна, я тоже никогда не нашел бы избавления, по крайней мере при жизни.

Лучше ли тот путь, который избрал я, чем путь, выбранный Закнафейном?

Думаю, что лучше, хотя достаточно часто бывают у меня минуты отчаяния и тоски по тому, другому пути. Тот путь мог бы быть легче. Однако если идеалист не может подняться до высоты собственных принципов, то правда становится ничем перед лицом самообмана и принципы эти обесцениваются.

Поэтому мой путь лучше.

Я живу, оплакивая свой народ и самого себя, но больше всего – того оружейника; теперь, когда он потерян для меня, кто укажет мне, как – и зачем применять оружие?

Нет большей боли, чем эта боль; с ней не сравнятся ни удар остро заточенным кинжалом, ни огненное дыхание дракона. Ничто так не сжигает сердце, как пустота от потери чего-то или кого-то, когда вы еще не измерили величину этой потери. Часто теперь поднимаю я чашу, произнося лишенный смысла тост, с извинением, предназначенным для ушей, которые уже не слышат:

«За Зака, который вселил в меня мужество».

Изгнанник

Я живо помню тот день, когда покинул город, в котором родился и в котором жил мой народ. Все Подземье простиралось передо мной; меня ждала жизнь, полная захватывающих приключений; передо мной открывалась возможности, наполнявшие радостью мое сердце. Однако, покидая Мензоберранзан, я больше думал о том, что теперь смогу жить в соответствии с собственными принципами. Со мной были Гвенвивар и мои сабли, висевшие на поясе. Я сам мог определять свое будущее.

Но тот дроу, тот юный Дзирт До'Урден, который покинул Мензоберранзан в тот судьбоносный день, едва вступив в четвертый десяток жизни, не мог еще проникнуть в тайну времени, не мог представить, каким медленным кажется его течение, если оно не состоит из мгновений, которые связывают тебя с твоими соплеменниками. Находясь в расцвете юности, я считал жизнь вечной.

Но как измерять столетия, когда один час кажется днем, а день – годом?

За стенами своих городов Подземье дает пищу тому, кто умеет ее добывать, и убежище тому, кто умеет прятаться. Но самое главное, что дает Подземье в избытке, – это одиночество.

Когда я стал жителем пустынных туннелей, мне стало одновременно и легче, и труднее. Я приобрел мастерство и опыт, необходимые для того, чтобы продолжать свое существование. Я мог сокрушить почти всякого, кто вторглся в облюбованное мной владение, а от тех немногих монстров, с которыми трудно было бы справиться, я мог убежать или спрятаться. Однако мне не потребовалось много времени, чтобы ощутить возмездие, от которого я не мог ни убежать, ни скрыться.

Оно преследовало меня повсюду, куда бы я ни шел; и чем дальше я убегал, тем теснее оно сжималось вокруг меня. Моим врагом было одиночество, и врагом была непроницаемая, ничем не нарушаемая тишина погруженных в немоту коридоров.

Оглядываясь назад на эти годы, я поражаюсь и ужасаюсь тем изменениям, которые претерпел, ведя подобное существование. Существование любого разумного существа неразрывно связано с речью, которая служит средством общения между ним и ему подобными, что окружают его. Без этой связи я потерял себя. Покидая Мензоберранзан, я принял решение следовать своим принципам и использовать свою силу в соответствии с моими убеждениями. Однако всего лишь через несколько месяцев одиночества в Подземье единственной целью моего существования стало выживание. Я превратился в животное, руководствующееся инстинктами, животное, хоть и расчетливое и коварное, но не мыслящее, а использующее свой разум только затем, чтобы спланировать следующее убийство.

Я думаю, что спасла меня Гвенвивар. Моя верная подруга, которая не раз выручала меня, заслоняя от неминуемой смерти в лапах чудовищ, спасла и от смерти опустошения, менее, пожалуй, драматичной, но не менее неизбежной. Я обнаружил, что живу лишь ради тех мгновений, когда эта большая кошка шагает рядом со мной, когда она, это живое существо, слушает произносимые мною слова, которые мне все труднее становилось подбирать, вдобавок ко всему Гвенвивар стала моим календарем, так как я знал, что она может появляться из Астрального уровня только раз в двое суток и всего на полдня.

Только после того, как окончились мои тяжкие испытания, я осознал, насколько важной была та четверть моей жизни. Не будь Гвенвивар, я не нашел бы в себе решимости продолжать существование. Я никогда не обрел бы силы, чтобы выжить.

Даже когда Гвенвивар стояла рядом со мной, я чувствовал все более захватывающее меня двойственное отношение к схватке. Я втайне надеялся, что какой-нибудь обитатель Подземья окажется сильнее меня. Может ли боль, принесенная зубами или когтями, быть сильнее, чем опустошенность и тишина?

Думаю, что нет.

Дружба... У многочисленных рас и культурных сообществ королевств как Подземья, так и земной поверхности это слово означает совершенно различные вещи. В Мензоберранзане дружба в основном зарождается из обоюдной выгоды. Пока обе стороны выигрывают от союза, он нерушим. Но преданность не является нормой жизни дроу, и как только один из друзей посчитает, что добьется больше без другого, с этим союзом, равно как и с жизнью этого другого, будет тут же покончено.

В моей жизни у меня было мало друзей, и проживи я тысячу лет, подозреваю, что мое утверждение останется справедливым. Но причин сокрушаться по этому поводу у меня нет, поскольку те, кто называли меня своим другом, были достойными личностями; они обогатили мое существование, придав ему смысл...

Прежде всего это Закнафейн – мой отец и наставник, который дал мне понять, что я не одинок и что поступаю верно, отстаивая собственные принципы. Закнафейн спас меня как от острия меча, так и от безумной, жестокой фанатичной религии, которая висит проклятием над моим народом. Когда же я снова зашел в тупик, в мою

жизнь вошел безрукий глубинный гном, свирф, которого я за много лет до этого спас от неминуемой смерти, от немилосердного клинка моего брата Дайнина.

Мой поступок был оплачен сторицей: когда этот свирф и я встретились вновь, причем на сей раз я находился в плену у его соплеменников, мне неминуемо грозила смертная казнь (хотя я сам хотел умереть), если бы не Белвар Диссенгальп. Мое пребывание в Блингденстоуне, городе глубинных гномов, было относительно непродолжительным. Но я отлично помню город Белвара и его народ, и эти воспоминания умрут вместе со мной. У гномов я впервые познакомился с обществом, сила которого была в единении, а не в безумном эгоизме и индивидуализме. Глубинные гномы сообща противостояли опасностям Подземья, сообща трудились в бесконечных горных разработках и сообща веселились, а веселье было неотъемлемой частью их насыщенной жизни.

Нет большего удовольствия, чем удовольствие, разделенное с другими.

Жить или выживать? До моего второго срока пребывания в дебрях Подземья, после Блингденстоуна, я вообще не понимал важности этого простого вопроса.

Когда я оставил Мензоберранзан, то думал, что выжить вполне достаточно; я верил, что смогу быть в согласии с самим собой, со своими принципами и буду удовлетворен тем, что сделал единственный приемлемый для меня выбор.

Альтернативой была мрачная реальность Мензоберранзана и подчинение тому безнравственному образу жизни, который вел мой народ. Если это называлось жизнью, то простое выживание казалось мне гораздо предпочтительнее.

И все же это «простое выживание» чуть не убило меня. Хуже того, оно чуть было не отняло у меня все, что было мне дорого.

Свирфы города Блингденстоуна показали мне иной образ жизни. Общество глубинных гномов, построенное и воспитанное на демократических ценностях и единстве, оказалось как раз таким, каким я всегда надеялся видеть свой Мензоберранзан. Свирфы не просто существовали, они жили, смеялись, работали. Все, что они добывали, делилось на всех, как и боль потерь, от которых они неизбежно страдали во враждебном подземном мире.

Радость умножается, когда ее разделяют с друзьями, но горе от этого уменьшается. Такова жизнь.

Поэтому, когда я покинул Блингденстоун и вернулся в пустынные пещеры необитаемого Подземья, меня переполняла надежда. Рядом со мной шел мой новый друг Белвар, а в моем кармане лежала магическая фигурка, вызывавшая Гвенвивар, моего испытанного товарища. За короткое время пребывания среди глубинных гномов я увидел жизнь, какой по моим представлениям, она и должна быть, и я не мог вернуться в состояние примитивного выживания.

Имея рядом друзей, я смел надеяться, что мне не придется этого делать.

Много раз в своей жизни я ощущал себя беспомощным. Это, пожалуй, самая острая боль, которую может познать любой, застигнутый отчаянием и безудержной яростью. Клинок, задевший руку воина в бою, не приносит и доли тех страданий, какие испытывает пленник при щелканье бича. Даже если бич пощадит тело, шрам в душе останется все равно.

Все мы в тот или иной период нашей жизни являемся пленниками, заложниками самих себя или ожиданий тех, кто в нас поверил. Это бремя, которое несут все люди, которое не принимается ими во внимание и которого лишь немногим удалось избежать. Я считаю себя счастливым в этом отношении, поскольку моя жизнь проходила, в известной степени, по прямо бегущей тропе совершенствования.

Начавшись в Мензоберранзане под неослабным вниманием свирепых верховных жриц Паучьей Королевы, моя карьера, как я полагаю, могла бы лишь измениться к лучшему.

В годы упрямой юности я верил, что могу оставаться в одиночестве, поскольку был достаточно сильным, чтобы одолеть своих врагов мечом и принципами. Моя заносчивая самонадеянность убедила меня в том, что истовой решительностью я могу одолеть саму беспомощность. Это был упрямый и глупый юнец, должен признаться, поскольку теперь, оглядываясь на те годы, я ясно вижу, что редко был одинок и редко обстоятельства вынуждали меня быть в одиночестве.

Всегда рядом были друзья – настоящие и преданные, дававшие мне поддержку, даже когда я считал, что не желаю ее, и даже когда я не понимал, что они оказывают ее.

Закнафейн, Белвар, Щелкунчик, Монши, Бренор, Реджис, Кэтти-бри, Вульфгар и, конечно же, Гвенвивар, ненаглядная моя Гвенвивар. Это были соратники, которые разделяли мои принципы, которые давали мне силу сражаться против любого врага настоящего или воображаемого. Это были соратники, и вместе мы одолевали беспомощность, ярость и отчаяние.

Это были друзья, которые подарили мне мою жизнь.

Дух. Он не может быть сломлен, он не может исчезнуть бесследно. Жертва в муках отчаяния способна поверить в обратное; ее мучитель тоже желал бы верить в это. На самом деле дух не вытравить; порой он запятан глубоко, но дух всегда остается.

Это заблуждение самонадеянности Зин-карлы и уязвимое место подобных существ. Жрицы, которых мне приходилось знать, утверждали, что дух-двойник величайший подарок Паучьей Королевы, повелевающей дроу. Я так не считаю.

Правильнее назвать Зин-карлу величайшим мошенничеством богини Ллос.

Жизненная сила тела не может быть отделена от рассудка и от сердечных переживаний. Они суть одно, некая слиянность единой сущности. Именно в гармонии этих трех начал – тела, разума и сердца – мы обретаем то, что зовется духом.

Сколько было тиранов, пытавшихся сломить его! Сколько правителей жаждало обуздать своих подданных, низведя их до уровня простых, безмозглых орудий выгоды и наживы! Они крадут любовь, они крадут веру своего народа, они хотели бы украсть дух.

В конечном итоге они, безусловно, терпят крах. Я должен верить в это. Если пламя свечи, что зовется духом, погашено, существует только смерть, и тирану нечем поживиться, в царстве, усеянном трупами.

Но пламя духа - вещь текучая, порывистая и неукротимая. Дух жертвы иногда оказывается более живучим, чем его гонитель.

Где же тогда был Закнафейн – мой отец, – когда отправился в путь, чтобы убить меня? Где был я сам в годы одиночества в дебрях, когда охотник, которым я стал, ослеплял мое сердце и часто, вопреки велениям моего рассудка, направлял мою руку, вооруженную саблей?

Я пришел к мысли, что мы – и я, и мой отец – никуда не девались, наша подлинная сущность иногда бывала неразличима, но никогда не исчезала бесследно.

Дух. В любом языке, во всех Королевствах, на поверхности и в Подземье, в любое время и в любом месте это слово несет отзвук, силы и решимости. Это сила героя, жизнерадостность матери и доспехи бедняка. Это не может быть сломлено, это не может быть отнято.

Я должен верить в это.

Скиталец

Оно сжигало мои глаза и причиняло боль каждой клетке моего тела. Оно уничтожило мой пивафви и мои сапоги, лишило магической силы доспехи и ослабило мощь верных сабель. И все-таки каждый день я непременно приходил туда, садился на выступ скалы, как на скамью подсудимых, и ждал восхода солнца.

Каждый раз оно действовало на меня странным образом. Несмотря на острую боль в глазах, я не мог не восхищаться красотой этого зрелища. Краски мира перед самым появлением солнца захватывали мою душу. Подобного чувства не вызывали у меня никакие тепловые узоры Подземья. Сначала я думал, что эта восторженность порождена необычностью картины, но даже сейчас, много лет спустя, мое сердце вздрагивает с первым проблеском, возвещающим приход зари.

Теперь я понимаю, что наблюдение за солнцем, мое ежедневное наказание, было больше чем простым желанием привыкнуть к образу жизни на поверхности.

Солнце стало символом различия между Подземьем и моим новым домом. Общество, из которого мне пришлось бежать, мир тайных сделок и предательских заговоров, не могло бы существовать на открытых, пространствах при свете дня.

Вопреки всем причиненным мне физическим страданиям, солнце стало символом моего отречения от другого, темного мира. Кучи этого разоблачительного света укрепили мои убеждения в той же мере, в какой ослабили действие волшебных предметов, сделанных дроу.

При свете солнца пивафви – защитный плащ, обманывающий пытливые глаза, одежда воров и убийц, – стал всего лишь жалкими бесполезными лохмотьями.

Есть ли во всем этом мире что-нибудь тяжелее, чем чувство вины? Я часто ощущал на своих плечах этот гнет, тащил его за собой по длинным дорогам скитаний.

Чувство вины напоминает обоюдоострый меч. С одной стороны, оно действует как справедливость, подчиняя принципам морали тех, кто их боится. Чувство вины, порожденное совестью, отличает добрую личность от злобной. Оказавшись в ситуации, сулящей выгоду, почти каждый дроу готов убить другого, будь то его родич или чужак, и уйти прочь, не ощущая никакого эмоционального потрясения.

Убийца дроу может бояться возмездия, но не прольет ни слезинки о своей жертве.

У людей, а также у наземных эльфов и других рас, обладающих совестью, нравственные страдания перевешивают любую внешнюю угрозу. Иной раз кажется, что наличие чувства вины и совести – это главное различие, существующее между разнообразными расами Королевств. С этой точки зрения, чувство вины может рассматриваться как положительная сила.

Но существует и другая сторона этого тяжелого чувства. Совесть не всегда подвластна голосу разума. Чувство вины – это бремя, всегда накладываемое личностью на саму себя, но не всегда справедливое. Так было со мной на моем долгом пути из Мензоберранзана в Долину Ледяного Ветра. Я покинул Мензоберранзан, чувствуя вину за Закнафейна, моего отца, принесенного в жертву в моих интересах. Я принес в Блингденстоун вину за Белвара Диссенгальпа, свирфа, которого мой брат лишил рук. И по другим дорогам я нес множество других тяжелых грузов: Щелкунчик, убитый чудовищем, охотившимся за мной; гноллы, павшие от моей собственной руки; и – что было самым болезненным – эта простая фермерская семья, убитая баргест-велпом.

Разумом я понимал, что мне не за что винить себя, что я не мог повлиять на события или, как в других случаях, например с гноллами, что я поступил правильно. Но разум – слабая защита против тяжелого ощущения вины.

Со временем, получив поддержку верных друзей, я смог избавиться от многих угрызений совести. Но часть моей тяжелой ноши останется и всегда пребудет со мной. Я принимаю это как неизбежность и знаю, что совесть поможет мне выбрать верный путь в жизни.

Я верю, что это и есть истинная цель совести.

Для представителя любого народа мира нет ничего более священной и ничего более личного, чем представление о боге. Жизнь на родине дала мне мало опыта и

знаний об этих сверхсуществах, не зависящих от отвратительной богини дреу, Паучьей Королевы Ллос.

Став свидетелем кровавых деяний во имя Ллос, я не мог безрассудно принять идею какого бы то ни было бога-существа, которое предписывало бы правила поведения и нормы жизни целого общества. Разве не мораль определяет поступки? А если это так, то можно ли навязать или внушить ее принципы?

Кроме того, возникает вопрос и о самих богах: существуют ли они в действительности или они всегда лишь проявление всеобщей веры? Потому ли темные эльфы так жестоки, что они следуют предписаниям Паучьей Королевы, или, быть может, сама Ллос является кульминацией природного зла дреу?

Точно так же, как встает вопрос: когда варвары из Долины Ледяного Ветра несутся по тундре в бой, выкрикивая имя Темпуса, Властелина Битв, они следуют указаниям Темпуса или Темпус – это возведенное в идеал имя, которым они обозначают свои собственные действия?

Я не могу ответить на подобные вопросы и не думаю, чтобы кто-нибудь другой на них ответил, как бы громко этот другой (в особенности жрецы некоторых богов) ни доказывал свою точку зрения. В конце концов, к крайнему огорчению проповедников, выбор бога-это личное дело каждого, и каждый поступает в соответствии со своими внутренними законами морали. Проповедник может хитрить и принуждать других выполнять предписанные обязательства, но ни одно разумное существо не станет искренне следовать навязанным приказам придуманного бога, если эти приказы идут вразрез с его собственными принципами. Ни сам я, Дзирт До'Урден, ни мой отец, Закнафейн, никогда не были послушными исполнителями воли Паучьей Королевы. Да и Вульфгар из Долины Ледяного Ветра, друг, который появился у меня в более поздние годы, может сколько угодно выкрикивать имя своего бога войны, но это сверхсущество по имени Темпус не вызывает у него особого благоговения, кроме тех случаев, когда ему приходится браться за свой тяжелый боевой молот.

Боги Королевств многочисленны и многолики, а может быть, это просто разные имена и образы, обозначающие одно и то же существо.

Я не знаю, да и не хочу знать какое.

Теперь я понимаю, что мой долгий путь-это поиски истины, истины в моем собственном сердце, в мире, окружающем меня, и, главное, в определении цели моего существования. Что же есть добро, а что – зло?

В моих скитаниях я твердо придерживался своих внутренних моральных законов, хотя и не знаю, родился ли я с ними, или их внушил мне Закнафейн, или, может быть, я сам создал их, подчиняясь своим ощущениям. Эти законы заставили меня покинуть Мензоберранзан, потому что, хоть я и не знал, какой должна быть истина, я не сомневался в том, что ее невозможно найти во владениях Ллос.

После многих лет, проведенных в Подземье, за пределами Мензоберранзана, и после моих первых ужасных переживаний на поверхности я начал сомневаться в

существовании всеобщей истины, начал думать, что вряд ли и вообще в жизни есть какой-то смысл. В мире дроу единственной целью и смыслом жизни является честолюбие, стремление достичь материальной выгоды, которое неразрывно связано с повышением по рангу. Но это казалось мне маловажным, жалким поводом для существования.

Благодарю тебя, Монтолио Де Бруши, за то, что ты подтвердил мои подозрения. Я понял, что честолюбие тех, кто преследует эгоистические цели, не более чем напрасные хлопоты, ограниченная выгода, за которой следует безусловное и полное поражение. Ибо, без сомнения, во вселенной существует гармония, некий согласованный хор общего благоденствия. Чтобы присоединиться к его песнопению, каждый должен ощутить гармонию внутри себя, должен найти те звуки, которые прозвучат чисто.

Петь еще одна вещь, которую необходимо отметить: злые существа не способны петь.

Как сильно отличалась тропа, по которой я уходил из рощи Монтолио, от той дороги, что привела меня туда! Я снова был один, кроме, конечно, тех моментов, когда на мой призыв являлась Гвенвивар. Однако мое одиночество было только физическим. В душе я хранил имя, ставшее воплощением тех принципов, которыми я так дорожил. Монши называл Миликки богиней, а для меня она стала образом жизни.

Она всегда шла рядом, со мной, когда я шагал по дорогам поверхности. Она обеспечила мне безопасность и помогла прогнать отчаяние, когда дворфы из Цитадели Адбар, крепости к юго-востоку от рощи Монши, травили меня и охотились за мной. Миликки и моя вера в собственное достоинство придавали мне смелости появляться в разных городах по всему северному краю. Меня везде встречали одинаково: люди испытывали потрясение и страх, который быстро превращался в гнев. Самые достойные из тех, кто мне встречался, просто велели мне убраться восвояси; другие прогоняли меня, обнажив оружие. Два раза мне пришлось сражаться, хотя я сумел исчезнуть, не причинив никому существенного вреда.

Но мелкие шрамы и царапины оказались невысокой ценой. Монши просил меня не жить так, как жил он, и советы старого следопыта, как всегда, оказались верны.

Из моих скитаний по северу я кое-что вынес – это была надежда, которую я ни за что не сохранил бы, если бы стал затворником в хвойной роще. Когда на горизонте показывался новый незнакомый город, трепет предчувствия заставлял меня ускорить шаг. Я надеялся в один прекрасный день обрести понимание и найти свой дом.

Это случится внезапно, воображал я. Я подойду к воротам, произнесу обычное приветствие, а затем представлюсь как темный эльф. В моих фантазиях учитывалась та реальность, что при моем приближении ворота не раскроются настежь. Скорее всего меня под стражей введут в город, и начнется период испытаний, подобный тому, который я пережил в Блингденстоуне, городе глубинных гномов. Много

месяцев меня будут подозревать, но в конце концов мои принципы станут ясны и приняты такими, каковы они есть на самом деле; личные качества окажутся важнее цвета кожи и дурной славы моей расы.

В течение многих лет я бесконечное количество раз тешился этой фантазией.

Каждое слово при каждой встрече в моем воображаемом городе превращалось в мольбу против бесконечных отторжений. Этого было бы недостаточно, чтобы справиться с охватывающим меня порой отчаянием, но со мной всегда была Гвенвивар, а теперь рядом оказалась и Миликки.

Долина Ледяного Ветра

Хрустальный осколок

Если бы я мог выбрать, какой будет моя жизнь, это была бы та жизнь, которая есть у меня сейчас, в это время. Я нахожусь в мире, и все же мир вокруг меня бурлит, в нем постоянно присутствует угроза набегов варваров и войн с гоблинами, тундровыми йети и гигантскими полярными червями. Реальность существования в Долине Ледяного Ветра действительно сурова, среда непрощающая, где одна ошибка может стоить вам жизни.

В этом и заключается радость этого места, это самый край катастрофы, и не из-за предательства, какое я познал в своем родном Мензоберранзане. Я могу принять риски Долины Ледяного Ветра; я могу наслаждаться ими и использовать их для поддержания отточенных инстинктов воина. Я могу использовать их, чтобы каждый день напоминать себе о славе и радости жизни. Здесь, в этом месте, где безопасность нельзя принимать как должное, где поворот ветра может навалить снег на голову, где один неверный шаг на лодке может опрокинуть вас в воду, которая за считанные секунды лишит вас дыхания и сделает мышцы бесполезными, или простая оплошность в тундре может привести вас в брюхо свирепого йети.

Когда ты живешь со смертью так близко, ты начинаешь ценить жизнь еще больше.

А когда делишь эту жизнь с такими друзьями, как те, которых я узнал за последние годы, то понимаешь, что такое рай. Никогда не мог я представить, что за годы жизни в Мензоберранзане, или в дебрях Подземья, или даже когда я впервые попал на поверхность, я смогу окружить себя такими друзьями, как эти. Они из разных рас, все трое, и все трое отличаются от моей собственной, и всё же они больше похожи на то, что в моем сердце, чем все, кого я когда-либо знал, кроме, возможно, моего отца Закнафейна и следопыта Монтолио, который обучал меня путям Миликки.

Я встретил много людей здесь, в Десяти Городах, в диких землях Долины Ледяного Ветра, которые принимают меня, несмотря на мое наследие тёмного эльфа, и все же эти трое, больше всех остальных, стали для меня как семья.

Почему именно они? Почему Бренор, Реджис и Кэтти-бри, три друга, которыми я дорожу не меньше, чем Гвенвивар, моим спутником на протяжении всех этих лет?

Все знают об упрямости Бренора - это отличительная черта многих дворфов, но в Бреноре эта черта чиста. Или он хочет, чтобы все так считали. Я знаю лучше. Я знаю другую сторону Бренора, скрытую, мягкую и теплую. Да, у него есть сердце, хотя он изо всех сил старается его спрятать! Да, он прямолинеен, особенно в критике. Он говорит об ошибках без извинений и без осуждения, просто говоря чистую правду и оставляя за обидчиком право исправить или не исправить ситуацию. Бренор никогда не позволяет такту или сочувствию мешать ему говорить миру о том, как он может стать лучше!

Но это только половина истории о дворфе; с другой стороны, он далеко не так прямолинеен. Что касается комплиментов, Бренор не бесчестен, просто он молчалив.

Возможно, именно за это я его и люблю. Я вижу в нем саму Долину Ледяного Ветра, холодную, суровую и неумолимую, но в конечном итоге честную. Он постоянно поддерживает меня в лучшем состоянии, и это помогает мне выжить в этом месте. Есть только одна Долина Ледяного Ветра, и только один Бренор Боевой Молот, и если я когда-либо встречал существо и землю, словно созданных друг для друга...

И наоборот, Реджис стоит (или, правильнее сказать, лежит) как напоминание мне о целях и наградах за хорошо выполненную работу - не то чтобы Реджис был тем, кто эту работу выполняет. Реджис напоминает мне, да и Бренору, я думаю тоже, что в жизни есть нечто большее, чем ответственность, что есть время для личного отдыха и наслаждения наградами, которые приносит хорошая работа и бдительность. Он слишком мягок для тундры, слишком кругл в животе и слишком медлителен на ногах. Его боевые навыки недостаточны, и он не смог бы выследить стадо карibu на свежем снегу. И все же он выживает, даже процветает, здесь, наверху, благодаря уму и поведению, пониманию, лучше чем у Бренора, и даже лучше, чем у меня, как умиротворить и угодить окружающим, как предвидеть, а не просто реагировать на действия других. Реджис знает не только то, что делают люди, он знает, почему они это делают, и эта способность понимать мотивацию позволила ему увидеть дальше цвета моей кожи и репутации моего народа. Если Бренор честен в выражении своих наблюдений, то Реджис честен в следовании курсу своего сердца.

И наконец, есть Кэтти-бри, чудесная и такая полная жизни. Для меня Кэтти-бри - это противоположная сторона одной медали, разные рассуждения, позволяющие прийти к одним и тем же выводам. Мы - родственные души, которые видят и оценивают разные вещи в мире, чтобы прийти к одному и тому же. Возможно, таким образом мы подтверждаем друг друга. Возможно, видя, как Кэтти-бри приходит в то же место, что и я, и зная, что она пришла туда по другой дороге, говорит мне о том, что я действительно следовал за своим сердцем. Так ли это? Доверяю ли я ей больше, чем себе?

Этот вопрос не является ни обвинением моих чувств, ни самообвинением. Мы разделяем убеждения о том, как устроен мир и каким он должен быть. Она сродни моему сердцу, как и Миликки, и если я нашёл свою богиню, честно заглянув в собственное сердце, то я нашёл своего самого дорогого друга и союзника.

Они со мной, все трое, и Гвенвивар, дорогая Гвенвивар, конечно же тоже. Я живу в стране суровой красоты и суровой реальности, в месте, где нужно всегда быть настороже, бдительным и на высоте.

Я называю это раем.

Традиция.

Само звучание этого слова вызывает чувство серьезности и торжественности. Традиция. Сууз'чок на языке дроу, и там тоже, как и на всех языках, которые я слышал, слово слетает с языка с огромной тяжестью и силой.

Традиция. Это корень того, кто мы есть, связь с нашим наследием, напоминание о том, что мы как народ, если не каждый в отдельности, пройдем через века. Для многих людей и многих обществ традиция - это источник структуры и закона, неизменный факт идентичности, который отрицает противоречивые утверждения вне закона или проступки негодяев. Это эхо, звучащее глубоко в наших сердцах, умах и душах, которое напоминает нам о том, кто мы есть, и подкрепляя то, кем мы были. Для многих это даже больше, чем закон; это религия, направляющая вера, которая направляет мораль и общество. Для многих традиция - это сам бог, древние ритуалы и священные тексты, начертанные на нечитаемых пергаментах, пожелтевших от старости или высеченные в вечных камнях.

Для многих традиция - это всё.

Лично я считаю ее обоюдоострым мечом, который может рассечь еще глубже на пути ошибки.

Я видел, как работают традиции в Мензоберранзане, ритуальное жертвоприношение третьего ребенка мужского пола (что почти стало моей собственной судьбой), как работают три школы дроу. Традиция оправдала ухаживания моей сестры за мной на выпускном в Мили-Магтире и отказала мне в каких-либо претензиях к этой жалкой церемонии. Традиция удерживает власть над верховными матерями, ограничивая восхождение любых мужчин. Даже жестокие войны Мензоберранзана, дом против дома, уходят корнями в традиции, оправдываются тем, что так было всегда.

Подобные неудачи свойственны не только дроу. Часто я сижу на северной стороне Пирамиды Кельвина, глядя на пустую тундру и мерцающие огни костров в огромных лагерях варваров. Там тоже есть народ, полностью поглощенный традициями, народ, цепляющийся за древние кодексы и пути, которые когда-то позволили им выжить как обществу в негостеприимной земле, но которые теперь мешают им не меньше, а то и больше, чем помогают. Варвары Долины Ледяного Ветра следуют за стадом карибу от одного конца долины до другого. В давние времена это был единственный способ выжить здесь, но насколько легче было бы их существование сейчас, если бы они торговали только с жителями Десяти Городов, предлагая шкуры и хорошее мясо в обмен на более прочные материалы, привезенные с юга, чтобы они могли построить себе более постоянные дома?

В давно минувшие дни, до того как цивилизация забралась так далеко на север, варвары отказывались разговаривать или даже принимать кого-либо еще в Долине Ледяного Ветра, а различные племена часто объединялись с единственной целью - изгнать незваных гостей. В те давние времена любые пришлые неизбежно становились конкурентами в борьбе за скудную пищу и другие скудные запасы, поэтому ксенофобия была необходима для выживания.

Жители Десяти Городов, с их передовой техникой рыболовства и богатой торговлей с Лусканом, не соперники варварам - большинство из них, я полагаю, никогда не ели оленину. И все же традиция требует от варваров, чтобы они не дружили с этими людьми, и, более того, часто воевали с ними.

Традиция.

Какую тяжесть несет в себе это слово! Какой силой оно обладает! Как оно укореняется в нас и дает нам надежду на то, что мы есть благодаря тому, кем мы были, но так же оно разрушает и отрицает перемены.

Я никогда не стану притворяться, что понимаю другой народ настолько хорошо, чтобы требовать от него изменить свои традиции, но как глупо, на мой взгляд, упорно и непреклонно придерживаться этих нравов и укладов, не обращая внимания на любые изменения, происходящие в окружающем нас мире.

Ибо мир этот изменчив, он движим прогрессом технологий и магии, подъемом и упадком населения, даже смешением рас, как в сообществах полуэльфов. Мир не статичен, и если корни наших представлений, традиции, остаются статичными, то мы обречены на разрушительную догму, говорю я.

И тогда мы попадаем на темное лезвие этого обоюдоострого меча.

Что видит Вульфгар, когда оглядывает тундру, когда его кристально-голубые глаза смотрят через темную равнину на точки света, обозначающие костры лагеря его народа?

Смотрит ли он на прошлое, возможно, с желанием вернуться в то место с теми же путями? Смотрит ли он на настоящее, сравнивая то, чему он научился со мной и Бренором, с теми суровыми уроками жизни среди его соплеменников-кочевников?

Или Вульфгар видит будущее, потенциал для перемен, для того, чтобы принести новые и лучшие пути своему народу?

Я бы предположил, что понемногу из всех трёх. Я подозреваю, что в Вульфгаре есть беспокойство, огонь, кипящий за этими голубыми глазами. Он сражается с такой страстью! Отчасти это происходит от его воспитания среди свирепых соплеменников, от военных игр варварских мальчишек, часто кровавых, иногда даже смертельных. Отчасти эта страсть к битве проистекает из внутреннего смятения Вульфгара, разочарования, которое он должен испытывать, когда сопоставляет свои уроки, полученные от моих рук и рук Бренора, с теми, что он приобрел за годы жизни среди своего народа.

Люди Вульфгара вторглись в Десять Городов, ворвались с безжалостной яростью, готовые без разбора уничтожить любого, кто встанет на их пути. Как

Вульфгар совместит эту правду с тем, что Бренор Боевой Молот не дал ему умереть на поле боя, что дворф спас его, хотя он и пытался убить Бренора в бою (хотя глупый юноша совершил ошибку, ударив Бренора по голове!)? Как Вульфгар совместит любовь, которую проявил к нему Бренор, с его прежними представлениями о дворфах как о ненавистных, безжалостных врагах? Ведь именно так варвары из Долины Ледяного Ветра наверняка воспринимают дворфов - ложь, которую они увековечивают между собой, чтобы оправдать свои убийственные набеги. Это не так уж отличается от лжи, которую дроу говорят себе, чтобы оправдать свою ненависть ко всем, кто не является дроу.

Но теперь Вульфгар столкнулся с правдой о Бреноре и дворфах. Безвозвратно. Он должен сопоставить это личное откровение со всеми "истинами", на изучение которых он потратил годы своего детства. Он должен признать, что то, что говорили ему родители и все старейшины племени, было ложью. Из личного опыта я знаю, что примириться с этим нелегко. Ведь это значит признать, что большая часть твоей собственной жизни была не более чем ложью, что большая часть того, что делает тебя тем, кто ты есть, ошибочна. Я рано осознал пороки Мензоберранзана, потому что его учения противоречили логике и шли вразрез с тем, что было в моем сердце. И хотя эти ошибки были до боли очевидны, те первые шаги, которые вывели меня за пределы моей родины, были нелегкими.

Ошибки варваров из Долины Ледяного Ветра меркнут по сравнению с ошибками дроу, и поэтому шаги, которые Вульфгар должен эмоционально сделать вдали от своего народа, я боюсь, будут еще более трудными. В путях варваров гораздо больше правды, больше оправдания их действиям, какими бы воинственными они ни были, но на сильные, но болезненно молодые плечи Вульфгара ложится обязанность отличить пути своего народа от путей его новых друзей, принять сострадание и одобрение поверх прочных стен предрассудков, в которых прошла вся его юность.

Я не завидую его задачам, стоящим перед ним, растерянности, разочарованию.

Хорошо, что он сражается каждый день - я только молюсь, чтобы в слепом припадке, разыгрывая это разочарование, мой товарищ по спаррингу не снёс голову с моих плеч.

Серебряные потоки

Я молюсь о том, чтобы из мира никогда не исчезли драконы. Я говорю это со всей искренностью, хотя и сыграл свою роль в гибели одного великого змея. Ибо дракон - это квинтэссенция врага, величайший враг, непобедимое воплощение разрушения. Дракон, превыше всех других существ, даже демонов и дьяволов, вызывает образы мрачного величия, величайшего зверя, свернувшегося калачиком на величайшем кладе сокровищ. Они - высшее испытание для героя и высший страх для ребенка. Они старше эльфов и более сродни земле, чем дворфы. Великие

драконы - это сверхъестественный зверь, основной элемент зверя, та самая темная часть нашего воображения.

Волшебники не могут рассказать об их происхождении, хотя верят, что великий волшебник, бог волшебников, должен был сыграть какую-то роль в первом порождении зверя. У эльфов с их длинными преданиями, объясняющими создание каждого аспекта мира, есть много древних историй о происхождении драконов, но они признаются в частном порядке, что на самом деле понятия не имеют, как драконы появились на свет.

Моя собственная вера более проста и в то же время более сложна. Я считаю, что драконы появились в мире сразу после зарождения первой разумной расы. Я не приписываю их создание какому-либо богу волшебников, но, скорее, самой простой фантазии, порожденной невиданными страхами тех первых разумных смертных.

Мы создаем драконов, как и богов, потому что они нам нужны, потому что где-то в глубине души мы понимаем, что мир без них - это мир, в котором не стоит жить.

На земле так много людей, которые хотят получить ответ, окончательный ответ на всё в жизни и даже на всё после жизни. Они изучают и проверяют, и поскольку те немногие находят ответы на некоторые простые вопросы, они полагают, что ответы есть на все вопросы. Каким был мир до появления людей? Была ли тьма до появления солнца и звезд? Было ли вообще что-нибудь? Кем были мы, каждый из нас, до своего рождения? И кем, что важнее всего, мы будем после смерти?

Из сострадания я надеюсь, что эти вопрошающие никогда не найдут того, что ищут.

Один самопровозглашённый пророк выступил в Десяти Городах, отрицая возможность загробной жизни, утверждая, что те люди, которые умерли и были воскрешены священниками, на самом деле никогда не умирали, и что их заявления о переживаниях за пределами могилы были искусным трюком, разыгранным их собственными сердцами, уловкой, чтобы облегчить путь в небытие. Ибо это все, что есть, сказал он, - пустота, небытие.

Никогда в жизни я не слышал, чтобы человек так отчаянно умолял кого-то доказать, что он не прав.

Ведь с чем мы останемся, если не останется никакой тайны? Какую надежду мы можем обрести, если знаем все ответы?

Что же тогда внутри нас так отчаянно хочет отрицать магию и разгадать тайну? Я полагаю страх, основанный на многочисленных неопределенностях жизни и величайшей неопределенности смерти. Отбросьте эти страхи, говорю я, и живите свободно от них, ибо если мы просто отступим назад и посмотрим на правду мира, то обнаружим, что вокруг нас действительно существует магия, необъяснимая цифрами и формулами. Что такое страсть, которую вызывает волнующая речь полководца перед отчаянной битвой, если не магия? Что такое покой, который может познать младенец на руках у матери, если не магия? Что такое любовь, если не магия?

Нет, я не хотел бы жить в мире без драконов, как не хотел бы жить в мире без магии, ибо это мир без тайны, а это мир без веры.

И это, боюсь, для любого разумного, сознательного существа было бы самой жестокой уловкой из всех.

Он хочет вернуться домой. Он хочет найти мир, который когда-то знал. Я не знаю, что движет Бренором - обещание богатства или простота. Он хочет найти Мифрил Халл, очистить его от всех чудовищ, которые теперь населяют это место и вернуть его клану Боевого Молота.

На первый взгляд это желание кажется разумным и даже благородным. Все мы ищем приключений, а для тех, чьи семьи живут в благородных традициях, желание отомстить за обиду и восстановить имя и положение семьи нельзя недооценивать.

Наш путь в Мифрил Халл, скорее всего, не будет легким. Между Долиной Ледяного Ветра и регионом к востоку от Лускана лежит множество опасных, нецивилизованных земель, и, конечно, этот путь обещает стать еще более мрачным, если мы найдем вход в затерянные дворфские шахты. Но меня окружают умелые и сильные друзья, и поэтому я не боюсь никаких чудовищ - по крайней мере тех, с которыми мы можем сразиться мечом. Нет, мой единственный страх, связанный с нашим путешествием - это страх за Бренора Боевого Молота. Он хочет вернуться домой, и на то есть много веских причин. Остается одна веская причина, почему он не должен этого делать, и если источником его желания является ностальгия, то, боюсь, его ждет горькое разочарование.

Ностальгия - это, возможно, самая большая ложь, которую мы все себе говорим. Это наведение лоска на прошлое, чтобы соответствовать чувствам настоящего. Для некоторых это приносит определенный комфорт, ощущение себя и источника, но другие, я боюсь, заходят слишком далеко в этих измененных воспоминаниях и из-за этого парализуют себя по отношению к реальности.

Интересно, сколько людей тоскует по "прошлому, более простому и лучшему миру", никогда не признавая истину, что, возможно, это они были проще и лучше, а не мир вокруг них?

Как эльф дроу, я рассчитываю прожить несколько столетий, но те первые несколько десятилетий жизни дроу, да и поверхностного эльфа, не так уж сильно отличаются в плане эмоционального развития от человеческих, полуросликовых или дворфских. Я тоже помню идеализм и энергию моей юности, когда мир казался мне простым местом, когда добро и зло были ясно написаны на тропе перед каждым моим шагом. Возможно, в каком-то странном смысле, благодаря тому, что мои ранние годы были так полны ужасных переживаний, были так полны среды и опыта, которые я просто не мог вынести, мне сейчас лучше. Ведь в отличие от многих из тех, кого я встречал на поверхности, мое существование неуклонно улучшалось.

Способствовало ли это моему оптимизму, как в отношении моего собственного существования, так и в отношении всего окружающего мира?

Так много людей, особенно тех, кто перешагнул середину ожидаемой жизни, продолжают оглядываться назад в поисках своего рая, продолжают утверждать, что мир был намного лучше, когда они были молоды.

Я не могу в это поверить. Возможно, есть конкретные случаи, когда это действительно так - король-тиран сменяет сострадательного правителя, чума

охватывает землю после эпохи здоровья, - но я верю, я должен верить, что люди в мире совершенствуются, что естественная эволюция цивилизаций, хотя и не обязательно прямолинейная, движется к улучшению мира. Ибо каждый раз, когда находится лучший путь, люди естественным образом тяготеют к нему, а неудачные эксперименты оставляют. Я слушал, как Вульфгар рассказывает об истории своего народа, например, о варварских племенах Долины Ледяного Ветра, и меня поражает и ужасает жестокость их прошлого, постоянные войны племени с племенем, массовые изнасилования захваченных женщин и пытки пленных мужчин. Племена Долины Ледяного Ветра, несомненно, по-прежнему жестоки, но, если верить устным преданиям, не сравнялись со своими предшественниками. Для меня это вполне логично, и поэтому я надеюсь, что тенденция сохранится. Возможно, однажды появится великий варварский вождь, который действительно найдет любовь к женщине, найдёт жену, которая вызовет у него уважение, практически неизвестное среди варваров. Поднимет ли этот вождь статус женщины в племени?

Если это произойдет, варварские племена Долины Ледяного Ветра обнаружат в половине своего населения силу, которую они просто не понимают. Если это произойдет, если женщины варваров обретут более высокий статус, то соплеменники никогда, никогда не заставят их вернуться к их нынешней роли, которую можно описать только как рабство.

И все они, мужчины и женщины, станут лучше от этих перемен.

Потому что для того, чтобы изменения среди разумных существ были продолжительными, эти изменения должны быть к лучшему. И так цивилизации, народы развиваются к лучшему пониманию и лучшему месту.

Для матерей Мензоберранзана, как для многих поколений семей тиранов, так и для многих богатых землевладельцев, перемены могут рассматриваться как определенная угроза их властной базе, и поэтому их сопротивление им кажется логичным, даже ожидаемым. Как же найти объяснение тому, что так много людей, даже живущих в нищете, как их родители и родители их родителей, и так из поколения в поколение, относятся к любым переменам с одинаковым страхом и отвращением? Почему бы самому низшему крестьянину не желать развития цивилизации, если это развитие может привести к лучшей жизни для его детей?

Казалось бы, это логично, но я убедился, что это не так: для многих, если не для большинства недолговечных людей, проживших свои самые крепкие и здоровые годы, оставивших позади свои лучшие дни, принятие любых перемен кажется нелегким делом. Нет, многие из них тоскуют по прошлому, по тому времени, когда мир был "проще и лучше". Они жалеют о переменах на личном уровне, как будто любые улучшения, которые могут сделать те, кто идет позади них, прольют яркий и обличительный свет на их собственные недостатки.

Возможно, так оно и есть. Возможно, это один из наших самых основных страхов, порожденный глупой гордостью, что наши дети будут знать больше, чем мы. В то же время, когда так много людей превозносят достоинства своих детей, нет ли в них глубокого страха, что эти дети увидят ошибки своих родителей?

У меня нет ответов на этот кажущийся парадокс, но ради Бренора я молюсь, чтобы он искал Мифрил Халл по правильным причинам, ради приключений и

испытаний, ради своего наследия и восстановления фамилии, а не из-за желания сделать мир таким, каким он был раньше.

Я считаю, что ностальгия - это необходимая вещь и способ для каждого из нас найти покой в том, чего мы достигли или даже не смогли достичь. В то же время, если ностальгия побуждает к действиям, направленным на возвращение в то сказочное, окрашенное в радужные тона время, особенно тех, кто считает свою жизнь неудачной, то это пустая затея, обреченная породить лишь разочарование и еще большее чувство неудачи.

Еще хуже, если ностальгия ставит преграды на пути эволюции, тогда это действительно ограничивающая вещь.

В своих путешествиях по поверхности я однажды встретил человека, который носил свои религиозные убеждения как почетный знак на рукавах своей туники. «Я - последователь Гонда!» - с гордостью сказал он мне, когда мы сидели рядом в баре таверны, я потягивал вино, а он, боюсь, немного переборщил с более крепким напитком. Он продолжил объяснять предпосылки своей религии, саму причину своего существования, что все вещи основаны на науке, механике и открытиях. Он даже спросил, может ли он взять кусочек моей плоти, чтобы изучить ее и определить, почему кожа эльфа дроу черная. «Какого элемента не хватает, - спрашивал он, - что отличает вашу расу от ваших сородичей с поверхности?»

Я думаю, что последователь Гонда искренне верил в свое утверждение, что если он сможет просто найти различные элементы, из которых состоит кожа дроу, то сможет изменить пигментацию, чтобы темные эльфы стали более похожими на своих сородичей с поверхности, и, учитывая его преданность, почти фанатизм, мне показалось, что он чувствовал, что сможет изменить не только внешность.

Потому что в его представлении, все вещи можно объяснить и исправить.

Как я мог хотя бы начать объяснять ему всю сложность происходящего? Как я мог показать ему различия между дроу и поверхностным эльфом в самом взгляде на мир, возникшем в результате многовекового хождения по разным дорогам?

Для фанатика Гонда все можно разложить, разобрать и собрать обратно. Даже магия волшебника может быть не более чем способом передачи универсальных энергий - и это тоже однажды может быть воспроизведено. Мой спутник обещал мне, что он и его коллеги жрецы-изобретатели однажды воспроизведут каждое заклинание из репертуара любого волшебника, используя природные элементы в нужных комбинациях.

Но не было сказано ни слова о дисциплине, которой должен достичь любой волшебник, совершенствуя свое ремесло. Не упоминалось и о том, что могущественная магия не дается никому, а скорее зарабатывается, день за днем, год за годом, десятилетие за десятилетием. Это стремление длиною в жизнь с постепенным увеличением силы, столь же мистической, сколь и светской.

Так и с воином. Последователь Гонда рассказывал о некоем оружии, называемом аркебузой - трубчатом метательном снаряде, во много раз превосходящем по мощности самый сильный арбалет.

Такое оружие вселяет ужас в сердце настоящего воина, и не потому, что он боится стать его жертвой, и даже не потому, что он боится, что однажды оно заменит его. Такое оружие вызывает ужас, потому что истинный воин понимает: пока человек учится владеть мечом, он также должен учиться тому, зачем и когда его применять. Наделять силой мастера оружия кого угодно, без усилий, без тренировок и доказательств того, что уроки усвоены, значит отрицать ответственность, которая приходит с такой силой.

Конечно, есть волшебники и воины, которые совершенствуют свое ремесло, не научившись той эмоциональной дисциплине, которая должна ему сопутствовать, и, безусловно, есть те, кто достигает большого мастерства в любой профессии в ущерб всему миру - Артемис Энтрери является идеальным примером - но такие люди, к счастью, редки, и в основном потому, что их эмоциональный недостаток обнаруживается в самом начале их карьеры, и это часто приводит к довольно резкому падению. Но если последователь Гонда добьется своего, если его ошибочное представление о рае воплотится в жизнь, то все годы обучения будут мало что значить. Любой дурак может взять в руки аркебузу или другое мощное оружие и уничтожить опытного воина. Или любой ребенок может воспользоваться магической машиной Гонда, воспроизвести огненный шар и сжечь полгорода.

Когда я высказал последователю Гонда некоторые из своих опасений, он, казалось, был шокирован - не разрушительными возможностями, а скорее моим, как он выразился, высокомерием. «Изобретения жрецов Гонда сделают всех равными!» - заявил он. - «Мы возвысим низшего крестьянина».

Едва ли. Все, что сделает последователь Гонда и его приспешники - это обеспечит смерть и разрушение на уровне, доселе неизвестном в Королевствах.

Больше ничего нельзя было сказать, ибо я знал, что этот человек никогда не услышит моих слов. Он считал меня или, если на то пошло, любого, кто достиг уровня мастерства в боевых или магических искусствах, высокомерным, потому что не мог оценить жертвы и самоотверженность, необходимые для таких достижений.

Высокомерный? Если бы так называемый низший крестьянин последователя Гонда пришел ко мне с желанием научиться боевым искусствам, я бы с радостью обучил его. Я бы радовался его успехам так же, как и своим собственным, но я бы требовал, всегда требовал, чтобы он был скромным, предан своему делу и понимал силу, которой я обучаю, понимал потенциал разрушения. Я не стал бы учить никого, кто не продолжал бы проявлять должный уровень сострадания и общности. Чтобы научиться пользоваться мечом, нужно сначала понять, когда им пользоваться.

В линии рассуждений последователя Гонда есть еще одна ошибка, на мой взгляд, чисто эмоциональная. Если машины заменят достижения, то к чему будут стремиться люди? И кто мы, собственно, без таких целей?

Остерегайтесь инженеров общества, говорю я, которые хотят сделать всех в мире равными. Возможности должны быть равными, но достижения должны оставаться индивидуальными.

Драгоценность полурослика

Я умираю.

Каждый день, с каждым вдохом я приближаюсь к концу своей жизни. Ведь мы рождаемся с конечным числом вдохов, и каждый мой вдох приближает солнечный свет, который является моей жизнью, к неизбежному закату.

Об этом трудно помнить, особенно пока мы здоровы и сильны в молодости, но я понял, что это важно помнить - не для того, чтобы жаловаться или впадать в меланхолию, а просто потому, что только при честном осознании того, что однажды я умру, я могу начать жить по-настоящему. Конечно, я не заикливаюсь на реальности собственной смертности, но я верю, что человек не может не заикливаться, хотя бы подсознательно, на этом самом внушительном призраке до тех пор, пока он не поймет, по-настоящему не поймет и не оценит, что однажды он умрет. Что однажды он уйдет из этого места, из этой жизни, из этого сознания и существования, в то, что его ждет. Ибо только когда человек полностью и честно принимает неизбежность смерти, он освобождается от страха перед ней.

Так много людей, кажется, вязнут в одной и той же рутине, выполняя каждый день ритуалы с почти религиозной точностью. Они становятся существами простой привычки. Отчасти это комфорт, который дает привычка, но есть и другой аспект - глубоко укоренившаяся вера в то, что пока они все делают одинаково, все будет оставаться неизменным. Такие ритуалы - это способ контролировать окружающий мир, но на самом деле они не могут этого делать. Ведь даже если они будут следовать точному распорядку день за днем, смерть обязательно найдет их.

Я видел, как другие люди парализуют все свое существование вокруг этой величайшей из тайн, формируя каждое свое движение, каждое слово в отчаянной попытке найти ответы на вопросы, на которые невозможно ответить. Они обманывают себя, либо через свои интерпретации древних текстов, либо через какие-то непонятные знаки природных явлений, полагая, что нашли окончательную истину, и поэтому, если они будут вести себя соответственно этой истине, то непременно будут вознаграждены в загробной жизни. Наверное, это самое большое проявление страха смерти, ошибочной веры в то, что мы можем каким-то образом формировать и украшать саму вечность, что мы можем занавешивать ее окна и расставлять мебель в соответствии с нашими собственными отчаянными желаниями. По дороге, которая привела меня в Долину Ледяного Ветра, я встретил группу последователей Ильматера, бога страданий, которые были настолько фанатичны в своих убеждениях, что избивали друг друга до потери сознания и приветствовали мучения, даже саму смерть, в какой-то глупой уверенности, что таким образом они воздадут наивысшую дань своему богу.

Я считаю, что они ошибаются, хотя, по правде говоря, я не могу знать ничего наверняка о том, какая тайна лежит за пределами этого смертного круга. И поэтому я тоже всего лишь существо веры и надежды. Я надеюсь, что Закнафейн обрел

вечный мир и радость, и молюсь всем сердцем, чтобы, когда я переступлю порог в следующее существование, я снова увидел его.

Возможно, самое большое зло, которое я вижу в этом существовании - это когда якобы святые люди пользуются базовыми страхами простых людей перед смертью, чтобы отнять у них деньги. «Подайте в церковь!» - кричат они. - «Только тогда вы обретёте спасение!». Еще более изощренными являются многочисленные религии, которые не просят напрямую монету у человека, но настаивают на том, чтобы любой человек с добрым и благочестивым сердцем, предназначенный для их конкретного описания рая, охотно отдал бы эту монету.

И конечно, Торил изобилует "судьбоносцами", людьми, утверждающими, что конец света близок, и взывающими к покаянию и почти рабской преданности.

Я могу лишь смотреть на все это и вздыхать, ибо как смерть - величайшая тайна, так и она - самое личное откровение. Мы не будем знать, никто из нас, пока она не настигнет нас, и мы не сможем искренне и с чистой совестью убедить другого в своей вере.

Это путь, который мы проходим в одиночку, но путь, которого я больше не боюсь, потому что, приняв неизбежное, я освободился от него. Признав свою смертность, я нашел секрет, как наслаждаться теми столетиями, годами, месяцами, днями и даже часами, которые мне остались. Это то существование, которое я могу контролировать, и разбрасываться драгоценными часами из-за страха перед неизбежным - большая глупость. И подсознательно считать себя бессмертным и не ценить те драгоценные несколько часов, которые есть у каждого из нас, не менее глупо.

Я не могу контролировать правду о смерти, каким бы отчаянным я ни был. Я могу лишь сделать так, чтобы те мгновения жизни, которые у меня остались, были настолько насыщенными, насколько это возможно.

Мир полон негодяев. Мир полон людей с хорошим характером. Я считаю, что оба эти утверждения верны, потому что в большинстве людей, которых я знал, лежат начальные точки обоих, казалось бы, несхожих путей.

Конечно, некоторые люди слишком робки, чтобы стать грубиянами, а другие слишком добры, и точно так же некоторые люди слишком вспыльчивы, чтобы когда-либо проявить свои хорошие качества. Но эмоциональный состав большинства людей лежит где-то посередине, это оттенок серого, который легко затемнить или осветлить простым взаимодействием. Раса, конечно, может изменить оттенок - как хорошо я в этом убедился, когда моя дорога привела меня на поверхность! Эльф может заметно вздрогнуть при приближении дворфа, а дворф может сделать то же самое, или даже плюнуть на землю, если ситуация обратная.

Эти первые впечатления иногда трудно преодолеть, а иногда они становятся долговременными, но помимо расы, внешности и других вещей, которые мы не можем контролировать, я узнал, что есть определенные решения, которые я могу принять относительно того, к какой реакции я склоню другого человека.

Ключом ко всему этому, я считаю, является уважение.

Когда я был в Лускане с Вульфгаром, мы проходили через таверну, полную грубиянов, людей, которые почти ежедневно пускали в ход кулаки и оружие. Однако другой мой друг, капитан "Морской Феи" Дюдермонт, часто посещает такие таверны и редко, очень редко вступает в словесные перепалки. Почему так? Почему такой человек, как Дюдермонт, явно (об этом говорит его одежда и манеры) состоятельный и приличный человек, не ввязывается в драки так же регулярно, как другие? Он часто заходит один и тихо стоит у барной стойки, но, хотя он почти не произносит ни слова, он, несомненно, выделяется среди обычных завсегдатаев.

Может, это страх удерживает хулиганов от этого человека? Боятся ли они, что, связавшись с Дюдермонтом, найдут возмездие в руках его команды? Или Дюдермонт просто принес с собой такую репутацию свирепого человека, которая отпугнет любого потенциального соперника?

Ни то, ни другое. Конечно, капитан "Морской Феи", должно быть, прекрасный воин, но это не отпугивает головорезов из таверн; более того, самая лучшая боевая репутация только привлекает вызовы среди этих людей. И хотя по всем признакам команда у Дюдермонта грозная, в сточных канавах Лускана были найдены мертвыми люди более влиятельные, чем он.

Нет, капитану Дюдермонту помогает его способность проявлять уважение к каждому встречному. Он - человек обаятельный, хорошо владеющий своей личной гордостью. Он выказывает уважение в самом начале встречи и сохраняет его до тех пор, пока человек не потеряет его. Это очень отличается от того, как большинство людей смотрит на мир. Большинство людей настаивают на том, что уважение нужно заслужить, а для многих, как я убедился, заслужить его - задача не из легких! Многие, и я включаю в эту группу Бренора и Вульфгара, требуют, чтобы каждый, кто желает их дружбы, сначала заслужил их уважение, и я могу понять их точку зрения, и когда-то считал, что придерживаюсь похожей.

Во время моего путешествия на юг на "Морской Фее" капитан Дюдермонт научил меня лучшему, заставил меня понять, не произнося ни слова на эту тему, что требование от другого, чтобы он заслужил ваше уважение, само по себе является актом высокомерия, способом самовозвышения, подразумевающим по своей природе, что ваше уважение стоит заслужить.

Дюдермонт использует противоположный подход, подход принятия и отсутствия первоначального суждения. Это может показаться тонкой альтернативой, но это, безусловно, не так. Я бы сказал, что этого человека помазали в короли, ибо он познал секрет мира. Когда капитан Дюдермонт, одетый в свои одежды, входит в таверну, где собрались обычные крестьянские головорезы, большинство в этом заведении, да и в обществе в целом, считают его выше себя. И все же в его общении с этими людьми не чувствуется никакого превосходства. В его глазах и в его сердце он находится среди равных, среди других разумных существ, чьи пути привели их к другому - не лучше и не хуже - месту, чем его собственное. И когда Дюдермонт оказывает уважение людям, которые и не подумали бы вырезать его сердце, он обезоруживает их, он лишает их всех причин, которые они могли бы найти для борьбы с ним.

Но это еще не все. Капитан Дюдермонт способен на это, потому что он может честно попытаться увидеть мир глазами другого. Он - человек сочувствующий, человек, который наслаждается различиями между людьми, а не боится этих различий.

Как богата его жизнь! Как полна чудес и как богата опытом!

Капитан Дюдермонт научил меня этому на собственном примере. Уважение - одна из самых основных потребностей разумных существ, особенно мужчин. Оскорбление - это именно оскорбление, потому что оно посягает на уважение, на почтение и на самое опасное из качеств - гордость.

Поэтому сейчас, когда я встречаю людей, им не нужно заслуживать мое уважение. Я оказываю его с готовностью и радостью, ожидая, что таким образом я узнаю еще больше об этом прекрасном мире вокруг меня, что мой опыт расширится.

Конечно, некоторые люди увидят в этом слабость или трусость, неверно истолкуют мои намерения как сублимацию, а не признание равной ценности. Но не страх руководит моими действиями - я видел слишком много битв, чтобы бояться их больше - а надежда.

Надежда на то, что я найду другого Бренора или другую Кэтти-бри, ибо я понял, что у меня никогда не может быть слишком много друзей. Поэтому я предлагаю вам уважение, и вам потребуется много сил, чтобы потерять его. Но если вы это сделаете, если вы решите увидеть в этом слабость и воспользоваться своим мнимым преимуществом, что ж...

Возможно тогда я позволю вам поговорить с Гвенвивар.

Это все равно что смотреть в зеркало, которое окрашивает мир в противоположные цвета: белые волосы в черные, черную кожу в белую, светлые глаза в темные. Какое это замысловатое зеркало - заменить улыбку на хмурое выражение лица, а выражение дружелюбия на, казалось бы, вечную угрюмость.

Именно так я воспринимаю Артемиса Энтрери, этого воина, который может дополнить любое мое движение с такой же точностью и грацией, воина, которого во всех отношениях, кроме одного, я считаю равным себе.

Как тяжело мне было стоять с ним в глубинах Мифрил Халла, сражаясь бок о бок за наши жизни! Странно, но в этой ситуации меня беспокоил не моральный императив. Это не было убеждением, что Энтрери должен умереть, и что я, не будь я таким трусом, убил бы его там и тогда, даже если бы это действие стоило мне собственной жизни, пока я пытался выбраться из негостеприимных глубин. Нет, ничего подобного.

Мне было так трудно смотреть на этого человека, этого убийцу-человека, и знать, без малейших сомнений, что я, вполне возможно, смотрю на себя.

Вот кем бы я стал, если бы не нашел Закнафейна в те ранние годы в Мензоберранзане? Если бы я не нашел пример того, кто так подтвердил мои собственные убеждения в том, что пути дроу неправильны, морально и

практически? Стал ли бы я тем хладнокровным убийцей, если бы вместо более мягкой Вирны меня обучала моя злобная сестра Бриза?

Я боюсь, что да, что я, несмотря на всё, что я знаю как истину в глубине своего сердца, был бы подавлен ситуацией вокруг меня, поддался бы отчаянию до такой степени, что во мне не осталось бы ничего от сострадания и справедливости. Я бы стал убийцей, твердо придерживаясь собственного этического кодекса, но с таким ужасным искажением этого кодекса, что я больше не мог понять истинность своих действий, что я мог оправдать их с величайшим цинизмом.

Я видел все это, глядя на Энтрери, и глубоко благодарил Миликки за тех, кто был в моей жизни, за Закнафейна, за Белвара Диссенгальпа и за Монтолио, которые помогли мне выбрать правильный курс. И если я увидел в Энтрери потенциал для себя, то я должен признать, что когда-то был потенциал и для Энтрери стать таким, каким стал я, познать сострадание и общину, познать друзей, хороших друзей и познать любовь.

Я часто думаю о нем, как и он, без сомнения, думает обо мне. В то время как его одержимость основана на гордости, на стремлении победить меня в битве, моя одержимость вызвана любопытством, поиском ответов внутри себя, наблюдая за действиями того, кем я мог бы стать.

Ненавижу ли я его?

Странно, но нет. Ненависть эта основана не на уважении, которое я оказываю ему за его боевое мастерство, ибо эта мера уважения заканчивается там, на краю поля боя. Нет, я не ненавижу Артемиса Энтрери, потому что жалею его, жалею события, которые привели к неверным решениям, которые он принял. В нем есть настоящая сила, и есть, или когда-то был, значительный потенциал, чтобы творить добро в мире, который так нуждается в героях. Но, несмотря на его поступки, я понял, что Энтрери действует в рамках очень строгого кодекса. В своем искаженном видении мира Энтрери, как мне кажется, искренне верит, что никогда не убивал тех, кто этого не заслуживал. Он держал Кэтти-бри в плену, но не насиловал ее.

Что касается его действий в отношении Реджиса... что ж, Реджис в действительности был вором, и хотя он украл у другого вора, это не оправдывает его преступление. В Лускане, как и в большинстве городов Королевства, воры лишаются рук, а то и хуже, и, конечно, охотник за головами, посланный вернуть украденную вещь и человека, который ее украл, имеет полное право убить этого человека и любого другого, кто помешает его заданию.

В Калимпорте Артемис Энтрери работает среди воров и бандитов, на самом краю цивилизации. В этом качестве он занимается смертью, как и Закнафейн в переулках Мензоберранзана. Между ними есть разница - несомненно! - и я ни в коем случае не хочу оправдать Энтрери за его преступления. Я также не считаю его простым чудовищем-убийцей, каким был, скажем, Эррту.

Нет, когда-то в нем был потенциал, я знаю, хотя, боюсь, он уже далеко отошел от этого пути, ибо когда я смотрю на Артемиса Энтрери, я вижу себя, вижу способность любить, а также способность потерять все это и стать холодным.

Очень холодным.

Возможно, мы встретимся снова и сразимся, и если я убью его, я не пролью по нему слез. По крайней мере, не о том, кто он есть, но, вполне возможно, я буду плакать о том, кем мог бы стать этот чудесный воин.

Если я убью его, я буду плакать о себе.

Наследие дроу

Наследие

Почти тридцать лет прошло с той поры, как я покинул свою страну, - ничтожный срок для эльфа-дроу, но для меня - почти целая жизнь. Все, чего я хотел, или думал, что хотел, когда вышел из темной пещеры Мензоберранзана, - это иметь настоящий дом, уютное место, где я мог бы повесить свои сабли над горящим камином и мирно беседовать у огня с друзьями.

Все это я обрел рядом с Бренором, в гулких чертогах его юности, где царят мир и согласие. Я ношу оружие только во время пятидневных переходов между Мифрил Халлом и Серебристой Луной.

Но прав ли я?

Никогда не сомневаясь и не раскаиваясь в своем решении покинуть тьму Мензоберранзана, сейчас, пребывая в мире и спокойствии, я начинаю думать, что мои желания в то давнее время родились из отсутствия опыта. Просто спокойная жизнь была мне неведома.

Конечно, сейчас я живу лучше, в тысячу раз лучше, чем в Подземье. Я даже не помню, когда в последний раз чувствовал тревогу, нарастающий страх надвигающейся опасности, ту дрожь, которую испытываешь, когда враг приближается и надо принять брошенный вызов.

Нет, я помню один особенный миг - около года назад, когда Вульфгар, Гвенвивар и я работали на расчистке нижних туннелей Мифрил Халла, - хотя это чувство, мгновенный укол страха, уже давно поблекло в моей памяти.

Но я задаю себе вопрос: остались ли мы людьми действия? Не будем ли мы цепляться за удобство и покой, если жизнь вызовет нас на бой?

Должен признаться, не знаю.

Однако есть одна вещь, для меня несомненная, одна истина, которая обязательно поможет мне избавиться от сомнений. Рядом с Бренором и его родом, рядом с Вульфгаром, Кэтти-бри и Гвенвивар, милой Гвенвивар, я сам волен выбирать свою судьбу.

Конечно, сейчас я в большей безопасности, чем за все шестьдесят лет моей жизни. Надежды на будущее, на непрерывный мир никогда еще не были столь оправданными. Но, несмотря на это, я чувствую себя смертным. Впервые я оглядываюсь назад, а не смотрю в будущее. И не могу объяснить почему. Я просто

чувствую, что смерть ходит рядом, и все истории, которыми я хотел поделиться с друзьями, скоро станут прошлым, и ничто не придет им на смену.

Но я вновь напоминаю себе, что выбор за мной.

В языке дроу нет слова «любовь». Самым близким к нему будет «ссинсриг», но оно скорее обозначает похоть или эгоистичную жадность. Конечно, представление о любви заложено в сердцах некоторых дроу, но истинной любви, самоотверженному желанию, иногда требующему самопожертвования, нет места в мире жестокого и опасного соперничества.

Единственные жертвы, известные дроу, - это приношения Ллос, и, уж конечно, они не имеют ничего общего с самоотречением, поскольку даритель молится о том, чтобы получить в ответ что-то большее.

И все же представление о любви не было для меня чем-то совершенно новым, когда я покинул Подземье. Я любил Закнафейна. Я любил Белвара и Щелкунчика. Именно способность и непреодолимая потребность любить погнали меня прочь из Мензоберранзана.

Есть ли во всем мире более неуловимое, более зыбкое понятие? Кажется, люди всех рас просто не понимают, что такое любовь, они отягощают ее прекрасную, сияющую простоту своими предрассудками и непомерными ожиданиями. Какая ирония в том, что именно я, пришедший из не знающего любви темного Мензоберранзана, лучше понимаю ее суть, чем те, кто имеет возможность любить всю свою жизнь.

Но кое-что отступник-дроу не принимает на веру.

Мои частые походы в Серебристую Луну вызвали добродушные подтрунивания со стороны друзей. «Бьюсь об заклад, этот эльф готовится к еще одной свадьбе!» - часто с понимающим видом говорил Бренор, имея в виду меня и Аластриэль, Госпожу Серебристой Луны. Я терплю эти дружеские насмешки, не желая разрушать надежды моих дорогих друзей.

Конечно, мне нравится Аластриэль, и я благодарен ей за доброту, которую она проявила ко мне. Я рад, что она, правительница в нашем часто таком безжалостном мире, отважилась позволить темному эльфу свободно ходить по чудесным улицам ее города. То, что Аластриэль приняла меня как друга, позволило мне выражать свои истинные желания, а не действовать сообразно ожидаемым ограничениям.

Но люблю ли я ее?

Не больше, чем она меня.

Иногда мне нравится сознание того, что я мог бы полюбить Аластриэль, а она - меня и что цвет моей кожи и бремя моего прошлого не могли бы бросить тень на благородную Госпожу Серебристой Луны.

И все же сейчас я знаю, что любовь стала важнейшей частью моего существования, что узы дружбы, связывающие меня с Бренором, Вульфгаром и Реджисом, - необходимая составляющая счастья, которое я когда-либо испытаю на земле.

Но моя привязанность к Кэтти-бри еще глубже.

Искренняя любовь бескорытна, как я уже сказал, а мое бескорытие подверглось этой весной суровому испытанию.

Я боюсь за будущее, за Кэтти-бри и Вульфгара и опасюсь тех преград, которые им придется преодолеть. Я не сомневаюсь в том, что Вульфгар любит свою невесту, но его любовь отягощена чувством собственника, граничащим с неуважением.

Он должен понять душу Кэтти-бри, должен ясно представлять себе, почему вспыхивает огонь в ее изумительных голубых глазах. Именно это воодушевление он и любит в ней и все же, несомненно, будет душить его своими представлениями о месте жены и власти мужа.

Мой друг-варвар победил в себе многое с тех дней, когда его племя кочевало в тундре. Но он должен сделать еще больше, чтобы удержать сердце пламенной дочери Бренора, чтобы не погасить любовь Кэтти-бри.

Есть ли в мире что-нибудь более неуловимое, более изменчивое?

Сколько опасных троп прошел я в своей жизни, по каким только извилистым путям не ступали мои ноги - и в туннелях Подземья, и в северных землях, и в дальних походах вместе с друзьями.

И я в недоумении качаю головой - неужели каждый уголок этого огромного мира находится во власти людей, которые настолько замкнуты и поглощены собой, что не могут позволить другим пересечь их жизненные пути? Люди так полны ненависти, что вынуждены преследовать воображаемое зло и охранять себя от него, даже если на самом деле это зло - всего лишь вынужденная оборона?

Я оставил Артемиса Энтрери в Калимпорте, сохранил ему жизнь и вполне утолил свою жажду возмездия. Наши пути пересеклись и разошлись - к лучшему для нас обоих. У Энтрери нет никакой разумной причины преследовать меня, он ничего не выиграет от этого, разве что удовлетворит свою уязвленную гордость.

Какой же он глупец.

Он достиг совершенства тела и отточил свое боевое мастерство, превзойдя всех, кого я знаю. Но то, что он упорно преследует меня, выдает его слабость. Когда мы открываем тайны тела, мы должны позаботиться и о гармонии души. Но Артемису Энтрери, несмотря на всю его телесную доблесть, не суждено услышать, какие песни может петь его дух. Он всегда будет ревниво прислушиваться к чужой гармонии, озабоченный подавлением всего, что угрожает его малодушному превосходству.

Он так похож на мой народ, так похож на многих представителей разных рас, встреченных мной: военных вождей варваров, чье пребывание у власти зависит от способности вести войну с врагами, которые на самом деле врагами не являются; королей дворфов, которые накапливают сокровища сверх всякой меры, в то время как даже крошечной частицы их богатства хватило бы, чтобы улучшить жизнь окружающих, а королям, в свою очередь, помогло бы уменьшить свои вечно находящиеся в боевой готовности войска и избавиться от паранойи накопительства;

надменных эльфов, отводящих глаза от страданий тех, кто эльфами не является, полагая, что «низшие расы» могут каким-то образом заразить их своей болью.

Я бежал от этих людей, шел мимо них и слышал бесчисленные истории о них от путешественников из всех земель. И я знаю, что должен бороться с ними, но не с помощью оружия, а просто не отступая от того пути, который мое сердце признает верным.

Милостью богов, я не одинок. Когда Бренор отвоевал свой трон, он пообещал, что сокровища дворфов Мифрил Халла улучшат жизнь обитателей окружающих земель. Кэтти-бри верна принципам не меньше меня, а Вульфгар показал своему народу, насколько лучше идти по пути дружбы и согласия.

Они - моя опора и моя надежда на то, что в грядущем мир изменится к лучшему.

И когда пути таких, как Энтрери, вновь пересекаются с моими, я вспоминаю Закнафейна, родного мне по крови и духу. Я вспоминаю Монтолио и верю, что есть и другие, познавшие истину, и, если я буду уничтожен, мои идеалы не умрут вместе со мной. Благодаря друзьям, которых я нашел, благодаря многим достойным людям, встреченным мною, я знаю, что я не одинокий борец за свое дело. И когда я умру, все, бывшее для меня столь важным, будет продолжать жить.

Это мое наследие - милостью богов, я не одинок.

Какие терзания я почувствовал, впервые нарушив свою самую торжественную, самую нерушимую клятву: никогда не убивать дроу. Боль, ощущение краха, невозполнимой потери были так остры, когда я осознал, какое страшное дело совершили мои сабли.

Однако ощущение вины быстро притупилось - не оттого, что я оправдал себя, а потому что понял: истинной ошибкой было произнести такую клятву, а не нарушить ее. Когда я покидал свою родину, моя неопытность и наивность породили эти слова, и я искренне верил в то, что говорил. Но потом я понял, что подобная клятва нежизнеспособна и, если я следую в своей жизни по пути защиты драгоценных для меня идеалов, разве могу я уклоняться от поступков, которые диктует этот путь, только потому, что вставшие на дороге враги оказались дроу.

Все просто - моя верность собственной клятве целиком зависела от обстоятельств, над которыми я был не властен. Если бы, покинув Мензоберранзан, я никогда не встретился с темным эльфом в бою, то никогда и не нарушил бы своего обета. Но благоприятные обстоятельства совсем не то же самое, что высокие нравственные правила.

Однако раз уж вышло так, что темные эльфы угрожали моим самым близким друзьям, пошли войной на тех, кто не сделал им ничего дурного, как мог я, будучи в ясном сознании, держать сабли в ножнах? Чего стоит моя клятва в сравнении с жизнью Бренора, Вульфгара или Кэтти-бри? Или, в конце концов, в сравнении с жизнью любого другого невинного существа? Если бы, путешествуя, я стал свидетелем набега дроу на наземных эльфов или на небольшую деревушку, я, ни

секунды не колеблясь, ввязался бы в битву, всеми силами пытаюсь дать отпор беззаконным захватчикам.

Конечно, и в этом случае я чувствовал бы острее угрызения совести, но скоро подавил бы их, как делаю это сейчас.

И я не скорблю, что нарушил клятву, хотя память об этом причиняет мне боль, как, собственно, и всегда, когда я вынужден убивать. Но я также не сожалею, что когда-то произнес ее, потому что это проявление юношеского недомыслия не имело болезненных последствий. Однако если бы я постарался остаться верным своему невыполнимому обещанию и не поднял бы свои клинки из чувства ложной гордости, а в результате моего бездействия пострадал бы кто-то невинный, тогда боль Дзирта До'Урдена была бы невыносимей и безысходней.

Есть еще одна вещь, которую я осознал, размышляя о своем обете, еще одна истина, которая, как я надеюсь, поведет меня дальше по избранному пути. Я сказал, что никогда в жизни больше не убью темного эльфа. Я произнес это, почти ничего не зная о множестве других народов огромного мира, на поверхности и в Подземье, не понимая даже, как их много. Я никогда не убью дроу, сказал я, а как быть со свирфами, глубинными гномами? Или с полуросликами, эльфами, дворфами? А с людьми?

Могло произойти так, что я убивал бы людей, когда орда варваров Вульфгара вторглась на территорию Десяти Городов. Защитить ни в чем не повинных жителей - значило сражаться и даже убивать людей-захватчиков. И все же это никак не повлияло на мою самую торжественную клятву, несмотря на то что репутация темных эльфов значительно уступает тому, что говорят о человечестве.

Поэтому сейчас слова о том, что я в жизни больше не убью дроу только из-за того, что мы одной крови, звучат для меня как ложные, даже расистские. Ставить одно живое существо выше другого потому только, что у него одинаковый со мной цвет кожи, - значит, умалять мои принципы. Неверным ценностям, отраженным в этой давнишней клятве, нет сейчас места в моем мире. Именно эти различия делают мои странствия такими захватывающими, именно они придают новые формы и оттенки единому понятию красоты.

И сейчас я произношу новую клятву, проверенную опытом и подтвержденную тем, что видели мои широко раскрытые глаза: я никогда не обнажу своих сабель, кроме как ради защиты - защиты моих принципов, моей жизни или жизни других, которые не могут сами защитить себя. Я больше не буду сражаться за идеи лжепророков, за сокровища царей или во имя отмщения за уязвленную гордость.

И всем многочисленным наемникам, мирским или религиозным, чей идол - золото, которые сочтут подобную клятву невыполнимой, невыгодной и даже нелепой, я, гордо скрестив руки на груди, убежденно заявляю: я неизмеримо богаче вас!

Когда я умру...

Она забрала моих друзей, моего отца, моего наставника, эта величайшая из тайн, называемая смертью. Я познал скорбь в тот самый день, когда покинул родину, когда жестокая Мэлис сообщила мне, что отдала Закнафейна Паучьей Королеве. Это странное чувство, скорбь, не совсем ясно мне... Скорблю ли я о Закнафейне, Монтолио или Вульфгаре? Или о себе, о своей утрате, которую уже никогда не восполнить?

Наверное, это главный вопрос существования смертного, и тем не менее на него нет ответа...

Если только не считать ответом веру.

Я до сих пор грущу, когда вспоминаю учебные поединки с отцом, прогулки с Монтолио в горах и когда воспоминания о Вульфгаре, самые сильные из всех, проносятся в моей памяти. Они нерасторжимо связаны с несколькими последними годами моей жизни. Я помню тот день на Пирамиде Кельвина, когда, обводя глазами тундру Долины Ледяного Ветра, Вульфгар и я заметили костры его кочевого народа. Именно в эту минуту мы стали настоящими друзьями, именно тогда мы поняли, что, несмотря на всю неопределенность нашей жизни, будем вместе.

Я помню белого дракона Ледяную Смерть и племя великанов и что, не будь рядом Вульфгара, я мог бы погибнуть в любом из этих сражений. Я помню, как мы делили победу с моим другом, помню узы доверия и любви - крепкие, но никогда не отягощавшие нас.

Меня не было рядом, когда он погиб, я не мог прийти ему на помощь, как он, несомненно, поспешил бы на помощь мне.

Я даже не мог сказать ему: «Прощай!»

Когда я умру, буду ли я одинок? Если мне удастся избежать пасти чудовищ и лап смертельной болезни, я, безусловно, переживу Кэтти-бри, Реджиса и даже Бренора. Но сейчас мне кажется, что, кто бы ни стоял рядом со мной в мой смертный час, - если не будет этих троих, я действительно умру в одиночестве.

Все эти мысли не так уж мрачны. Я прощался с Вульфгаром тысячу раз. И каждый раз, когда показывал, как сильно он дорог мне, я подтверждал свою любовь словами или действиями. Самой нашей жизнью, существованием мы прощаемся каждый день. Так говорят любовь и дружба, заверяя, что память будет жить, когда плоть исчезнет.

Вульфгар обрел иное пристанище и иную жизнь - я вынужден в это верить, иначе в чем же тогда смысл существования?

Скорбь моя по себе самому, по моей потере, которую я буду ощущать до конца своих дней, сколько бы веков ни минуло. Но внутри этой скорби живет умиротворенность, божественный покой. Гораздо лучше было знать Вульфгара и пройти с ним через все, что теперь питает мою скорбь, чем никогда не ступать рядом с ним, не сражаться бок о бок, не смотреть на мир его ясными голубыми глазами.

Когда я умру... может быть, найдутся друзья, которые будут горевать обо мне, которые сохраняют наши общие радости и горести, сохраняют память.

Это и есть бессмертие духа, вечное наследие, источник нашей скорби.

Но и источник нашей веры.

Беззвёздная ночь

Ни для одной расы во всех Королевствах слово «мечь» не звучит такой сладкой музыкой, как для ушей дроу. Для них она все равно что лучшее блюдо обеденного стола, они смакуют ее со сладострастной ухмылкой на губах. В предвкушении такого удовольствия дроу и пришли за мной.

Я не могу подавить свой гнев и избавиться от чувства вины за смерть Вульфгара, за те страдания, что враги из моего темного прошлого причинили моим бесценным друзьям. Каждый раз, глядя на светлое личико Кэтти-бри, я вижу бесконечную глубокую тоску, которой не место в ее искрящихся светлых глазах.

Сам мучась не меньше, я не нахожу слов, чтобы утешить ее, хотя и не думаю, что есть слова, способные принести мир ее душе. Именно поэтому я должен и дальше оберегать своих друзей. Я понял, что мне нужно преодолеть личную скорбь, превозмочь тоску, что овладела и дворфами Мифрил Халла, и суровыми варварами Сеттлстоуна.

Судя по тому, что Кэтти-бри рассказывает о той роковой ночи, чудищем, погубившим Вульфгара, была йоклол, прислужница Ллос. Зная эту неутешительную правду, я обязан стать выше сиюминутной печали и подумать о том, что настоящая тоска еще, возможно, впереди.

Я не в состоянии понять темные забавы Паучьей Королевы (и сомневаюсь, что даже верховные жрицы этой злобной твари понимают ее истинные намерения), но даже мне, самому нерадивому из всех когда-либо штудировавших катехизис дроу, ясно, что появление йоклол - незаурядное событие. Вмешательство прислужницы означает, что охота за мной была начата по приказанию самой Паучьей Королевы. А это не предвещает Мифрил Халлу ничего хорошего.

Конечно, это всего лишь предположение. Возможно, моя сестрица Вирна действовала в согласии с другими темными силами Мензоберранзана, и моя связь с миром дроу оборвалась с ее смертью.

Но когда я смотрю в глаза Кэтти-бри или вижу страшные шрамы Бренора, то вспоминаю, как ненадежны и обманчивы бывают наши надежды. Мои злобные родичи уже отняли у меня одного друга.

Но больше я никого не отдам!

В Мифрил Халле никогда не найти ответов на мои вопросы, и я не буду знать, по-прежнему ли темные эльфы одержимы жадой мести. Не отправится ли к поверхности новый отряд, чтобы получить награду, назначенную за мою голову. Неся на своих плечах такой груз, отважусь ли я отправиться в Серебристую Луну или другой город? Сумею ли вернуться к обычной жизни? Смогу ли спать спокойно, боясь в глубине души, что темные эльфы могут появиться в любой момент и мои друзья опять окажутся в опасности?

Кажущаяся безмятежность Мифрил Халла, задумчивая тишина, царящая в нем, не помогут мне разгадать намерения дроу. Но ради моих друзей я должен проникнуть в замыслы врагов. Боюсь, есть лишь одно место, где это возможно.

Вульфгар отдал свою жизнь за то, чтобы его друзья могли жить. Разве может быть моя жертва меньшей?

С того дня, как я покинул Мензоберранзан, мне не приходилось принимать более сложного решения. Я сидел у входа в пещеру, передо мной высились горы, а за спиной был туннель, ведущий во мрак Подземья.

Я думал, что здесь-то и начнется настоящее приключение. Выходя из Мифрил Халла, я совсем не думал о дороге, мне почему-то казалось, что в пути со мной не может случиться ничего особенного.

Но потом я встретил Эллифейн, перепуганного ребенка, спасенного мной тридцать лет тому назад. Мне хотелось вернуться к ней, поговорить и помочь справиться с болью, причиненной тем давнишним нападением дроу. Хотелось убежать из пещеры, догнать Тарафиэля и вместе с ним поскакать обратно в Лунный лес.

Однако забыть о том, что привело меня сюда, невозможно.

И конечно, я ожидал, что посещение рощи Монтолио, с которой связано столько дорогих сердцу воспоминаний, станет для меня духовным переживанием. Ведь он был моим первым другом в поверхностном мире, моим учителем, тем человеком, благодаря которому я пришел к поклонению Миликки. Выразить не могу, как я обрадовался, увидев, что его рощицу стережет единорог.

Единорог! Символ моей богини, наивысшее выражение совершенства природы! Наверное, я единственный из темных эльфов, удостоенный чести коснуться его мягчайшей гривы и мощной шеи, единственный, с кем это сказочное существо вело себя дружелюбно. Какое редкостное удовольствие хотя бы увидеть знаки присутствия единорога в том благословенном месте, и еще более редкостное - лицезреть прекрасное создание наяву. Немногие из жителей Королевств могут похвастаться встречей с единорогом; и еще меньшему числу живых довелось прикоснуться к нему.

А мне довелось.

Было ли это посланием моей богини? Моя вера в Миликки тверда, и я не сомневаюсь, что она дала мне знак, чарующий, но осязаемый. Однако что он значит?

Я редко молюсь, предпочитая общаться с моим божеством посредством поступков и искренних чувств. Нет нужды приукрашивать пустыми словами то, что происходит на самом деле, пытаюсь представить самого себя в более выгодном свете. Если Миликки со мной, она знает, как я живу и что чувствую.

Однако ночью у входа в пещеру я молился. Молился, чтобы она наставила меня, чтобы открыла мне смысл явления единорога. Животное позволило мне прикоснуться к нему; оно не скрылось от меня, а высшей чести вольный странник и желать не может. Но что под этим подразумевалось?

Хотела ли Миликки сказать, что мое место здесь, на поверхности, или то, что мне не надо покидать рощу? Или же явлением единорога богиня дала знать, что одобряет мое решение вернуться в Мензоберранзан?

А может быть, сказала мне «прощай»?

Эта мысль не давала мне покоя всю ночь. Впервые с той минуты, как я ушел из Мифрил Халла, я задумался о том, что именно я, Дзирт До'Урден, могу потерять навсегда. Я думал о своих друзьях, Монтолио и Вульфгаре, оставивших этот мир, думал о тех, кого уж, наверное, никогда больше не увижу.

Тысячи вопросов донимали меня. Переживет ли Бренор потерю своего приемного сына? Справится ли Кэтти-бри со своей скорбью? Вернутся ли в ее голубые глаза волшебные искры, засветятся ли они снова любовью к жизни? Смогу ли я когда-нибудь еще раз склонить усталую голову на мощное плечо Гвенвивар?

Как мне хотелось в тот момент выскочить из пещеры и помчаться домой, в Мифрил Халл, снова оказаться рядом с друзьями, разглядеть их, прежних, сквозь печаль, затуманившую лица, просто быть рядом, выслушать и обнять.

Но я не мог забыть о причинах, приведших меня в пещеру. Я мог бы вернуться в Мифрил Халл, но то же самое могут сделать и мои темные сородичи. Не виню себя в смерти Вульфгара - приход темных эльфов был неожиданностью для меня. Но сейчас я не могу закрывать глаза на свои предчувствия - мне хорошо известно, что такое извращенное сознание дроу и ненасытность Ллос. И если дроу вернуться и чудесный свет в газах Кэтти-бри погаснет навсегда, для меня это будет равносильно тысяче мучительных смертей.

Всю ночь я молился, но божество так и не снизошло ко мне. И, как всегда, я в конце концов понял, что должен следовать тому пути, который в глубине сердца считаю правильным, верить, что внутренний голос созвучен желаниям Миликки.

Я не загасил костер у входа в пещеру. Хотелось как можно дольше видеть его яркое пламя и черпать в нем душевные силы, пока я буду спускаться в туннель. Спускаться во тьму.

В Подземье нет теней.

Только проведя много лет на поверхности, я понял, насколько важна эта, казалось бы, мелочь, как хорошо, что между светом и тьмой есть четкая грань. В Подземье нет теней, там нет таинственных областей, подвластных лишь воображению.

Тень - чудесная вещь! Я видел, как мой собственный силуэт прятался под моими стопами, когда солнце поднималось к зениту; я видел, как суслик в час заката вырастал до размеров большого медведя и его зловещая тень простиралась далеко-далеко. Я бывал в лесу в пору сумерек, и взор мой блуждал между ловащими последние лучи более светлыми участками постепенно темнеющей и становящейся серой зелени и совсем темными уголками, куда мог проникнуть уже только мой мысленный взор. А вдруг там схоронилось чудовище? А может, орк или гоблин? Сокровище, например, великолепный зачарованный меч, утраченный кем-то? Или там просто лисье логово, укрытое густым мраком?

Когда я иду лесом в сумерки, воображение не отстаёт от меня ни на шаг, оно обостряет мои чувства, готовит мой разум к любым неожиданностям. Но в Подземье

нет теней, и там нет места игре воображения. Везде и всюду висит напряженная, настороженная тишина, и самые настоящие, а не выдуманные опасности подстерегают тебя на каждом шагу.

Представляя себе затаившегося врага или скрытое сокровище, тренируешь воображение, сам себя приводишь в состояние чуткой настороженности. Но если враг чаще всего существует на самом деле, если любой выступ в скале, любой укромный уголок, встреченный на пути, может оказаться его убежищем, такая игра перестает быть забавной.

По коридорам Подземья нельзя блуждать, развлекаясь воображаемыми картинками. Если представлять себе врага там, где его нет, вполне возможно проглядеть настоящего врага в двух шагах. В Подземье предаться мечтаниям означает утратить бдительность, а отсутствие настороженности ведет к верной гибели.

Когда я вернулся в непроглядные туннели, именно это оказалось для меня самым трудным. Мне вновь пришлось стать охотником, почти животным, пришлось привыкать каждый миг прислушиваться к своим инстинктам, жить с натянутыми нервами и напряженными мышцами, чтобы в любую секунду быть готовым к сражению. Здесь имеет значение только то, что происходит сию минуту, нельзя сделать ни шагу, не думая о враждебном нападении. Я не могу себе позволить выдумывать врагов. Я должен быть начеку и реагировать на малейшее движение врагов реальных.

В Подземье нет теней. Здесь нет места воображению. Это место вечной тревоги, место, где не живут надежды и мечты.

Одна из религиозных сект верит в то, что главных человеческих грехов - семь, и первый из них - гордыня. Размышляя об этом, я всегда представлял себе надменных королей, объявлявших себя богами или, по крайней мере, внушавших своим подданным, что разговаривают с божествами, давая понять таким образом, что их власть ниспослана свыше.

Но это только одно из проявлений этого смертного греха. Вовсе не обязательно быть королем, чтобы пасть жертвой гордыни. Монтолио Де Бруши, мой наставник, когда-то предостерегал меня, но его уроки касались личной гордости.

- Кажется, что путь странника одинок, но друзья всегда рядом, - говаривал этот мудрый человек. - Странник знает мир вокруг и знает, где можно найти друзей.

На взгляд Монтолио, гордость равносильна слепоте, она затуманивает интуицию и разум, она убивает доверие. Возгордившийся человек всегда одинок, он никогда не найдет друзей.

Когда паутина Мензоберранзана окутала меня, я понял свою ошибку, увидел свое высокомерие. Неужели я стал так высоко ставить себя и свои способности, что забыл о товарищах, благодаря которым, собственно, и смог дожить до этого дня? Я был в ярости из-за смерти Вульфгара, я боялся за Кэтти-бри, Бренора и Реджиса, но мне даже и в голову не приходила мысль, что мои друзья и сами могут позаботиться

о себе. Я решил, что во всех наших бедах виноват только я один и что я сам обязан все исправить, несмотря на то, что одному человеку сделать это не под силу. Я решил отправиться в Мензоберранзан, докопаться до правды и предотвратить опасность, даже если мне для этого придется расстаться с жизнью.

Ну и глупец же я был!

Гордость нашептывала мне, что в смерти Вульфгара повинен я; она настаивала, что именно я должен исправить зло. Только высокомерие помешало мне поговорить начистоту с моим другом, королем дворфов, а ведь он вполне может собрать силы, способные отразить любое нападение дроу.

На уступе Скотного острова я вдруг понял, что должен буду дорого заплатить за свою гордыню; а позже узнал, что и моим близким тоже придется за нее расплачиваться.

Внезапно осознав, что причина утрат и боли - твое собственное высокомерие, падаешь духом. Гордость призывает тебя воспарить на вершину личной славы, но ветер там сильнее и стоять труднее. А потом следует падение.

Храбрость.

У этого слова особенное звучание в каждом языке, не только из-за звуков, его образующих, но и благодаря тому особому почтению, с каким его произносят. Храбрость. Она вызывает представление о великих свершениях и великих людях: суровые лица защитников на городских стенах, атакуемых ордой гоблинов; мать, стойко охраняющая свое дитя от враждебного мира. Во многих больших городах Королевств на улицах полно беспризорников без крова и без семьи. Их храбрость иного рода, они смело преодолевают и физические, и душевные трудности.

Полагаю, что и Артемису Энтрери пришлось выдержать такую же борьбу на узких грязных улицах Калимпорта. В каком-то смысле он одержал бесспорную победу, преодолел все видимые преграды и достиг необыкновенной власти и уважения.

Но если взглянуть иначе, он проиграл. Я частенько спрашивал себя, кем мог бы он стать, если бы так не изуродовал свое сердце? Однако в моем любопытстве нет ни капли жалости к нему. Обстоятельства Энтрери были не тяжелее моих. Он вполне мог бы выиграть не только физические, но и душевные битвы.

Покидая Мифрил Халл, я уходил в твердой уверенности, что смогу предотвратить опасность, грозящую моим друзьям, и считал, что поступаю храбро и бескорыстно. Я думал, что приношу наивысшую жертву ради блага своих любимых.

Но когда Кэтти-бри оказалась в моей темнице в Доме Бэнр, когда сквозь набрякшие веки я разглядел милое нежное лицо этой закаленной воительницы, я понял, в чем заключалась правда. Уходя из Мифрил Халла, я не понимал истинных причин, руководивших мною. Я был переполнен неведомой мне скорбью и не смог распознать, что это на самом деле покорность судьбе. И не было храбрости в моем сердце, когда я делал первые шаги в Подземье, потому что в глубине души жило

чувство, что мне нечего терять. Я запретил себе горевать о Вульфгаре, и в образовавшуюся пустоту внутри канули воля и надежда.

А по-настоящему храбрые люди не сдаются и не теряют надежды.

Артемис Энтрери, подобно мне, вовсе не демонстрировал чудеса храбрости, когда вместе с Кэтти-бри пришел мне на помощь. Его действия объяснялись совершенным отчаянием, потому что, останься он в Мензоберранзане, ему пришел бы конец. Цель Энтрери, как всегда, была абсолютно эгоистичной. Мое освобождение стало результатом голой калькуляции, поскольку он решил, что я - лучший залог его спасения. Чистый расчет, а никакая не храбрость.

К тому времени как Кэтти-бри убежала из Мифрил Халла, надеясь догнать своего неразумного друга, она уже, конечно, преодолела скорбь по Вульфгару. Страдание совершило полный оборот, и теперь ее действиями руководила только преданность нашей дружбе. Она могла потерять все и тем не менее в одиночку отправилась в глухое и страшное Подземье ради меня.

Все это я осознал, когда впервые после долгой разлуки взглянул в ее глаза в темнице дворца Бэнр. Тогда я понял, что значит храбрость.

И впервые после смерти Вульфгара я испытал подъем. Последнее время я сражался, как дикий зверь, необузданно, беспощадно, но при виде моей дорогой подруги ко мне вернулся взгляд воина. Мое смирение и покорность судьбе исчезли, словно их и не бывало; без следа пропала моя уверенность, что все снова вернется на круги своя, если Дом Бэнр получит желанную жертву - отдаст мое сердце Ллос.

Там, в темнице, покуда зелье вливалось в мои жилы и наполняло силой мускулы, вид суровой, решительной Кэтти-бри вернул силу моему сердцу. Я поклялся, что буду стоять до конца, буду сопротивляться, даже если все окажется безнадежным, буду бороться до победы.

Увидев Кэтти-бри, я вспомнил обо всем, что мог потерять.

Нашествие Тьмы

В Мифрил Халле готовились к войне, потому что, хотя во многом благодаря Кэтти-бри мы и нанесли Дому Бэнр болезненный удар, никто не сомневался, что темные эльфы снова встанут на нашем пути. Мать Бэнр должна была впасть в ярость, и я, проведенный в Мензоберранзане всю свою юность, понимал, что, имея врага в лице Матери Первого Дома, не стоило ждать ничего хорошего.

И все же мне нравилось то, что творилось в твердыне дворфов! А больше всего мне нравилось наблюдать за Бренором Боевым Молотом.

Бренор, дорогой мой друг! С ним мы сражались вместе еще в Долине Ледяного Ветра - какими далекими кажутся теперь те дни! Когда погиб Вульфгар, я боялся, что Бренор сломлен навсегда, что душевное пламя, всю жизнь ведущее этого несокрушимого дворфа через, казалось бы, непреодолимые препятствия, погасло навеки. Но когда началась подготовка к войне, я понял, что это не так. На теле Бренора стало больше ран - он потерял левый глаз, а ото лба через всю щеку

протянулся наискосок голубоватый шрам, - но пламя его духа разгорелось с новой силой, и яркие отблески его светились в здоровом глазу короля.

Бренор руководил всеми приготовлениями, он входил во все: от согласования проектов укреплений, которые надо было возвести в нижних туннелях, до отправки посланников к союзникам в близлежащие города. Принимая решения, он не нуждался в помощи, ибо он был - Бренор, Восьмой Король Мифрил Халла, дворф, переживший множество приключений и заслуженно носивший свой титул.

Скорбь ушла, - к радости друзей и подданных, он снова стал прежним Бренором.

- Пусть приходят эти проклятые дроу! - частенько ворчал он, кивая при этом в мою сторону, если я оказывался неподалеку, как бы давая понять, что о присутствующих не говорят.

По правде сказать, это воинственное ворчание Бренора было сладчайшей музыкой для моих ушей.

Я спрашивал себя, что же заставило скорбящего дворфа вынырнуть из самой глубины отчаяния? Да и не только Бренор, все вокруг чувствовали воодушевление: дворфы, Кэтти-бри, даже Реджис, хотя полурослик обычно с большей охотой готовился к обеду и сладкой дреме, чем к войне. Я и сам ощущал подъем. Этот зуд ожидания, это чувство товарищества, побуждавшее нас всех хлопать друг друга по плечу, шумно восхвалять даже простейшие усовершенствования оборонительных укреплений и дружными приветственными криками встречать любые добрые вести.

Что же это было? Нечто гораздо большее, чем общий страх, чем чувство благодарности за все, что мы имели, перед лицом угрозы все потерять. В то время лихорадочной деятельности и упоения общими усилиями я этого не осознавал. Сейчас я, мысленно оборачиваясь назад, ясно вижу, что за чувство сплотило нас тогда.

Надежда!

Для любого разумного существа нет более основополагающего чувства. В душе каждый из нас и все вместе надеются, что будущее окажется лучше прошлого, что наши потомки и их потомки будут чуточку ближе к идеальному обществу, каким бы мы его себе ни представляли. Само собой, мечты о будущем воинственного варвара разительно отличаются от надежд мирного селянина. И дворф никогда не захочет жить в мире, напоминающем идиллию эльфов. Но сама надежда в основе своей остается все той же. Именно тогда, когда мы ощущаем, что помогаем приближению к благой цели, - как в Мифрил Халле, когда мы думали, что битва с Мензоберранзаном не за горами, но верили, что мы разгромим темных эльфов и навсегда положим конец угрозе, исходящей от этого черного города, - так вот именно тогда мы переживаем подлинный душевный подъем.

Надежда - основа всего. Будущее должно быть лучше прошлого. Без этой веры останется лишь самовлюбленное, эгоистичное и предельно пустое существование в настоящем, как живут дроу, или же обычное безнадежное прозябание в ожидании смерти.

Бренор и все мы увлеклись общим делом, и никогда я не чувствовал себя более полным жизни, чем в те дни, когда Мифрил Халл готовился к войне.

Долго еще потом барды всех Королевств называли это время Смутным, временем, когда боги были изгнаны с небес, а их воплощения жили среди смертных. Время, когда были похищены Камни Судьбы и Эо, Владыка Богов, разгневался, когда волшебство стало непредсказуемым и когда, как следствие, разрушились все общественные и религиозные построения, часто держащиеся на магии.

От фанатичных жрецов я слышал много рассказов об их встречах с воплощениями богов, полубезумные истории разных людей, уверявших, что своими глазами лицезрели бессмертных. В это Смутное Время многие обратились к религии, утверждая, что обрели свет и истину, сколь бы извращенными они ни были.

Я не оспариваю их притязаний и не стану говорить, что встречи с божеством - выдумка. Я только рад за тех, кто посреди всеобщего хаоса нашел какую-то опору, стал богаче внутренне; всегда радостно за человека, обретшего духовное руководство.

Но как же вера?

Как же преданность и верность? Полное доверие? Вера не нуждается в вещественных подтверждениях. Она исходит из души, из глубины сердца. Когда доказательство существования бога становится необходимым, то духовное низводится до чувственного, а то, что должно быть свято, становится всего лишь логичным.

Я прикасался к редкому, бесценному зверю - единорогу, символу богини Миликки, царящей в моей душе и в моем сердите. Это случилось еще до наступления Смутного Времени, но все же, будь я таким же, как те, кто утверждает, что видели живого бога, я мог бы заявить то же самое. Я мог бы сказать, что прикасался к Миликки, что она явилась мне на той чудесной просеке в горах неподалеку от Перевала Мертвого Орка.

Конечно, единорог не был Миликки в прямом смысле, но все же это была она, так же как она являет себя в восходе солнца и смене времен года, в птицах и белках, в могучем дереве, что видело расцвет и закат веков. Как и в листьях, гонимых осенним ветром, в снеге, что толстым одеялом лежит в глубоких холодных горных долинах. Как и в аромате ясной ночи, в блеске усыпанного звездами небосвода, в далеком вое одинокого волка.

Нет, я не стану возражать тем, кто говорит, что видел воплощение божества, потому что такой человек все равно не поймет меня: присутствие бога среди нас умаляет цель и ценность веры. Ведь если бы истинные боги были так доступны и материальны, то мы перестали бы быть свободными существами, идущими по жизненному пути в поисках истины, и превратились бы в стадо овец, бездумных, без крупинки веры, которым нужен кнут пастуха и лай собак.

Тем не менее духовное руководство существует, но не в такой грубой форме. Оно проявляется в том, что мы считаем правильным и благим. Мы понимаем цену наших собственных поступков, когда отвечаем на действия других, но, если нам

требуется бог живой, неоспоримое свидетельство существования божества, мы достойны сожаления.

Смутное Время? Да. И оно становится еще более смутным оттого, что мы готовы безоглядно верить проповедям разных богочеловеков, тогда как истина одна по определению и не может проявляться в таком множестве различных и порой противоречивых явлений и мнений.

Тот единорог не был Миликки, и все же он был ею, и я прикоснулся к богине. Но не к ее земной форме, не к единорогу, я прикоснулся к ней тем, что понял свое место в мире. Миликки есть мое сердце, и я следую ее велениям. Но если бы я основывался лишь на велениях моей совести, мои действия были бы такими же. Я повинуюсь Миликки, потому что она - то, что я называю истиной.

Именно таково большинство последователей разных богов, и если бы мы повнимательнее изучили Пантеон, то убедились бы, что веления «добрых» богов, в сущности, почти не отличаются друг от друга; разница лишь в том, как люди истолковывают их.

Что же касается других божеств, владык Раздора и Хаоса, таких как Ллос, Паучья Королева, владеющая сердцами жриц Мензоберранзана...

О них даже говорить не стоит. В них нет истины, и любая религия, основанная на принципах жестокости и стремления к власти, только способ жить в свое удовольствие и ничего общего с духовностью не имеет. По меркам мира, жрицы Паучьей Королевы могущественны, но духовно они пусты. Поэтому в их жизни нет места радости и любви.

И не говорите мне о «живых богах». Не надо приводить мне доказательств того, что ваш бог - истинный. Я предоставляю вам верить так, как вы верите, не подвергая вашу веру ни сомнениям, ни осуждению. Но если вы не дадите мне верить тому, что лежит в глубине моего сердца, то я отвергну все «ощутимые» доказательства, потому что для меня они ненадежны.

Осознав, какая опасность таится в этом мече, я так хотел пойти к Кэтти-бри! Мне очень хотелось быть рядом и защитить ее! Меч поработал мою подругу, чувствовал все движения ее души, в нем заключалась огромная магическая сила!

Кэтти-бри тоже хотела, чтобы я был рядом, - а кто бы не хотел чувствовать надежное дружеское плечо, когда предстояла такая тяжелая борьба? - и в то же время не давала мне помочь ей. Это была ее битва, и сражаться ей предстояло в одиночку.

Я обязан был уважать ее решение. И в те дни, когда Смутное Время заканчивалось и волшебные силы мира снова приходили в равновесие, я понял, что самые тяжелые битвы подчас не те, что мы выдерживаем, а те, в которые обязаны не вступать.

Я понял тогда, откуда берется это выражение безнадежной покорности судьбе на лицах многих отцов и матерей. Какую боль, должно быть, испытывает мать где-нибудь в Серебристой Луне, когда повзрослевшее дитя заявляет ей, что намерено

отправиться на запад, в Глубоководье, и пуститься в плавание вдоль Побережья Мечей в поисках приключений. В такой момент все в душе матери кричит: «Не уходи!» Каждой клеточкой своего общества ей хочется прижать свое дитя покрепче к сердцу и оберегать его всю жизнь. Но это неправильно.

Нет горше сердечной муки, чем смотреть, как в родном человеке идет внутренняя борьба, даже если мы знаем, что, только пройдя боль и страдания, он станет взрослее и узнает цену своего существования. Воришки всех Королевств считают, будто счастье в том, чтобы завладеть чьим-то сокровищем, оставленным без присмотра. Многие чародеи, полагая, что счастье - это истинная власть, стремятся найти обходной путь, минуя годы напряженной учебы. Если к ним в руки попадает какой-нибудь свиток с неизвестным заклятием или магический предмет, понимание мощи которого им недоступно, они пытаются воспользоваться ими и выпускают силу, обуздать которую не в состоянии. Тогда они гибнут. А священники и религиозные секты всех Королевств требуют от своих приверженцев слепого подчинения.

Но всем им не суждено обрести настоящее счастье. Вор может натолкнуться на богатейший клад. Начинаящий колдун может завладеть посохом великого волшебника. Можно молча подчиняться и отказываться от собственных желаний. Но при этом будет упущено нечто важное.

Это важное - радость достижения.

Для любого разумного существа это чувство - самая важная составляющая понятия «счастье». На нем, как на фундаменте, основывается уверенность в своих силах и стремление двигаться дальше, к более великим целям. Благодаря этому чувству мы знаем, что чего-то стоим, верим, что и в самой жизни есть ценность; оно поддерживает нас, когда жизнь ставит перед нами неразрешимые вопросы.

Так обстояло дело и с Кэтти-бри. Пришло время битвы, и она была полна решимости выстоять. Поддайся я желанию защитить ее - я тем самым отказался бы помогать ей в борьбе. Скорее всего я бы бросился к Бренору, и он наверняка приказал бы уничтожить меч. Поступив так или же предприняв что-нибудь другое, чтобы не допустить этой битвы, я, по существу, расписался бы в том, что не верю в Кэтти-бри, не чту выбранный ею путь; поступая так, я бы ограничил ее свободу. Именно в этом и заключалась единственная ошибка Вульфгара. Боясь за женщину, которую любил больше всего на свете, этот гордый и храбрый варвар готов был задушить ее в своих объятиях, лишь бы оградить от опасностей мира.

Полагаю, в последние минуты своей жизни он понял свое заблуждение. Думаю, он вспомнил, за что когда-то полюбил Кэтти-бри: за сильный характер и независимость. Как странно, что подчас в своем стремлении защитить наших близких мы ограждаем их от того, чего действительно желаем им.

Мать, о которой я говорил, несмотря на свои чувства, отпустит ребенка в путешествие в Глубоководье и к Побережью Мечей. Так же поступил и я. Кэтти-бри решила взять меч себе, решила испробовать, на что он способен, даже понимая, что многим рискует. Она сделала свой выбор, и, раз уж это случилось, надо уважать его. Я редко видел ее в последующие две недели, пока она вела свою личную битву.

Но я думал и беспокоился о ней каждую секунду, даже во сне.

Когда мы заканчивали готовиться к войне и час нападения армии дроу был уже не за горами, я обратил внимание на совершенно удивительную вещь, подлинным теплом согревшую мою душу.

Я дроу. Стоит лишь взглянуть на мою кожу, чтобы понять: я - другой. Цвет черного дерева ясно указывает, кто я и откуда. И, несмотря на это, никто из собравшихся в Мифрил Халле ни разу не взглянул на меня косо. Ни Гарпеллы, ни гвардейцы Несма не смотрели на меня как на чудовище, я не услышал ни единого злого слова ни от вспылчивого Берктгара, ни от его воинственных соплеменников. И ни один дворф, включая даже генерала Дагнабита, который вообще не жаловал того, кто не принадлежал к его народу, не показывал в мою сторону пальцем и ни в чем никогда не упрекал.

Мы не знали, почему дроу хотели войны. Может, дело было во мне, а может, они зарились на сокровища Мифрил Халла. Но никто из его защитников не обвинял меня. И как прекрасно было ощущать такое отношение мне, много месяцев жившему под гнетом вины за предыдущий набег, за Вульфгара, за Кэтти-бри, которая во имя дружбы вынуждена была отправиться мне на выручку в Мензоберранзан.

Я тащил этот тяжелый груз, но окружающие, которые могли потерять не меньше моего, ничем не утяжеляли мою ношу.

Вам не понять, насколько важно это было для существа с моим прошлым. То было выражение самой искренней дружбы, оно было совершенно непреднамеренным, никто из окружавших меня даже не задумывался, почему он относится ко мне таким образом. Слишком часто раньше так называемые друзья делали подобное для того лишь, чтобы доказать что-то не мне, а себе. Делая вид, что они не замечают наших очевидных различий вроде цвета кожи, они вырастали в собственных глазах.

Гвенвивар никогда не была такой. Бренор никогда не был таким. Кэтти-бри и Реджис тоже. Лишь Вульфгар поначалу испытывал ко мне презрение за то, что я - дроу. Но все они были честны в своих чувствах, а потому они мои друзья навсегда. Однако во время подготовки к войне я обнаружил, что круг моих друзей несказанно расширился. Я понял, что и дворфы Мифрил Халла, и жители Сэттлстоуна, и многие-многие другие совершенно искренне принимают меня таким, каков я есть.

Это и есть истинная природа дружбы. Она обязательно должна быть бескорыстной, нельзя за ее счет разрешать какие-то свои проблемы. И в те дни Дзирт До'Урден раз и навсегда понял, что он ничем не связан с Мензоберранзаном.

Я наконец сбросил тяжелый груз. И улыбнулся.

Их было очень много: восемь тысяч темных эльфов и еще больше рабов, и эта страшная сила наступала на Мифрил Халл. Но войском назвать их было нельзя.

Учитывая численность и силу дроу, слово кажется вполне подходящим, но все же «войско» подразумевает нечто большее, в первую очередь - сплоченность и наличие общей цели. Любой согласится, что дроу - лучшие воины всех Королевств. Они учатся сражаться с юных лет и умеют биться поодиночке и в отрядах. Цель кажется им вполне ясной, когда народ идет на народ, например дроу на дворфов. И все же, несмотря на то что их тактика совершенна, а отряды дисциплинированы, согласие в их рядах непрочное.

Едва ли найдется в войске Ллос хоть один способный отдать свою жизнь за другого, если только он не будет уверен, что такой жертвой обеспечит себе теплое местечко у трона Паучьей Королевы после смерти. Лишь ненормальный темный эльф примет на себя даже незначительный удар, чтобы защитить товарища, да и то скорее всего здесь будет замешана личная выгода. Дроу провозглашают славу Паучьей Королеве, но на самом деле каждый надеется урвать кусочек славы для себя.

Главной ценностью темных эльфов всегда была собственная выгода.

В этом и заключается разница между защитниками Мифрил Халла и завоевателями. И в ней была наша единственная надежда, когда мы столкнулись с опытными и умелыми врагами, чьи силы во много раз превышали наши собственные.

Если один-единственный дворф станет свидетелем битвы, в которой теснят его товарищей, он с боевым кличем кинется в бой, каковы бы ни были шансы на победу. Зато если бы нам удалось поймать в ловушку нескольких дроу, скажем патрульный отряд, прикрывающие их дроу и не подумали бы прийти на выручку собратьям, если бы не были уверены в победе.

Это у нас, а не у них была действительно общая цель. Мы, а не они понимали, что значит единение, мы сражались за общие высокие принципы и понимали, что любая принесенная нами жертва послужит общему благу.

В Мифрил Халле есть зал - точнее, их несколько - место почитания героев прошлых войн и битв. Здесь хранится молот Вульфгара; раньше здесь был и лук - когда-то он принадлежал эльфу, - который благодаря Кэтти-бри вновь стал разить врагов. Несмотря на то что она пользуется им уже много лет и в ее руках он прославился не меньше, она всегда говорит о нем «лук Анариэль», эльфийской девушки, умершей давным-давно. Если в грядущих веках этот лук достанется какому-нибудь другу клана Боевого Молота, его будут называть «лук Кэтти-бри, унаследованный от Анариэль».

Есть и еще одно помещение, Зал Королей, где стоят каменные изваяния восьми королей рода Боевого Молота, огромные и нерушимые.

У дроу нет таких памятников. Моя мать, Мэлис, никогда не говорила о предыдущей главе Дома До'Урден, возможно, еще и потому, что сама сыграла не последнюю роль в смерти своей матери. В Академии нет ни одной памятной таблички, посвященной ее прежним хозяевам. Вспомнив сейчас об этом, я подумал, что единственными памятниками в Мензоберранзане являются статуи тех, кого покарала Бэнр, или тех, кого наказала Вендес, превратив их в черные изваяния, которые можно было выставить на площадке рядом с Академией в назидание другим.

В этом и заключалась разница между защитниками Мифрил Халла и завоевателями. И в этом была наша единственная надежда.

Путь к рассвету

Шесть лет. Не так уж много по сравнению с протяженностью жизни дроу, но все же, когда я вспоминаю эти месяцы, недели, дни, часы, мне кажется, что я блуждаю вдали от Мифрил Халла в сотню раз дальше. Он так далеко, а здесь все по-другому, иной образ жизни, простая ступенька, ведущая...

К чему? Куда?

Мое самое яркое воспоминание о Мифрил Халле: отъезд, рядом со мною - Кэтти-бри, я оборачиваюсь и вижу струйки дыма, поднимающиеся от Сэттлстоуна к горе Фортпик. Мифрил Халл был королевством Бренора, домом Бренора, а Бренор - одним из моих самых дорогих друзей. Но Мифрил Халл не был моим домом, никогда не был.

Я не мог объяснить этого тогда, не могу и сейчас. Все должно было наладиться после поражения армии дроу. Процветающий Мифрил Халл находился в дружественных отношениях со всеми соседними государствами; это было одно из королевств, обладавших достаточным могуществом, чтобы защитить себя и накормить своих бедняков.

Да, это так, но все же Мифрил Халл не был домом ни для меня, ни для Кэтти-бри. Поэтому мы и отправились в путь, направив наших скакунов на запад, к побережью, к Глубоководью.

Я ни словом не возразил Кэтти-бри - хотя дочь Бренора определенно ожидала от меня этого, - когда она решила покинуть Мифрил Халл. Мы придерживались сходных взглядов, потому что не успели прирасти сердцем к этому месту. Мы были слишком заняты, завоевывая его, открывая вновь шахты дворфов, путешествуя в Мензоберранзан и сражаясь с темными эльфами, которые пришли в Мифрил Халл. Наконец, казалось, настало время осесть, отдохнуть, вновь и вновь вспоминая о своих приключениях. Если бы Мифрил Халл был нашим домом до этих битв, мы остались бы там. Но после сражений, после всех потерь... и для Кэтти-бри, и для Дзирта До'Урдена это невозможно. Мифрил Халл - дом Бренора, а не наш. Место, иссеченное шрамами войны, место, где мне пришлось вновь встретиться со своим темным наследием, - Мифрил Халл стал началом того пути, который привел меня назад в Мензоберранзан.

И местом, где погиб Вульфгар.

Кэтти-бри и я поклялись, что однажды вернемся в Мифрил Халл, и мы сделаем это, ибо там остались Бренор и Реджис. Но Кэтти-бри понимала, что нам никогда не избавиться от ощущения, что эти камни пропитаны кровью. Если кровь пролилась при вас, то ее неисчезающий запах вызывает к жизни образы, причиняющие слишком сильную боль.

Прошло шесть лет, и я соскучился по Бренору, Реджису, и даже по Берктгару Смелому, который правит Сэттлстоуном. Я тосковал по своим путешествиям в

чудесный город Серебристую Луну и по тому рассвету, что я созерцал с одного из скалистых уступов Фортпика. Сейчас я мчусь по волнам вдоль Побережья Мечей, навстречу ветру и брызгам. Потолком мне служат стремительно несущиеся облака и звездный небосвод, полом - скрипящая палуба быстроходного корабля, а еще у меня есть лазурное одеяло, то ровное и спокойное, то вздымающееся и бурлящее, шелестящее под дождем и взрывающееся тучами брызг, когда выпрыгнувший из воды кит возвращается в море...

Мой ли это дом? Я знаю, что нет. Догадываюсь, что это очередная ступенька, но существует ли в мире дорога, которая приведет меня в место, которое я назову домом, - не знаю.

Я не думаю об этом слишком часто, ибо пришел к выводу, что мне все равно. Если мой путь ведет в никуда, пусть будет так. Я иду по нему с друзьями, и, пока они со мной, у меня есть свой дом.

Мы - средоточие всего сущего. По мнению каждого из нас - хотя некоторые могут счесть это высокомерием или эгоизмом, - весь мир вращается вокруг нас, для нас и из-за нас. Таков парадокс общества: желания одного из его членов часто находятся в прямом противоречии с потребностями всего общества в целом. Кто из нас не задавался вопросом, не является ли весь окружающий мир всего лишь плодом воображения отдельной личности?

Я не считаю такие мысли проявлением надменности или эгоизма. Это всего лишь вопрос восприятия; мы можем соперничать другому, но не в состоянии видеть мир таким, каким видит его другой, или судить о том, какое влияние оказывают события на его разум и сердце, даже если речь идет о друге.

Но мы должны стремиться к этому. Ради всего этого мира мы должны пытаться. Это испытание альтруизма, без которого невозможно само существование общества как такового. Здесь заключен парадокс, ибо, рассуждая логически, каждый из нас должен в большей степени заботиться о самом себе, нежели о других. Но если мы, как существа разумные, будем следовать только рациональной линии поведения, мы поставим свои потребности и желания над нуждами нашего общества, и тогда оно погибнет.

Я происхожу из Мензоберранзана, города дроу, города «эго». Я видел, к чему ведет эгоизм. Я видел, как он потерпел страшную неудачу. Когда во главе угла потворство своим желаниям, в проигрыше оказывается все общество, и в конце концов тот, кто борется за личные выгоды, остается ни с чем.

Потому что все, что мы узнаем в этой жизни, приходит к нам благодаря нашим отношениям с окружающими. Потому что ничто вещественное не сравнится с тем неосознаваемым, что заключено в любви и дружбе.

Поэтому мы должны преодолеть эгоизм. Я понял эту истину после того, как на капитана Дюдермонта напали в Глубоководье. Сначала я решил, что причиной было мое прошлое, что моя жизнь вновь принесла боль другу. Эта мысль была невыносима, я почувствовал себя старым и уставшим. Когда впоследствии я узнал,

что причиной происшедшего были скорей всего старые счеты с Дюдермонтом, а не со мной, это прибавило мне мужества и дало силы сражаться.

Почему же так? Опасность для меня лично не уменьшилась, она осталась такой же, какой и была, и для Дюдермонта, и для Кэтти-бри, и для всех остальных.

И все же мои чувства были неподдельными, очень искренними, и я осознал и понял их. Сейчас, размышляя об этом, я постигаю, в чем источник этих чувств, и горжусь этим. Я видел крах эгоистичной морали, я бежал из такого мира. Я бы скорее сам умер из-за прошлого Дюдермонта, чем позволил ему погибнуть из-за моего прошлого. Я снес бы и физические страдания, и даже смерть. Все лучше, чем видеть, как тот, кого я люблю, страдает и умирает из-за меня. Я предпочитаю, чтобы сердце мое вырвали из груди, нежели видеть уничтоженным то, что заключено в этом сердце, самую суть любви, сочувствие и потребность принадлежать к чему-то большему, чем моя телесная оболочка.

Странная штука - чувства. Как они разлетаются перед лицом логики, как они берут верх над самыми основными инстинктами. Потому что, оценивая все с позиций времени и с позиций гуманизма, мы чувствуем, что инстинктивное потакание своим желаниям - это слабость, мы ощущаем, что потребности общества должны перевешивать желания индивидуума. Только когда мы признаем наши провалы и осознаем наши слабости, мы сможем подняться над ними.

Вместе.

Это абсолютные понятия, пантеон идеалов, прекрасные боги и злобные демоны, навсегда сцепившиеся в борьбе за души смертных. Понятие Ллос - это абсолютное зло, понятие Миликки - абсолютное добро. Они противоположны, как черное и белое, и между ними нет никаких оттенков серого.

Таковы добро и зло. Абсолютные, жесткие понятия. Не может быть никакого оправдания подлинно злomu деянию, никаких оттенков серого.

Несмотря на то что добрый поступок часто приносит личную выгоду, само это деяние являет собой абсолютную ценность, ибо определяется целью поступка и воплощается в нашей вере в тот самый пантеон. Но всегда ли так считают все смертные расы, разумные существа, - люди и эльфы, дворфы и полурослики, гоблины и великаны? Подобное многообразие приводит к неразберихе, смешению абсолютных понятий.

Логика многих очень проста: я - дроу, дроу - злые, следовательно, я - злой.

Они не правы. Ибо что есть разумное существо, если не олицетворение возможности выбора? И не может быть ни добра, ни зла без цели. Правда, в Королевствах есть расы и культуры, особенно гоблины, у которых в целом доминирует зло, и другие, такие как светлые эльфы, которые ближе к концепции добра. Но даже в этих расах, которых многие считают воплощениями абсолюта, имеют место цели и действия индивидуумов, которые в конечном счете и оказываются решающими. Я знал гоблина, который не был злобен, я - пример дроу, который не пошел по жизни дорогами своей расы. И все же немногие дроу, и еще

меньшее число гоблинов, являются исключениями из правила, и поэтому утверждения общего характера остаются в силе.

Наиболее любопытной и разнообразной среди всех рас является раса людей. Здесь результаты в наибольшей степени могут отклоняться от абсолюта, поскольку главным у людей является восприятие, а цель зачастую скрыта, засекречена. Ни одна раса не обладает таким опытом в искусстве самооправдания. Никто не сравнится с людьми в умении изобрести благовидные предлоги и уважительные причины и в конце концов заявить о высокой цели. И ни одна другая раса не обладает такой способностью верить в свои собственные утверждения. Сколько было войн между людьми, когда обе воюющие стороны заявляли, что бог, добрый бог, на их стороне и в их сердцах!

Но добро - это не предмет восприятия. То, что является «добром» для одной культуры, не может быть «злом» для другой. Это может быть справедливо для нравов животных и для мелких козней, но не для добродетели. Добродетель абсолютна.

Она должна быть таковой. Добродетель - это торжество жизни и любви, признание других и желание стремиться к добру, к лучшему. Она означает отсутствие гордости и зависти, готовность делиться радостью и наслаждаться достижениями других. И не требует оправдания, потому что есть в каждом сердце. Если некто совершает злой поступок, то, как бы он ни пытался скрыть свои истинные намерения, ему не уйти от истины, абсолютной истины, находящейся в его собственном сердце.

Внутри каждого из нас есть такое место, где мы не можем укрыться от самих себя, где судией является добродетель. Признать истинную природу наших деяний означает предстать перед этим судом, для которого не имеет значение само деяние. Добро и зло - это цели, а цель не подлежит оправданию.

Все мы когда-нибудь попадем в это место. И Кэддерли Бонадьус, создавший Храм Парящего Духа, самое величественное и все же самое скромное из человеческих достижений. И Артемис Энтрери. Возможно, это случится после его смерти, но он отправится туда, поскольку таков удел всех нас в конечном счете, и какие же страдания ему предстоят, когда он осознает истинную суть своей порочной жизни! Я молюсь о том, чтобы он отправился туда скорее, и мое пожелание не имеет ничего общего с местью, ибо месть не стоит молитвы. Пусть Энтрери предстанет перед судом своего сердца, чтобы увидеть истину и прозреть. И тогда он найдет радость даже в наказании, подлинную гармонию, которую никогда не мог познать на прежних путях.

Я посещаю это место в своем сердце так часто, как только могу, для того чтобы избежать ловушек легкого оправдания. Это место полно боли, но, только приходя туда, мы можем подняться к добру. Только там, где не действуют никакие ложные оправдания, мы можем осознать истинность наших намерений и в силу этого познать суть наших деяний. Только там, где судия добродетель, рождаются герои.

Я хорошо помню, как я вернулся в Мензоберранзан, город, в котором родился, город моего детства. Я плыл на плоту, и вот показался город - зрелище, которого я боялся и которого в то же время страстно желал. Я никогда не хотел вернуться в Мензоберранзан, и все же мне было интересно, что я почувствую, оказавшись там. Было ли это место таким ужасным, как в моих воспоминаниях?

Я хорошо помню тот момент, когда мы проплывали мимо изогнутой стены пещеры и в поле нашего зрения попали скульптуры, высеченные в сталагмитах.

Это было разочарованием.

Я не испытал ни гнева, ни благоговейного страха. Никакой теплоты ностальгии, подлинной или фальшивой, не снизошло на меня. Никаких воспоминаний о детстве, даже о хороших временах, проведенных с Закнафейном.

В тот решающий момент я понял только, что в городе горят огни: необычное и, возможно, значительное событие. Я думал лишь о своей миссии и о том, что следует быстро двигаться, чтобы ее выполнить. Мои страхи, ибо, разумеется, они оставались, были сугубо рационального свойства. Не импульсивные и безрассудные страхи, возникшие из воспоминаний детства, но весьма реальные волнения, вызванные тем, что я входил в логово могущественного врага.

Позже, когда позволила обстановка, я поразмыслил над той минутой, удивленный, что она оказалась столь разочаровывающей, столь несущественной. Почему меня не ошеломил вид города, который был для меня родным в течение первых тридцати лет жизни?

И, только обойдя с северо-запада Хребет Мира и вернувшись в Долину Ледяного Ветра, я понял истину. Мензоберранзан был всего лишь одним из мест, встретившихся в моем путешествии, но он никогда не был моим домом. Как и говорилось в предсказании слепой ведьмы: Долина Ледяного Ветра была моим первым домом. Все, что до нее - Мензоберранзан, Блингденстоун, даже заколдованная роща моего наставника Монтолио Де Бруши, - было всего лишь путем, по которому следовало идти.

Я понял это, когда обогнул Хребет Мира и вновь увидел Долину, - впервые за последние десять лет ощутил на своем лице непрекращающийся ветер, тот ветер, который всегда был здесь и который дал этому месту свое имя.

Сложное понятие: дом! Оно звучит по-разному почти для каждого. Для меня дом - это не только место, но и чувство, теплое и уютное ощущение, что все в порядке. Дома мне не нужно извиняться за то, что я делаю, или за цвет моей кожи. Здесь меня должны принять, потому что здесь мое место. Оно одновременно и в личном, и в совместном владении, ведь этому месту личность подходит в наибольшей степени, но только из-за того, что вокруг - друзья.

Когда я увидел Долину Ледяного Ветра, меня переполнили воспоминания о том, что здесь происходило, - совсем не так, как это было при первом моем взгляде на Мензоберранзан. Я вспомнил, как сидел на склоне Пирамиды Кельвина, наблюдая за звездами и кострами странствующих племен варваров, вспомнил о том, как я сражался с йети рядом с Бренором. А кислое выражение лица дворфа, когда он лизнул свой топор и впервые узнал о том, что мозги йети ужасны на вкус! И первая встреча с Кэтти-бри, верной моей спутницей. Тогда она была совсем еще девочкой,

доверчивой и прекрасной душой, неистовой по своей природе и все же всегда тонко чувствующей.

На меня нахлынул поток образов, и хотя моя задача теперь была не менее жизненно важной и неотложной, чем та, что привела меня в Мензоберранзан, я не думал ни о ней, ни о предстоящих мне действиях.

В тот момент это просто не имело никакого значения. Я думал только о том, что я пришел домой.

Берктгар был прав.

Он был прав, приведя свой народ в Долину Ледяного Ветра, и прав даже в большей степени, вернувшись к древнему образу жизни. Конечно, в Сэттлстоуне варварам было хорошо: пищи больше, жилье лучше, соседи - друзья и союзники. Но в открытой тундре, где паслись олени, жил их бог. Там, в тундре, в земле, что хранила кости их предков, присутствовал их дух. В Сэттлстоуне варвары были богаче, но в тундре они были бессмертны и потому, безусловно, богаче духовно.

Поэтому Берктгар был прав, придя в Долину Ледяного Ветра и вернувшись к древнему образу жизни. Но прав был и Вульфгар, объединяя племена и выковывая союз с народом Десяти Городов, а особенно с дворфами. И, неосторожно уведя свой народ из Долины, он тоже был прав, пытаясь улучшить судьбу племен, хотя, возможно, они ушли слишком далеко от своего древнего образа жизни, пути, соответствующего духу варваров.

Вожди варваров приходят к власти, бросая открытый вызов, «по крови или по деянию». Так же они и управляют. По крови, руководствуясь мудростью столетий, и по родству, продолжая следовать прежним курсом. Или по деянию, силой ли, телесной доблестью. И Вульфгар, и Берктгар заявили о своем праве: стать вождями по деянию. Вульфгар - убив дракона Ледяную Смерть, а Берктгар - взяв на себя управление Сэттлстоуном после смерти Вульфгара. На этом, однако, сходство заканчивается, ибо Вульфгар впоследствии управлял по крови, в то время как Берктгар продолжает управлять по деянию. Вульфгар искал, что будет лучше для его людей, всегда доверяя им: и когда они поддерживали его, и когда не одобряли выбранный им курс.

Берктгару не свойственно такое доверие, ни к своему народу, ни к самому себе. Он действует только силой и устрашением. Он был прав, вернувшись в Долину, и его народ признал бы эту истину и одобрил бы его курс, но он никогда не предоставил людям такой возможности.

Поэтому Берктгар допустил ошибку, у него не нашлось советчиков, которые показали бы ему недалекость его пути. Возвращение к старому не должно быть полным. Не следует отказываться от того хорошего, что принесло с собой новое. Как это часто бывает, истина находится где-то посередине. Ревджак знал это, так же как и многие другие, особенно старшие члены племени. Однако они не могли ничего сделать, пока Берктгар правит по деянию, пока его власть лишена уверенности и потому доверия.

Многие члены племени, главным образом молодые и сильные мужчины, находятся под сильным впечатлением от могущества Берктгара, его решительного образа действий; их кровь бурлит, их души воспаряют.

Не придется ли им упасть вниз?

Лучший путь - живя по заветам предков, твердо придерживаться союзов, выкованных Вульфгаром. Это путь крови, путь мудрости!

Берктгар правит по деянию, а не по крови. Он поведет свой народ по древним путям, сражаясь с древними врагами.

Его путь - это дорога скорби.

Тёмные тропы

Незримый клинок

Я нередко задумываюсь, почему я ощущаю неясное томление, когда сабли мои лежат в ножнах, а в мире вокруг все дышит покоем. Ведь ради этого я и живу, именно за этот покой, о котором мы все мечтаем, когда воюем, я и борюсь, но при этом в мирные времена – бывшие нечастым подарком за семьдесят с лишним лет моей жизни – у меня нет ощущения, что идеал наконец достигнут. Как раз наоборот – мне тогда кажется, что в жизни чего-то не хватает.

Это какое-то нелепое несоответствие, но я понял, что я – прирожденный воин, существо, которое должно действовать. Когда в действии нет необходимости, мне становится тягостно.

Если на горизонте не маячит очередное приключение, если нет чудищ, с которыми нужно, сразиться, и вершин, которые можно покорить, меня одолевает скука. Со временем я понял, что такова уж моя натура, таким я создан, и поэтому в редкие промежутки, когда жизнь кажется пустой, можно найти выход и победить скуку – скажем, разыскать вершину выше прежней и покорить ее.

Сейчас, наблюдая за Вульфгаром, вернувшимся из клубящейся тьмы преисподней, где безраздельно правил Эррту, я замечаю в нем похожие симптомы. Но боюсь, состояние Вульфгара серьезнее, чем обычная скука; он постепенно впадает в глубокое безразличие. Когда-то он так же, как я, не любил покой, однако теперь даже действие не способно излечить его от апатии. Его родной народ звал его к себе и хотел снова поставить во главе союза племен. Даже упрямый Берктгар готов был уступить ему место вождя, потому что понимал, как и все остальные, что под руководством Вульфгара, сына Беорнегара, кочевым племенам Долины Ледяного Ветра жить будет намного лучше.

Но Вульфгар не внял их призыву. И я вижу, что не скромность, не слабость и не боязнь не справиться со своими обязанностями или не оправдать ожиданий людей удерживают его. Со всем этим можно совладать, урезонить себя, прибегнуть, наконец, к помощи друзей, в том числе и к моей. Нет, причина в другом.

Просто Вульфгару все совершенно безразлично.

Быть может, его собственные страдания в лапах Эррту были столь велики, что он разучился чувствовать боль других существ? Может, он пережил такие невыносимые ужасы, что теперь глух к чужим крикам?

Безразличия я боюсь больше всего, потому что от этой болезни нет верного средства. Но если быть честным до конца, то, вглядываясь в лицо Вульфгара, я вижу ее бесспорные признаки. Он так погружен в себя, что воспоминания о перенесенных ужасах заволокли его зрение. Быть может, он даже не понимает, что кто-то другой может страдать. Л если и понимает, то думает, что ничья боль не сравнится с тем, что пришлось вынести ему в шестилетнем плену у Эррту. Утрата способности сопереживать может оказаться самым глубоким и долго не заживающим следом его мук, незримым клинком врага, терзающим его сердце и лишаящим моего друга не только сил, но и самой сути человеческой личности. Ибо кто мы есть без сопереживания? Разве можно найти в жизни какую-то радость, если мы не способны понять радости и горести других, если не можем разделить чувства своих близких? Я вспоминаю годы, проведенные в Подземье после того, как я сбежал из Мензоберранзана. Я смог пережить эти долгие годы в одиночестве, если не считать несчастных появлений Гвенвивар, только благодаря своему воображению.

Но я не уверен даже в том, что Вульфгар сохранил эту способность. Ибо для воображения требуется погружение в себя, в свои мысли, но, боюсь, всякий раз, как мой друг обращает мысленный взор внутрь себя, все, что он там видит, – это грязное месиво и ужасы Бездны и пасти прислужников Эррту.

Он окружен друзьями, которые любят его всем сердцем и готовы оставаться с ним до конца, чтобы высвободить его душу из невидимых сетей Эррту. Может быть, Кэтти-бри, которую он когда-то так сильно любил (и, возможно, все еще любит), сыграет самую важную роль в его возвращении к нормальной жизни. Должен признать, мне больно видеть их вместе. Она изливает на Вульфгара столько нежности и сострадания, однако он остается глух ко всему. Было бы лучше, если бы она влепила ему пощечину, глянула бы сурово, чтобы он встряхнулся и понял, в каком состоянии находится. Я хорошо это понимаю, но все же не могу посоветовать ей вести себя иначе, потому что их взаимоотношения гораздо сложнее, чем представляется стороннему наблюдателю. Я думаю лишь о благе Вульфгара, но все же, если бы я убедил Кэтти-бри проявлять к нему поменьше сострадания, это могло бы быть понято – по крайней мере Вульфгаром – как вмешательство ревнивого соперника.

Хотя, может, и нет. Правда, я не знаю, что испытывает Кэтти-бри по отношению к своему бывшему суженому, она стала довольно скрытной в последнее время, но я вижу, что Вульфгар сейчас не способен любить.

Не способен любить... Разве можно сказать о человеке что-либо более удручающее? По-моему, нет, и я многое отдал бы за то, чтобы не говорить этого о Вульфгаре. Но для любви, истинной любви, нужно уметь сопереживать. Сопереживать в радости, в горе, в веселье, в печали. Когда человек воистину любит, его душа становится зеркалом чувств и переживаний другого, и тогда радость умножается, подобно тому как комната с зеркальными стенами кажется больше. И как многочисленные отражения сглаживают неповторимость черт находящихся

внутри этой комнаты предметов, так же и горести уменьшаются и бледнеют, будучи разделенными другим существом.

Именно этим и прекрасна любовь, вне зависимости от того, что питает ее – страсть или дружеское чувство, прекрасна тем совместным переживанием, что умножает радости и уменьшает горе. Вокруг Вульфгара сейчас друзья, от всей души жаждущие взаимопонимания и родства душ, которое когда-то существовало между нами. Но он не в состоянии ответить на наши чувства, не может пробиться сквозь стены, которые сам же возвел, защищаясь от демонов.

Он утратил способность сопереживать. Мне остается лишь молиться, чтобы когда-нибудь она вновь возродилась в нем, чтобы со временем он смог открыть сердце и душу тем, кто этого заслуживает, поскольку без сопереживания у него не будет цели, а без цели он не обретет удовлетворения. Без удовлетворения не будет удовольствия, а без удовольствия он никогда не испытает радости.

А мы, все мы, ничем не сможем ему помочь.

У каждого из нас свой путь. Эта мысль кажется такой простой и очевидной, но человеческие взаимоотношения нередко складываются так, что мы отказываемся от своих заветных чувств и желаний во имя других людей и зачастую далеко уходим от своего пути.

Но все же если мы хотим быть по-настоящему счастливы, то должны следовать зову своего сердца и в одиночку найти собственный путь. Я осознал эту истину, когда покинул Мензоберранзан, и убедился в правильности своего пути, когда попал в Долину Ледяного Ветра и нашел там прекрасных друзей. Но после последней жестокой битвы в Мифрил Халле, когда на дворфов обрушилась, похоже, половина населения Мензоберранзана, я понял, что мой путь ведет в другие земли, что нужно отправляться в путешествие, где взору откроются новые горизонты. И Кэтти-бри почувствовала то же самое, а поскольку ее желание оказалось созвучным моему, но при этом глубоко личным, я с радостью согласился быть ее спутником.

У каждого из нас свой путь, я с болью осознал это тем утром в горах, когда Вульфгар решил расстаться с нами. Как мне хотелось остановить его! Как хотелось умолить его остаться, а если не получится, избить до бесчувствия и притащить обратно в лагерь! Когда мы расстались, я ощутил в сердце такую же пустоту, как тогда, когда узнал о его гибели в пасти йоклол.

А потом, когда я возвращался в лагерь, боль потери в моей душе заглушило чувство вины. Может, я с такой легкостью отпустил Вульфгара из-за тех отношений, что связывали его и Кэтти-бри? Может, какой-то частью своего существа я воспринимал возвращение своего друга как помеху тем чувствам, что зародились между мной и ею за время, прошедшее после того, как мы вместе ушли из Мифрил Халла?

Но когда я вернулся к своим спутникам, ощущение вины уже развеялось. У меня была своя дорога, у Вульфгара – своя, так пусть и Кэтти-бри найдет свою. Со мной ли, с Вульфгаром, кто знает? Но какой бы путь она ни избрала, я не стану пытаться

изменить ее выбор таким способом. И я отпустил Вульфгара не ради какой-то личной выгоды. Но на душе у меня действительно было тяжело. Я отпустил друга без возражений, потому что понимал, что ни я, ни другие не смогут сделать ничего, чтобы исцелить его раны. Мне нечего было сказать ему в утешение. И хоть Кэтти-бри удалось пробиться к нему, Вульфгар, ударив ее, все разрушил.

Отчасти Вульфгара гнал от нас страх. Он считал, что не сможет совладать с чудовищами в своей душе и, находясь во власти страшных воспоминаний, может и в самом деле ранить кого-нибудь из пас. Но главное – ему было стыдно. Как он сможет взглянуть в глаза Бренору после того, как ударил Кэтти-бри? Как он сможет посмотреть в лицо ей? Какие тут возможны слова извинения, если все могло повториться вновь, и он сам это знал? Но и без этого вопиющего происшествия Вульфгар чувствовал себя слабым, поскольку образы, оставшиеся после пребывания у Эррту, имели столь большую власть над его душой. Ведь если рассуждать здраво, это были всего лишь воспоминания, нечто совершенно неуловимое, и они не должны были до такой степени поработить сильного мужчину. Но в том прямолинейном и материалистичном восприятии мира, к которому привык варвар, быть поработленным какими-то воспоминаниями означало непростительную слабость. В его культуре проиграть бой не считается зазорным, зато бежать с поля битвы – это глубочайший позор. Соответственно, неспособность победить громадное чудовище вполне понятна и простибельна, но неспособность сопротивляться чему-то неосязаемому, вроде воспоминания, равняется трусости.

Надеюсь, он поймет, что это не так. Он поймет, что не должен испытывать стыд за свое бессилие в борьбе с неотступными ужасами и искушениями Бездны. И потом, когда он сбросит с себя тяжкий груз позора, то найдет способ победить страхи и чувство вины за то, что поддался искушениям. И тогда он возвратится в Долину Ледяного Ветра, к тем, кто любит его и будет рад его возвращению.

Только тогда.

Я надеюсь на это, но верить не могу. Вульфгар бежал к диким скалам Хребта Мира, где живут йети, великаны и гоблины, где волки, учуяв добычу, будь то олень или человек, уже не отступятся от нее. Я ведь не знаю, спустится ли он с гор в тундру, которую хорошо знает, уйдет ли в более спокойные южные земли или же будет бродить по опасным горным тропам, играя со смертью, надеясь вновь вернуть себе ту храбрость, которую, как ему кажется, он утратил. Не исключено, что он слишком заиграется, и тогда смерть победит его и положит конец его мучениям.

Я боюсь этого, но ничего не могу изменить.

У каждого из нас свой путь, и Вульфгар пошел своим. И, насколько я понимаю, его тропа так узка, что для спутника на ней нет места.

Мы путешествовали сушей и морем, от Глубоководья на юг, оставляя за спиной милую, за милей и все больше увеличивая расстояние между нами и другом, покинутым там.

Другом...

Много раз в эти долгие трудные дни каждый из нас про себя раздумывал над значением этого слова и ответственностью, связанной с этим понятием. Мы оставили Вульфгара одного в дикой, необжитой местности у Хребта Мира и теперь не знали, все ли с ним в порядке да и жив ли он еще. Разве настоящий друг может так вот бросить другого? Разве настоящий друг отпустит другого идти в одиночестве по дороге, полной неожиданностей и опасностей?

Я часто размышляю над значением слова «друг». Кажется, что дружба – понятие предельно ясное, но при этом оно сопряжено со столькими сложностями. Надо ли мне было останавливать Вульфгара, даже если я был согласен с тем, что ему надо самому пройти свой путь? Или я должен был пойти с ним? Или же нам всем вчетвером следовало идти за ним, тайком оберегая его?

Думаю, нет, хоть и должен признать, что не знаю наверняка. Грань между дружбой и навязчивой опекой чрезвычайно тонка, и если ее преступить, исход может быть плачевным. Иногда родитель, желающий стать своему ребенку истинным другом, отказывается от своей родительской власти, и если сам он, возможно, будет и неплохо себя чувствовать, отказавшись от руководящей роли, ребенок может страдать оттого, что его больше не направляют. И, что еще хуже, он может лишиться чувства защищенности, которую должен обеспечивать старший. А друг, принимающий на себя обязанности родителя или покровителя, забывает о самой важной составляющей дружбы – уважении.

Уважение – краеугольный камень дружеских отношений, а оно, в свою очередь, невозможно без доверия.

Поэтому мы вчетвером молимся за Вульфгара и надеемся, что наши пути снова пересекутся. Но мы не отступаем от своего понимания дружбы, доверия и уважения, хотя часто оглядываемся через плечо и думаем о его судьбе. И соглашаемся идти разными дорогами, хотя без большого желания.

Конечно, испытания, выпавшие Вульфгару, в каком-то смысле разделил и я, но сейчас больше всего изменениям может подвергнуться не моя дружба с варваром – по крайней мере с моей стороны, потому что я предоставляю ему самому решать, насколько глубок и прочен наш союз, – а мои отношения с Кэтти-бри. Наша любовь для нас обоих – не тайна, равно как и для всех, кто видит нас (и я опасаясь, что возникшее между нами чувство могло сыграть не последнюю роль в том, что Вульфгар принял свое решение), но природа этой любви остается загадкой и для меня, и для Кэтти-бри. Во многом мы стали почти как брат и сестра, мы близки больше, чем я мог бы надеяться сблизиться с кем-либо родным мне по крови. В течение нескольких лет мы могли рассчитывать только на помощь друг друга и теперь совершенно уверены: что бы ни случилось, другой всегда подставит свое плечо. Я бы отдал за нее жизнь, как и она – за меня, без всяких сомнений и колебаний. Воистину, ни с кем другим – ни с Бренором, ни с Вульфгаром, ни с Реджисом, ни даже с Закнафейном – я не хотел бы провести свою жизнь. Никто лучше, чем она, не может, глядя вместе со мной на восходящее солнце, понять те чувства, что будит во мне это зрелище. Нет никого, кто, сражаясь бок о бок со мной, мог бы лучше дополнять меня в бою. Никто лучше ее не поймет, что у меня в мыслях и на сердце, и мне не нужно будет даже говорить об этом вслух.

Но что это означает?

Бесспорно, я чувствую к ней физическое влечение. В ней непостижимо сочетаются невинность и женское коварство. Несмотря на то что эта женщина преисполнена доброты, сочувствия и сострадания, в ней есть нечто, что заставляет врагов трепетать от страха, а возможного возлюбленного – от предвкушения близости. Думаю, она испытывает по отношению ко мне схожие чувства, но при этом мы осознаем, какая опасность таится в этой неизведанной области, опасность более грозная, чем любой из врагов, с которыми нам приходилось сталкиваться. Я дроу, я молод, и передо мной еще взойдут и угаснут несколько веков. Она – человек, и, хотя она тоже еще молода, ей осталось жить лишь несколько десятков лет. Жизнь Кэттибри и так непроста оттого, что спутник ее странствий – темный эльф. А насколько сложнее она будет, если мы станем чем-то большим? И как отнесется мир к нашим детям, если когда-нибудь они у нас будут? Примет ли их хоть один народ?

Однако я знаю, что чувствую, когда гляжу на нее, и надеюсь, что понимаю и ее чувства. Все это кажется таким ясным, в то же время, увы, таким сложным.

В королевском дворце, на бастионе военного укрепления, в башне колдуна, в стане кочевых варваров, в крестьянском доме среди полей, окруженных каменными оградками или плетнями, даже в крохотной невзрачной комнате на черной лестнице ветхой харчевни каждый из нас тратит много сил на то, чтобы создать свое собственное маленькое королевство. Будь то в великолепном дворце или в крошечном домике, все, от надменной знати до непритязательных в своих чаяниях беднейших крестьян, испытывают глубокую потребность в обладании или по крайней мере управлении чем-то. Мы хотим – нам необходимо – найти свое собственное царство, свой уголок в этом мире, подчас таком непонятном и запутанном, чтобы хотя бы там ощущать какую-то упорядоченность, раз уж огромный мир нам неподвластен.

Вот мы и стараемся, создаем и ограничиваем, ставим запоры и заборы, а потом ожесточенно защищаем свой мирок с мечом или с вилами в руках.

Мы надеемся, что он станет нашим тихим пристанищем в конце долгого пути, полного суровых испытаний, заслуженным, надежным покоем после жизни, полной смятения. Но надежды не оправдываются, потому что покой – это не место, пусть даже ограниченное забором и высокими стенами. Величайший из королей, имеющий громадную армию и живущий в неприступной крепости, совсем не обязательно живет в покое. Напротив, владение несметными богатствами может отнять даже надежду на безмятежность. Пусть существует надежная защита, но остается другое беспокойство, и его не избежать никому. И король, и самый последний нищий временами испытывают неизъяснимое раздражение. Я не имею в виду сильную ярость, которую нельзя выразить словами. Скорее это чувство досады и разочарования, такое неуловимое, такое всепроникающее, что его даже не сразу осознаешь. Оно – невидимый источник внезапных вспышек гнева, незаслуженно изливаемого на друзей и родных, нарушитель нашего спокойствия. Освобождение от него можно отыскать только внутри себя, в своей душе и разуме.

Бренор создал королевство в Мифрил Халле, но мира там не обрел. Он предпочел вернуться в Долину Ледяного Ветра, в место, которое он называл домом, не из жажды богатства и не по праву наследования, а потому, что там, в промерзлой тундре, Бренор познал высшую меру душевного покоя. Здесь он жил среди друзей, я был в их числе. И хоть он никогда не сознается в этом – я даже не уверен, что он это осознает, – его возвращение в Долину Ледяного Ветра было, по сути, предопределено его желанием вернуться в то состояние души, которое он переживал, когда он, я, Реджис, Кэтти-бри и Вульфгар были вместе. Бренор вернулся в поисках воспоминаний.

Я подозреваю, что на своем пути Вульфгар тоже нашел какое-то пристанище: таверну в Лускане или Глубоководье, заброшенный сарай в деревеньке, пещеру в скалах Хребта Мира. Пока что Вульфгар вряд ли может представить себе место, где ему действительно хотелось бы находиться, тот земной рай, куда он может направиться. Но если он преодолит морок болезненных воспоминаний и вспомнит, как хорошо ему бывало в прошлой жизни, то скорее всего он вернется в Долину Ледяного Ветра в поисках истинного дома своей души.

Много таких маленьких королевств, которые мы имеем глупость создавать, я видел в Мензоберранзане. Это были сильные, влиятельные Дома, вокруг которых воздвигались мощные ограждения в тщетном старании защититься от врагов. И когда я покинул этот город и ушел в дикое Подземье, я тоже старался создать там свой мирок. Я провел много времени в пещере, общаясь только с Гвенвивар и деля жилище с похожими на грибы созданиями, которых я не понимал и которые не понимали меня. Я попал потом в Блингденстоун, город свирфов, и мог бы обосноваться там, если бы только мое пребывание не грозило навлечь на них беду, ведь дроу обитали совсем близко.

И я вышел на поверхность. Моим домом стала чудесная роща в горах, где я жил вместе с Монтолио Де Бруши и где, пожалуй впервые, обрел хоть какой-то внутренний мир. Но все же я понял, что и эта роща – не мой дом, потому что, когда Монтолио не стало, я, к своему изумлению, не смог дольше там оставаться.

В конце концов я нашел свое место в этом мире и понял, что оно – внутри меня, а не вовне. Это произошло, когда я оказался в Долине Ледяного Ветра и встретил Кэтти-бри, Реджиса и Бренора. Только тогда я смог победить неизъяснимый гнев внутри. Только тогда я понял, что такое настоящий покой и безмятежность.

Теперь я всегда ношу мой мир с собой, вне зависимости от того, есть ли рядом мои друзья. Мое королевство – в душе и в сердце, окруженное стенами истинной любви, дружбы и теплом воспоминаний. Оно лучше любого земного королевства, оно защищено крепче любого замка, а главное – его можно носить с собой.

И я могу только надеяться и молиться, чтобы Вульфгар в конце концов одолел тьму и обрел такой же душевный покой.

Хребет Мира

У меня на родине, в Мензоберранзане, городе, где мои соплеменники строят дьявольские козни друг против друга и получают истинное наслаждение, если соперник погибает мучительной смертью, всегда нужно смотреть в оба и быть готовым ко всему. Если темный эльф не будет настороже, его ждет скорая гибель, поэтому в Мензоберранзане не принято употреблять различные одурманивающие курения и напитки.

Правда, есть исключения. На церемонии окончания Мили-Магтир, школы воинов, которую прошел и я, выпускники должны были принять участие в настоящей оргии, сопровождавшейся воскурением дурманящих трав и совокуплением со жрицами из Арах-Тинилит, – это бездумный разгул страстей, которому предаются самозабвенно, не заботясь о последствиях,

Я не стал принимать в нем участие, хотя тогда и не вполне понимал почему. Мне казалось, это было противно моей нравственности (я и по сей день так считаю), к тому же обесценивало вещи, которыми я дорожил и которые чтил. Теперь, мысленно возвращаясь к тем дням, я лучше понимаю, почему во мне родилось такое отвращение. Не говоря уже о моральной стороне, очень важной для меня, мне была неприятна сама мысль о том, что мой разум затуманится под воздействием зелий. Едва почувствовав опьяняющие пары курений, все мое существо восстало, но лишь недавно я стал осознавать, почему именно мне так претит любое опьянение и я не допускаю ничего подобного в своей жизни.

Все эти зелья и курения плохо влияют на тело – притупляют рефлексы и лишают способности ориентироваться в пространстве и времени, но страшнее то, что они двояко воздействуют на разум. Во-первых, они стирают и болезненные, и приятные воспоминания, а во-вторых, уничтожают мысли о будущем. Все опьяняющие вещества запирают человека в настоящем, где он может не заботиться о грядущем и позабыть о прошлом. Это ловушка, бездумное погружение в сиюминутное наслаждение, тупик. Одурманенный человек нередко решается на безрассудные поступки, потому что отравляющие вещества заглушают не только внутренний голос, но даже инстинкт самосохранения. Разве мало юных воинов под воздействием яда очертя голову бросаются на превосходящего их по силам врага, на верную гибель? Разве мало молодых женщин рожают детей, зачатых от случайных любовников, которых они ни секунды не рассматривали бы в качестве будущего мужа, будучи трезвыми?

Это ловушка безысходности, чего я совершенно не терплю. В моей жизни всегда есть место надежде на будущее, упованию, что будущее будет лучше прошлого, если, конечно, я приложу к этому силы. Чувство удовлетворения можно испытать лишь тогда, когда сам творишь собственную жизнь, потому что истинная радость всегда связана с ощущением, что ты чего-то достиг. Как можно позволить себе минутную слабость, если она в состоянии разрушить все, чего добился и к чему только стремишься? Как бы я мог выстоять перед всеми невзгодами, если бы мой мозг был

затуманен отравой, не позволяющей мне вынести верное суждение или найти правильное решение?

К тому же нельзя недооценивать те подводные камни, которые таит в себе употребление таких веществ. Ведь если бы я тогда, во время церемонии, позволил разгульному вихрю подхватить меня и предался бы разврату с одной из жриц, мог бы я с тем же благоговением думать потом об истинной любви?

Вряд ли. Чувственное наслаждение должно быть, на мой взгляд, наивысшим накалом физического желания в единстве со стремлениями души и рассудка, это результат полной отдачи своего тела и духа другому существу, к которому чувствуешь безусловное доверие и уважение. Совокупление на церемонии выпуска ничего общего с этим идеалом не имело: грубое телесное действо, так сказать, обмен товаром. Никакого полета чувств, никакого духовного опыта и никакой истинной радости там возникнуть не могло.

Я не могу жить в таком безнадежном, животном довольстве, где нет места более высоким стремлениям.

Поэтому я не признаю использования дурманных веществ, за очень редкими исключениями. И хотя я никогда не стану судить приверженного к ним человека, мне будет жаль его опустошенную душу.

Что заводит человека в этот капкан? Наверное, боль или такие страшные воспоминания, с которыми он не может справиться. Опьянение действительно может приглушить боль, причиняемую прошлым, за счет надежды на будущее. На мой взгляд, плата слишком высока.

Я все думаю об этом и боюсь за своего бедного друга Вульфгара. Кто знает, в чем он ищет спасение от своих мук?

Я жил в разных местах: в населенном дроу Мензоберранзане, в Блингденстоуне – городе свирфов, в Десяти Городах, где порядки такие же, как и в большинстве мест обитания людей, жил среди варварских племен, следующих своим обычаям, и в Мифрил Халле, твердыне дворфов клана Боевого Молота. Я жил на корабле, где также существуют свои отношения. Везде есть свои устои и правила, везде разное управление, религия и социальное устройство.

Какое же из них лучше? Доказательств и доводов очень много, одни говорят о благосостоянии, другие – о праве, данном богами, третьи – о предначертании. У дроу есть религиозное оправдание существующего устройства общества – они создали его таким в соответствии с волей Владычицы Хаоса – Паучьей Королевы и, хотя непрерывно ведут войны, чтобы заменить в этой структуре то или иное звено, никогда не покушаются на устройство целого. У свирфов во главу угла ставится почтение и заслуженное уважение к старшим по возрасту, поскольку те, кто прожил много лет, считаются мудрейшими. В населенных людьми Десяти Городах правит тот, кому благоволит большинство, тогда как варвары выбирают вождем того, кто доказал физическое превосходство. У дворфов правят наследственные династии, и Бренор стал королем потому, что и его отец, и дед, и прадед – все были королями.

Для меня же превосходство одного общественного устройства над другим определяется иными мерами, а именно – степенью личной свободы. Из всех мест, где я жил, мне больше всего нравится Мифрил Халл, но, насколько я понимаю, свобода дворфов напрямую зависит от мудрости самого Бренора, а не от традиций народа. Бренор не деятельный король. Он выступает в роли представителя своего народа в политических отношениях, как главнокомандующий в отношениях военных, а также как арбитр в спорах между своими подданными, но лишь в том случае, если его об этом попросят. Бренор оберегает свою независимость и предоставляет такую же свободу всему клану Боевых Молотов.

Я слышал о многих королях и королевах, правителях и жрецах, которые оправдывают свое нахождение у власти только тем, что обычные люди, стоящие ниже их, якобы нуждаются в руководстве. Может, в обществах, которые не изменяются подолгу, так оно и есть, да и то лишь потому, что простые люди, поколениями привыкшие к подчинению, лишились веры в себя и желания выбирать свой собственный путь. Общее, что есть у всех правящих систем, – ущемление свободы отдельного человека, навязывание каждому определенных условий во имя «общины».

Я очень трепетно отношусь к этому понятию – «община», и справедливо, что входящие в такое сообщество люди должны поступиться чем-то и согласиться на некоторое ограничение своей свободы ради общего блага и процветания всех. Но разве все сообщество не станет лишь сильнее, если такая жертва – добровольна и приносится от чистого сердца, а не навязана повелениями старших, правителей, королей и королев?

Свобода – основа всего. Свобода остаться или уйти, трудиться в согласии с остальными или выбрать собственную дорогу. Свобода помогать на пределе возможностей или остаться в стороне. Свобода построить достойную жизнь или прозябать в убожестве. Свобода попытаться счастья или попросту ничего не делать.

Мало кто станет оспаривать стремление к свободе: все, кого я знал, хотели жить свободно или думали, что и так свободны. И тем более странно, что многие не желают считаться с внутренней иеной свободы – ответственностью.

Идеальная община будет существовать и успешно действовать лишь в том случае, если каждый ее член будет признавать свою ответственность за благоденствие ближнего и общины в целом, и не потому, что ему так приказано, а потому, что он сам понимает и принимает, что так лучше. Ведь какой бы выбор мы ни сделали, он неизбежно имеет какие-то последствия, хотя и не всегда очевидные. Эгоистичный человек может думать, что преуспевает, но когда ему станет необходима помощь друзей, рядом с ним может не оказаться никого. Прожив жизнь, такой человек вряд ли оставит по себе добрую память, если вообще останется в памяти людей. Жадность эгоиста может обеспечить его осязаемыми богатствами, однако он никогда не познает истинной радости и наслаждения, которые может дать только любовь.

Так же и с теми, кто исполнен ненависти и зависти, ленивцами и ворами, бандитами, пьяницами и сплетниками. У всех есть свобода выбирать свой путь в этой жизни, но эта свобода подразумевает, что они принимают все последствия своего выбора, как хорошие, так и плохие.

Люди, которым случалось встречаться лицом к лицу со смертью, рассказывали, чаю в то мгновение перед их мысленным взором проносилась вся их жизнь, они видели даже то, что, казалось бы, было давно похоронено в глубинах памяти. И я верю, что в конце, перед неразрешимой загадкой, ожидающей любого из нас за чертой жизни, нам дано благословение – или проклятие – пересмотреть тот выбор, что мы сделали, чтобы все принятые решения встали перед судом совести в тот момент, когда над ними уже не властны сиюминутные условности, не смущают различные оправдания или надежды на осуществление пустых обещаний.

Интересно, многие ли священники включили бы такую минуту предельной откровенности с самим собой в свои описаниярая и ада?

В своей жизни мне часто случалось созерцать природу добра и зла. Я не видел крайние проявления того и другого, но зла все же больше. Вся моя юность прошла среди зла, сам воздух Мензоберранзана был настолько пропитан злобой, что я просто задыхался в нем и поэтому сбежал.

Совсем недавно, когда я сумел завоевать относительное расположение народов поверхности благодаря распространившейся обо мне доброй славе (пусть они и не любят меня, но, по крайней мере, терпят), мне стало ясно: все, что творится в Мензоберранзане, существует и наверху, только не в столь откровенном виде. Слишком уж здесь много оттенков серого, и соотношение света и тьмы весьма причудливо. И многие люди, если не большинство, имеют в душе темную сторону, тягу к страшному, низменному и нередко безразличны к чужой боли.

Ярче всего это проявляется на мероприятиях вроде Карнавала Воров в Лускане, где страшная жестокость прикрывается именем правосудия. Приговоренных, иногда виновных, иногда нет – по существу, это не имеет значения, – проводят перед кровожадной толпой, их избивают, пытаются, после чего казнят, и при этом зрелищность – неременное условие. Ведущий представление судья городского совета делает все возможное, чтобы исторгнуть из уст приговоренных самые душераздирающие вопли; его работа состоит в том, чтобы толпа смогла увидеть на лице несчастного выражение беспредельного ужаса и боли.

Когда-то, будучи в Лускане вместе с капитаном Дюдермонтом, командиром «Морской феи», я посетил такое судилище, куда привели нескольких пиратов, подобранных нами после того, как их корабль пошел ко дну. Увидев, как тысяча людей, сбившись вокруг высокого помоста, кричит и визжит от восторга, наблюдая, как несчастных преступников буквально разрезают на куски, я чуть было не сбежал с корабля Дюдермонта, решив покончить с охотой на пиратов, а вместо этого стать отшельником в месте, где не ступала нога человека.

Но рядом была Кэтти-бри, которая напомнила мне, что те же самые пираты обращались со своими пленниками ничуть не милосерднее. Хотя она согласилась, что это не оправдывает Карнавал Воров, но все же она утверждала, что лучше такая расправа, чем встреча с этими же пиратами в открытом море.

Но почему? Почему такое происходит?

Этот вопрос не давал мне покоя, и в поисках ответа я стал исследовать темную сторону загадочного существа, называемого человеком. Почему обычные, как правило, милые люди могут пасть так низко, чтобы наслаждаться зрелищем вроде Карнавала Воров? Почему даже некоторые из членов команды «Морской феи», которых я считаю благородными, славными людьми, также с удовольствием смотрят этот жуткий спектакль?

Среди миролюбивых народов только люди «празднуют» казни и наказания преступников. У полуросликов такого вида развлечений не существует – в их обществе все преступники умирают от переедания. И у дворфов тоже нет ничего подобного, несмотря на их суровость и грубость. У них принято расправляться с преступниками решительно и чисто, не устраивая из наказания публичного зрелища. За убийство казнят одним-единственным точным ударом по шее. В толпе зрителей на лусканском Карнавале Воров я не видел светлых эльфов. Когда двое из них случайно оказались поблизости, они тут же бежали, испытывая глубочайшее отвращение. И, насколько я знаю, у гномов смертной казни не существует вовсе, там наказывают пожизненным заключением в довольно удобной камере.

Но почему же так делают люди? Откуда эта потребность в зрелищах, подобных Карнавалу Воров? Может, зло – неотъемлемая часть их природы? Но это слишком простой ответ.

Темные эльфы упиваются пытками – мне ли этого не знать! – и их поступки действительно основаны на жестокости и злобности натуры, а также объясняются жадой угодить Паучьей Королеве, однако люди намного сложнее. Конечно, и городской судья, руководящий действием, и его помощники во многом услаждают свою кровожадность, но радость бесправных бедняков, орущих в толпе, истекает, как мне кажется, из трех источников.

Во-первых, крестьяне совершенно бесправны, они целиком и полностью зависят от прихотей нечестной знати и землевладельцев, к тому же живут в постоянном страхе нашествия гоблинов, великанов или же других людей, способных в одночасье разрушить их жизнь. Карнавал Воров дает этим бедным людям возможность попробовать, какова на вкус власть, власть распоряжаться жизнью и смертью. Им потом долго кажется, что и своей собственной жизнью они вольны распоряжаться.

Во-вторых, жизнь людей быстротечна, в отличие от жизни эльфов или дворфов; даже полурослики и те живут дальше. Человек же знает, что смерть может поджидать его за любым углом. Когда вся жизнь проходит в такой непосредственной близости от смерти, естественно рождается любопытство по отношению к ней, переходящее затем в страх, а потом и в безотчетный ужас. На Карнавале Воров эти люди видят смерть в ее самом страшном обличье, узнают худшее, что она может принести с собой, и черпают некоторое утешение в том, что их собственная смерть, если только им не случится попасть на лобное место к городскому судье, будет куда более легкой. Теперь они могут сказать: «Я видел самую страшную из твоих личин, угрюмая Смерть, и я тебя не боюсь».

В-третьих, популярность Карнавала Воров обусловлена потребностью в правосудии, пусть даже показном, и видимой справедливости. Именно так рассуждал чародей Робийярд, когда по возвращении на борт «Морской феи» мы обсуждали увиденный кошмар. Робийярд отнюдь не испытывал удовольствия от этого зрелища

и посещал его по возможности редко, но тем не менее отстаивал его необходимость с горячностью, какой можно было бы ожидать от самого судии. Маг считал, что публичное унижение преступников и лицезрение их мук должны удерживать простых людей на праведном пути. Поэтому выкрики возбужденной толпы есть не что иное, как выражение приверженности закону и принятому устройству общества.

Это трудно оспорить, особенно учитывая, что такие зрелища действительно во многом удерживают людей, готовых ступить на дорогу преступности, но разве это настоящая справедливость?

Вооружившись доводами Робийярда, я отправился к старшинам Лускана рангом пониже под предлогом того, что мне нужны более четкие предписания, как поступать с пленными пиратами, но на самом деле мне хотелось разговорить их и узнать, что они думают о Карнавале Воров. Очень скоро мне стало ясно, что сам Карнавал не имеет почти ничего общего с правосудием. Немало невинных мужчин и женщин, признавших несуществующую вину под пытками, взошли на этот помост и были принародно замучены. Старшины знали это и очень радовались тому, что, по крайней мере, те преступники, которых мы им поставляем, виновны вне всякого сомнения!

Хотя бы по этой причине я никогда не смирюсь с существованием Карнавала Воров. Оценить общество можно по тому, как оно относится к своим членам, отступившим от его законов и общепринятых правил, ведь жестокое обращение с преступившими закон низводит нравственность всего общества до уровня самого преступника.

Однако эта практика уже много веков процветает в большинстве городов, а также во многих сельских общинах, где правосудие диктуется необходимостью выживать, а потому жестокость становится еще более неприкрытой.

Возможно, есть и четвертое объяснение Карнавала. Это просто желание зрелища. И не надо выискивать глубинные причины и сложные объяснения: зрители просто хотят позабавиться. Мне не очень приятно так думать. Если люди способны быть до такой степени бесчувственными к страданиям другого существа, что готовы превратить зрелище его мук в потеху, то это, я боюсь, а есть наиболее точное определение зла.

После долгого изучения, споров, расспросов и длительных размышлений о природе людей, среди которых живу, я так и не нашел простого объяснения такому явлению, как Карнавал Воров.

Однако меня это не удивляет. Почти во всем, что касается людей, простых ответов не бывает. И возможно поэтому, путешествуя и встречаясь с людьми, я почти никогда не испытываю скуки. Возможно, по этой причине я и полюбил их.

Мы думаем, что понимаем тех, кто рядом с нами. Из-за того, что наши друзья и близкие время от времени поступают в соответствии с нашими ожиданиями, мы начинаем верить, что знаем их, смогли постичь их душу и сердце.

По-моему, это весьма самонадеянно, потому что никто не в силах постичь чужие души и сердце, никто не может до конца оценить, насколько похожи переживания другого существа на наши собственные. Мы все стремимся к истине, по крайней мере, внутри того круга существования, что создали для себя, с друзьями, которые делят его снами. Но мне кажется, что правда далеко не всегда очевидна там, где дело касается существ сложных, изменчивых, подчас противоречивых.

Если мне когда-либо покажется, что мой мир незыблем, я вспомню о Джарлаксе и буду пристыжен. Я всегда понимал, что им руководит не только жажда наживы, а нечто большее – ведь он же дал Кэтти-бри и мне спокойно уйти из Мензоберранзана, когда мог бы отхватить хороший куш за наши головы. А когда Кэтти-бри была его пленницей, всецело в его власти, он не воспользовался этим, хотя и дал понять, что находит ее весьма привлекательной. Я всегда угадывал под внешне холодной личиной наемника непростой характер, но, несмотря на это, в нашу последнюю встречу я понял, что душа его устроена гораздо сложнее. Он способен к сопереживанию и участию больше, чем я мог вообразить. Кроме того, он называл себя другом Закнафейна, и сперва это меня оскорбило, но теперь я считаю это не только допустимым, но и вполне вероятным.

Значит ли это, что теперь я знаю Джарлакса? И разве это мое знание его натуры похоже на знание, скажем, близких ему членов Бреган Д'эрт? Само собой, нет, и, хотя я и считаю свою оценку верной, я никогда не стану заявлять о своей уверенности и не позволю себе думать, что продвинулся дальше поверхностного узнавания.

Что же тогда сказать о Вульфгаре? Который из них настоящий? Тот гордый и благородный человек, воспитанный Бренором, сражавшийся со мной в бесчисленных битвах? Человек, спасший варварские племена от истребления, а население Десяти Городов от многих бед? Человек, готовый пройти весь мир ради спасения друга? Человек, который помог Бренору отвоевать его королевство?

Или настоящий Вульфгар тот, что причинил боль Кэтти-бри, который, похоже, неумолимо приближается к окончательному краху?

Я полагаю, что он вмещает в себя опыт всех переживаний, чувств, ощущений, мыслей, как и все мы. И чувства, с которыми Вульфгар не в силах справиться, владеют им сейчас. Они искажают его восприятие, окрашивая все в черный цвет. Зная это, можно ли сказать, кто Вульфгар сейчас и, что еще важнее, кем он станет, пережив это сложное время?

Как бы мне хотелось это знать! Как бы мне хотелось оказаться рядом с ним в этом опасном путешествии, иметь возможность говорить с ним и как-то повлиять. Напоминать ему о том, кем он был, или, по крайней мере, каким мы его считали.

Но я не могу. Я, как и любой другой, могу повлиять на его душу и сердце не больше, чем на движение солнца.

Странно, но именно в момент каждодневного восхождения лучезарного светила я как-то внутренне успокаиваюсь, думая о Вульфгаре. Почему я наблюдаю рассветы? Почему именно этот миг так дорог мне?

Потому что на рассвете солнце сияет ярче всего. Потому что на рассвете мы лицезреем победу света над тьмой. Я надеюсь, то, что происходит с солнцем, справедливо и по отношению к людям. Тот, кто упал, может снова подняться, еще более возвысившись в глазах близких.

Я встречаю рассвет и думаю о человеке, которого знал, и молюсь, чтобы мое понимание его души оказалось правильным.

Море Мечей

Как хорошо быть дома! Как прекрасно слышать шум ветра в Долине, чувствовать его бодрящий холодок, словно напоминающий мне, что я живу.

Как часто мы забываем, насколько важно это простое ощущение. Так легко забыть, что ты действительно живешь, и испытывать благоговение оттого, что можно, наслаждаться рассветом и закатом каждого дня.

И чувствовать, что все время, разделяющее их, и все долгие часы после того, как падет покров темноты, принадлежат тебе и ты волен распоряжаться ими.

И любой человек, встреченный на пути, может как-то изменить жизнь, оставить по себе хорошую или плохую память, оживить будни, прервать монотонный поток одинаковых мгновений. Я думаю, что эти бесполезные мгновения, часы, похожие друг на друга, – наш враг, мазки смерти на полотне жизни.

Да, прекрасно быть дома, в суровой Долине Ледяного Ветра, где полно всяких чудовищ и за каждым поворотом дороги можно встретить разбойника. Но я чувствую себя более живым и более счастливым, чем раньше. Я слишком долго боролся со зловещей тенью моего происхождения. Я боролся с неизбежностью отпущенной мне датой жизни, стараясь примириться с тем, что умру много позже Бренора, Вульфгара, Реджиса и Кэтти-бри.

Как глупо было скорбеть о конце ее дней и не радоваться тем дням, что отпущены нам, дням, когда мы вместе! Как глупо позволять настоящему бесследно уплывать в прошлое, при этом сокрушаясь о возможном – всего лишь возможном – будущем!

С каждым мгновением нового дня все мы приближаемся к смерти. И это неизбежно. Осознание этой истины может либо парализовать нас страхом, либо наполнить нетерпеливой жадой испытать и испробовать все на свете, стремясь жить так, чтобы каждое мгновение запечатлелось в нашей памяти. Жить так, чтобы ощущать биение бытия в мерцании звезды и при ярком свете дня, в тихую погоду и в бурю, и делать каждый шаг с готовностью независимо от того, идешь ли ты через цветущий сад, или глубокие снега.

Старые и зрелые люди нередко забывают эту истину, так хорошо известную юным. И именно в этом причина злости и зависти, которую многие питают к молодым. Как часто мне доводилось слышать распространенную жалобу: «Если бы я только мог вернуться в то время, зная то, что знаю сейчас! Слышать такое просто смешно, потому что на самом деле таким людям следовало бы сказать: „Если бы я только мог вновь ощутить жажду и радость жизни, что испытывал тогда!“

Я, в конце концов, понял, что в этом и есть значение жизни, и в осознании этого и почерпнул ту самую жажду и радость. Можно прожить короткую жизнь в двадцать

лет полнее и радостнее, чем целые столетия, когда глаза потуплены и опущены плечи.

Вспоминаю наш первый совместный бой с Вульфгаром, когда я, улыбаясь и чувствуя себя переполненным жаждой жизни, вступил в схватку, несмотря на то, что нам противостояли страшные гиганты с перевесом в численности и силе! Странно, что со временем эта жажда жизни уменьшилась.

Мне потребовалось мною времени, пришлось пережить горькие утраты для того, чтобы понять неправильность такого отношения. Чтобы вновь очнуться для жизни, наслаждаться красотой вокруг и испытывать восторг от собственного существования, мне прежде пришлось неразумно уступить хрустальный осколок Джарлаксу, наконец, завершить (надеюсь, навсегда) наш спор с Артемисом Энтрери и вернуться в Долину Ледяною Ветра.

Само собой, тревога и переживания никуда не деваются. По-прежнему Вульфгара с нами нет, мы не знаем, где он, и я беспокоюсь за его здоровье и жизнь. Но я смирился с тем, что он выбрал такой путь, – именно ради того, чтобы сохранить свою жизнь и здоровье, ему нужно было оставить нас. Мне остается только молить небо, что когда-нибудь наши дороги вновь пересекутся и он вернется домой. Я надеюсь, что до нас наконец дойдут какие-нибудь вести о нем и либо наши опасения развеются, либо нам придется собираться в путь, чтобы спасти его.

Но теперь я могу терпеть и надеяться на лучшее, поскольку, без конца тревожась о своем друге, я разрушаю собственную жизнь.

А этого я не сделаю.

В мире слишком много красоты.

В мире слишком много чудовищ и негодяев.

И столько интересного.

Я часто поражался человеческому безрассудству. В сравнении, конечно, с поведением других, добрых и разумных существ. Нет смысла сравнивать людей с темными эльфами, гоблинами или другими эгоистичными и злобными созданиями. Само собой, Мензоберранзан нельзя назвать райским местом, и большинство темных эльфов там гибнет, не доживая до старости. Однако виной тому, как мне кажется, их честолюбие, религиозное рвение и безмерная спесь. Самоуверенные дроу ведут себя так, будто они бессмертны, а если и задумываются о конце своих дней, то тешат себя надеждой, что смерть в служении Ллос даст им вечную славу и блаженство у ног Паучьей Королевы.

Примерно то же можно сказать и о гоблинах, которые нередко очертя голову бросаются навстречу гибели.

Различные опасные предприятия и даже войны многие благонамеренные расы оправдывают служением богам, и, возможно, вера в то, что смерть во имя высокой цели – благородное дело, содержит долю истины.

Но если не брать в расчет воинственные народы и фанатиков, обычные люди, как мне кажется, слишком часто ведут себя безрассудно. Я знаю, многие богачи

отправляются на праздники в Десять Городов ради плавания по холодному и опасному Мер Дуалдону или ради труднейшего восхождения на Пирамиду Кельвина. Они рискуют всем, что имеют, ради смехотворных достижений.

Меня восхищают их решимость и вера в свои силы.

Но я подозреваю, что их готовность рисковать связана с краткостью земного срока людей. Подвергая свое существование опасности в сорок лет, человек рискует потерять двадцать-сорок лет жизни, тогда как перед сорокалетним эльфом еще несколько веков существования! Поэтому людям присуще тревожное нетерпение жить, которого ни темным, ни светлым эльфам, ни дворфам никогда не понять.

И при этом они обладают таким вкусом к жизни, какой ни эльфам, ни дворфам даже не снился. Каждый день я вижу его отпечаток на ясном лице Кэтти-бри – любовь к жизни, жажда бытия, потребность заполнить каждый день и час радостью и новыми впечатлениями. Странно, но когда мы думали, что Вульфгар погиб, я видел, что эта жажда в ней только усилилась, и, разговаривая с девушкой, я догадался, что готовность испытывать новое, пусть даже рискуя собой, возросла по тому, что потеря близкого человека служит напоминанием о собственной скорой смерти, побуждает людей постараться втиснуть в оставшиеся годы как можно больше.

Довольно странное и грустное мировоззрение, если для того, чтобы относиться к миру иначе, зачастую требуется утрата.

Как же тогда быть мне, ведь я могу прожить семь, а то и восемь столетий. Может, избрать легкий путь созерцателя и спокойное существование обывателя, как многие эльфы поверхности? Каждую ночь плясать при свете звезд, проводить дни в мечтах и обращать взор внутрь себя, чтобы яснее видеть окружающий мир? Конечно, оно того стоит и я ни за что не отказался бы от радости танца под ночным небом. Но мне этого мало. Мне нужна погоня за приключениями, новые впечатления. В этом я похож на Кэтти-бри и других людей. Каждый новый ослепительный рассвет напоминает мне о том, что впереди – неизведанные дали.

В определенном смысле жизнь в несколько десятков лет может оказаться дольше и насыщенней, чем жизнь длиной в несколько столетий. Чем же еще объяснить непревзойденное мастерство Артемиса Энтрери, побеждавшего многих опытных воинов-дроу, которые в десять раз старше него? Чем еще объяснить, что самые мудрые чародеи на земле не эльфы, а именно люди, которые проводят в смиренном изучении сложного искусства магии десятки, а не сотни лет?

То, что я вышел на поверхность и нашел такого друга, как Кэтти-бри, стало для меня настоящим благословением, поскольку я верю, что в этом и заключено назначение моего существования, не цель, а самый смысл моей жизни. Какие открытия ждут меня, если удастся соединить отпущенный мне долгий срок и напряженную жажду жизни, присущую людям? И сколько радостей пройдет мимо меня, если избрать спокойное неторопливое существование, длинную извилистую дорогу, где на каждом повороте стоит знак-напоминание о том, что мне есть что терять, дорогу, огибающую и высоты, и бездны, и пролегающую исключительно через равнины.

Нередко эльфы отказывают себе в близких отношениях с людьми, сопротивляясь любви, поскольку разумом-то они понимают, что счастье будет для них слишком недолговечно.

Увы, такое мировоззрение неизбежно сопровождается серым и заурядным существованием.

Иногда не мешает вспомнить, что рассвет длится лишь несколько минут, но его красота может согревать наши сердца вечно.

Кэтти-бри снова доказала, что знает меня лучше, чем я сам. Должен признать, когда мы поняли, что Вульфгар выбирается из той черной дыры, в которую попал, и снова превращается в доблестного воина, которого мы знали, я ощутил укол ревности и страха. Может, он вернется тем человеком, который когда-то покориł сердце Кэтти-бри? А может, ничего подобного никогда и не было? Возможно, их намечавшийся брак был просто само собой разумеющимся, поскольку оба были единственными людьми в нашей небольшой компании, подходившими друг другу по возрасту?

Возможно, это так, но любовь между ними тоже была, отсюда и моя ревность. Хотя я и сознаю, что Кэтти-бри выделила меня среди всех (о чем я даже мечтать не мог), в глубине души мне все же хочется, чтобы ни к кому другому, даже в прошлом, она не испытывала тех же чувств, что ко мне. Нас связывают теперь новые, удивительные отношения, но мне неприятно думать, что с кем-то еще у нее могло быть нечто подобное.

Тем более с нашим ближайшим другом.

Но хоть мне и приходится признаваться в этом, я все же понимаю, что должен сделать глубокий вдох и забыть о страхах и ревности. Ведь я люблю именно эту женщину, Кэтти-бри, люблю такой, какая она сейчас, но она такой стала в результате всего, что пережила раньше. Хотел бы я, чтобы ее настоящие родители не умерли? С одной стороны, конечно, это было бы пре красно! Но, будь они живы, она не стала бы приемной дочерью Бренора и, скорее всего, никогда не оказалась бы в Долине Ледяного Ветра. И тогда мы могли не встретиться вовсе. Кроме того, если бы она была воспитана людьми, а не дворфами, то никогда не стала бы воительницей, а значит, не смогла бы разделить мою страсть к приключениям и принимать все тяготы пути со свойственным ей веселым боевым задором и не позволила бы мне вступать в рискованные поединки с чудищами и стихиями.

Так что ревновать к прошлому – довольно бессмысленное занятие. Каждый из нас оказывается в определенной точке благодаря бесчисленным обстоятельствам пройденного пути. Если же изменить пережитый ранее опыт, пусть даже горький, мы неизбежно изменимся сами, и кто знает, будет ли это к лучшему?

Поэтому я принимаю все свое прошлое и предоставляю Кэтти-бри делать то же самое, не жалея ни о чем. Я лишь пытаюсь сделать так, чтобы наше совместное настоящее стало еще значительней и прекрасней.

Как же быть с Вульфгаром? У него ведь теперь есть жена и ребенок, который, правда, не приходится едино кровным ни ей, ни ему. Но при этом по лицу и поведению Делли Керти в час опасности было ясно, что она любит малышку как родную и готова отдать жизнь ради ее спасения. Думаю, Вульфгар относится к ней так же, потому что я знаю, какое он в глубине души, несмотря на его крутой нрав и те жестокие испытания, которые ему пришлось пережить в последнее время.

Из слов Делли Керти я понял, что она любит нашего друга-варвара, но ведь я также знаю, что когда-то он любил Кэтти-бри.

Что ж это за тайна, любовь? Что это за магия, неуловимая и непостижимая? Сколько раз на моей памяти люди клялись, что их избранник – их единственная любовь, вторая половинка души, да и сам я испытываю то же по отношению к Кэтти-бри и надеюсь, что она так же относится ко мне. Но ведь это невозможно, если рассуждать здраво. Разве можно найти человека, чья душа дополняет твою как недостающая часть? Неужели мы действительно предназначены один другому или это лишь игра обстоятельств, совпадение?

А может, разумные существа способны испытывать любовь ко многим и пара образуется только благодаря случайности, а не судьбе?

Сообразуясь со здравым смыслом, я бы именно так и сказал. Я знаю, что если бы я, Кэтти-бри и Вульфгар жили в других местах, то, скорее всего, нашли бы свои половинки там, и это были бы совсем другие люди. Наверное, так должен быть устроен наш многолюдный разноликий мир, иначе как бы могли встретиться истинно любящие, ведь вероятность была бы чересчур мала?

Но почему же тогда при взгляде на Кэтти-бри все эти разумные рассуждения утрачивают всякий смысл? Я вспоминаю нашу первую встречу, она тогда была совсем еще девочкой, когда я увидел ее на склоне Пирамиды Кельвина. Я помню, как заглянул в голубые глаза, почувствовал тепло улыбки и открытость сердца – качества, довольно редко встречавшиеся мне с тех пор, как я вышел на поверхность, – и тогда же ощутил необъяснимую связь, нечто волшебное, неподвластное разуму. И по мере того как выросла Кэтти-бри, эта связь лишь крепла.

Так что же это, случайность или судьба? Я верю в свой здравый смысл. Но я также слышу, что говорит мое сердце. Это судьба. Кэтти-бри – моя единственная.

Возможно, некоторые, даже многие, люди и находят себе подходящего спутника именно благодаря стечению обстоятельств, но ведь можно обрести нечто гораздо большее. Некоторым просто больше везет.

Когда я гляжу в голубые глаза Кэтти-бри, когда меня обволакивает тепло ее улыбки и я слышу биение ее открытого сердца, то точно знаю: я из тех везунчиков.

Погода была ужасной, от холода немели пальцы, снег залеплял глаза, даже моргать было больно. На каждом перевале подстерегали опасности – то лавина сойдет, то чудовище неожиданно выскочит. Каждую ночь мы ложились спать, рискуя оказаться похороненными под снегом в нашем убежище.

Не раз и я, и мои бесценные друзья оказывались в смертельной опасности. Но никогда прежде радость так не переполняла меня.

У нас была цель, она вела нас через глубокий предательский снег. Цель ясна, направление понятно. Мы боролись за то, во что верили, и, пересекая снежные горы в поисках пиратки Кри и Клыка Защитника, были послушны зову сердца.

Многие ищут короткую дорогу к истине, но все же обойти простейшие принципы невозможно: только пре одоление трудностей ведет к достижениям, и только достижения дарят истинную радость и уверенность, что мы чего-то стоим. Я часто слышал, как люди причитали, что были бы счастливы, обладай они царскими сокровищами, и никогда не спорил с ними, хотя знал, что они не правы. Я, конечно, согласен, что бедняка на какое-то время может осчастливить богатство, но дорога радости не мостится золотом, особенно незаслуженным, это заблуждение.

Дорога радости вымощена чувством уверенности в себе и ощущением собственной значимости, сознанием того, что ты сделал мир чуточку лучше, что боролся за свои идеалы вопреки всему.

Во время путешествий с капитаном Дюдермонтом мне случалось обедать с богатейшими семействами Глубоководья, я делил пишу со многими наследниками состоятельных домов. К ним принадлежит и сам Дюдермонт – его отец был одним из самых крупных земле владельцев в южной части города. И многим молодым аристократам неплохо было бы равняться на капитана, не пожелавшего довольствоваться тем, что получил от рождения, без всяких заслуг. Еще в очень юном возрасте он понял, как коварно богатство, доставшееся без труда. Поэтому славный капитан, повинаясь велению сердца, уже в молодости выбрал свой путь и теперь изо всех сил старается сделать воды вдоль Побережья Мечей безопасными для честных моряков.

Выбрав такой путь, капитан Дюдермонт мог бы погибнуть молодым, как и Кэтти-бри или я сам. Но если бы десятки лет назад я остался в Мензоберранзане или позже осел в спокойных Десяти Городах, то в определенном смысле все равно умер бы.

Нет, мне подавай дорогу и опасные приключения, мне нужно верить, что я упорно приближаюсь к тому, что считаю правильным и справедливым, нужно ощущение свершения – вот тогда я испытаю радость.

Моя убежденность теперь так глубока, что с уверенностью могу сказать: я не вернулся бы назад, в спокойное убежище, даже если бы Кэтти-бри погибла в пути у меня на глазах. Потому что знаю – в душе она такая же, как и я. Знаю, что она все равно будет стремиться к высоким целям, какие бы опасности ни подстерегали на пути, потому что так велит ее сердце и иначе она не может.

Может, это плод дворфского воспитания, потому что ни один народ под солнцем не понимает простую суть счастья лучше, чем ворчливый, сердитый бородатый народец. Короли дворфов обычно самые деятельные среди своих сородичей, они первые в битве и первые в труде. Если им в голову приходит идея выстроить колоссальную подземную крепость, они первыми бросаются расчищать глину и долбить камень. Крепкие работающие дворфы давно уже поняли, что свершения дороже роскоши, а богатство духа мною ценнее золота – даже несмотря на то что они так любят свое золото!

Вот что я чувствовал, идя навстречу сильному опасному противнику по холодной, заснеженной, продуваемой всеми ветрами земле, где полно опасных перевалов, разбойников и чудовищ.

Где еще в мире солнце сияет так же ярко?

Наёмные клинки

Служитель осколка

Я живу в мире, где существуют воплощения зла. Я говорю не о дурных людях, гоблинах или моем собственном народе, превосходящем все другие по коварству и злобе. Все они способны на неслыханную жестокость, но все же воплощения зла – не они. Нет, этим званием следует наградить демонов и духов, которых вызывают маги и жрецы. Эти обитатели низших уровней представляют собой зло в чистом виде, их природа – абсолютные, неуправляемые низость и подлость. У них нет надежды ни на искупление, ни на возможность достичь чего-либо, и при этом они обречены существовать почти вечно.

Не знаю, могли бы жить эти твари, если бы не было среди мыслящих существ вырожденков с черными сердцами. Являются ли эти низкие создания источником зла, как злые люди или эльфы, или же они – всего лишь результат, зримое воплощение той порчи, что разъедает души слишком многих существ, наделенных разумом?

Думаю, они – всего лишь следствие, ведь не случайно демоны и бесы не могут попасть на материальный уровень без помощи разумных существ. Они только инструмент в руках того, от кого исходит зло, средство исполнения черных деяний.

Что же тогда сказать о Креншинибоне? Он всего лишь вещь, хотя и обладающая чутьем и проницательностью. Однако его своеобразное сознание не имеет ничего общего с разумом мыслящего существа. Кристалл не может расти, изменяться, совершенствоваться. Единственные ошибки, которые он может научиться исправлять, – просчеты в попытках подчинить себе своего очередного хозяина и завладеть его сердцем. Он даже не может осознать или изменить цель, к которой с такой одержимостью стремится – она всегда одна и та же.

Значит, он – само зло?

Я и сам так думал некоторое время назад, когда этот опасный предмет был в моих руках, и я научился лучше понимать его. И лишь недавно, прочитав длинное обстоятельное письмо верховного жреца Кэддерли Бонадьюса из храма Парящего Духа, я понял, что на самом деле кристалл – всего лишь аномалия, ошибка, странный выверт магической силы, а его ненасытное стремление к власти и славе любой ценой – до неузнаваемости извращенные стремления человека, пересоздавшего Креншинибон, и чей дух, восьмой по счету, был поглощен осколком.

Этот кристалл, как выяснил Кэддерли, был создан семью личами, задумавшими сотворить вещь, наделенную небывалой магической мощью. По их замыслу, он

должен был соперничать, с самим солнцем, на страх всем народам, которые хотели покорить бессмертные короли. Однако объединенная магическая сила уничтожила их, и злой умысел обратился против личей. Многие мудрецы думают, что мощь осколка вобрала в себя их разум, но Кэддерли утверждает, что он был сожжен его солнцеподобными проявлениями, и Креншинибон принял в себя только их разобщенный и разрозненный дух.

Эта часть истории волшебного осколка известна многим, включая и тех порождений ада, которые так стремятся завладеть им. Однако было и удивительное продолжение, о котором удалось узнать Кэддерли. Эта история объясняет, почему Креншинибон вмещает в себя и извращает первоначально добрые устремления.

Впервые он появился на материальном уровне много веков назад, и произошло это в далекой стране Закара. В те времена кристалл был всего лишь подручным средством чародеев, хотя и чрезвычайно мощным. Он мог метать шаровые молнии и создавать заслоны всепожирающего пламени. О его темном прошлом почти ничего не было известно, пока он не попал в руки одного султана. Этому властителю, чье имя до нас не дошло, удалось узнать, что представляет собой Креншинибон. Он решил, а придворные волшебники его поддержали, что замысел личей остался незавершенным. Тогда-то и состоялось «второе творение» кристалла, когда его ограниченное сознание и возможности были значительно расширены.

Султан вовсе не был одержим властью, он хотел лишь обезопасить свою страну от воинственных соседей. И тогда он вообразил, а затем при помощи обновленного кристалла и создал в реальности цепь хрустальных башен. Через промежутки, равные одному дню пути, башни должны были протянуться от столицы через безлюдную пустыню до второго города государства, стоявшего на границе и часто подвергавшегося вражеским набегам. Султан воздвиг сотню башен и почти закончил оборонительную линию.

Но, увы, он превысил возможности Креншинибона. Властитель считал, что с созданием каждой башни силы осколка лишь умножаются, поскольку он может вбирать в себя силу солнечного света, тогда как в действительности он истощал силу Креншинибона и ослаблял его проявления. Вскоре после этого по пустыне прокатилась мощная песчаная буря, послужившая предвестником завоевательного похода соседнего шейха. Стены хрустальных башен оказались столь тонки, что под напором ветра рассыпались под собственной тяжестью, а с ними рухнула и мечта правителя о спокойном существовании.

Захватчики ворвались в пределы страны, оставшейся без дозорной цепи, и на глазах султана вырезали всю его семью. Жестокий шейх не стал убивать несчастного правителя, чтобы тот до самой смерти помнил увиденные им ужасы, но духом султана завладел Креншинибон.

Даже Кэддерли, которому полубоги поведали многое, больше ничего не знает о древней истории кристалла. Однако юный жрец Денира утверждает, что именно в этом «втором творении» и заключена разгадка неутолимой жажды осколка. Ведь если бы Креншинибон мог выдержать то предельное напряжение возможностей и хрустальные башни выстояли бы, то семья султана, его любимая жена и прекрасные дети остались бы живы.

Теперь же кристалл, напитанный жизненными импульсами семи личей и истерзанным духом несчастного султана, продолжает рваться к пределам власти и утверждать ее любой ценой.

Но есть в этой истории и еще кое-что, о чем Кэддерли только прозрачно намекнул в письме, – например, не исключено, что сооружение хрустальных башен как раз и спровоцировало вторжение, поскольку шейх и другие правители соседних земель испугались, что султан посягнет на их границы. Может, история хрустального осколка – урок нам всем? Она показывает, к чему может привести непомерное честолюбие, даже если изначальные намерения хороши. Сила нужна была султану, чтобы укрепить свою державу, но он слишком замахнулся, и жертвой честолюбия пали и он сам, и его семья, и царство.

Как же быть с Джарлаксом, в чьих руках сейчас находится хрустальный осколок? Быть может, мне следует отправиться к нему, постараться вернуть кристалл и переправить Кэддерли, чтобы жрец его уничтожил? Мир станет лучше и чище без него.

Но ведь найдется другое орудие злой воли, будь то демон, дьявол или чудовищное творение, подобное Креншинибону.

Нет, злу, укоренившемуся и цветущему пышным цветом в сердцах разумных существ, нетрудно найти себе новый носитель.

Так что берегись, Джарлакс. Берегись.

Энтрери снова связался с Джарлаксом?

Казалось бы, довольно странный союз, и для многих (как когда-то и для меня) – воплощение самых жутких ночных кошмаров. Думаю, во всем мире не найти никого хитрее и изобретательнее расчетливого и корыстного до мозга костей главаря Бреган Д'эрт. Джарлакс, умеющий процветать где угодно и способный даже из навоза создать дворец. В матриархальном Мензоберранзане Джарлакс благоденствовал не хуже Матери влиятельного Дома.

Для меня Джарлакс – загадка, он знал моего отца Закнафейна и даже, как утверждает, дружил с ним.

Но если он был дружен с Закнафейном, как же он мог сблизиться с Артемисом Энтрери? На первый взгляд это просто нелепо, и, тем не менее, я верю и в дружбу Джарлакса с моим отцом, и в то, что он опять заодно с Энтрери.

Если подходить непредвзято, ничего необъяснимого в этом союзе нет. Энтрери всю жизнь таился в тени, карая тех, на кого укажет тот, кто больше заплатит. Хозяина у него никогда не было, даже входя в состав какой-нибудь гильдии, он все равно оставался наемником. Наверняка такой блестящий боец, как он, пришелся ко двору в Бреган Д'эрт, особенно когда дроу вышли на поверхность и стали нуждаться в людях, которые могли бы служить для них прикрытием. Так что для Джарлакса дружба с Энтрери оказалась очень полезной.

Но эту пару связывает и нечто иное. Это ясно из того, как Джарлакс говорит об убийце, Он приложил много усилий ради устройства нашего поединка. Он сделал это

не ради простой забавы и, уж конечно, не в услугу мне, а единственно в попытке повлиять на душевное состояние Энтрери. Джарлакс трезво оценивает мастерство и опыт убийцы, но заботится о нем, как настоящий друг.

Какое-то в этом есть несоответствие.

Мастерство Энтрери и Джарлакса как будто взаимно дополняют друг друга, но их представления о нравственности и темперамент совершенно различны. Но ведь именно на этих основах и держится прочная дружба?

А может, и нет.

Джарлакс намного великодушнее Артемиса Энтрери. Наемник может быть жесток, но не из прихоти. Им руководит расчет, он во всем ищет выгоду, и все же его великодушие иногда одерживает верх над алчностью. Несколько раз он мог бы доставить мою голову Матери Бэнр или Матери Мэлис и отхватить большой куш, но он позволял мне бежать. Разве Артемис Энтрери способен на такое великодушие?

Да ни за что.

Вообще-то я подозреваю, что если бы Энтрери узнал о том, что наемник спас меня после поединка в башне, то сначала попытался бы убить меня, а потом наверняка накинулся бы на Джарлакса. Такое вполне может произойти, но я полагаю, что Энтрери тогда поймет, что связался с чересчур сильным противником. Я имею в виду, конечно, не самого главаря, хотя он хитер и, как говорят, превосходно дерется, а его многочисленных и весьма опасных сторонников.

Вот почему Джарлакс так заинтересован в Энтрери. Он отчетливо видит, на что способен убийца, но не боится его, ведь Энтрери никогда не сможет объединить людей так, чтобы каждый зависел от другого. Энтрери не сможет убить Джарлакса, потому что будет в нем нуждаться.

Уж об этом наемник позаботится. Он оплетет его своей паутиной, которая тем прочнее, что выгода их взаимоотношений всегда будет обоюдна. Залог безопасности Бреган Д'эрт, у которой множество завистливых врагов, – сам Джарлакс, как никто умеющий сдерживать и успокаивать всех. Он непревзойден в умении оставить довольным каждого, он дипломат до мозга костей, тогда как Энтрери – одиночка, который хочет быть выше всех.

Джарлакс сплачивает. Энтрери добивается всего сам.

Однако он не может даже надеяться держать верх над главарем наемников. Джарлакс для этого слишком умен и предусмотрителен.

Но, несмотря на все это, я полагаю, их содружество будет крепнуть. Конечно, столкновения, причем небезопасные для обеих сторон, будут иметь место. Нельзя даже исключать, что Энтрери уже знает, что меня спасли и отпустили, и убил Джарлакса или сам погиб при попытке покушения. Но чем дольше они вместе, тем прочнее будут их отношения, и все больше станут походить на дружбу.

Я так говорю потому, что мне кажется, мировоззрение Джарлакса, в конце концов, возобладает, потому что из них двоих Артемис Энтрери более ущербен. Он не умеет доверять, потому ему так хочется все держать в своих руках. И хотя именно это делало его непревзойденным воином, это же сделало его жизнь пустой.

Их деловые отношения сводятся к тому, что Джарлакс обеспечивает безопасность Энтрери, а тот, в свою очередь, служит связующим звеном между бандой наемников-дроу и миром поверхности.

Но если говорить о личном, дроу дает убийце шанс вырваться из рамок, в которые он сам себя загнал, перестать быть волком-одиночкой. Я помню, как мы с Энтрери уходили из Мензоберранзана, где каждый из нас был пленником, только я у Бэнр, а он у Бреган Д'эрт. Там, в этом темном городе, убийца увидел собственное отражение, и оно ему не понравилось. Тогда почему же теперь он снова вернулся к Джарлаксу?

Перед обаянием главаря наемников трудно устоять, он обладает интуитивным пониманием того, как привлекать нужных людей и привязывать их к себе. В неизбежном столкновении мировоззрений, характеров и нравственных правил побеждает наемник, о чем говорит хотя бы то, что убийца и дроу снова вместе. И пусть Энтрери пока не осознает этого, я уверен, он приобретет больше не столько от союза, сколько от личного примера Джарлакса.

Быть может, с помощью наемника Энтрери поймет, как уйти от своего нынешнего бесцельного существования.

Или Джарлакс его убьет.

Но в любом случае всем прочим станет только лучше, как мне кажется.

Демоны беспрдельно омерзительны, но в этом даже есть своя прелесть, потому что не возникает ни малейших колебаний, сомнений или заблуждений относительно того, как вести себя с ними.

Никто не ведет переговоров с демонами. Никто не прислушивается к их вранью. Их гонят, уничтожают, очищают от них мир – даже если вдруг возникает соблазн использовать их силу во имя блага.

Есть такие, кто не может этого понять, и немало чародеев и жрецов пало жертвой своих ошибок. Иногда они вызывали демонов, и вместо своей первоначальной цели – например, узнать ответ на какой-то вопрос, – давали им возможность проявиться в материальном мире, не устояв перед соблазном использовать их колоссальную силу. Многие из этих горе-заклинателей думали, что, заставив чудовищ работать на себя и используя их мощь, поступают во благо.

Что с того, думали они, что пришлось прибегнуть к злу, если конечный результат – добро? Почему бы справедливому владыке не воспользоваться силами «ручных» демонов, когда его стране угрожает орда гоблинов?

А я думаю, что, если противостоять злу, прибегая к помощи его порождений, которые никогда не почувствуют раскаяния и не искупят сотворенные ими черные дела, стоит ли игра свеч?

Демонов можно использовать лишь тогда, когда их можно направить на борьбу с их же злом, да и то в таких условиях и окружении, когда не существует ни малейшей возможности освобождения. Как многие другие жрецы и чародеи, Кэддерли не раз проделывал это в надежно защищенном зале для вызывания низших сущностей в храме Парящего Духа. Но такие вещи небезопасны даже при наличии заградительного круга, поскольку всегда велик соблазн получить в свои руки силу могучего существа вроде балора или налфешни.

Но при этом необходимо все время помнить, что существует зло, которое никогда не будет искуплено. Именно это понятие – искупление – должно определять все отношения с inferнальными существами. Не будьте чересчур суровы, когда искупление возможно, отложите меч, когда оно готово свершиться, но если для вашего противника искупление невозможно, тогда бейте безо всякого сожаления.

Интересно, как отнестись к Артемису Энтрери? Может, ему тоже нельзя помочь и надежды никакой?

Помочь, думаю, нельзя. Этот человек никогда и ни от кого не примет никакой помощи. Его самый большой порок – гордость, но это не та гордость, что раздувает посредственных бойцов. Его изъян в другом – он не хочет зависеть ни от кого и во всем полагается исключительно на себя. Как и любой другой, я мог бы открыть глаза Энтрери на его ошибки, но он просто не станет меня слушать.

И все же надежда на искупление остается. Я не знаю, откуда столько зла в его душе, но наверняка это неспроста. Но как бы ни страшна была причина, она не может оправдать того, что содеял этот человек. Кровь на мече и кинжале Энтрери навсегда останется на его совести.

И мне кажется, его это гнетет. Кровь его жертв жжет ему кожу и язвит его душу, как дыхание черного дракона. Когда мы виделись в последний раз, в его темных глазах ясно читалась ставшая уже привычной тупая боль. Я одержал верх над ним и мог бы убить, и мне кажется, он даже надеялся на то, что все будет кончено, что я положу конец страданиям, которые он сам на себя навлек.

Именно эта боль удержала мой клинок. У меня родилась надежда, что в глубине души Артемис Энтрери осознал, что должен сойти с неверного пути, ведущего к пустоте и безграничному отчаянию. Пока я стоял перед ним, беззащитным, с оружием в руках, то успел о многом подумать. Я не мог нанести удар, видя страдание в его глазах и понимая, что оно может быть провозвестником искупления. Но я сознавал, что, выйдя из хрустальной башни, Артемис Энтрери сотворит еще много зла. Имел ли я право отказаться от удара?

Передо мной стоял вопрос без ответа, неразрешимый для совести и здравого смысла. Но решение я пошел, вспомнив об отце, Закнафейне. Энтрери мог бы сказать, что они с моим отцом похожи, и отчасти был бы прав. Оба жили в окружении существ, которых считали враждебными и злонамеренными. И ни один, по их представлениям, не убил никого, кто этого не заслуживал бы. Разве прислужники, головорезы и убийцы порочных пашей Калимпорта чем-то лучше головорезов-дроу в Мензоберранзане? В этом смысле поступки Закнафейна и Артемиса Энтрери похожи. Обоим приходилось выживать в мире обмана, опасностей, зла и интриг. Обоим приходилось быть безжалостными, чтобы выжить. Если Энтрери воспринимает свой мир как плен, как средоточие зла и ничтожества, каким Закнафейн считал Мензоберранзан, то не дает ли это ему право заниматься избранным ремеслом, как и Закнафейну, который в бытность свою Мастером Оружия Дома До'Урден убил множество темных эльфов?

Я неожиданно осознал это, когда впервые попал в Калимпорт, преследуя Энтрери, захватившего Реджиса (должен признать, даже этому его поступку можно найти оправдание) и был не на шутку взволнован. Как далеко простирается сходство между этим убийцей и моим отцом, учитывая, как мастерски оба владели оружием и

с какой легкостью убивали? Может, в тот момент, когда я мог нанести Энтрери смертельный удар, меня удержали чувства к Закнафейну?

Но все-таки мне хочется верить, что Закнафейн был более разборчив в том, кого следует убить, а кого нет. Я знаю, какое у него было сердце. Он был способен любить, так что Артемис Энтрери не выдерживает сравнения с ним.

По крайней мере, тот Энтрери, которого я знаю. Но может, есть надежда, что глубоко-глубоко под маской убийцы скрывается некая добрая искра?

Я был бы этому искренне рад, хотя и сомневаюсь, что кто-то или что-то может раздуть эту искру настолько, чтобы возникший огонь растопил ледяную броню бесстрастия и безжалостности, что носит Артемис Энтрери.

Обещание короля-колдуна

Клинок святого короля
Блеснул в полночной мгле,
И плоть распалась колдуна,
Развеявшись по земле.
Победы песнь звучит в сердцах,
И радость бьет ключом,
Разбит Женги презренный прах
Гаретовым мечом.
Но тот не может умереть,
В ком жизни нет давно.
Клинком стальным не победить
Сил мрака колдовство.
Гарета меч рассек лишь тлен,
Лишь оболочку зла.
По миру разлетелись вширь
Частицы колдуна.
Слушайте, дети, что мать говорит:
Бойтесь отстать от отца.
Осколок Женги за всяким следит,
Но нет у него лица.

Дорога Патриарха

Интересно, по-прежнему ли они странствуют вместе, как раньше, всегда готовые схватиться за оружие – не только для того, чтобы защититься от врагов, но и друг от друга?

Я часто думаю о них, Артемисе Энтрери и Джарлаксе. Даже во время нашествия полчищ орков во главе с королем Обальдом, даже в те дни, когда бушевала война и Мифрил Халлу грозила опасность, я время от времени уносился мыслями далеко-далеко, раздумывая о судьбе этой странной пары.

Почему они так занимают меня? Что касается Джарлакса, для меня он всегда будет связан с именем отца, Закнафейна, вместе с которым он когда-то бродил по окрестностям Мензоберранзана, как сейчас, быть может, путешествует с Артемисом Энтрери по Верхнему Миру. Джарлакс не соответствует расхожим представлениям о дроу, он всегда непредсказуем; даже сами темные эльфы никогда не знают, чего от него ждать. И мне приятно сознавать, что он именно такой, поскольку это лишнее доказательство того, что личность сама по себе намного важнее того, что наследуешь при рождении. Ведь, учитывая мое происхождение, иногда лишь эта вера помогала мне сохранить душевное здоровье. С моим племенем меня роднят только типично эльфийские уши и черный цвет кожи, но люди часто думают иначе. Однако их предрассудки не имеют надо мной власти, пока я ясно понимаю, что их представления обо мне не имеют никакого отношения ко мне, истинному, и что целый народ нельзя мерить одной меркой.

Джарлакс – живое тому подтверждение. Он лучший пример того, как личность преодолевает любые ограничения, наложенные на нее обстоятельствами рождения и традициями. Нет сомнений, что он единственный в своем роде, чему я только рад, поскольку, будь таких, как Джарлакс, несколько, этот мир погиб бы.

Но если бы я сказал, что Артемис Энтрери интересуется меня лишь потому, что связан с этим темным эльфом, то солгал бы. Даже если бы Джарлакс вернулся в Подземье, предоставив наемного убийцу самому себе, все равно мои мысли время от времени возвращались бы к нему. Ни жалости, ни участия к Энтрери я не испытываю и, уж конечно, никогда не смог бы с ним сблизиться. Я не жду ни воздаяния, ни его спасения, ни покаяния с его стороны и никаких перемен в его жалком существовании, целиком и полностью основанном на эгоизме. Когда-то я воображал, что присутствие Джарлакса как-то благотворно повлияет на этого наемника, что он хотя бы осознает, насколько пуста его жизнь.

Нет, ужас, а вовсе не надежда на лучшее временами обращает мои мысли к этому человеку.

Однако боюсь я отнюдь не того, что он разыщет меня ради еще одного решающего боя. Случится ли это когда-нибудь? Возможно, но по этому поводу я не испытываю ни страха, ни смущения, ни беспокойства.

Если когда-нибудь он найдет меня и вызовет на бой, быть посему. В жизни, полной сражений, это будет всего лишь еще одна схватка.

Причина не в этом. Я вспоминаю о нем с содроганием лишь потому, что понимаю: я и сам мог стать таким же. Живя в Мензоберранзане, я ходил по узкой грани между отчаянием и верой в лучшее, и надежда моя часто сменялась холодным цинизмом. Если бы тогда я поддался ему, то стал бы еще одной жертвой беспощадного сообщества дроу, и с тех пор моими клинками руководила бы не жажда справедливости – по крайней мере, я верю, что сейчас именно она направляет меня, – а ярость, как в те дни глубочайшей тоски, когда я верил, что все мои друзья

мертвы. Именно тогда я познал эту холодную ярость отчаяния, перестал слышать свое сердце, да и душу как будто потерял.

Артемис Энтрери перестал слышать свое сердце много лет назад. Ясно как день, что отчаяние сломило его. Иногда я спрашиваю себя, пусть мне и больно думать об этом, – так ли уж он отличается от Закнафейна? Хотя подобным сравнением я, быть может, оскорбляю память моего дорогого отца. И Энтрери, и Закнафейн пускали в дело меч без малейшего сожаления и угрызений совести, считая, что мир, окружающий их, не стоит ни капли милосердия. Единственное, что отличает их в моих глазах, – ненависть Закнафейна была вполне оправданна, тогда как Энтрери не видит, что его мир достоин сочувствия, а не жестокого суда острых клинков.

Но Энтрери не способен видеть эту разницу. Он испытывает к своему миру то же отвращение, то же ощущение безнадежности, с какими Закнафейн относился к Мензоберранзану, а потому он и не чувствует уколов совести, беспощадно казня его.

Я знаю, что он заблуждается, но прекрасно понимаю, в чем причина его безжалостности. Ведь я был знаком с человеком, похожим в этом на него, и его я готов превозносить, потому что обязан ему самую жизнь.

Всеми нами руководят какие-то стремления, пусть это лишь желание уйти от ответственности. Даже стремление не иметь стремлений есть стремление в своей основе, а значит, жизнь разумного существа от них неотделима.

Все устремления Артемиса Энтрери, как и Закнафейна, замкнулись на нем самом. Его единственная цель – самосовершенствование. Он мастер боевых искусств, его тело – механизм без изъяна, но все это делается не во имя какой-то более великой цели, а лишь для того, чтобы жить. Чтобы пройти по грязи и не запачкаться.

Стремления же Джарлакса, как и мои, – совершенно иные, хотя, надеюсь, цели у нас различные. Его задача – держать под контролем не себя, а все, что его окружает. Энтрери может потратить много часов, отрабатывая какое-нибудь движение до степени автоматизма, а Джарлакс тратит время на то, чтобы обработать окружающих и создать себе такие условия, какие ему нужны. Его потребности мне, само собой, непонятны, думаю, что общественное благо волнует его в последнюю очередь. Исходя из моего недолгого общения с этим непостижимым дроу, могу предположить, что он сталкивает людей между собой и сеет подозрения исключительно ради развлечения. Все эти махинации, безусловно, приносят ему выгоду: полагаю, устроив поединок между мной и Энтрери в башне Креншинибона, он хотел покрепче прибрать к рукам наемника. Но я подозреваю, что Джарлакс будет сеять раздор, даже не преследуя цели лично обогатиться или вообще получить какую-либо выгоду.

Наверное, за столько столетий ему наскучило жить и обыденность для него все равно что смерть. Он развлекается ради самих развлечений. При этом ему дела нет до тех, кто становится ничего не подозревающим участником его забав, зачастую фатальных, и это лишь доказывает, что Джарлакса так же не волнуют проблемы окружающего мира, как Артемиса Энтрери и когда-то Закнафейна. Когда я представляю себе Джарлакса и Закнафейна в Мензоберранзане, мне на ум приходит сравнение с ураганом, пронесшимся по улицам; вдали затихает уже хохот этой парочки, а никто ничего не успел понять.

Наверное, теперь Энтрери стал для Джарлакса достойным компаньоном.

Но все же, несмотря на сходство, Закнафейн и Энтрери – не одно и то же.

Подозреваю, что между Джарлаксом и наемным убийцей всегда сохранится напряжение из-за расхождения в целях и средствах – если только до сих пор они не повздорили всерьез и уже не лежат где-нибудь в придорожной канаве, оба пронзенные насквозь.

Пусть Закнафейна, как и Энтрери, одолевало отчаяние, но душу свою он не продал. Он так и не сдался.

А Энтрери давно поднял белый флаг и вряд ли когда опустит.

Я не создан быть правителем, ни мои стремления, ни наследственность, ни характер для этого не подходят. Здесь, в маленьком уголке большого мира, мне выпала скромная роль. Надеюсь, когда я умру, меня вспомнят те, чьи жизни были связаны с моей. Очень надеюсь, что вспомнят тепло.

Не исключено, что знавшие меня или те, кого коснулись битвы, в которых я участвовал, и дела, которые я совершил, расскажут своим детям о Дзирте До'Урдене. А может, и нет. Но почти наверняка дети этих детей уже забудут меня и имя мое затеряется на пыльных задворках истории. Однако мысль об этом ничуть не печалит меня, потому что мерой успеха в жизни я считаю ту ценность, которую мое существование обрело благодаря тем, кого я любил и кто любил меня. Я не гожусь на то, чтобы быть правителем или сверхчеловеком, – как, например, Эльминстер, настолько изменивший мир, что имя его будут помнить многие грядущие поколения.

Правители вроде моего друга Бренора устанавливают жизненный уклад своих современников и потомков, поэтому его имя и дела не умрут, а будут жить еще долго, пока существует род Боевых Молотов, может, тысячу лет.

В общем, понятно, что я нередко размышляю о жизни короля, о том, о чем должен думать правитель, о гордости и благородстве, об эгоизме и самоотверженном служении.

Есть одна особенность, создающая пропасть между главой большого клана, вроде Бренора, и человеком, управляющим огромной страной. Для Бренора, живущего среди родни и друзей, «народ» и «благо» – синонимы. С каждым дворфом, человеком, эльфом, дроу, полуросликом или гномом, живущими в Мифрил Халле, Бренор тесно связан дружбой. Их беда – его беда, их радость – его радость. Он знает всех и каждого поименно, и все они – его большая семья.

Этого нельзя сказать о правителе большой страны. Как бы ни были хороши его намерения, каким искренним ни было бы его сердце, король, повелевающий тысячами и десятками тысяч, эмоционально отстранен от своих подданных, и чем их больше, тем глубже разрыв, пока люди не станут для него чем-то неживым – безликим числом, массой.

Король знает, что в таком-то городе живет десять тысяч, а в таком-то – пять, а вот в той деревне – всего пятьдесят человек. Но они ему никто – ни семья, ни друзья, даже лиц их он никогда не видел. Откуда ему знать об их мечтах и надеждах? А если

они все же его волнуют, то он вынужден верить, что существуют некие общие для всех мечты и надежды. Добрый король всегда отдает себе отчет в том, что он тоже часть народа, а потому постарается сделать жизнь лучше для всех. Такой правитель понимает ответственность своего положения и благородство служения. И не важно, что руководит им при этом, быть может, эгоистические мотивы, может, он хочет быть любимым и почитаемым – пусть. Король, желающий, чтобы в доброй памяти народа сохранилось его служение, будет править мудро.

И наоборот, тот, чья власть держится на страхе перед ним или каким-то настоящим или вымышленным врагом, ничего не знает о благе. Матери Домов Мензоберранзана держат своих подданных в постоянном напряжении и страхе перед собой, перед своей Паучьей Богиней, перед множеством врагов, частично реальных, а частично выдуманных ради того, чтобы надежнее укрепить свое могущество. Найдется ли хоть кто-то, кто тепло вспомнит таких правительниц, исключая, конечно, тех, кого они привели к власти?

Самое главное право короля – затевать и вести войну, источник горестей всех мыслящих существ. В войне, быть может, яснее всего постигается, чего стоит правитель. И пусть ни один король не испытает физических страданий вместе с раненым солдатом, но добрый король знает, что душа у него всю жизнь будет болеть за чужие раны, и потому будет стараться не подвергать своих бойцов ненужным страданиям.

Думая о своих подданных в целом, добрый король никогда не забудет, что массу образуют люди. И если какой-то из его генералов станет хвастать, что ради одержанной победы погибло всего десять человек, радость хорошего правителя будет все же омрачена скорбью по этим десяти.

Только при таком отношении к людям правитель сможет сделать верный выбор. Лишь представляя, как отразятся последствия его решений не на королевстве в целом, а на отдельном человеке, на том десятке или пяти тысячах, которые принесут себя в жертву или будут страдать во имя его или во имя общих интересов, он осознает всю ответственность этих решений.

Король, чувствующий страдания раненого, голод ребенка, горе родителя, потерявшего дитя, поставит страну выше короны, а народ – выше себя. Без подобного сострадания любой человек, даже будь он до этого кристально чист душой, станет тираном.

Если бы только народ мог выбирать себе правителей! Если бы люди могли заглянуть в сердце того, кто станет ими повелевать!

При условии справедливого выбора король воплотил бы в себе желания и чаяния народа, вместо того чтобы пробуждать в людях низкие страсти и стремления. Тогда народ и корона превратились бы в единое целое и, как большая семья или добрые друзья, делили бы все горести и радости.

Но я не слышал, чтобы где-либо в подлунном мире народ мог избрать себе короля. Все решает голубая кровь или свершения, и народу остается лишь надеяться, что взошедший на престол человек окажется наделен сочувствием и, правя, будет помнить о ранах каждого солдата.

Рядом с Мифрил Халлом растет и набирает силу необычное королевство. В нем единолично правит орк, Обальд Многострельный, оказавшийся совсем не таким

простым, как думали о нем я, Бренор или наши друзья. Похоже, он решительно разрушил представления об ограниченности собственной расы.

Так мне хочется верить, и потому мое понимание действий Обальда, вероятно, искажено надеждой на лучшее. Но ведь все-таки он, вопреки нашим ожиданиям, прекратил наступление, предотвратив тем самым верную гибель тысяч соплеменников.

Возможно, в этом крылся простейший расчет: король орков понял, что одним махом задуманного все равно не достичь, и потому перешел в оборону, чтобы сохранить хотя бы то, что уже завоевано. И вероятно, в дальнейшем, если никто не вторгнется в его владения, он соберется с силами и нападет вновь. Но мне хочется верить, что причина в ином; мне хочется верить, что орочьему королю достало сострадания (или честолюбивого желания, чтобы его имя в будущем вспоминали не только со страхом, но и с благодарностью), вопреки тому, что этой расе оно несвойственно. Мне хочется верить, что завоевательные притязания Обальда несколько умерили осознание того, каких это потребует жертв.

Но знать это наверняка я не могу. Я понимаю, что слишком смело предполагать в орке такое благородство души, что возвысило бы его даже над многими правителями среди людей. Боюсь, Обальд остановился лишь потому, что понял: дальше пути нет, он может потерять и то, что уже захватил. Наверное, боевую машину орка все же застопорило не сострадание, а расчет.

Даже если и так, все равно это исключительный случай. Пусть расчет остановил волну захватчиков и заставил их вместо продолжения нашествия созидать королевство, быть может, таким образом практичность стала первым шагом на пути к гуманности? Может, со временем это приведет их к более совершенному обществу?

Это все мои надежды. Конечно, прямой восходящей дороги не будет. Даже в чудесном городе госпожи Аластриэль, Серебристой Луне, движение вперед неизбежно сопровождалось временными отступлениями. Может, так и не дождавшись всеобщего благоденствия, этот мир прекратит свое существование.

Значит, будет так. Но ведь главное – это стремление.

Однако надеяться я не перестаю, хотя надежду иногда омрачает страх, что все это – игра, причем игра, в которой преуспевают именно те, кто ставит себя выше всех остальных. Путь к короне – жесток, человеку с мягким сердцем трудно его пройти. Тот, кто живет ради других, часто становится жертвой мошенника, преследующего сугубо личную выгоду.

Но те, кто проходит этот путь до конца и чувствует на своих плечах тяжесть власти, должны прислушиваться к голосу совести.

Сочувствуйте ранам своих солдат, короли.

Сопереживайте печалам своих подданных.

Нет, я не создан быть правителем, у меня другие стремления и характер. Сердце короля Дзирта До'Урдена потеряло бы покой из-за гибели даже единственного солдата. Добрым правителям я не завидую, но страшусь тех, кто не сознает, что у каждого в массе подданных есть имя и что главное завоевание того, кто высоко вознесся, – любовь и благодарность народа, ради блага которого он живет.

Главная цель самоосмысления – создание ясного, честного образа самого себя. На этом пути нужно отбросить ложные покровы и стать лицом к лицу с правдой – даже если признавать собственные ошибки больно. Сталкиваясь с непоследовательностью, мы пытаемся закрыть на нее глаза, ведь всем нам хочется быть цельными и последовательными.

Но на пути самоосмысления нет места такому уклонению от правды. Человеку, ставшему на эту дорогу, просто необходимо признать свои ошибки, принять их и двигаться дальше с желанием стать лучше.

Существует множество причин, по которым мы обманываем самих себя. Как правило, мы делаем это, чтобы потешить самолюбие, но бывает, и оттого, что боимся.

Ибо иногда, как я понял недавно, мы боимся питать надежды, поскольку надежда предполагает ожидание, а на смену ожиданию может прийти разочарование.

И потому я снова спрашиваю себя напрямую – по крайней мере, мне кажется, что я не пытаюсь уклониться от правды, – почему я чувствую странное сродство с человеком, отринувшим почти все, что есть для меня драгоценного в жизни, с Артемисом Энтрери? Почему мысли о нем вообще приходят мне в голову? И отчего я не убил его, когда мог это сделать? Что именно помешало мне нанести последний удар?

Вплоть до недавнего времени, пока я наконец не разрешил этот вопрос, я часто спрашивал себя: а не стал бы я таким же, как Артемис Энтрери, не сбеги я в свое время из Мензоберранзана? Быть может, все нарастающий гнев заставил бы меня вступить на тот же путь, что и он, на путь безжалостного убийцы? И вполне допустимо, что в стремлении к телесному совершенству я потерял бы душу и спрятался бы, как в раковину, в холодную жизнь без чувств и страстей. Вероятно, если отсутствует страсть, нет места и самоисследованию, а при таком отношении к себе я и впрямь потерял бы душу, останься я в городе своего детства.

И лишь сейчас, когда я сбросил, наконец, груз вины, так долго тяготивший меня, я могу с полной уверенностью утверждать, что не стал бы подобием Артемиса Энтрери, даже если бы остался в Мензоберранзане. Скорее, обратив весь свой гнев вовне, а не внутрь, сделав ярость своим доспехом, я мог бы стать похожим на Закнафейна. Не могу сказать, что желал бы такой жизни, как прожил он, да и вряд ли я смог бы долго терпеть такое существование, но пройти путь Энтрери я хотел бы еще меньше.

Итак, теперь меня это больше не тревожит, мы с Энтрери вовсе непохожи в том смысле, в каком я боялся. И тем не менее, я продолжаю думать о нем, причем часто. Видимо, оттого, что питаю надежды.

Забавная штука – реальность. Правда – вовсе не такая определенная и неизменная вещь, как нам того хотелось бы; восприятием нашим руководит эгоизм,

а восприятие находит себе подтверждение. Например, неприятное отражение в зеркале можно приукрасить, получше причесав волосы.

Итак, верно, что мы манипулируем реальностью. Мы можем уговаривать, вводить в заблуждение. Можем заставить окружающих видеть нас в нужном свете. Можно спрятать эгоизм за показной щедростью, замаскировать под великодушное страстное желание быть любимым и уважаемым, скрыть нетерпеливое желание под нежной улыбкой, чтобы сломить нерешительность робкой возлюбленной. Мир не только мираж, зачастую он просто обман. Ведь история пишется победителями, и потому складывается впечатление, что детей, погибших под копытами коней победоносной армии, как будто не существовало вовсе. Прожженный вор может прослыть щедрым благотворителем, избавляясь от ненужного хлама. Правителя, отправляющего молодых ребят на смерть, провозглашают благодетелем, когда он целует нежную щечку ребенка. Для тех, кто понимает, что реальность на самом деле лишь то, что мы из нее творим, любой вопрос превращается в вопрос восприятия.

Так устроен этот мир, но многие стараются жить вопреки этому. Например, справедливый король Гарет Драконобор, правящий в Дамаре, или госпожа Аластриэль в Серебристой Луне, или Бренор Боевой Молот из Мифрил Халла. Они не пытаются замаскировать реальность, чтобы обмануть восприятие других, они стремятся улучшить действительность, они идут вслед за мечтой и верят, что выбрали правильный курс, а потому они всегда будут казаться теми, кто есть на самом деле, – честными людьми доброй воли.

Ведь гораздо тяжелее изменить внутренний образ, возникающий в зеркале самопознания, трудно спрятать чистоту или черноту сердца и души от себя самого.

К сожалению, многие превращают свою жизнь не в мираж, а в постоянный самообман. Аплодисменты они принимают за обожание, а мелкие подачки бедным заменяют им пятновыводитель для души. Среди полководцев, играющих жизнями тысяч людей, много ли таких, что расслышат сквозь гром восторгов всех тех, кто верит, что войны могут изменить мир к лучшему, крики отчаяния?

А сколько грабителей оправдывают свои злодеяния обидами, пережитыми когда-то, и закрывают глаза на отчаяние своих жертв? Интересно, в какой момент кража становится способом законного воздаяния?

Есть такие, кто не видит пятен на своей душе. Одни лишены способности заглядывать в зеркало самопознания, другие меняют не только внешнюю, но и внутреннюю реальность.

Артемис Энтрери жалок, и именно это когда-то пробудило во мне надежду. Он не лишен чувств – он бежит от них. Он превратил себя в орудие убийства, в инструмент, потому что иначе ему пришлось бы стать человеком. Не сомневаюсь, он слишком хорошо изучил свое отражение и никак не может смириться с неприглядностью этого образа. Все доводы, которые он приводит в свое оправдание, кажутся бесполезными, главным образом, ему самому.

Но ни для кого из нас нет другого способа стать на путь искупления. Лишь честно изучив свое отражение в зеркале, можно приступить к изменению внутренней действительности. Начать излечение возможно, лишь честно рассмотрев все рубцы, пятна и гниль.

Именно на это я надеюсь, потому и не перестаю думать об Артемисе Энтрери. Надежда моя слаба, и ей, быть может, не суждено сбыться в скором времени, да, может, и питает ее только мое собственное отчаянное желание верить, что возможность искупления и изменений к лучшему есть для каждого. Ведь если она есть для Энтрери, значит, есть для любого?

Может, даже для Мензоберранзана?

Клинки Охотника

Тысяча орков

Когда в Долину Ледяного Ветра с небольшой армией берсерков прибыл Тибблдорф Пуэнт и принес весть о смерти Гэндалуга Боевого Молота, первого и девятого короля Мифрил Халла, я знал, что у Бренора не останется иного выбора, кроме как вернуться в дом предков и вновь принять бремя власти. Именно этого требовал долг перед Кланом. Как и для большинства дворфов, долг перед Кланом и королем превыше всего для Бренора. Однако когда Бренор услышал эту весть, то я увидел следы печали на его лице, и понял, что лишь часть той печали вызвана скорбью о прежнем короле. Долгую и прекрасную жизнь прожил Гэндалуг, иной дворф и мечтать не мог о большем. И хотя Бренора огорчила потеря родича, что был ему едва знаком, не в том была причина его сокрушений. Ибо знал я: более всего гнетет его чувство долга, что обязывает вернуться к оседлой жизни. Я не сомневался, что стану его сопровождать, но предвидел, что не задержусь в безопасных чертогах Мифрил Халла надолго. Я создан для дороги, для приключений. Свое предназначение я осознал после сражения с дроу, когда в Клан Боевого Молота вернулся Гэндалуг. Казалось, что наша небольшая компания наконец-то обрела мир, но вскоре я узнал, что на деле мир обернется обоюдоострым мечом.

Так я вместе с Кэтти-бри, капитаном «Морской Феи» Дюдермонтом и его командой пустился в плавание вдоль Побережья Мечей, преследуя пиратов.

Настолько странно и зачастую неуютно осознавать, что ни одно место не задержит меня надолго, что в действительности мне не хватит никакого «дома»... Я желаю понять, куда направлен мой бег – стремлюсь ли я к чему-либо или убегаю? Ведом ли я некой силой, как сбившиеся с пути Энтрери и Эллифейн? Вопросы не дают покоя ни моему сердцу, ни моей душе. Почему я испытываю потребность продолжать путь? Чего я ищу? Приюта? Большей славы, которая придаст мне уверенности в том, что я совершил верный выбор, когда покинул Мензоберранзан?

Сомнения гнетут меня, порою вызывая беспокойство, но оно недолговечно, ибо мне понятна вся тщетность мучащих меня вопросов.

Когда в Долину Ледяного Ветра прибыл Пуэнт, пред нами вновь предстала картина безопасной, полной удобств жизни в Мифрил Халле, но это не та жизнь, с которой я могу примириться. К тому же я опасаюсь за Кэтти-бри, за нашу

выстраданную близость. Насколько переменятся наши отношения? Захочет ли Кэтти-бри обзавестись собственной семьей, домом? Не расценит ли она возвращение в твердыню дворфов как знак, возвещающий о том, что она достигла конца своего полного приключений пути?

И если это произойдет, то каково будет мое решение?

И поэтому все мы слушали вести, что принес Пуэнт, с противоречивыми чувствами и немалой тревогой.

Однако противоречия недолго терзали сердце Бренора. Исполненный огня молодости дворф по имени Дагнаббит, при помощи которого несколько лет тому назад освободили от дергаров Мифрил Халл, и чей отец, прославленный генерал Дагна, командовал войсками Мифрил Халла, сопровождал Пуэнта до Долины Ледяного Ветра. После тайной встречи с Дагнаббитом мой друг пребывал в наилучшем расположении духа, в каком я только когда-либо видел его, едва не подскакивая от желания поскорее отправиться домой. Ко всеобщему удивлению, Бренор незамедлительно предложил (не приказывая, но недвусмысленно намекнув), чтобы все дворфы Мифрил Халла, что поселились в Долине Ледяного Ветра под сенью Пирамиды Кельвина, вернулись вместе с ним.

Когда я спросил Бренора о столь внезапной перемене во мнении, то он просто подмигнул и заверил, что вскоре со мною случится «величайшее приключение во всей моей жизни» – немалое обещание!

Но все же он по-прежнему не желал пояснять ни общей цели своего плана, ни подробностей, а Дагнаббит хранил молчание, как и мой вспыльчивый друг.

Однако подробности, в сущности, не столь важны для меня. Самое главное – быть уверенным в том, что жизнь, как прежде, будет полна приключений и смысла, будет иметь цель. Уверен, что в этом-то и заключается вся тайна. Постоянно взбираться на новые вершины – это и означает жить. Ключ к достижению самой неприступной цели, к осознанию завершенности, таится в том, чтобы всегда бороться за то, чтобы стать лучше, или чтобы улучшить окружающий мир, сделать богаче собственную жизнь или жизни тех, кого ты любишь.

Некоторые достигают этого, создавая порядок, безопасность, домашний уют. Некоторые (включая многих дворфов) могут добиваться этого, накапливая богатства или же изготавливая волшебные предметы.

Что же до меня – я использую мечи.

И поэтому, когда мы вновь покинули Долину Ледяного Ветра – большой караван из сотен дворфов, жалующийся (но отнюдь не жалкий) полурослик, женщина-воительница, могучий воин из племени варваров с женой и ребенком и я, пребывающий в приятных заблуждениях темный эльф в сопровождении волшебной пантеры, – поступь моя была легка.

И пусть падает глубокий снег, пусть хлещет дождь, и пусть ветер развеивает полы моего плаща. Я весел и беззаботен, ибо у меня есть дорога, которой стоит идти!

Смерть не пугает меня... Я знал о ней, я примирился со смертью... со своей собственной гибелью. Смерть не пугает меня, и она не страшила меня ранее, с того самого дня, как я вышел из Мензоберранзана на поверхность. Лишь теперь я окончательно осознал это – благодаря необычному другу по имени Бренор Боевой Молот.

Отнюдь не бахвальство заставляет мои уста исторгать подобные речи, не потребность в показной храбрости, и не чувство собственного превосходства над прочими. Всего лишь очевидный факт: смерть не пугает меня.

Я не хочу умирать, и убежден, что стану яростно сражаться при любой попытке меня убить. Я не стану безрассудно вторгаться во вражеский лагерь, не имея ни малейших шансов на победу (хотя мои друзья зачастую упрекают меня именно в этом, и даже столь очевидный факт, что мы все еще живы, не защищает меня от их укоров). О нет, я надеюсь, что мне суждено прожить несколько столетий. Я надеюсь жить вечно, сопровождаемый друзьями на каждом шагу бесконечного путешествия.

Так откуда же подобное бесстрашие? Я вполне осознаю, что тот путь, которым я отправился, который я избрал, полон опасностей и что, возможно, когда-нибудь – может случиться, вскоре – я или мои друзья падем в битве. И хотя меня повергает в уныние возможность оказаться поверженным (хотя в еще большее уныние меня повергло бы зрелище гибели или увечий, причиненных моим дорогим друзьям), ни я, ни они не сойдем с выбранного пути.

И теперь я понимаю, почему. И теперь, благодаря Бренору, я осознал, отчего меня не страшит смерть.

Прежде я полагал, что обязан бесстрашием вере в некое высшее существо, в божество, в иную жизнь, что благодаря подобным верованиям я лелеял надежду. Однако верования довольно просты и отчасти основываются на молитвах и слепой вере, а не на подлинном знании о том, что придает мужества, ведет истинным путем и позволяет идти шаг за шагом по опасному пути, ощущая в душе глубочайший покой.

Смерть не пугает, ибо мне известно: я – часть чего-то, часть верований, что превыше, чем тело и душа, вместе взятые.

Когда я расспрашивал Бренора о том пути, которым он решил идти и который уводил от Мифрил Халла, то задал простой вопрос: «Что станет делать народ Мифрил Халла, если ты погибнешь в пути?»

И он мне дал еще более простой и очевидный ответ: «Тогда народу будет намного легче, нежели если бы я прятался в своем замке».

Таковы все дворфы, иного они от своих правителей и не ждут. Даже те из них, кто склонен к чрезмерному беспокойству за властителя, наподобие рьяного телохранителя Пуэнта, в самой глубине души понимают, что, доведись им вынудить Бренора остаться в убежище – они совершили бы подлинное убийство короля Мифрил Халла. Бренор осознавал, что власть в Мифрил Халле, Теократия, которая, по сути, есть разновидность простейшей демократии, намного важнее, чем любой из дворфов, восседающих на престоле, кем бы они ни были. Но Бренор знал: те короли, что правили до него, и те, что придут после, умирали и будут умирать в битве, умирать скоростижно, изумляя подданных внезапной кончиной правителя. Однако кажущейся неизбежности гибели противопоставлена вера в то, что Мифрил

Халл восстанет из пепла погребального костра. Когда темные эльфы пошли войной на Мифрил Халл, точно армии прежних времен, что грозили твердыне дворфов, то, подобно королю, гордо и смело, во главе защитников встал Бренор. И не кто иной, как Бренор Боевой Молот, а не прочие воины, действовавшие по его поручению, сразил саму Мать Бэнр, нанеся тем самым славнейшую памятную зарубку на свой грозный боевой топор.

Таков был удел короля дворфов, ибо королю дворфов надлежало помнить: королевство превышает короля, клан – больше короля, а справедливые законы, по которым живет клан, превышает, чем смертная юдоль и короля, и любого из его подданных.

И если бы Бренор не верил этому, если бы он не мог хладнокровно, без страха за собственную жизнь, взирать в глаза врагам, то он оказался бы вовсе недостоин называться правителем. Правитель, что скрывается при малейшей угрозе, – не правитель. Правитель, что полагает, будто он бесценен и незаменим, – глупец.

Но поскольку я не правитель, то каким образом сей урок соотносится с моим путем? Ибо в глубине сердца мне известно: я следую путем правды, путем благих намерений (пусть даже порой благие намерения и заводят меня не туда, куда следует), путем, который полагаю честным. Уверен, что мой путь – праведный (по крайней мере, для меня), и ежели в глубине души меня станут терзать сомнения, то следует пойти иным путем.

Немало испытаний ожидает на пути. Нередко попадают враги и препятствия, но порой мешают и душевные терзания. В отчаянии я вернулся в Мензоберранзан, чтобы сдаться на милость темных эльфов и чтобы те не причинили вреда друзьям, и роковая ошибка едва не стоила жизни той женщине, что дороже мне всего на свете. Я видел, как покидал нас Вульфгар в смятении и усталости и как страшился он того, что никогда более не вернется, встретившись с опасностью.

Однако я знал: следовало позволить ему уйти, вопреки зловещим предчувствиям.

Порою сложно следовать прежним курсом, нелегко сохранять убежденность в том, что на перекрестке дорог выбран верный путь. Я боюсь, что меня вечно будет преследовать видение умирающей Эллифейн, однако, оглядываясь назад, осознаю, что вряд ли смог бы поступить иначе. Даже теперь, зная о губительных последствиях, которые возымели мои действия в тот судьбоносный день, столетия тому назад, я уверен в том, что и вновь поступил бы так же, как подсказали сердце и совесть. Ибо ни у меня, ни у любого из нас не остается иного выбора. Внутренний проводник-совесть – лучшая путеводная нить, даже если путеводной нитью могут неверно воспользоваться глупцы.

И я буду следовать за ней, хотя ныне мне ведома вся глубина ран, что наносит подобный путь.

Ибо пока я уверен, что следую истинным путем, то и сраженный ударом, я паду, зная: хотя бы на миг я пробыл частью чего-то большего, чем просто Дзирт До'Урден.

Я – часть истинного миропорядка.

Никогда о большем не мог и мечтать ни один дроу, ни один человек или дворф.

Смерть не пугает меня.

Ныне жизненный путь предстает предо мною подобно трем дорогами, что сменяли друг друга. Первой дорогой был простой путь младшего принца Дома До'Урден, продолжением которого стало дальнейшее обучение, сперва – обучение у отца, Закнафейна, а после – в Мили-Магтир, школе воинов-дроу. Именно отец подготовил меня к грядущим опасностям; именно ему обязан я владением основными приемами боевого искусства темных эльфов, благодаря которому способен творить поединок, точно произведение искусства. Школа Закнафейна включала в себя не только обучение быстро отвечать исполненными совершенной гармонии движениями мышц на выпады противника и на мысленные импульсы, но, прежде всего, – обучение тому, как отвечать порывам вдохновения.

Именно талант импровизатора, а не механичное повторение движений, и отличает воина от мастера, что владеет оружием.

Потом был путь изгнанника, покидающего Мензоберранзан диким путем Подземья, через горные перевалы, что привели меня к Монтолио, а оттуда – к Долине Ледяного Ветра, к новым друзьям, что сопровождают меня и поныне. То был путь, тесно переплетенный со вторым. И пути те связаны нераздельно.

Ибо второй путь – путь сердца, путь роста, обретенный мною через осмысление и почтение не только к собственным желаниям стать иным, но и к потребностям других, к осмыслению того, что их собственное мировоззрение может отличаться от моего. Второму пути положила начало внутренняя растерянность, когда передо мной предстал во всей своей неприглядной и бессмысленной очевидности мир Мензоберранзана. И здесь я обязан Закнафейну первыми шагами, ибо он убедил меня: истинно то, что я знал в сердце своем (но принятию чего, возможно, противился мой рассудок). И более, чем прочим знакомым, обязан я Кэтти-бри тем, что и далее шел избранным путем. С самого начала она решила судить меня не по моему прошлому, но по движениям сердца и поступкам, и настолько благотворным оказалось пережитое мною отношение, что оставалось лишь одобрить подобное мировоззрение и поступать так же. Тем самым во мне зародилось почтение ко многочисленным народам, к иным культурам и иным мировоззрениям. Новизна обучала меня, и, приступив к познанию с открытым сердцем, я стал лучше.

Теперь же, после полных приключений лет, я пришел к заключению, что существует и третий путь. Долгое время я полагал, что он – лишь продолжение второго, однако теперь вижу, что путь сей не зависит от прочих. Возможно, меж них есть некая разница, но, право же, он не существенна.

Мой третий путь, как и у всякого разумного существа, начался со дня моего рождения. Многие годы я не осознавал его полностью, ибо его скрывали от меня обычаи Мензоберранзана и врожденная убежденность, что прежде, чем отправиться третьим путем, следует пройти первые два.

И третий путь открылся мне на родине Монтолио де Бруши, в его Роще, там, где я повстречался с Миликки и познал свое сердце и душу. То был первый шаг на духовном пути, содержавшем в себе загадок больше, нежели событий, вопросов –

больше, нежели ответов, веры и надежды – больше, нежели размышлений. То был путь, открывшийся передо мной лишь тогда, когда мною было пройдено то, что предначертали первые две дороги, то был путь, гораздо более краткий, но и гораздо более сложный, чем двое предыдущих – по крайней мере, в своем начале. И если в самом начале каждый из трех путей разделяется на развилки и перекрестки, и если жизненный путь зачастую определяют наши потребности, путь сердца – наши желания, то что определяет духовный путь?..

Духовный путь – не из легких, и я полагаю, что он никогда не станет легким для большинства.

Что до меня, то я уверен, что встал на истинный путь – но не оттого, что мне известны верные ответы. Я считаю свой путь истинным оттого, что способен задавать верные вопросы: «как?», «отчего?», «где?»

Как я избрал этот путь? Как вообще избирают подобные пути? Было ли то следствием череды событий, а может быть, промыслом Создателя или Создателей, возможно, между этими причинами нет различий?

Так отчего же я выбрал этот путь? Была ли к тому причина, или же все – следствие полнейшего совпадения, игры случая?

Возможно, основополагающим вопросом для меня, как и для всякого разумного существа, станет то, куда приведет меня странствие, когда настанет час расставания со смертной оболочкой?

Сей путь, последний из трех, я полагаю крайне личным. Есть вопросы, на которые не в состоянии ответить никто, кроме меня. Большинство моих знакомых находят «ответы» в чужих поучениях. Слова умудренных годами, речи ученых, что в состоянии дать удобные истины, предоставить ответы на воистину сложные вопросы. Нет, говорят они, нас ожидает не конец, но перерыв, ожидание, за которым последует возобновление привычного нам земного существования.

Возможно, я предвзято сужу о последователях большинства вероучений. Возможно, многие в глубине души задавали себе сходные вопросы и находили для себя ответы, после чего встречали единомышленников, с коими могли поделиться собственными успокоительными откровениями. Если дела обстояли действительно так, если только речь не идет о простом повторении с чужих слов, то я искренне восхищен и завидую тем, кто продвинулся по своему духовному пути гораздо дальше, чем я.

Что до меня, то я открыл для себя Миликки, хотя в сознании у меня до сих пор не существует ясного образа, сопряженного с этим именем. Откровение Миликки стало для меня не перерывом и не концом пути – скорее, подсказало, какими вопросами следует задаваться в первую очередь. Миликки дарует мне покой, но в конечном итоге ответы зарождаются в глубине души, их порождает та моя часть, что чувствует родство с последователями Миликки, о которых мне поведал Монтолио.

Величайшее откровение в своей жизни я обрел на последнем, важнейшем пути: я осознал, что все прочее – и жизненный путь, и путь сердца, и материальный путь – не более, чем начало. Все проявления нашей внешней жизни становятся ничтожней во много крат, если только они не служат тому, чтобы обратить нас внутрь самих себя. Лишь там таится подлинный смысл нашего существования, и в сущности, часть

ответа на три вопроса заключается прежде всего в том, чтобы их задать, и более того – осмыслить их первостепенную важность для рассудка.

Я полагаю, мы редко способны различить на нашем пути направляющие знаки, ибо вопросы, что задаются во время пути, зачастую меняются, а порою кажется, что на них просто невозможно дать ответ. Даже теперь, когда мне кажется, что я приблизился к постижению истины, мне никак не разрешить загадку Эллифейн, никак не осмыслить ее прискорбную утрату. И хотя я чувствую, что вместе с Кэтти-бри приступаю к величайшему приключению в своей жизни, меня по-прежнему терзает немало вопросов, что относятся к нашей связи. Я пытаюсь жить вместе с ней, пребывая в «здесь-и-сейчас», однако же и ей, и мне следует всматриваться и туда, куда ведет нас наш путь. И я полагаю, что мы испуганы тем, что предстает перед нами.

Остается лишь надеяться на лучшее, на то, что я найду необходимые ответы.

Мне всегда нравились восходы. Когда позволяют обстоятельства, я созерцаю каждую утреннюю зарю. С каждым восходом солнце уже не жалит мне глаза столь же сильно, как прежде. Возможно, это – некий знак того, что солнце, будучи олицетворением духовного, глубже проникло в мое сердце, в мою душу, и осветило меня смыслом жизни.

Разумеется, мне хотелось бы верить в это...

Мы склонны рассматривать наши жизни и отношения в свете настоящего. Данная истина вполне применима и к моим отношениям с Кэтти-бри, потому-то я и беспокоюсь за нашу связь. Жить «здесь и сейчас», странствовать вольными тропами, сражаться с любыми препятствиями, что только встанут на нашем пути... Выполнить то, для чего мы рождены, осуществить собственное предназначение – даже если предназначение заключается всего лишь в поисках приключений, и стремиться к указанной цели всем сердцем, всей душой...Предаваясь подобным занятиям, и я, и Кэтти-бри свободны от проклятых пут, что накладывало наше происхождение. Покуда мы предаемся подобным занятиям, мы способны жить вместе – жизнью, исполненной подлинной дружбы и истинной любви, и между нами сохранится близость, столь прочная, насколько возможно между двумя разумными существами.

И лишь вглядываясь в будущее, что ожидает нас, способны мы разглядеть зловещие тени.

На горном перевале, что к северу от Мифрил Халла, Кэтти-бри недавно довелось столкнуться со смертью и, что самое главное, довелось ощутить бренность собственного существования. Внезапно, со всей жестокой неотвратимостью перед ней предстала перспектива окончания земного пути. Кэтти-бри распрощалась с жизнью, ибо в то жуткое мгновение ей казалось, что никогда не суждено ей стать матерью, вынашивать детей и обучать их истинам, коими она руководствовалась в собственной жизни. Кэтти-бри столкнулась со смертью, смертью неизбежной, и некому было ей передать свое наследие.

И ее отнюдь не обрадовала подобная перспектива.

Как и неоднократно ранее, ей удалось выжить – как удавалось выжить мне, как удавалось всем нам. Вовремя подоспел на помощь Вульфгар, совершив то, что он совершил бы для любого из нас, и что любой из нас совершил бы ради варвара, чтобы отбить нападение орков. И потому смертный час Кэтти-бри оказался отсрочен.

Однако ее по-прежнему тяготили горькие мысли.

И явственное осознание Кэтти-бри собственного будущего, явственное осознание будущего, что уготовано нашей связи – вот та межа, та веха, что отмечает крутой поворот на нашем полном приключений пути – поворот, угрожающий разрушить все, созданное нами, и обратить возвращенный сад в бесплодную, каменистую пустыню.

Так какое же будущее уготовано нам? Ежедневное существование нашей связи исполнено радости и волнующих приключений, однако же вглядываясь вдаль, мы видим преграды, с которыми не в силах совладать, и сказанное относится прежде всего к Кэтти-бри. Суждено ли ей вынашивать детей? Сможет ли она вынашивать моих детей? В мире немало полуэльфов – потомков людей и эльфов, но полудроу?.. Я никогда не видел подобных созданий, несмотря на слухи, что Дом Баррисон Дель'Армго потакал подобным союзам, чтобы придать воинам силу и рост, но ныне я знаю: то – всего лишь слух. Разумеется, результаты подобных союзов оказались бы далеко не блестящими – даже если подобные слухи правдивы.

А потому неизвестно, суждено ли мне стать отцом детей Кэтти-бри, и в сущности, окажись мое отцовство возможным, подобная перспектива может оказаться отнюдь не радостной, и, безусловно, повлечет за собой нежелательные последствия. Разумеется, мне бы хотелось обзавестись потомством, что хранило бы столь много превосходных качеств Кэтти-бри: ее чувствительную натуру, храбрость, сострадание, ее способность ни на шаг не сбиваться с пути, который она полагает верным, и разумеется, ее красоту. Любой гордился бы, окажись он отцом ребенка, что унаследует качества Кэтти-бри.

Но подобный ребенок оказался бы полудроу в мире, где нет места для темных эльфов. В городах, где слава опережает меня, я встречаю довольно терпимое отношение, но разве может рассчитывать на терпимое отношение ребенок, лишь вступающий в этот мир? К тому времени, как он вырастет, чтобы обрести подобную славу, его или ее душу неминуемо покроют шрамы от ран, оставленных происхождением. Возможно, если мы обзаведемся ребенком, то нам придется годами держать его в Мифрил Халле.

Но даже подобное решение не спасет ребенка, и об этом прекрасно знает Кэтти-бри.

Все чересчур запутанно, чересчур сложно. Теперь я знаю, что люблю Кэтти-бри, и знаю, что и она любит меня. Прежде всего мы – друзья, в том-то и заключается очарование нашей связи. В «здесь и сейчас», среди вольных странствий и сражений с врагами, лучшей спутницы, лучшего дополнения к себе я не мог бы и желать.

Но, вглядываясь в будущее, – на десятилетие, на два десятилетия вперед – я вижу резкие повороты и скрытые ловушки. Я не перестану любить Кэтти-бри до ее самого последнего дня (даже если к тому времени она состарится и одряхлеет, а я

буду по-прежнему пребывать во цвете юности). Верность не тяготит меня, я не стал бы искать новых приключений, не стал бы искать спутницы с более подходящим телом, будь то эльфийка или такая же дроу, как я.

Некогда Кэтти-бри спросила, что тяготило меня более: внутреннее или внешнее? Страдал ли я больше от того, что люди обходились со мною, как с темным эльфом, или же оттого, что я осознавал, как прочие обходятся со мною? Полагаю, что подобный же вопрос можно задать и сейчас – на сей раз ей самой. Ибо я уверен: ее страшат те повороты, которые неизбежно появятся на нашем совместном пути, и которые я всецело готов принять, и она испугана более моим, нежели собственным, отношением к переменам. Через три десятилетия, когда ее возраст приблизится к шестидесяти, по человеческим меркам она станет старухой. Мне же исполнится около ста, я проживу первое столетие, и по-прежнему останусь достаточно молодым, едва вышедшим из юного возраста (по меркам темных эльфов). Полагаю, что осознание бренности собственного существования заставило Кэтти-бри обратить внимание на грядущее, и что ее отнюдь не радует наше будущее – прежде всего то, что уготовано мне.

К тому же, существует и другой болезненный вопрос: дети. Создай мы семью – и нашему потомству придется столкнуться с ужасным давлением и предрассудками среды, а мать покинет их в раннем, слишком раннем детстве.

Все это чересчур сложно.

А потому я предпочитаю жить в настоящем.

Вы правы: решение мое объясняется страхом.

Одинокый дроу

Я всё делал правильно. С того самого момента, когда покинул Мензоберранзан, я сверял каждый свой шаг с внутренним ощущением того, что есть благо, а что – зло, где эгоизм, а где единение и товарищество. Даже ошибки, которые у меня, как и у всякого, были, я делал из-за неверного понимания или собственной слабости, но никогда не оставался глух к своей совести. Ведь именно она – тот голос, что приближает нас к богам, в которых мы верим, к нашим надеждам и мечтам, к нашим представлениям о рае.

Я всегда прислушивался к голосу совести, но, боюсь, она меня подвела.

Я все делал правильно, но Эллифейн тем не менее больше нет, а ее смерть стала горькой насмешкой над тем, что много лет назад я спас ей жизнь.

Я все делал правильно, но при этом Бренор погиб на моих глазах, а вместе с ним, похоже, все и всё, что я любил.

Я все делал правильно. Вероятно, где-то там, в другом мире, некое божество сидит и потешается над моей глупостью...

Но, право, есть ли вообще это божество?

Может, все это ложь или, хуже того, самообман?

Я много думал о жизни, о сосуществовании с другими, о том, что самоусовершенствование и благо одного не должны противоречить улучшению общества в целом. До недавнего времени это было стержнем моего существования, именно потребность жить в согласии с другими заставила меня уйти из Мензоберранзана. Но из-за постигших меня горестей я наконец начал понимать – а может, просто вынудил себя признать это, – что моя непоколебимая вера на деле была чем-то очень личным. Разве не смешно, что я отстаивал общинность с таким жаром лишь потому, что мне необходимо было чувствовать себя принадлежащим чему-либо большему, чем я сам?

Я весьма старательно убеждал себя в правоте своей веры и при этом мало чем отличался от тех, что толпой внимают священнику на амвоне. Я нуждался во внутреннем покое и руководстве, только в отличие от верующих находил догматы не вовне, а внутри себя.

Я все делал правильно, в соответствии со своими принципами. Но сейчас я не могу избавиться от усиливающегося подозрения, порожденного страхом, что я изначально ошибался.

Есть ли смысл в моей вере, если Эллифейн все равно мертва, прожив недолгие годы своей юной жизни в постоянной муке? Есть ли смысл в том, что я и мои друзья всю жизнь следовали велениям сердца, полагаясь на верные клинки, когда все закончилось тем, что мне пришлось смотреть, как они погибают под грудой камней рухнувшей башни?

Если я был прав, то где же тогда справедливость, где воздаяние доброго божества?

Видно, я стал чересчур спесив, раз задаюсь такими вопросами. Это козни моей собственной души, которая осталась нагой, без защиты и помощи. И я не могу не терзаться вопросом: так ли уж сильно я отличаюсь от своих соплеменников? Может, я стремился к тому же, что и жрицы в моем родном городе, – возвыситься, но только иначе, утверждая общинность и служение высшим целям? Может, я, как и они, просто хотел оставить след в веках и выделиться среди равных мне?

Иллюзии, сопровождавшие меня в жизни, рухнули в то самое мгновение, когда обрушилась башня Витегроо.

Я обучен быть воином. Если бы не мастерство в обращении с мечами, я, вероятно, был бы не так заметен в этом мире и не пользовался бы таким уважением. А теперь у меня не осталось ничего, кроме этого мастерства и боевой выучки; поэтому новую часть сложной и странной постройки, которая зовется – жизнь Дзирта До'Урдена, придется строить на этой основе. Я обрушу весь свой гнев и ярость на этих подлых тварей, разрушивших все, во что я верил и что любил. Я потерял слишком многих: Эллифейн, Бренора, Вульфгара, Реджиса, Кэтти-бри и в конечном счете самого Дзирта До'Урдена.

Мои мечи. Ледяная Смерть и Мерцающий Клинок, вновь станут моим вторым «я», и, как прежде, Гвенвивар останется моей единственной спутницей. Я верю ей и моим клинкам, более – ничему.

Я ошибся, но я знал, что так будет. Говоря по правде, в те минуты, когда власть ярости надо мной ослабевала, я понимал, что все мои поступки граничат с безумием и в конце концов смерть найдет меня где-нибудь здесь, в горах, если я не остановлюсь.

Но может, с того самого дня, когда орки разрушили Низины, я к этому и стремился? Может, я только и делал, что искал своей гибели?

Нашествие орков оказалось гораздо более грозным, чем мы предположили, когда встретили двух странствующих дворфов из цитадели Фелбарр. Орки почему-то сплотились и выступили вместе. Теперь в опасности весь север, и в особенности Мифрил Халл. И было бы неудивительно, если бы дворфы ушли под землю, наглухо закрыв все ходы и выходы, ожидая наступления орд.

Может, поэтому я и не могу избавиться от жажды истреблять этих тварей, что понимаю, какая опасность грозит месту, на долгие годы заменившему мне дом? Может, я надеюсь, что, убивая орков, я хоть немного помогаю дворфам?

Или же это лишь самооправдание? Могу я хотя бы самому себе в этом признаться? Ведь в глубине души я знаю, что, если бы после разгрома Низин, арки и вернулись в свои норы, я все равно не пошел бы обратно в Мифрил Халл. Я бы преследовал этих тварей до самого конца с оружием в руках, и Гвенвивар шла бы со мной рядом. Я бы бился с ними не менее беспощадно, чем сейчас, и проливал бы их кровь с таким же наслаждением, – кажется, в моей жизни не осталось других радостей, кроме этой.

До чего я их ненавижу!

А может, дело вовсе не в них?

Когда я наношу удар, перед моим мысленным взором встает Бренор на верхнем этаже той злополучной, объятай пламенем башни, которая вот-вот обрушится. Я вижу смертельно раненную Эллифейн, бессильно сползающую по стене напротив меня. Иногда Ярость так застилает глаза, что я не вижу ничего. Я в ладу с собой лишь тогда, когда первобытные импульсы, ярость и инстинкт самосохранения, заглушают голос разума. Однако, уничтожив нескольких орков или обратив их в бегство, я обнаруживаю ужасные последствия своих поступков.

Я заставил Гвенвивар страдать! Ее, которая всегда приходит на мой зов и самозабвенно сражается, делая все, что я велю. Ее, которая безропотно бросается на любого противника по моему приказу. До сих пор слышу тот жалобный зов, в котором не было ни тени упрека. И когда я снова позвал ее, дав отдохнуть в астрале, она явилась так же послушно, как и раньше.

Так бывало и в прошлом, когда я скитался в глубоком Подземье после ухода из Мензоберранзана.

Сейчас только Гвен связывает меня с этим миром, она единственная привязанность в моем сердце. Я понимаю, что мне следовало бы проститься с Гвенвивар, передать ее кому-нибудь более достойному, поскольку нет никакой

надежды, что я выживу. Страшно подумать, что ониксовая фигурка, с помощью которой можно вызвать пантеру, окажется в грязных лапах какого-нибудь орка.

Но при всем этом я не могу собраться с духом, отправиться в Мифрил Халл и отдать статуэтку дворфам. Без Гвен двигаться дальше по своему пути будет выше моих сил, а свернуть с него я уже не способен.

Наверное, я слаб, но я не глупец. Как бы то ни было, я пока не готов прекратить свою войну, не готов отказать себе в удовольствии проливать орочью кровь. Эти твари причинили мне жестокую боль, и я заставлю их расплачиваться до тех пор, пока руки мои способны держать оружие.

Мне остается лишь надеяться, что за долгие годы Гвенвивар сумела освободиться от принудительного подчинения, заключенного в ониксовой статуэтке, и теперь ее воля способна противостоять магии. Я верю, что если какой-нибудь орк обшарит мой труп, найдет фигурку и случайно узнает, как ею пользоваться, то к нему явится не помощник, а убийца.

По крайней мере мне хочется в это верить.

Но может, это очередная ложь и новое самооправдание.

Наверное, я просто запутался в паутине мелкой лжи.

Единственное, что мне сейчас известно точно: воспоминания причиняют мне боль, а убивать приятно. И я не откажусь от этого удовольствия до самого последнего мгновения.

Когда эльфы так неожиданно появились там, у реки, и помогли мне, я был в смятении. Я знал, что они где-то неподалеку, но столкнуться с ними вот так, нос к носу, был не готов. Эта встреча всколыхнула в душе воспоминания, которые мне хотелось бы спрятать как можно глубже.

У меня из головы не шла та пещера, где я вынужден был убить их подругу, бедняжку Эллифейн.

После схватки у реки нам действительно лучше было разойтись в разные стороны, поэтому я и не стал придумывать предлог, чтобы уйти.

Но в глубине души я-то знал правду. Я сбежал от них, потому что боялся. Храбрость в бою и смелость в отношениях – две совершенно различные вещи, и избыток одной отнюдь не предполагает наличие другой.

Я не боюсь врагов. Но я боюсь друзей. Это какой-то странный надрыв души, и я всю жизнь живу с ним. Могу, не дрогнув, сразиться с гигантам, демоном, драконом, с кем угодно, но у меня годы ушли на то, чтобы сознаться самому себе в чувствах к Кэтти-бри и признать, что это лучшее из всего, что произошло со мной в жизни.

Вот и теперь я могу сломя голову ринуться в орков, но перед Тарафиэлем и Инновиндиль чувствую себя незащищенным и беспомощным, как будто стал ребенком, который в Мензоберранзане прятался от своей матери и злобных сестер. Естественно, меня и мысли не было, что эти двое желают мне зла: если бы они хотели моей смерти, им незачем было бы ввязываться в бой. Эльфы знали, кто я таков, и искренне мне помогали.

Но они же не знали о моем столкновении с бедняжкой Эллифейн.

Я должен был им признаться во всем. Надо было сказать, что мне очень больно, что я скорблю вместе, с ними, и смиренно просить их молиться о душе девушки. Тарафиэль ведь знает меня, я должен был открыться, довериться. Тогда, в Лунном Лесу, он без лишних вопросов дал мне великолепного коня, не сомневаясь, что я не принимал участия в той резне, когда дроу из Подземья истребили весь род Эллифейн. Он бы и сейчас понял, что мне ничего другого не оставалось, что у меня самого сердце разрывается от сострадания к несчастной девушке.

К тому же Тарафиэль имеет право знать о судьбе своего друга. И он, и Инновиндиль заслуживают того, чтобы сказать им правду. Может, тогда мы вместе смогли бы понять, как и почему случилась эта беда.

Но я не смог открыться. По крайней мере, не там. Меня охватила паника, чего, кажется, никогда раньше со мной не случалось. Я думал лишь о том, как бы поскорее скрыться от них, тех, кто помог мне, и друзей погибшей Эллифейн.

И я сбежал.

Когда у меня в руках мечи, я Дзирт Бесстрашный, которому нипочем любая битва. Я тот, кто бесстрашно проник в логово вербигов вместе с Вульфгаром и Гвенвивар, отлично зная, что силы неравны.

Я тот, кто десять лет провел в одиночку в Подземье и был скорее готов смириться с судьбой и погибнуть, чем предать принципы, которые я считал основой и смыслом своего существования.

Но я и Дзирт Малодушный, который столько лет боялся открыть сердце Кэттибри. Тот, кто сбежал от Тарафиэля, потому что не решился рассказать правду. Тот, кто после падения Низин не вернулся в Мифрил Халл, чтобы со всей определенностью узнать о судьбе своих друзей, а продолжает до сегодняшнего дня цепляться за призрачную надежду, что кто-нибудь из них выжил в той бойне. Может, Реджис с помощью гипнотической подвески ушел туда, где опасность ему больше не угрожает? А Вульфгара охватила такая ярость, что он, потеряв власть над собой, превратился вновь в бунтующего пленника Эррту и расшвырял всех орков. Те наверняка не смогли к нему даже подступить и побоялись его преследовать. А с ним, быть может, спаслась и Кэттибри.

Я понимаю, конечно, что это лишь фантазии. Я слышал разговоры орков, у меня нет оснований тешить себя пустыми надеждами.

Просто удивительно, сколько всего я загоняю внутрь себя, безжалостно рубя клинками. Удивительно, что, не боясь смерти от руки врага, я дрожу от мысли, что придется сказать Тарафиэлю о гибели Эллифейн.

Но, тем не менее, обязан сделать это, поскольку сознаю, что это единственно правильный выход.

В этом у меня нет сомнений.

В делах личных мужество никогда не одолеет трусость, пока не будешь честен сам с собой.

Я нашел предлог, чтобы сбежать в тот день и уклониться от расспросов. Но все же это была ложь. Просто я боюсь снова привязаться к кому-то, боюсь дружить.

И я это знаю.

Я видел, как опустился меч Обальда.

Я пришел к ним, снова позволив себе привязаться к кому-то и открыть свое сердце, и теперь оно вновь разрывается.

Опять внутри боль, словно кто-то специально берedit самые глубокие раны, вновь перед глазами образы погибших друзей. Я могу выстроить вокруг себя непроницаемую стену гнева и оградиться от всего этого. Могу отвести глаза и закрыть сердце, но уже не уверен, нужно ли мне такое облегчение. И в этом вопрос.

Смерть Тарафиэля ужасна. Мне часто приходится повторять самому себе, хотя это вроде бы очевидно, что мир – не школа, устроенная лично для меня, и не порождение моего разума и создан он не затем, чтобы я испытывал страдание или же радость. Бренору смерть причинила не меньше боли, чем мне. И Закнафейну тоже, да и всем остальным моим близким.

Это реальность, это правда, но ведь и мои чувства, мое переживание происходящего, мое горе и смятение тоже никуда не исчезают. Видеть мир мы способны только собственными глазами. Существуют любовь и ненависть, мы часто оцениваем событие как проявление дружественной или враждебной силы – а без этою не сложится представление о добре и зле, о справедливости, а также мы не поймем, что существует нечто большее, чем наши собственные нужды и желания. Так что в конечном итоге все происходящее вокруг является самым значимым именно для нас, даже если для другого это – перелом, решающий момент в жизни.

Понимаю, в таких рассуждениях много эгоизма, но что поделаешь, если это правда. Когда мы видим страдания кого-то близкого, наша собственная боль кажется нам невыносимой.

Поэтому, признавая, что в такой момент мои ощущения эгоистичны, я спрашиваю себя, чем является для меня гибель Тарафиэля: испытанием или предостережением? Я отважился открыть свое сердце, и теперь оно вновь разрывается. Вернусь ли я к той сущности, что укрывала мою душу каменным панцирем и делала ее нечувствительной к боли? Или же эта неожиданная страшная потеря – проверка моего духа, возможность осознать, что я способен выдержать жестокие повороты судьбы и не отступить, твердо придерживаться своих принципов, не терять надежды и противостоять боли?

И подобный выбор нам приходится делать постоянно. Каждый час, каждый день, сталкиваясь с чем-то в жизни, мы принимаем решения, которые ведут нас по одной из двух дорог: либо мы, невзирая на трудности, продолжаем идти по тому же пути, что выбрали в лучшие времена, когда были полны надежд, веры и высоких идеалов; либо отступаем и выбираем более легкий путь, оберегая себя от физических и душевных страданий. И так ведут себя не только отдельные люди, но и целые народы, они защищаются от боли и страха, взамен жертвуя свободой и изменяя самим себе.

А что творилось со мной после гибели Бренора? Ведь Охотник, которым я стал, – это способ укрыться от страданий.

Много лет назад, живя в Серебристой Луне, мне довелось познакомиться с историей этого замечательного города, простоявшего многие века. И я заметил, что в тех случаях, когда город, опасаясь внешней угрозы, отгораживался от мира и отказывался от своих принципов просвещения и терпимости, он переживал не самые лучшие периоды своей истории. Если кто-нибудь ознакомится с жизнью Дзирта До'Урдена, думаю, он придет к подобному заключению.

В пещере, которую выбрали Тарафиэль с Инновиндилъ и где теперь рядом со скорбящей девушкой живу я, есть небольшой прудик. Иногда я смотрюсь в воду, и отражение в ней, как ни странно, напоминает мне об Артемисе Энтрери.

Наше сходство очевидно, когда я становлюсь безжалостным, эмоционально глухим существом. Я похож на этого холодного, бесчувственного воина, когда под личиной Охотника равнодушно убиваю врагов, охваченный лишь слепой яростью и злобой, не руководствуясь при этом ни соображениями защиты, ни своими представлениями о добре и зле, ни общим благом.

И теряю себя.

А сейчас я смотрю на Инновиндилъ, оплакивающую гибель Тарафиэля. Она не бежит от себя и не прячется от горя, наоборот, она открыто переживает свою потерю, она погружена в свою скорбь, вбирает ее, делая своей частью, подчиняет себе, чтобы потом эта скорбь не одержала верх над ее существом.

Найдутся ли у меня силы сделать то же самое?

Я очень хочу в это верить, потому что наконец понял, что, только пережив боль, могу надеяться на спасение.

Два меча

Я смотрю на притихший склон, откуда доносятся лишь голоса птиц. Птицы – больше никого не осталось здесь. Птицы, хрипло каркающие, вонзающие свои клювы в уже слепые глаза. Вороны не кружились над этим полем, засеянным смертью. Они летели напрямик к цели, устремляясь к роскошному пиршеству, раскинувшемуся перед ними. Вороны приберут здесь. Могильные черви им помогут. Дождь и нескончаемый ветер довершат работу.

Так было, и так будет всегда. Жизнь и смерть сменяют друг друга, как день и ночь.

Скоро здесь останутся лишь кости и камни. Крики птиц смолкнут, запах смерти улетучится. Кровь смешается с дождем и напитает землю. Насытившиеся отяжелевшие птицы накормят телами павших воинов своих птенцов.

А затем кости и камни станут неотличимы друг от друга. Ветер и дожди разрушат скелеты, время похоронит останки, и никто не опознает их, кроме, возможно, самых внимательных наблюдателей. Кто вспомнит имена погибших здесь? Что оправдает их смерть?

Взгляните в лицо любого дворфа, когда речь заходит о войне. Ничто так не почитают дворфы, как славную битву за свой народ; их общество крепко спаяно узами верности... И пролитой крови.

Для каждого дворфа война – это неплохой способ умереть, умереть достойно, завершив с честью прожитую жизнь. Порой иена всей жизни определяется этой последней, наивысшей жертвой.

Я не могу понять, я лишь удивляюсь, что стоит за всем этим? Какова цена и какова выгода? Чего добился Обальд, положив здесь сотни, а может, и тысячи своих соплеменников? А насмерть сражавшиеся на этом утесе дворфы – что выиграли они для народа Бренора? Разве не могли они укрыться в Мифрил Халле, в его туннелях, защищать которые можно без особых хлопот чуть ли не веками?

Пройдет сотня лет, здесь останется лишь пыль, и кто тогда вспомнит о павших?

Что же воспламеняет огонь войны, выжигающий образ боевой славы в сердцах столь многих народов, и в моем в первую очередь? Я гляжу на последствия кровавой бойни и вижу неотвратимое опустошение. Я снова вижу, как падает башня, погребая под обломками моих друзей. В моей голове звучат крики умирающих. Разумные существа стонут от боли, взывают к богам и любимым... Конечно, в разгар боя никто не думает о сожранной хищными птицами плоти, о смытой дождем крови и перемолотых ветром костях, но скажите мне, что в мире необратимее смерти? Перед лицом этой необратимости бледнеют любые доводы, втягивающие нас в войны, снова и снова.

Но когда утихает боль потерь, тишину и покой мы называем скукой, нам кажется, что мир в своем благодущии зарастает мхом и подергивается ряской. Мы носим уголья войны в самих себе, и их жар способны залить лишь кровь и слезы. И то не навсегда. Исцеляющее время иссушает память о потерях, и воинственный огонь вновь оживает и вспыхивает с новой силой. Я наблюдал это в себе самом. Отблеском того же огня было и осознание, что я не в силах ощутить себя счастливым, не чувствуя дыхания ветра на лице и тропы под ногами. Лишь тогда я поистине счастлив, когда за каждым поворотом дороги меня ждут приключения.

Мы стремимся на зов боевой трубы, забыв об истине, столь явственно проступающей голыми костями среди валунов. Что же заставляет нас алкать боевой славы?

Когда мы теряем тех, кого любим, мы клянемся никогда не забывать и всю оставшуюся жизнь помнить дорогое нам существо. Но проходят годы, и мы все реже вспоминаем тех, кто ушел от нас. И в эти редкие Минуты на нас наваливается чувство вины, ведь если я забыл о своем отце и учителе Закнафейне, который пожертвовал собой ради меня, то кто же вспомнит о нем? И если никто – значит, он ушел навеки. Но годы летят, и груз вины уменьшается, ибо мы забываем все вернее... Маятник качается, и мы уже удивляемся самим себе, когда случайно осознаем, что еще помним кого-то. Но, вина все же мучает нас, ибо все мы вышли из нашего прошлого. И есть истина, от которой нельзя отречься. И, в конце концов, каждый из нас видит мир своими глазами.

Я слышал, что люди начинают острее всего бояться смерти вскоре после рождения ребенка. Этот страх остается с ними всегда, но сильнее всего он в первую дюжину лет жизни ребенка. И боятся родители по большому счету не за ребенка,

хотя, конечно, и за него тоже, – боятся они за себя. Что если отца смерть настигнет прежде, чем сын его повзрослеет настолько, что сможет запечатлеть его образ в памяти?

Кто сможет разглядеть лица среди черепов? Кто вспомнит, как блестели эти глаза, прежде чем стервятники выклевали их?

Я хочу, чтобы воронье кружило, и ветер отгоняя стаи, и лица оставались навеки, напоминая нам о боли. И когда вновь воинственно запоет труба, прежде чем новые армии растопчут кости прах, пусть лица мертвых напомнят нам о цене.

Обагренные камни передо мной – вот отрезвляющее зрелище.

И воронье карканье в моих ушах – предостережение будущему.

С высокого хребта к востоку от Долины Хранителя я наблюдал, как возводят великаны свой стенобитный таран. Я наблюдал, как орки отрабатывают маневры. Я слышал жуткие завывания шаманов, кровожадные вопли – страшные и вместе с тем обычные голоса войны.

Я видел, как несколько великанов оттянули назад гигантский таран и отпустила его, и качнулся он, тяжело и быстро, и ударил в основание горы, на которой я стоял, в железные створки западных ворот Мифрил Халла. Земля под моими ногами вздрогнула. Эхо заметалось в горах.

Снова великаны отвели бревно назад и снова отпустили.

И наполнился воздух криками, и орочий штурм начался.

Я стоял на гребне, рядом с Инновиндиль, и знал, что Боевые Молоты, мои давние друзья, сейчас сражаются за свой дом и за свои жизни прямо под моими ногами. И не мог я ничего сделать.

Я должен был быть там, с дворфами, сражаться с орками до конца, пока сам не упаду, изрубленный. В тот страшный миг я осознал, что все мои решения последних недель рождались из гнева и страха, предав воя веру в дружбу, так гонимую мною и Бренором.

Скоро – слишком скоро! – гора затихла. Бой закончился.

К моему ужасу, орки победили. Они заняли передний зал Мифрил Халла. Они оттеснили дворфов от входа. Меня немного успокаивало, что большая часть орков осталась снаружи, продолжая строить укрепления в Долине Хранителя. И великанов внутри сравнительно немного.

Народ Бренора не уничтожен; вероятно, дворфы покинули западный зал, отступив в более защищенные узкие туннели.

Однако возродившаяся надежда не смыла чувства вины. Всем сердцем я рвался в Мифрил Халл, чтобы встать рядом с дворфами.

Но Инновиндиль была против и не стала слушать мои доводы. Она напомнила мне, что я никогда не избегал битв за Мифрил Халл. Сын Обальда мертв благодаря мне, и целые племена орков разбежались по своим логовам на Хребте Мира благодаря нашей – моей, Инновиндиль и Тарафизля – работе на Севере.

Трудно смириться с мыслью, что ты не можешь побеждать в каждом бою за каждого друга. Трудно понять и принять предельность своих возможностей и осознать, что, хотя ты сделал все, на что был способен, этого оказалось недостаточно.

Да, это произошло именно тогда, на горном склоне над битвой, в те мгновения, когда день показался мне чернее ночи и я острее, чем когда-либо, ощутил потерю Бренора и остальных своих друзей. Рана в моем сердце не хотела закрываться. Она никогда не закроется. Я понял и принял это.

Все мы знаем, что такое потери. Для эльфов – темных ли, светлых ли, – проживающих века, потери тоже неизбежны – родитель, друг, брат, любовник, даже дитя. Бездонная боль часто неотделима от сознательного существования. И насколько невыносимее становится потеря, когда она обременена чувством вины.

Вина – коварное чувство. Вина пускает корни в самую твою суть, питаюсь страданиями других.

Теперь я понимаю, как никогда прежде, что вина – отнюдь не движущая сила, она не может подменить ответственность. Если мы будем раздумывать, действовать нам или нет, страшась последствий как деяния так и бездействия, тогда мы не сможем прийти к истине и понять, какой путь правильный, а какой – нет. Ибо есть нечто над нами – понимание общности, и дружбы, и верности. Я не выбирал, встать ли мне рядом с Бренором и его народом. Я делал это во имя нашей взаимной дружбы, благодаря которой все мы становились сильнее и лучше. И наши жизни стали стоять гораздо больше.

В тот страшный день, стоя на горе, глядя на чудовищ, вламывающихся в двери дома, долгое время бывшего моим, я, наконец, избавился от чувства вины.

Я потерял Бренора и Вульфгара, Реджиса и Кэтти-бри. Сердце мое обливается кровью и тоскует по ним каждое мгновение каждого дня. Но я смирился с потерей и не несу груза личной ответственности за это. Меня не было с друзьями в час нужды, потому что я не мог быть с ними, как бы того ни желал. Когда пала башня Витегроо и Бренор Боевой Молот рухнул с высоты, он забрал с собой всю мою любовь к нему, всю дружбу. Мне больше нечего ему отдать.

И теперь я все вынесу. Со мной Инновиндиль, и мы продолжим наш бой против общего врага. Мы будем драться за Мифрил Халл, за Бренора, за Вульфгара, за Реджиса, за Кэтти-бри, за Тарафиэля и за весь добрый народ. И мы победим Обальда и его полчища.

Я отдал моим павшим друзьям мою любовь и мое сердце. Я буду жить так, словно король дворфов смотрит на меня, чуть наклонив голову, со своим обычным насмешливым прищуром, – шалишь, мол, приятель.

– Чертов эльф, – скажет он еще нередко, поглядывая на меня сверху вниз из залов Морадина.

И я услышу его и всех остальных тоже, потому что они всегда со мной, они – немалая часть Дзирта До'Урдена.

И когда я начал смиряться с потерей, мои друзья словно стали ближе. Я часто поглядываю вверх, туда, где, должно быть, находятся залы Морадина, и прислушиваюсь к голосам моих утраченных друзей, и улыбаюсь.

«Знаешь ли ты, что значит быть эльфом, Дзирт До'Урден?»

Я все время слышу этот вопрос от моей спутницы, которая, кажется, твердо намерена заставить меня осознать особенности жизни, которая может длиться столетиями, – особенности хорошие и плохие. Самое плохое в долгой жизни – ты должен понять, принять и смириться с неизбежностью потерь.

Мне всегда было любопытно: вот эльфы могут жить тысячу лет, а люди – меньше века, но мудрость людей зачастую достигает дровней понимания и могущества величайших эльфийских магов. Кажется, все дело не в протяженности жизненного опыта, а в его концентрации. Я всегда восхищался стойкостью людей, которые прекрасно осознают, что их жизнь коротка.

А теперь для меня настало время разобраться с собственной жизнью, жизнью эльфа. Долгое существование, жизнь, которой суждено не раз встретить рождение и смерть веков, дарит, по меньшей мере, возможность как следует разобраться в себе.

К моему удивлению, рассказы Инновиндиль о ее взаимоотношениях с людьми и эльфами помогли мне определиться с такой штукой, как эльфийская жизнь. Я увидел свое существование в образе морского прибоя, где каждая волна – маленькая жизнь. Волны бегут друг за другом, рождают одна другую и одна за другой разбиваются о берег. И вместе с тем все эти маленькие жизни составляют одну, огромную как море...

И когда Инновиндиль спрашивает меня теперь: «Знаешь ли ты, что значит быть эльфом, Дзирт До'Урден?», я могу гордо и спокойно улыбнуться, уверенный в себе. Потому что в первый раз за всю мою жизнь я могу сказать: «Да, я знаю».

Быть эльфом – это понимать, что волна, на гребне которой ты сейчас находишься, неизбежно разобьется о скалы или тихо растворится в песке. Быть эльфом – это прожить много коротких жизней, одну за другой... Быть эльфом – это пережить своих товарищей, если они не эльфы. А если и эльфы – понимать, что отношения редко выдерживают века. Быть эльфом – это радоваться, глядя на успехи своих детей. И не важно, полукровки они или их кровь чиста, – и в том и в другом случае они могут не пережить тебя. Единственное утешение можно найти лишь в том, что у тебя есть эти дети, эти крохи радости. Это действительно благословение и блаженство, которое перевешивает все страдания, которые испытывает любой, теряя дорогих ему друзей, детей, возлюбленных. И если сама возможность пережить свое дитя помешает кому-то завести детей, такая потеря горестнее вдвойне.

Таким образом, ответ тут только один: быть эльфом – это праздновать жизнь.

Быть эльфом – это получать наслаждение от мгновений, от рассвета и заката, от внезапных и коротких любовей, от приключений и часов, проведенных в обществе друзей. И этим мгновениям не должны мешать страхи за будущее, которое никто не в силах ни предсказать, ни отвратить.

Вот что значит быть эльфом.

Эльфы любят танцевать и петь. Этим они погружают себя в настоящее, в текущий момент. И хотя они могут петь о легендарных героях прошлого и давно

минувших днях или о еще не сбывшихся пророчествах – они живут в этой песне, в этом мгновении настоящего. Они хватаются за соломинку радости и держатся за нее так же крепко, как и люди.

Человек может поставить себе целью великую жизнь – например, стать могущественным властителем или мудрецом, но для эльфов ход времени слишком медлителен. Говорят, что человеческая память коротка, но это утверждение верно и для эльфов. Века текут, и река времени стирает и искажает образы, запечатленные на песке памяти.

Но главное в эльфийской жизни, и я знаю это теперь, – не позволять будущему, которое никто не может контролировать, парализовать себя. Я знаю, что умру. Я знаю, что однажды умрут те, кого я люблю, и во многих случаях – я подозреваю, но не знаю! – они умрут задолго до меня. И какой смысл строить догадки и беспокоиться о подозрениях?

Я знаю только, что умру. И каждое мгновение жизни – это сокровище, его надо ценить, ему надо радоваться, его надо превозносить и раздувать как только возможно.

Теперь я сбросил цепи бесполезных терзаний.
Я свободен.

В жизни надо искать равновесие – между собой и обществом, между настоящим и будущим. Мир видел слишком много деспотов и эгоистов, чтобы не ценить тех, кто ставит общее выше личного и думает о том, как отразятся его действия на будущем.

После моих скитаний по Подземью в полном одиночестве, когда я был озабочен только выживанием и будущее значило для меня не больше, чем следующие несколько минут, я стал очень дорого ценить общение. А дружба стала для меня бесценным Даром.

Мне повезло, я нашел друзей и узнал, что такое настоящая дружба, я познал силу сообщества, с которой невозможно тягаться одиночке. И когда я познакомился с другими культурами, то решил оценивать каждое мое действие так, словно я историк, изучающий связи и закономерности на протяжении веков. Долговременные цели значимее краткосрочных, а цели, отвечающие нуждам большинства, всегда выше и благороднее сиюминутных потребностей отдельной личности.

Общаясь с Инновиндиль, после того как я узнал, что такое потеря друзей и несбывшаяся любовь, я понял, что был лишь наполовину прав.

«Быть эльфом – это прожить несколько жизней». А что есть жизнь, как не цепочка мгновений, каждое из которых бесценно, неповторимо и несет в себе нечто большее, чем ожидание исполнения долговременных целей. В нем истинная радость жизни.

Лови мгновение, цени заключенную только в нем одним осязаемость существования. Ведь прошлое ушло, а будущее туманно. Радуйся и сражайся, смейся и плачь, люби, сколько хватит сердца...

В моей жизни мне встретилось нечто прекрасное. У меня была женщина, которую я любил и которая была моим лучшим другом. Она понимала меня и принимала таким, какой я есть. Она не судила, она лишь поощряла меня к поиску собственных ответов. Мне нравилось зарываться лицом в ее густые волосы. Я нашел отражение своей души в ее синих, как озера, глазах.

А потом я потерял ее, потерял навсегда.

И только когда я утратил Кэтти-бри, мне стали очевидны мои глупость и трусость. Я боялся отказа. Я боялся разрушить то, что у нас было. Я боялся реакции Бренора, а позже, когда Вульфгар вернулся из Бездны, – я боялся Вульфгара.

Я боялся, боялся, боялся... И этот страх сделал из меня законченного дурака.

Как часто все мы поступаем именно так! Как часто позволяем мы беспричинным страхам парализовать движения нашей души!

Инновиндиль сбежала из логова морозных великанов, и я теперь тоже свободен. Я найду ее. Я найду ее и удержу новую дружбу, соединившую нас, и, если она станет чем-то большим, я не поддамся страху.

Чтобы в смертный час, когда жизнь моя свершит свой круг, мне было не в чем раскаиваться.

Когда я увидел, как упал Бренор, когда впервые узнал, что значит потерять друга, я спрятался в панцире Охотника, в его ярости, отвергающей боль и страх. Инновиндиль и Тарафиэль вывели меня из этого разрушительного – саморазрушительного – состояния, и теперь я понял, что величайшая моя потеря – это годы, потраченные на попытки просчитать все последствия моих действий и боязнь потерять достигнутое.

Этой ошибки я больше не совершу. Общее выше личного, и будущее благо важнее сиюминутных порывов. Но ненамного. Существует равновесие, я понял это недавно, и его нужно найти, поскольку полное самоотречение может быть таким же пороком, как и законченный эгоизм, а жертвенная жизнь часто превращается в одинокое, пустое существование.

Переходы

Король орков

Одним из последствий существования, которое вместо десятилетий измеряется столетиями, является проклятие постоянно наблюдать за миром через сфокусированную призму историка.

Я говорю «проклятие», хотя на самом деле считаю это благословением, поскольку любая попытка предвидения требует постоянных вопросов относительно причин происходящего и глубоко укоренившейся веры в то, что может случиться. Наблюдение за событиями, с точки зрения историка, подразумевает признание, что моя первая, интуитивная реакция на кажущиеся важными события может быть

ошибочной, что мой «животный инстинкт» и собственные эмоциональные переживания при более широком рассмотрении, в более развернутом масштабе времени могут оказаться ничего не значащими.

Как часто я убеждался, что первая моя реакция была основана на полуправде и пристрастных суждениях! Как часто я обнаруживал, что по мере разворачивания событий первые ожидания совершенно не оправдывались и их приходилось отбрасывать!

А все потому, что чувства зачастую мешают рассмотреть рациональное зерно, а реальность возможно увидеть, лишь взглянув на нее с разных точек зрения.

Следить за событиями, как это делает историк, значит принимать все перспективы, даже те, что видятся нашим врагам. Необходимо хорошо знать прошлое и в качестве фундамента для предвидения использовать только самые значительные события. И, что важнее всего, надо обладать способностью ставить причину выше инстинкта, не отвергать все, что ты ненавидишь, и помнить о вероятности своих ошибок.

Вот так я и живу, словно в зыбучих песках, где абсолютные истины тают с течением лет. Мне кажется, это естественное состояние, и я успел разрушить предрассудки очень многих людей. Каждый незнакомец, который принимает меня таким, как я есть на самом деле, вместо того чтобы думать, каким я должен быть, ощущает, как песок перекачивается под его ногами. Конечно, для них это полезный опыт, но все мы - существа с устоявшимися привычками и обычаями, и каждый представляет, что может быть, а что невозможно. А когда реальность разбивает давно усвоенные представления - когда вы встречаете хорошего дроу! - возникает внутренний диссонанс, неудобный, как весеннее половодье.

Легко представить себе мир еще не законченной картиной, а не застывшим полотном, но бывают времена, мой друг...

Бывают времена.

И сейчас, когда тысячи подданных Обальда расположились у каждой двери Мифрил Халла, как раз наступило такое время. В душе я не желаю ничего другого, как снова попытаться счастья в поединке с королем орков, снова получить возможность проткнуть мечом его желтовато-серую кожу. Я хочу согнать самоуверенную усмешку с его уродливого лица, смыть ее потоком его собственной крови. Я хочу заставить его страдать - страдать за Низины и все другие города, разоренные нашествием орков. Я хочу, чтобы он почувствовал боль, причиненную орками Шаудре Звездной, Дагне, и Дагнаббиту, и всем дворцам, и не только дворцам, павшим на полях развязанной им войны.

Сможет ли Кэтти-бри уверенно ходить? Это еще одна вина Обальда.

И поэтому я проклинаю его имя и с радостью вспоминаю моменты отмщения, осуществленного Инновиндиль, Тарафизлем и мной, когда мы уничтожали спутников злобного короля орков. Ответный удар по вторгшемуся врагу безусловно доставляет немалое облегчение.

Этого я не могу отрицать.

И все же в моменты размышлений, когда я сижу на горном склоне и оглядываюсь на все, что совершил Обальд, моя уверенность исчезает.

Кроме того, я испытываю страх.

Он пришел во главе армии и принес боль и страдания многим людям в землях, которые я считаю своим домом. Но армия остановилась - по крайней мере пока, и, по всей видимости, Обальду нужна не только победа и военная добыча.

Неужели он пытается приобщить свой народ к цивилизации?

Возможно ли, что мы стали свидетелями величайшей перемены в природе народа орков? Возможно ли, что Обальд первым, не важно, желая этого или нет, создал ситуацию, при которой интересы орков и интересы всех других народов этого региона могут совпасть и перерасти в нормальные отношения, к обоюдной выгоде?

Возможно ли это? Или это немыслимо?

Неужели я, допуская подобное предположение, предаю погибших?

Или павшие возрадуются, если я, если все мы - орки и дворфы, люди и эльфы - отыщем общие интересы, чтобы открыть начало эры великого мира?

С незапамятных времен, о которых не помнят даже самые старые эльфы, орки всегда воевали с «хорошими» народами. И после всех побед - а их было великое множество, - после всех жертв стали ли орки менее многочисленным племенем, чем тысячу лет назад?

Мне кажется, нет, и в этом кроется корень неразрешимого конфликта. Неужели мы обречены бесконечно, поколение за поколением, повторять эти войны? Неужели мы - эльфы и люди, дворфы и орки - оставим своим потомкам все те же страдания, все ту же боль плоти, пронзаемой сталью?

Я не знаю.

И все же я ничего так страстно не жажду, как погрузить свой клинок между ребер Обальда Многострельного, насладиться гримасой агонии на его разорванных клыками губах, увидеть, как гаснет свет в его желтых, налитых кровью глазах.

Но что скажут о короле Обальде историки? Станет ли он для них орком, который наконец нарушил цепочку непрерывных войн? Станет ли он, намеренно или нет, вожаком, выводящим орков на новый путь к лучшей жизни, по которому они - сначала, конечно, неохотно - пойдут к более грандиозным достижениям, чем можно завоевать остриями копий?

Я не знаю.

И в этом мое мучение.

Я надеюсь, что мы стоим на пороге великой эры, что в природе орков имеется светлая искра, есть мечты и стремления, аналогичные тем, что ведут вперед эльфов, дворфов, людей, полуросликов и многих других. Я слышал, что одна мечта является общей для всех народов мира: оставить потомкам в наследство лучшую жизнь, чем наша.

Есть ли эта мечта в природе и характере гоблинов? Или Нойхейм, этот самый необычный раб-гоблин, которого я знал, был просто исключением из правил?

Кто такой Обальд: провидец или лицемер?

Стремится ли он к прогрессу народа орков или обманывает таких глупцов, как я, спасающих жизни его подданных?

И поскольку я признаюсь, что не знаю, я должен сделать паузу. Если я уступлю мстительным порывам своего сердца, как отнесутся к Дзирту До'Урдуну историки?

Встану ли я в один ряд с теми героями прошлого, кто помогал отражать атаки орков, чьи имена хранятся в благоговейной памяти потомков? А если Обальд прокладывает для орков путь вперед, не к завоеваниям, но к цивилизации, и падет от моей руки, то историки могут не увидеть тех возможностей, что открываются моему мысленному взору.

Возможно, это эксперимент. Возможно, это грандиозный шаг по пути, которым следует идти.

И возможно, я не прав, и Обальд жаждет только расширения своих владений и крови, а в орках нет ни капли склонности к общественной жизни, нет другого стремления к лучшей жизни, кроме завоевания земель своих вечных, смертельных врагов.

Но я делаю паузу.

И я жду и наблюдаю, но не отвожу рук от рукоятей своих мечей.

Я пришел из Подземья, земли монстров. Жил в Долине Ледяного Ветра, где мороз обращает человека в камень, а трясина поглощает путника так быстро, что он не успевает понять, что происходит, и даже не пытается кричать, пока рот не забивается жидкой грязью. Через Вульфгара я заглянул в Бездну, обиталище демонов, а есть ли на свете место более ужасное и переполненное ненавистью? Да, это было поистине самое опасное из приключений.

Я окружил себя друзьями, которые могли бесстрашно преодолеть злобу чудовищ, морозный ветер, и трясину, и демонов, встретить опасность боевыми криками, крепко сжатыми челюстями и поднятым наготове оружием. И никто из них не противостоял врагам с такой отвагой, как Бренор.

Но есть нечто такое, что способно потрясти даже его, как и каждого из нас, с такой же силой, с какой земля колеблется под ногами, начинает дрожать и покрываться трещинами. Перемены.

При любом честном анализе, в основе страха лежат именно перемены, ожидание чего-то незнакомого, превосходящего наш опыт и совершенно недоступного пониманию и предсказанию конечного результата. Перемены. Неопределенность.

В них лежит корень самого примитивного страха - страха смерти, этого кардинального изменения, никем из нас не испытанного, которого мы стараемся избежать при помощи замысловатых сценариев и банальностей, хотя все они могут как помочь, так и навредить. Эти меры, как мне кажется, являются продолжением рутины нашей жизни. Мы прокладываем колею единообразием своих дней и жалуемся и сетуем против этого однообразия, хотя фактически находим в нем успокоение. Просыпаясь, мы строим наши дни согласно привычкам, следуем нами же выработанным нормам и лишь иногда чуть-чуть отклоняемся от ежедневных правил. Изменение - это маленькая смерть, неиспользованная частица сава-игры. Оно может быть волнующим и пугающим переживанием только в том случае, когда у нас имеется средство противостоять ему, когда есть возможные пути отступления, какими бы трудными они ни были.

Армия орков не пугает Бренора. Обальд Многострельный тоже не внушает ему страх. Но то, что может последовать за его действиями, особенно если Обальд, остановится и построит королевство, а если еще и другие государства Серебряных Пустошей примут это новшество, - вот что внушает Бренору Боевому Молоту ужас, леденящий сердце и потрясающий устои веры. Обальд угрожает не только народу Бренора, его королевству и жизни. Замыслы орков разрушают основу порядка, связывающего народ Бренора, лишают значения Мифрил Халл и уничтожают само представление об орках и их месте в установившейся концепции дворфов. Не могу утверждать со всей уверенностью, но подозреваю, что Бренор надеется на новые атаки орков, на то, что они в конце концов будут вести себя так, как можно ожидать от орков и всех остальных представителей гоблинского племени. Любой другой вариант был бы слишком неожиданным и неприемлемым для Бренора и его воззрений на мир, чтобы рассматривать возможность - даже вероятность - благополучного исхода для всех вовлеченных в эти события.

Я вижу перед собой предстоящую битву за сердце Бренора и за сердца всех дворфов Серебряных Земель.

Намного легче поднять оружие и нанести смертельный удар по знакомому врагу, орку.

В каждом обществе, с которым я был знаком, во всех племенах, с которыми странствовал, я убеждался, что в каждом подобном случае диссонанса, когда события выходят из-под контроля, разочарованные современники часто ищут маяк, постоянную точку - божество, личность, место или магический предмет, которые, как они верят, могут все в мире изменить к лучшему. В Мифрил Халле было немало разговоров о том, что все исправит король Бренор и тогда жизнь станет такой, какой была до нашествия орков. Бренор давно заслужил их уважение, он несет на своих плечах мантию героя с достоинством и отвагой, как ни один другой дворф за всю историю этого клана. Для большинства дворфов именно король Бренор стал своего рода маяком и средоточием надежды.

Но все это лишь усиливает ответственность Бренора, поскольку перепуганные люди, основывая свою веру на определенной личности, намного больше склонны к проявлениям нерешительности и некомпетентности. Все это усиливает давление на Бренора. Он-то знает, что ожидания людей могут быть обмануты и он не в силах оправдать их надежды. Он не может убедить леди Аластриэль из Серебристой Луны и других вождей, даже короля Эмеруса клана Боевого Венца из Цитадели Фелбарр, выступить против Обальда общими силами. А воевать силами одного Мифрил Халла значило бы обречь клан Боевого Молота на полное истребление. Бренор понимает, что обязан носить мантию не только героя, но и спасителя, а это для него тяжелая ноша.

И потому Бренор, тоже испытывающий беспокойство и тревогу, нашел точку, на которой сосредоточились все его надежды. Самой частой фразой, что я слышал от него в эту зиму, было: «Гаунтлгрим, эльф!»

Гаунтлгрим. Это легенда клана Боевого Молота и всех дворфов рода Делзун. Этим словом обозначается их общее наследие - огромный, богатый и сильный город, олицетворяющий собой расцвет цивилизации дворфов для всех потомков племени Делзун. Возможно, это история, переплетенная с мифом, непреднамеренное

преувеличение того, что было когда-то. Как герои древности с каждым последующим поколением обретают все более гигантские пропорции, так и разрастается значение этой точки приложения надежд и источника гордости.

«Гаунтлгрим, эльф!» - с упрямой решительностью повторяет Бренор.

Он уверен, что найдет там ответы на все свои вопросы. В Гаунтлгриме Бренор отыщет способ разгадать замыслы короля Обальда. В Гаунтлгриме он узнает, как загнать орков обратно в их логово и, что еще важнее, как снова вернуть народам Серебряных Пустошей то положение, к которому привык старый непреклонный дворф.

Он верит, что мы отыщем волшебное королевство в путешествии к Побережью Мечей. Он не может не верить, что этот ничем не примечательный провал в давно заброшенный тоннель и есть начало пути, на котором могут быть найдены ответы.

В противном случае ему самому придется отвечать перед встревоженным племенем. А Бренор знает, что сейчас их вера необоснованна и у него нет ключа к загадке по имени Обальд.

И потому он твердит: «Гаунтлгрим, эльф!» - с той же убежденностью, с какой благочестивый верующий повторяет имя своего бога-спасителя.

Мы пойдем к этому провалу, к этой дыре в пустынных землях западного края. Мы отыщем Гаунтлгрим, что бы это ни означало. Возможно, инстинкт Бренора его не обманул. Возможно ведь, что сам Морадин шепнул ему об этом в те дни, когда Бренор был близок к смерти? А возможно, мы найдем нечто совершенно другое, что приведет нас к необходимым для Мифрил Халла ответам.

Одержимый и отчаянный, как и весь его народ, Бренор еще не понимает, что название, означающее для него спасение, не передает смысла поисков. Смысл заключен в поисках решений и истины, а не места, которое он считает своей целью.

Гаунтлгрим, эльф!

Пусть будет так.

Мы сами строим свою жизнь день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Жизнь становится рутинной, и мы жалуемся на нее. Предсказуемость, как мне кажется, это тонкая грань между комфортом и скукой. Мы стремимся к ней, стараемся ради нее, а когда обретаем, быстро отвергаем.

Потому что если перемены не всегда приводят к росту, рост обязательно основан на изменениях. Остановившийся человек, как законченный дом, понятие неизменное. Он может быть красивым, приятным или даже вызывать восхищение, но не способен взволновать.

Король Бренор достиг конечной точки, вершины успеха, самого высокого положения, о котором только может мечтать дворф. И все же король Бренор стремится к переменам, хотя и сам в этом пока не признается, ссылаясь на обычную склонность к приключениям. Он достиг наивысшего положения, а теперь ищет любой повод, чтобы его покинуть. Он не прекращает поисков, поскольку в душе

понимает, что без поисков нет роста. Корона дворфов состарит Бренора до срока, как говорится в одной старой поговорке.

Не каждый обладает подобной силой духа. Многие предпочитают оставаться в скуке и спокойствии, в безопасности, обусловленной достигнутым благополучием. Эти люди в некотором роде прикованы к ежедневной обыденности. Они становятся рабами предсказуемости. Люди успокаивают свои неугомонные души в уверенности, что они нашли свое место в многообразии жизни, что все идет своим чередом и не осталось непройденных дорог и достойных удивления чудес.

По большому счету такие люди становятся боязливыми и чересчур рассудительными, иногда даже вопреки здравому смыслу. Они опасаются всего, что может нарушить созданную ими систему. Социальные изменения, королевский указ, перемены в соседних землях, любые события, даже не имеющие к ним прямого отношения, могут вызвать страх и чувство неприятия. Когда леди Аластриэль впервые разрешила мне открыто появляться на улицах Серебристой Луны, ей пришлось столкнуться со значительным сопротивлением подданных. Ее народ, защищенный одной из лучших в мире армий и правительницей, чьи магические способности известны во всех землях, не боялся Дзирта До'Урдена. Нет, они опасались перемен, которые я представлял. Одно лишь мое присутствие в Серебристой Луне грозило нарушить течение их жизни, угрожало понятиям о мировом порядке и принятому укладу общества. Хотя сам я, конечно же, не представлял для них ни малейшей угрозы.

Все мы постоянно остаемся на грани между спокойствием и приключениями. Есть те, кто находит удовлетворение в прошлом, а есть вечные искатели.

Это моя догадка и только мои предположения, что в прошлом все страхи происходили из одного страха перед величайшей тайной - смертью. Не случайно те, кто сооружает самые толстые стены, обычно тверды и непоколебимы в своей вере. Настоящее должно быть таким, как есть, а лучшее будущее ждет только в загробной жизни. Это утверждение является основополагающим для многих верований, и к нему часто добавляется еще одно условие: обещания лучшего будущего будут выполнены только в том случае, если настоящее строго соответствует указующим принципам избранного божества.

Я причисляю себя ко второй группе - к искателям. Бренор, по всей видимости, тоже принадлежит к ней, поскольку он всегда будет неугомонным королем. Кэттибри тоже не способна пустить корни на одном месте. Ярче всего ее глаза сверкают при виде новой дороги. И даже Реджис, с его вечными жалобами на суровые испытания, сохранил способность удивляться, искать и бороться. И Вульфгар никогда не станет домоседом. Он испытал жизнь в Мифрил Халле и пришел к заключению - нелегкому и болезненному, - что для него есть лучшее место и лучший путь. Его уход очень меня огорчает. Не один десяток лет он был моим товарищем и компаньоном, испытанным соратником на поле боя и в жизни. Я очень скучаю по нему и вспоминаю каждый день, но, когда я о нем думаю, я улыбаюсь. Вульфгар покинул Мифрил Халл, потому что перерос все, что может предложить это место, потому что понял: в Долине Ледяного Ветра он обретет дом и сможет сделать много хорошего - для себя и для тех, кто будет с ним рядом.

Я тоже не слишком верю, что окончу свои дни в королевстве Бренора. На дорогу к неизведанному меня толкает не скука, а твердое убеждение в том, что основным принципом жизни должен быть поиск не того, что есть, а того, что может быть. Видеть жестокость и угнетение, нищету и рабство и беспомощно пожимать плечами или, еще хуже, искажать «божье слово» и оправдывать такое состояние - значит предавать идеал. А для меня идеала можно достичь только в постоянном поиске. Идеал - это не дар богов, а только их обещание.

Все мы одержимы здравым смыслом. Одержимы благородством. Одержимы симпатией и сочувствием. Внутри нас живет лучшее существо, и его невозможно запереть ни в каких стенах, кроме небесных пределов. По логике этого лучшего существа, совершенная жизнь не может быть достигнута в несовершенном мире.

И мы осмеливаемся искать. Мы решаемся на перемены. Даже сознание того, что мы в этой жизни не попадем «на небеса», не служит основанием для жизни в комфорте и рутине. Нашими исканиями движет желание самим стать лучше и улучшить мир вокруг нас, жажда просвещения, уверенность в том, что однажды мы сможем приблизиться к своим богам со смиренно склоненной головой, но с чувством выполненной работы, с сознанием того, что мы пытались подняться сами и поднять наш мир к их возвышенным стандартам, к образу идеала.

Меня продолжают преследовать вопросы. Неужели мы наблюдаем за рождением новой цивилизации? Неужели орки вместо того, чтобы желать нашей гибели, хотят стать такими, как мы, вступить на наш путь, с нашими надеждами и стремлениями? Или это желание всегда жило в сердце примитивной и воинственной расы и они просто не видели способа достичь цели? Если причина только в этом, если орки небезнадежны и их можно приручить, что мы можем сделать, чтобы превратить их в более цивилизованную расу? Такой шаг был бы большим прогрессом в самообороне Мифрил Халла и всех сообществ Серебряных Пустошей.

Если согласиться с предпосылкой универсальности стремлений для всех мыслящих существ и общности желаний, возникает вопрос: что могло бы произойти, если бы одно королевство обладало неоспоримым превосходством над остальными? Какую меру ответственности повлекло бы за собой подобное господство? Если Бренор добьется своего и народы Серебряных Пустошей поднимутся на войну и оттеснят орков Обальда с захваченных земель, вернут к первоначальному состоянию примитивных племен, какой будет наша роль в положении бесспорного превосходства?

Встанем ли мы на путь постепенного искоренения орков, уничтожая одно племя за другим? Если мои подозрения относительно Обальда верны, то я не могу с этим примириться. Станут ли дворфы соседями или угнетателями?

Конечно, все это основано на догадках и интуиции. А может, это просто глубоко скрытая мольба в душе отступника Дзирта До'Урдена? Мне отчаянно хочется оказаться правым в своей оценке Обальда - почти так же сильно, как хочется из

личных побуждений его убить! Ведь если я окажусь прав, если в его душе имеется проблеск рациональных и приемлемых стремлений, мир только выиграет.

Убеждения правителей, принципиальные положения ведущих философов господствуют над умами большинства остальных существ. В лучших из этих королевств - а я с уверенностью причисляю Бренора к их числу - общество неуклонно идет по пути самоусовершенствования, и отдельные его части составляют между собой гармоническое целое. Свобода и единство интересов идут рядом, образуя взаимодействие личности и всего сообщества. Если такие государства развиваются и сотрудничают с другими подобно устроенными королевствами, если развиваются торговые и культурные связи, что остается для оставшегося в стороне меньшинства? По-моему, могущественные королевства обязаны наклониться и протянуть руку помощи слабым, чтобы подтянуть их наверх, разделить с ними процветание и общий вклад. Такова сущность сообщества. Оно должно быть основано на надежде и мечте, а не на страхе и угнетении.

Но всегда остается вероятность того, что орк ответит на предложенную руку помощи ударом в сердце, еще даже не встав на ноги.

А это кажется уже чересчур, поскольку перед моими глазами предстает убитый Тарафиэль, и я хочу вырвать злобное сердце из груди короля орков! И еще я не могу забыть о гибели Инновиндиль! Дорогая Инновиндиль, прошу, не думай обо мне плохо из-за моих размышлений!

Я чувствую укол парадокса, боль неразрешимости, неустранимые и печальные изъяны мира, который втайне хочу увидеть совершенным. И все же, несмотря на все недостатки, я остаюсь оптимистом и продолжаю верить, что в конце концов идеал восторжествует. Я это точно знаю и потому не выпускаю из рук оружия. Настоящие перемены по плечу только сильным. Соперники не способны изменить ход событий. И руки слабых не могут гарантировать мир и надежду тем, кто сильнее.

Я продолжаю верить в королевство общности голосов, созданное королем Бренором, и подобное ему сообщество Серебристой Луны, созданное леди Аластриэль. Я верю, что это правильный порядок, поскольку это королевства свободы и надежды, где поддерживаются стремления отдельной личности и разделяются общие блага и ответственность также разделяется всеми. Как сильно эти два королевства отличаются от Мензоберранзана, где могущество Дома доминирует над интересами сообщества, а стремления личности подавляют свободу других, а иногда и лишают их жизни!

Но моя вера в Мифрил Халл, как более близкое к идеалу общество, подразумевает и большую ответственность. Недостаточно выдвинуть армию и сокрушить врага под крепкими дворфскими башмаками. Недостаточно заполнить Мифрил Халл сокровищами и наращивать силы и влияние, если эти силы и влияние служат только могущественным и процветающим расам.

Истинная ответственность доминирования Мифрил Халла требует от него не только служить светом для клана Боевого Молота. Он должен стать маяком надежды для всех, кто сможет его увидеть. Если мы твердо убеждены в истинности своего пути, мы должны верить, что все - возможно, даже орки - будут тяготеть к выбранным нами дорогам и целям, а мы будем для них сияющим городом на холме и

влияние и умиротворение будет достигаться нашим благородством и примером, а не мощью армий.

В противном случае, если влияние и господство основаны только на силе оружия, такое положение нельзя считать победой и оно не будет устойчивым. Империи не могут выжить, поскольку в них недостает благородства и гуманности, чтобы заслужить истинную преданность. Каждый раб мечтает сбросить свои кандалы. Величайшее стремление покоренного силой оружия состоит в том, чтобы сбросить иго угнетателя. И здесь нет места исключениям. Я могу твердо заверить всех победителей, что покоренные ими народы не смирятся с их господством. Любое желание следовать их путем, даже если покоренные соглашались с его превосходством, будет заглушаться злобой и чувством унижения, а также сожалениями по отношению к собственному сообществу. Это универсальная истина, возможно основанная на принципах племенного строя, на гордости и приверженности традициям и схожести взглядов.

А в совершенном мире ни одно общество не будет стремиться к господству, кроме господства идеалов. Мы убеждены, что наш путь истинный, и потому должны верить, что привлечем к нему и других, и наш путь станет их путем, и ассимиляция заставит спрятать мечи в ножны. Этот процесс займет немало времени, в нем будут рывки вперед и остановки, и договоры будут заключаться и нарушаться, и не раз еще зазвонит сталь.

В глубине души я все еще надеюсь, что получу шанс уничтожить короля Обальда Многострельного.

Но еще глубже кроется надежда на то, что король Обальд Многострельный увидит орков, поднявшихся на следующую ступень на пути к истинной цивилизации, что он увидит в Мифрил Халле сияющий город на холме и что у нас хватит сил, чтобы сдерживать орков достаточно долго для подъема на эту ступень.

Король пиратов

Миллионы, миллионы перемен - бесчисленные перемены! - каждый день, каждое мгновение дня. Такова природа вещей в этом мире, каждый поворот на перекрестке, каждая капля дождя несет в себе одновременно разрушение и созидание, каждая охота хищника, каждая съеденная им жертва хоть немного, но изменяет настоящий мир.

На высшем уровне эти перемены редко кто замечает, но это множество деталей, составляющих общую картину, никогда не остается постоянным, как не остается неизменным и наш взгляд на вещи.

Мои друзья и я не самые типичные представители народа Фаэруна. Мы обошли полмира, а я странствовал не только по поверхности, но исследовал и его глубины. Большинство людей редко видят дальше окрестностей своего города, а зачастую даже не знают отдаленных районов того поселения, в котором они родились. Их

удел - небольшое и знакомое с детства пространство, безопасное и привычное существование, ограниченное церковным приходом и кружком закадычных друзей.

Я не смог бы так жить. Скука давит со всех сторон непроницаемыми стенами, а незначительные перемены ежедневного уклада не в состоянии пробить достаточно большие окна в этом непрозрачном барьере.

Из всех моих друзей, как мне кажется, только Реджис способен выдержать такую жизнь, если только у него будут достаточно вкусной еды и возможность иногда общаться с пришельцами из внешнего мира. Меня всегда удивляла способность полурослика подолгу лежать на одном и том же берегу одного и того же озера с привязанной к ноге леской, на которой давно нет наживки

Вульфгар, неужели он вернулся к такому же существованию? Неужели он ограничил свой мир, закрывшись от жестокой реальности? С его душевными ранами такое вполне возможно, но вот для Кэтти-бри неизменная рутина абсолютно неприемлема. В этом я твердо уверен. Жажда приключений так же прочно укоренилась в ее душе, как и в моей, и она толкает нас к новым странствиям - иногда ведет нас разными дорогами, но мы оба уверены в нашей взаимной любви и всегда надеемся на воссоединение.

Бренор, как я с каждым днем убеждаюсь, борется со скукой при помощи ругательств и непрерывного ворчания. Он король Мифрил Халла, и в его руках сосредоточены неисчислимы богатства. Верные слуги и союзники готовы исполнить любое его желание. Он не слагает с себя ответственности, доставшейся по наследству, и прекрасно правит своим народом, но эта обязанность раздражает и сердит его, словно он устал сидеть на троне. Он всегда находил и еще не раз найдет возможность покинуть Мифрил Халл ради какой-нибудь миссии, и чем опаснее она будет, тем лучше.

Он прекрасно знает, как знает это Кэтти-бри и я сам, что покой порождает скуку, а скука есть преддверие самой смерти.

Ведь мы измеряем свою жизнь переменами и необычными моментами. Они могут проявиться во взгляде на незнакомый город, или в первом глотке свежего ветра на вершине высокой горы, в заплыве через реку у еще не освободившуюся ото льда, или в ожесточенной схватке у подножия Пирамиды Келвина. Необычные переживания оставляют после себя воспоминания, а достойные воспоминаний десять дней стоят целого года рутинного существования. К примеру, я помню свое первое плавание на борту «Морской феи» так же отчетливо, как первый поцелуй Кэтти-бри. И хотя это путешествие длилось всего несколько недель из моей жизни, длящейся уже более трех четвертей столетия, память о них гораздо ярче, чем несколько лет, проведенных в Доме До'Урден и занятых бесконечной рутинной учебы, обязательной для каждого мальчика из рода дроу.

И мне достоверно известно, что многие зажиточные люди, даже лорды Глубоководья, готовы широко открыть свои кошельки ради дальних странствий. И пусть эта поездка пройдет не так, как они ожидали, пусть погода или компания окажутся неблагоприятными, пусть им не понравится еда или их постигнет какая-нибудь несерьезная болезнь, лорды всем будут рассказывать о том, что путешествие стоило затраченных усилий и денег. Причем ценить они будут не само путешествие или полученную выгоду, а воспоминания о приключениях, которые станут хранить

до самой своей смерти. Конечно, жизнь заключается в приобретении опыта, но не менее важную роль в ней играют воспоминания и рассказы о приключениях!

И напротив, в Мифрил Халле я знаю много дворфов, в основном из старшего поколения, которые наслаждаются рутинной, и каждый их день в точности повторяет день предыдущий. Каждый обед, каждый час работы, каждый удар кирки или молота в точности соответствует приобретенным с годами навыкам. В их работе присутствует оттенок иллюзии, хотя я никогда не стал бы говорить этого вслух. Эта внутренняя, почти невыразимая логика заставляет их всегда возвращаться к определенному месту. Об этом даже поется в старинной дворфской песне:

Я этим был занят весь день вчера,
И я не вознесся в Чертог Морадина.
Сегодня займусь тем же самым с утра,
И опять не помру.

Логика проста и незатейлива, и эта ловушка срabатывает почти безотказно. Если я накануне занимался каким-то делом и сегодня стану заниматься тем же самым, можно предположить, что и результат будет прежним.

В итоге я завтра тоже буду жив, чтобы продолжать привычное занятие.

Вот так существование создает - фальшивую - уверенность в долгой жизни, но даже если эта предпосылка была бы верной и похожие друг на друга дни гарантировали бессмертие, разве такое существование не хуже тревожной близости смерти?

С моей точки зрения, эта злополучная логика приводит к совершенно противоположным результатам! Десятилетие подобной жизни гарантирует скорейшее приближение к смерти, поскольку эти десять лет, не содержащие никаких событий, проносятся как один миг, не оставляя после себя почти никаких воспоминаний. В этих ничем не примечательных мгновениях, часах и днях нет места изменениям, нет места первому поцелую.

Непрерывные странствия и жажда перемен в это опасное время в Фаэруне тоже могут значительно укоротить жизнь. Но в эти часы, дни или годы, независимо от их продолжительности, я проживу более долгую жизнь, чем кузнец, который изо дня в день бьет своим молотом по куску знакомого до мельчайших подробностей металла.

Жизнь - это впечатления, и длительность ее измеряется воспоминаниями, а те, кто может рассказать тысячи историй, живут гораздо дольше людей, придерживающихся привычной рутины.

После выхода из Длинной Седловины я постарался успокоить Реджиса. Я старался держаться спокойно и уверенно, полный решимости продолжать путь. Да, внутри меня все переворачивалось и сердце сжималось от боли. Увиденная мной картина в недавно мирном и спокойном поселении потрясла меня до глубины души. Я давно знал Гарпеллов, вернее, думал, что знаю, и больно было видеть, что они вступили на опасный путь авторитарной жестокости, достойной разве что слугителей проклятого Карнавала Воров в Лускане.

Я не могу утверждать, что ситуация там критическая и требует безотлагательного вмешательства, но потенциальный исход, который я так ясно вижу, вызывает у меня глубочайшую печаль.

И я спрашиваю себя: где пролегает граница между стремлением к порядку и моралью? В какой момент мы ее переступаем и, что более важно, когда, если такое вообще возможно, во имя высшего добра можно поступаться основными принципами морали?

В мире, в котором я живу, подобные тонкости часто связаны с расовыми различиями. Благодаря своей темной коже и эльфийскому происхождению я сам в этом не раз убеждался. Рамки морали очень удобно, растягиваются, когда дело касается «чужаков». Можно безнаказанно уничтожать орков или дроу, а вот дворфов, людей и эльфов трогать нельзя.

Что станет с этой моралью, если король Обальд и дальше будет придерживаться своего необычного курса? А как она может отразиться на мне? Можно ли считать меня и Обальда аномалиями, исключениями из жестоких и давно укоренившихся правил, или это проблески более широких возможностей?

Я этого не знаю.

В Длинной Седловине я сдерживал слова и клинки. Это была не моя битва, поскольку у меня нет ни времени, ни статуса, ни сил, чтобы привести ситуацию к логическому завершению. Мы с Реджисом не могли бы даже вмешаться в происходящие на наших глазах события. Потому что Гарпеллы, при всем их безрассудстве, весьма могущественные чародеи. Они не будут спрашивать ни разрешения, ни одобрения у темного эльфа и полурослика, идущих своей дорогой вдали от дома.

И может ли в таком случае прагматизм оправдать мое бездействие и мои последующие заверения, высказанные Реджису, явно обеспокоенному увиденным?

Я могу солгать ему или, по крайней мере, скрыть собственную тревогу. Но не могу скрыть ее от самого себя. Увиденная в Длинной Седловине сцена сильно потрясла меня, она ранила мое сердце и возмутила мысли.

И еще напомнила мне, что я лишь мельчайшая частица огромного мира. В запасе у меня еще остались надежда и вера в правильность выбора Гарпеллов. Это прекрасное и благородное семейство, обладающее если не здравым смыслом, то высокими принципами морали. Я не могу поверить, что совершаю ошибку, доверяясь им, но все же...

И словно в ответ на мои сомнения, в Лускане я обнаруживаю довольно похожую ситуацию, но перспектива представляется мне совершенно противоположной. Если верить капитану Дюдермонту и его юному другу, лорду из Глубоководья, власти Лускана уже переступили опасную черту. То, что собирается сделать Дюдермонт, даже нельзя назвать переворотом, поскольку Гильдия Чародеев никогда не была официальным правительством Лускана.

Не превратится ли в подобие нынешнего Лускана и Длинная Седловина, когда Гарпеллы укрепят свою власть путем последовательных трансформаций и изоляции кроликов? Может, Гарпеллы тоже подвержены этой болезни, вызывающей жажду власти, которая, видимо, поразила высшие уровни Главной Башни? Не в этих ли случаях должны восторжествовать добрые намерения? Но я опасюсь, что любой

правлящий орган, который в борьбе против зарвавшихся лидеров руководствуется лишь добрыми намерениями, обречен на неминуемую и жестокую неудачу. И потому я присоединяюсь к Дюдермонту, который намерен исправить эту ошибку.

Но и здесь я ощущаю некоторые противоречия. Ведь не события в Длинной Седловине заставили меня остаться в Лускане. Я откликнулся на призыв человека, которого хорошо знаю. А все мои доводы в разговоре с Реджисом были простыми утешениями. Да, Гарпеллы проявили жестокость, но я ничуть не сомневаюсь, что отсутствие сурового правосудия приведет к ожесточенной и беспощадной борьбе между двумя группами священников и их последователей.

Но если это действительно так, что станет с Лусканом, лишившимся теневой властной структуры? Всем известно, что Гильдия Чародеев тайно контролирует Совет Пяти Капитанов, чьи личные цели и желания нередко расходятся с общими интересами. Этот орган никогда не ставил улучшение жизни населения Лускана выше своих собственных целей.

Капитан Дюдермонт объявляет войну Главной Башне. Но я боюсь, что победить Арклема Грита будет куда легче, чем найти ему замену.

Я, малая частица, этого огромного мира, останусь с Дюдермонтом. Нам предстоит сражение, которое, несомненно, затронет судьбы очень многих людей, и остается лишь надеяться, что Дюдермонт и я, а также множество людей, которые пойдут за нами благодаря своим добрым намерениям сумеем добиться достойных результатов.

А если это удастся, не вернуться ли мне потом в Длинную Седловину?

В этом просторном мире меня всегда поражало существование параллельных курсов. Жизненный путь вел меня по разным местам, я странствовал взад и вперед из Мифрил Халла на Побережье Мечей, в Долину Ледяного Ветра и горы Снежные Хлопья, в Калимпорт и Подземье. И я стал понимать древнюю поговорку, утверждающую, что самое постоянное - это перемены. Но что удивляет меня больше всего, так это сходство направлений этих перемен, совпадение настроений в разных местах, в городах и среди людей, которые, за исключением самых любопытных, почти незнакомы друг с другом.

Я ищу волнения - и нахожу надежду. Я ищу удовлетворенность - и нахожу гнев. И кажется, всегда и везде меня встречает один и тот же набор человеческих чувств. Во всем этом я вижу некоторую рациональность, поскольку даже далекие друг от друга люди испытывают сходные воздействия. Трудная зима; война в одном районе, которая нарушает торговлю в другой местности; слухи о приближении чумы; восхождение на престол нового короля, чьи послания передаются из уст в уста и внушают надежду и радость жителям районов, весьма удаленных от его владений. И все же мне часто думается, что есть еще и королевство эмоций. Как морозная зима способна распространиться из Долины Ледяного Ветра до Лускана и даже до Серебряных Пустошей, так же и настроение сплетает паутину дорог и тропинок в

разных государствах. Это что-то вроде второго слоя погоды, эмоциональная волна, которая бурлит и прокатывается по всему Фаэруну.

В Мифрил Халле намечаются волнения и обнадеживающие перемены, и все обитатели Серебряных Пустошей затаили дыхание, пока в воздухе вертится монетка прочного мира и бесконечной войны, потому что ни дворф, ни эльф, ни человек, ни орк не знают, на какую сторону она упадет. Существует какая-то эмоциональная борьба между привычным статус-кво и желанием испытать великие и многообещающие перемены.

Такую же неутешительную динамику я наблюдал и в Длинной Седловине, где Гарпеллы из-за соперничества местных группировок едва не довели дело до войны. Они быстро поймали монетку, прочитали заклинания, чтобы оставить все, как было прежде, но напряженность и гнет отчетливо видны каждому, кто обладает зрением.

То же самое происходит и в Лускане, где потенциальные перемены не менее глубоки, чем происходящие в этот момент. И гораздо менее популярные - это признание недавно возникшего королевства орков как одного из членов содружества Серебряных Пустошей.

Волна тревог и беспокойства охватила всю страну от Мифрил Халла до Побережья Мечей - это уже совершенно ясно. Как будто народы и расы всего мира одновременно заявили о неприемлемости их сиюминутной жизни, словно все разумные существа закончили коллективный выдох и теперь снова набирают воздух.

Я направляюсь в Долину Ледяного Ветра, землю, где традиции живут дольше, чем люди, землю постоянных величин и постоянного давления. В этой земле знакомы с войной и очень близко знакомы со смертью. И если то же дыхание, которое выгнало Обальда из пещеры, которое всколыхнуло древнюю ненависть к жрецам в Длинной Седловине, которое привело к восстанию Дюдермонта и свержению Арклема Грита, заполнило Долину Ледяного Ветра, я боюсь даже подумать, что могло там произойти. Ведь в этих местах дым пожарищ поднимается к небу так же часто, как и дым походных костров, и волчий вой внушает не меньший страх, чем боевой клич варвара или орка, чем рев белого дракона. Мало того что в таких местах надо бороться, чтобы просто выжить, так Долина Ледяного Ветра всегда находится на грани потрясений, даже сейчас, когда мир качнулся в сторону удовлетворенности и спокойствия. Что ждет меня там, если мой путь проходит через страны, переживающие страданиям войны?

Иногда я спрашиваю себя, а нет ли бога или богов, которые играют с чувствами разумных существ, как художник играет с красками на полотне. Возможно, какие-то сверхъестественные создания с удовольствием наблюдают за нашими потрясениями и катастрофами? Или они своими волшебными палочками посылают на нас зависть, жадность, удовлетворение и любовь, а потом с удовольствием и интересом наблюдают за нашим поведением?

А может, они тоже сражаются между собой, а их победы и поражения передаются нам, их незначительным последователям?

Скорее всего, я ради собственного успокоения просто ищу самый легкий способ объяснений и приписываю иррациональным существам то, чего сам не знаю. Боюсь, это мне поможет не больше, чем теплая овсянка в морозное утро.

Что бы это ни было, погода или происки могущественного врага, людское стремление разделить всеобщие достижения, или нашествие чумы, или какая-то игра невидимых богов, или, возможно, порождение моего собственного беспокойства, проекция Дзирта на окружающих его людей... все, что угодно, но эти коллективные эмоции кажутся мне вполне реальными, как совместные вдохи и выдохи.

Этих двух людей я очень люблю и искренне уважаю, но не перестаю удивляться тому, насколько различны пути Вульфгара и Дюдермонта. В самом деле, оба они - настоящие борцы, но выбрали себе абсолютно разных противников.

Мне кажется, что Дюдермонт выбрал свой путь вследствие крайнего разочарования. Больше двух десятилетий он курсировал вдоль Побережья Мечей, преследуя пиратов, и даже история эльфов не знает больших успехов на этом опасном поприще, чем успехи капитана Дюдермонта. «Морская фея», заходя в порт любого из крупных городов, особенно самого значительного - Глубоководья, удостаивалась наивысших почестей. Самые высокопоставленные лорды приглашали капитана Дюдермонта пообедать с ними, и, если бы он только захотел, он мог бы в любой момент и сам получить этот титул от благодарных аристократов за свою неустанную и эффективную деятельность.

И после всего этого, узнав о том, что Главная Башня оказывает пиратам поддержку и магией, и деньгами, капитан Дюдермонт осознал тщетность своей долголетней работы. Истребить пиратов оказалось невозможно. По крайней мере, у них постоянно появлялись все новые и новые последователи.

Таким образом, Дюдермонт столкнулся с неразрешимой задачей и должен был сделать выбор. И он не медлил и не колебался, а сел на свой корабль и направил его на борьбу с источником всех бед, на борьбу с главным противником.

Он оказался в жестоком и запутанном мире и начал борьбу за контроль над теми областями, которые, как ему казалось, никто не контролирует. С его отвагой и при наличии союзников он может добиться успеха, потому что лича Главной Башни - Арклема Грита - уже нет, а жители Лускана поддерживают Дюдермонта в его благородном деле.

А у Вульфгара совершенно другая дорога. Если Дюдермонт в поисках могущественных союзников и в преддверии громких побед обратился к окружающим, то Вульфгар замкнулся в себе и в своих мыслях вернулся к тому времени и к тому месту, где чувствовал себя уверенно. Выбранные им время и место сами по себе таили огромную опасность, но перед ним стояла ясная цель, а для победы не надо было истреблять полчища орков или прибегать к политическим интригам. В мире Вульфгара, в Долине Ледяного Ветра, нет места компромиссам. Или совершенство помыслов, тела и духа, или смерть. И даже при совершенном теле, даже при отсутствии ошибок, Долина Ледяного Ветра может одолеть любого человека. Я жил там, и мне известно, что означает смирение местных обитателей.

И все же я ничуть не сомневаюсь, что Вульфгар покорит зиму Долины Ледяного Ветра. Я не сомневаюсь, что по возвращении в клан его будут ожидать друзья и семья. Я не сомневаюсь, что в один из дней Вульфгар снова займет место вождя племени, а если в Долину вторгнется грозный противник, он первым бросится в бой, а идущие за ним соплеменники будут прославлять сына Беорнегара.

Легенда его жизни еще не слишком ясна, но она еще не дописана.

Итак, один из моих друзей сражается против лица и армии пиратов и магов, а второй борется со своими собственными демонами и черпает решимость в единоличной борьбе за существование. Именно в этом, как мне кажется, и заключается самое разительное отличие выбранных ими путей. Дюдермонт полностью соответствует своему времени и месту и с этого крепкого фундамента шагает к еще более грандиозным свершениям. Кроме того, он уверен в самом себе. Он знает, где искать утешения и радости, он знает своих: врагов, как внешних, так и внутренних. Он знает пределы своих возможностей и поэтому ищет союзников, которые помогли бы их преодолеть. По своему духу он тот, кем стремится стать Вульфгар, потому что, только познав и приняв самого себя, человек способен воздействовать на окружающий мир.

Я заглянул в глаза Вульфгара, в глаза сына Беорнегара, в глаза сына Долины Ледяного Ветра.

И я больше не боюсь за него - ни за его тело, ни за его душу.

И как ни странно, несмотря на то что Вульфгар стремится достичь душевного состояния Дюдермонта, судьба капитана внушает мне опасения. Он движется уверенно и отважно, но в Мензоберранзане есть пословица: «Noet z'hin lit'avinsin».

«Обреченный шагает шире всех».

Король призраков

Где заканчивается логика и начинается магия? Где заканчивается логика и начинается вера? Вот два главных вопроса сознания, как сказал мне мой друг-философ, доживший до конца своих дней, а потом повернувший назад. Вот главный предмет для размышлений, конечная цель исканий, основное определение нашей сущности. Жизнь есть преддверие смерти, и, зная это, мы не перестаем искать ответы, всегда искать ответы.

Эта истина лежит в основании Храма Парящего Духа. Это храм и библиотека, место для поклонения и размышления, для споров и философии. Его камни скреплены верой и магией; его стены воздвигнуты из удивления и надежды, его потолок поддерживается разумом. Здесь Кэддерли Бонадьос оценивает интеллект и запросы своих многочисленных посетителей, как ученых, так и приверженцев веры, и убеждает их не отступать перед главными вопросами бытия, не отгораживаться от них и не отворачивать других застывшими догмами.

В обширном мире сейчас разгораются яростные дебаты: спор между рассудком и догмой. Кто мы - прихоть богов или результат гармоничного процесса? Вечные

или смертные, а если вечные, то каковы должны быть отношения между компонентом вечности - душой и тем, что предназначено на корм червям? Какой будет следующая ступень для нашего сознания и духа: дальнейшее самоосмысление или утрата индивидуальности в единении со всем остальным миром? Каково соотношение между решаемыми и нерешаемыми проблемами и к чему может привести рост первых, ценой уменьшения вторых?

Даже самое простое обсуждение этих вопросов, безусловно, представляет большинству людей волнующие возможности, а кому-то может показаться заслуживающей наказания ересью. Сам Кэддерли однажды признался мне, что жизнь была бы намного проще, если бы он мог попросту принять существующий порядок и жить только настоящим днем. Ирония его признания не ускользнула от меня. Молодой Кэддерли, один из самых выдающихся жрецов бога Денира, со скептическим недоверием относился даже к божеству, которому служил. Да, он был жрецом-агностиком, но весьма могущественным и наделенным божественной силой. Если бы он поклонялся другому богу, а не Дениру, чьи постулаты поощряли любые изыскания, молодой Кэддерли вряд ли удостоился бы дара исцеления или возможности вызывать ярость своего божества.

Сейчас он уже уверен в вечности Денира и даже допускает существование некоего небесного царства, но продолжает задавать вопросы и искать ответы. В Храме Парящего Духа ради изучения и глубокого постижения раскрываются многие истины - законы внешнего мира и даже небесные законы. Собравшиеся там ученые со всей скромностью и отвагой пытаются осветить все детали схемы нашей реальности, оспаривают контуры множественности Вселенных и законов, управляющих ими, они меняют наше представление о самой планете Торил и ее расположении относительно луны и звезд.

Кое-кто видит в этих попытках ересь, опасное вторжение в царство знания, которое должно остаться в распоряжении лишь божественных существ, во всем превосходящих нас. Что еще хуже, эти ярые фанатики судьбы утверждают, что подобные искания и бестактные толкования унижают самих богов и отвращают от веры тех, кто жаждет услышать откровение. Но для таких философов, как Кэддерли, сложность системы и множественность миров только увеличивают их преданность божеству. Гармония природы, утверждает Кэддерли, совершенство универсального закона и процесса гораздо нагляднее свидетельствуют о божественной силе, чем представление, рожденное слепотой или трусливым невежеством.

Пытливый ум Кэддерли пришел к заключению, что система божественных законов намного превосходит все предрассудки Материального Уровня.

А для многих других, даже для тех, кто поддерживает искания Кэддерли, в этом заключается источник вечного беспокойства.

Правоту жреца Денира подтверждают жизнь Кэтти-бри и ее увлечение магией. Она говорит, что находит в ней утешение, поскольку ее невозможно объяснить. Ее вера в духовность возрастает пропорционально могуществу чародейки. Магия существует независимо от каких-либо объяснений и вопросов, и в этом состоит сущность веры.

Я не знаю, существует ли Миликки. А если она или любые другие боги присутствуют в нашей реальности, мне неизвестно, заботит ли их судьба бродячего

темного эльфа. Заповеди Миликки - нравственность, чувство общности и служения, благодарности за данную жизнь - реальны для меня и живут в моем сердце. Они были со мной еще до того, как я узнал о Миликки, и останутся со мной даже в том случае, если я получу неоспоримое доказательство того, что никакой богини не существует.

Определяет ли наше поведение страх перед наказанием, или мы повинемся велению сердца? Я выбираю второй вариант и надеюсь, что так же ответит любой взрослый человек, хотя, исходя из горького опыта, не раз убеждался, что это не всегда справедливо. Желание попасть на те или иные небеса ценой примерного поведения было бы слишком прозрачной уловкой для любого бога, и если твои взгляды не согласуются со взглядами творца небесного царства, то... какой в этом смысл?

Поэтому я отдаю должное Кэддерли и другим искателям, тем, кто не надеется на помощь богов и отвергает простые ответы, а продолжает отважно карабкаться к вершинам истинного величия и истинной гармонии.

И пока народы Фаэруна вплоть до самой смерти заняты своими насущными делами, они не перестанут сомневаться в откровениях, приходящих из Храма Парящего Духа, а порой будут их откровенно отвергать и игнорировать. Желание Кэддерли лично исследовать мироздание силами своего достойного восхищения ума, несомненно, может вызвать страх, особенно когда дело касается одного из самых основных и пугающих понятий - смерти.

Что до меня, то я всегда поддерживал своего друга-жреца. Я помню ночи, проведенные в Долине Ледяного Ветра, на Подъеме Бренора, где простирающаяся под ногами тундра кажется дальше, чем звезды над головой. Не были ли мои размышления тогда ближе к ереси, чем искания Храма Парящего Духа? А если Кэддерли и его сподвижники достигли такого же результата, какого достиг я, стоя на той горной вершине, значит, мой друг достаточно защищен от менее просвещенных и приверженных догмам глупцов, которые проклинают его, оскорбляют и обвиняют в ереси.

Мое странствие к звездам, среди звезд и вместе со звездами привело к абсолютному удовлетворению и бесконечной радости, к ощущению такой полноты мира, какой я еще не знал.

А самым сильным ощущением в тот миг единения со всей Вселенной было то, что я, Дзирт До'Урден, чувствовал себя богом.

Я знаю, что она испытывает постоянные мучения, и не могу до нее добраться. Я заглянул в темноту, где она заключена, в бездну теней, более мрачную, чем нижние уровни. Она затащила меня, хоть и не преднамеренно, когда я пытался немного ее утешить, и за это короткое время я едва не сломался.

Так же непреднамеренно она затянула туда Реджиса, когда он пытался достучаться до нее при помощи волшебного рубина, и полурослик не выдержал. Он

бросил веревку тонущей Кэтти-бри, чтобы ее спасти, а вместо этого сам погрузился в пучину безумия.

Она потеряна для меня, и, боюсь, навеки. Кэтти-бри затерялась в забвении, в абсолютной пустоте, в состоянии безразличия и бездеятельности. А те редкие случаи, когда она частично пробуждается, доставляют мне еще более сильную боль, поскольку еще отчетливее выявляют глубину ее иллюзий. Она как будто заново проживает свою жизнь по частям, заново просматривает ключевые моменты, сформировавшие эту прекрасную женщину, которую я люблю всем сердцем. Она снова стояла на склоне Пирамиды Келвина в Долине Ледяного Ветра, снова переживала нашу первую встречу, и, хотя для меня это одно из самых драгоценных воспоминаний, видеть это событие далекими глазами моей возлюбленной слишком мучительно.

Какой же одинокой чувствует себя моя любимая Кэтти-бри, когда весь мир вокруг нее разрушен?

И Реджис, бедный Реджис. Я не знаю, насколько глубоко погрузилась в темноту Кэтти-бри, но мне совершенно ясно, что Реджис полностью ушел в это обиталище теней. Я могу засвидетельствовать глубину его падения, как может и Бренор, у которого на плече остался шрам от моего меча, пока я сражался с воображаемыми чудовищами. А были ли они воображаемыми? Я не могу даже предполагать. Но для Реджиса это праздный вопрос, поскольку для него они определенно реальные, они окружают его со всех сторон, беспрестанно тянут к нему свои когти, ранят и мучат его.

Мы все четверо - Бренор, Кэтти-бри, Реджис и я - типичные представители своего мира. Падение Лускана, неудача капитана Дюдермонта, появление Обальда - все эти события были лишь предвестниками. А теперь мы становимся свидетелями разрушения того, что считали незыблемым и вечным, - разрушения Пряжи Мистры. Колоссальное значение этой катастрофы можно прочесть на лице обычно спокойной леди Аластриэль. Возможные последствия отображаются в безумии Реджиса, отчуждении Кэтти-бри, в том, что я сам едва не лишился рассудка, в шраме на плече короля Бренора.

Не только чародеи Фаэруна ощутят на себе всю тяжесть этих перемен. Как будут лечиться болезни, если боги не услышат отчаянных молений своих жрецов? Как будут общаться короли разных государств со своими союзниками и соперниками, если процессы прорицаний и телепортации станут слишком длительным и трудным делом? Насколько слабее станут армии и караваны, насколько беспомощнее станут маленькие города, лишившись поддержки знатоков магии? И что ожидает основные расы Фаэруна, такие как гоблины и орки, в случае значительного ослабления эффективности волшебства? Как смогут друиды заботиться о своих полях? Какие чудеса поддержат и уберегут диковинные сооружения нашего мира? Или они падут в этой катастрофе, как пала Главная Башня Гильдии Чародеев и давно потерянный для нас Неферил?

Не так давно я беседовал с гномом Нанфудлом из Мифрил Халла. Мы вспомнили его гениальную идею направить взрывчатый газ в туннель под горной грядой, где союзники Обальда установили свою артиллерию. Блестящая выдумка гнома и его помощников-дворфов, которая помогла взорвать горы эффективнее, чем самый

мощный магический заряд могущественного Эль-минстера. Нанфудла можно скорее назвать последователем бога Гонда, бога изобретений, а не знатоком Искусства. Я спрашивал его об этом, интересуясь, почему он возится со своими приспособлениями, когда таких же результатов можно достичь, просто прикоснувшись к Пряже.

Ответа я, конечно, не получил, поскольку это не в привычках Нанфудла. Вместо этого он пустился в философские рассуждения о кажущемся комфорте и нашей зависимости от «того, что есть».

Еще никогда смысл его выражения не был для меня так ясен, как сейчас, когда я вижу, как «то, что есть» вокруг нас постепенно разрушается.

Разве знают крестьяне вокруг больших городов Фаэруна, таких как Глубоководье и Серебристая Луна, как возделывать поля без помощи магии друидов? Смогут ли они сами удовлетворить запросы огромного населения? И это лишь верхушка проблем, которые возникнут, если волшебство исчезнет окончательно! Даже система канализации в Глубоководье, созданная многими поколениями и поддерживаемая усилиями магов, которые призывают элементарей, чтобы очистить город от отходов, станет огромной проблемой. Исчезнут элементарии, и что тогда?

А Калимпорт? Реджис не раз рассказывал мне, как много там живет людей, намного больше, чем могут прокормить окружающие его пустыни и океан. Но баснословно богатые паши к естественным источникам прибавили источники магические, и городские рынки не оскудевают благодаря работе многочисленных жрецов и магов, которые доставляют продукты из самых отдаленных земель посредством телепортации.

Какая катастрофа разразится, если исчезнет их поддержка?

И я не могу не вспомнить о своем родном городе, о Мензоберранзане. Только магия удерживает кобальдов в повиновении, только магия обеспечивает безопасность великих Домов от их соперников, и только при помощи магии удерживаются все нити этого сообщества. Говорят, что богине Ллос нравится хаос и если магия исчезнет, она получит его в избытке!

Сообщества нашего мира развивались не одно столетие. Имеющаяся система создавалась многими поколениями, и, боюсь, в процессе этой эволюции мы давно позабыли основы структур человеческого общества. Что еще хуже, даже попытки заново научиться этим принципам вряд ли помогут сделать наши земли более плодородными, чем магические приемы. Такие города, как Калимпорт, никогда не смогут самостоятельно удовлетворить свои нужды.

Да и сам мир в целом не достигнет такого единения мыслей и целей, как сейчас. Потому что сейчас люди путешествуют и общаются с представителями далеких земель гораздо чаще, чем в давно забытые времена. Купцов из Врат Балдура часто видят в Глубоководье и наоборот. Их караваны при поддержке магов странствуют, преодолевая огромные расстояния. А это значит, что вероятность войн между могущественными государствами уменьшается. Если жители Врат Балдура нуждаются в результатах труда ремесленников и фермеров Глубоководья, вряд ли они решат пойти войной на этот город!

А что произойдет, если магия рухнет? Что произойдет, если «то, что есть» внезапно исчезнет? Как мы выживем, если исчезнут источники питания, если вмешательство богов не остановит болезни?

Станут ли люди всего мира объединяться, чтобы построить новые структуры в новой реальности для удовлетворения своих нужд?

Или мир постигнет катастрофа невиданного доселе масштаба?

Боюсь, последнее предположение вернее. Исчезновение «того, что есть» разделит мир и вызовет войны, и цивилизация сохранится лишь в отдельных районах, защищенных от вторжения безумия.

Я беспомощно наблюдаю за отчужденностью Кэтти-бри и безумием Реджиса, смотрю на раненое плечо Бренора и боюсь, что вижу перед собой будущее.

Мы живем в опасное время, и оно стало еще опаснее после того, как магия начала претерпевать изменения, а возможно, и настоящий коллапс. Если догадки Джарлакса верны, мы стали свидетелями столкновения миров, или уровней, и появления трещин, которые могут привести к еще более значительным переменам, касающимся всех нас.

И я подозреваю, что пришло время героев.

Я давно привык, что моей натуре необходимы активные действия. Я всегда чувствую себя лучше, когда предстоит преодолевать самые сложные препятствия. В такие критические времена я ощущаю себя частицей чего-то большего, чем я сам, ощущаю общую ответственность, долг поколения и нахожу в этом неиссякаемый источник бодрости.

Теперь мы все будем необходимы - каждый клинок и каждый разум, каждый ученый и каждый воин, каждый чародей и каждый жрец. Происшествия в Серебряных Пустошах, тревога на лице леди Аластриэль - все это не только местные явления, а, боюсь, лишь отголоски событий, происходящих по всему Торилу. Могу себе представить, какой хаос воцарился в Мензоберранзане, когда стало невозможно прибегнуть к помощи магов и жрецов. Угроза нависла над всем матриархальным обществом, и главные Дома, вероятно, осаждены толпами разъяренных кобольдов.

Положение в Верхнем Море не менее угрожающее, и потому я повторяю: пришло время героев. Что, значит, быть героем? Что возвышает отдельных личностей над толпами воинов и боевых магов? Конечно, немалую роль играют обстоятельства: во времена самых тяжелых испытаний чаще возникают ситуации, требующие необычайного мужества и необычных поступков.

И, тем не менее, результатом величайших кризисов чаще всего бывает катастрофа. Не появляются герои. Нет лидеров, способных увлечь воинов в сражение или победить дракона, и города полыхают огнями пожаров.

В нашем мире, к счастью или к несчастью, благоприятные условия для появления героев стали почти привычными.

Но дело не только в благоприятных условиях или счастливых случаях. Удача может сыграть свою роль, и на самом деле некоторые личности - и к ним я

причисляю себя - более удачливы, чем другие. Но я не верю в существование благословенных душ или проклятых душ, как не верю и в то, что тот или иной бог склоняется над чьим-то плечом и руководит нашими поступками, а потому я твердо убежден в наличии еще одного качества, необходимого для тех, кто ищет возможность подняться над общим уровнем.

Если поставить цель, а в тридцати шагах от нее выстроить три десятка лучших лучников, собранных со всех окрестностей, они все попадут в точку. Добавьте к соревнованиям пари на несколько золотых, и лишь некоторые из них под смех товарищей покинут состязание.

А теперь замените цель преступником, который угрожает кинжалом тому, кто каждому из стрелков дороже всего на свете. Теперь у лучника всего один шанс. Если он попадет в цель - в преступника, - дорогое для него существо будет спасено. Если промахнется, убийца поразит свою жертву.

Герой попадет в цель. И на это способны лишь немногие стрелки.

Это и есть то необходимое качество - способность сохранять самообладание и спокойствие, способность ясно мыслить, несмотря ни на какие возможные последствия неудачи, способность достигать абсолютной концентрации в моменты эмоциональных и психических потрясений. И не от случая к случаю или в удачные моменты. Герой делает выстрел.

Герой живет ради такого выстрела. И ради него тренируется каждый день помногу часов и с предельным вниманием.

В мире много отличных воинов, которые несут службу в своих армиях, и не важно, используют ли они меч, лук или огненные шары. Все они достойно отражают нападки стихий и врагов. Многие достигли мастерских высот и удостоились наград.

Но когда мир балансирует на грани катастрофы, когда победа или поражение зависят не только от храбрости и силы, когда от хаоса отделяет граница не толще лезвия меча, тогда герой находит выход - находит путь, невероятный для тех, кто не до конца понимает законы битвы, взлет и падение меча, кто не может найти логический противовес преимуществу противника.

Воин должен обучаться владению оружием, должен знать, как использовать щит, как парировать выпад и нанести контрудар, но действия истинного бойца, героя, выходят далеко за рамки общепринятой тактики. Каждое движение совершается инстинктивно, словно мускулы сами собой сокращаются с поразительной плавностью и координацией. Каждый блок логично обоснован и выполнен настолько четко, что может быть объяснен не только рефлексам, но и предвидением. И любые слабые места противника видны подлинному бойцу с первого взгляда.

Истинный воин должен сражаться спокойно, контролируя гнев и подавляя страх. Каждая ситуация лежит перед ним словно на ладони, каждое решение сверкает безупречной ясностью. И герой на шаг опережает обстоятельства, находит путь или сам пролагает тропу к победе, когда нет готового решения.

Герой находит путь и, когда путь найден, делает последний рывок, или ставит блок, или парирует удар и крадет у противника победу. Так было, когда Реджис своим рубином парализовал волю мага в Лускане. Так Вульфгар бросился навстречу йоклол, чтобы спасти Кэтти-бри. И сама Кэтти-бри решилась на отчаянный выстрел

в катакомбах Калимпорта, чтобы отвлечь Энтрери, когда он едва не прикончил меня. И так Бренор использовал всю свою хитрость, силу и непоколебимую волю, чтобы одолеть темного дракона по имени Мерцающий Мрак, угрожавшего Мифрил Халлу.

Для героя не существует понятия верной смерти, потому что именно в тот момент, когда гибель кажется неминуемой - когда Бренор улетел на горящем драконе в глубину ущелья Гарумна, - герой возносится над всеми остальными воинами. И в этот момент он действует инстинктивно, не думая ни о себе, ни о своей жизни.

Герой делает выстрел.

Сегодня, как мне кажется, всем нам предстоят испытания. В это время растерянности и опасности многое будет висеть на грани катастрофы, и многие рухнут с этого темного обрыва. Но найдутся немногие, кто перешагнет эту границу, кто отыщет путь и сделает выстрел.

Однако в такие моменты важно помнить, что репутация ничего не значит, и, если даже прошлые деяния вселяют уверенность, они не могут гарантировать победу в настоящем или будущем.

Я надеюсь, что мои руки будут крепко держать Тулмарил, когда я перешагну эту черту, потому что знаю: я обязательно шагну в тень смерти, где поджидает черная пропасть. И чтобы понять, насколько высоки ставки в этой борьбе, мне достаточно вспомнить о сломленном Реджисе или взглянуть на мою возлюбленную Кэтти-бри.

Я надеюсь, мне представится возможность выстрелить в преступника, кем или чем бы он ни был, который угрожает всем нам, и, если это случится, я попаду в цель.

Потому что это последнее условие, позволяющее стать героем. Если придерживаться истории о лучниках, герой хочет, чтобы решающий выстрел выпал на его долю. Когда ставки так высоки, герой хочет, чтобы результат зависел от него. И дело не в высокомерии, а в необходимости и уверенности в том, что герой всю свою жизнь тренируется и готовится именно к этому выстрелу.

Сознание своей беспомощности не просто огорчает - оно разрушает. В тех случаях, когда становится ясно, что силы воли, крепости мускулов и мастерства недостаточно, чтобы преодолеть возникшие препятствия, что ты совершенно беспомощен в сложившейся ситуации, начинаются жестокие моральные страдания.

Когда Эррту завлек Вульфгара в Бездну, мой друг подвергался там жесточайшим пыткам. Даже если он крайне редко соглашался говорить на эту тему, громче всего в его голосе звучали нотки отчаяния, вызванного беспомощностью. К примеру, демон позволял ему поверить в то, что Вульфгар свободен, что живет с любимой женщиной, а потом на глазах у бессильного что-либо сделать Вульфгара он убивал и эту женщину, и их воображаемых детей.

Эти пытки оставили в душе Вульфгара самые глубокие и незаживающие раны.

Еще будучи ребенком, в Мензоберранзане я получил урок, общий для всех мужчин-дроу. Моя сестра Бриза привела меня на край нашего пещерного поместья,

где уже поджидал огромный земляной элементаль. На великане имелась упряжь, и Бриза протянула мне поводья.

- Держи его, - приказала она.

Я не сразу понял ее приказ, и, когда элементаль шагнул, веревка выскользнула из моих рук.

Бриза, конечно, вытянула меня хлыстом и сделала это с удовольствием.

- Держи его, - повторила она.

Я взял веревку и уперся ногами в землю. Элементаль снова сделал шаг, и я полетел следом за ним. Он, похоже, даже не подозревал о моем присутствии, как и о том, что я напряг все свои скудные силы, чтобы помешать ему.

Бриза сердито нахмурилась и велела мне попробовать еще раз.

Я решил, что это испытание на сообразительность, и, вместо того чтобы тянуть веревку, обмотал ее вокруг ближайшего сталагмита и под одобрительные кивки Бризы крепко зажал конец в руке.

Элементаль по команде сестры опять шагнул, и я облетел вокруг сталагмита, словно свиток пергамента, подхваченный ураганом. Этот монстр снова не заметил моих усилий.

Полученный урок наглядно продемонстрировал мне мою слабость. Я убедился в собственном бессилии.

Потом Бриза одним заклинанием вернула элементаля на место, а вторым - отпустила его. Смысл этого урока заключался в том, чтобы показать: божественная сила Ллос превосходит и физическую силу, и мастерство. Это было не что иное, как еще одно проявление власти Верховных Матерей, предназначенное для того, чтобы мужчины Мензоберранзана знали свое место и не пытались претендовать на более высокое положение, особенно по отношению к избранницам Ллос.

А для меня, как, подозреваю, и для многих моих сородичей, урок имел скорее личное, чем социальное значение, поскольку я впервые столкнулся с могуществом, превосходящим мою силу воли и абсолютно мне не подвластным. Как бы я ни старался, каким бы ни был умным, я не мог повлиять на исход испытания. Элементаль все равно шагнул бы вперед, несмотря на все мои ухищрения.

Сказать, что я был унижен, - это еще слишком мало. Там, в темной пещере, я впервые познал истину смертности и предел, положенный смертной плоти.

И теперь я вновь испытываю то же самое чувство бессилия.

Глядя на Кэтти-бри, я понимаю, что ничем не могу ей помочь. Все мы мечтаем стать героями, найти выход из любого положения, выбрать момент и спасти мир. И все мы в некоторой степени боимся признать, что наши желания не всемогущи, что наша решимость и ум могут привести нас к ужасному поражению, - и это действительно так.

В некотором смысле.

Смерть - это наивысший барьер, и, когда мы сталкиваемся с неминуемой гибелью, своей или тех, кто нам дорог, смертное существо в большинстве случаев не испытывает абсолютной покорности.

Мы все верим, что сможем победить эту напасть или этот недуг хотя бы одной силой воли. Это нормальная, присущая каждому защита разума против общей для

нас неизбежности. И я не знаю, что хуже: длительное умирание или сознание того, что твое собственное тело тебе уже больше не подчиняется.

В моем случае боль, которую я испытываю при взгляде на Кэтти-бри, не однозначна, и одна из граней мучительных страданий - это сознание своей беспомощности. Я отвергаю взгляды, которыми обменялись Джарлак и Кэддерли, и выражения их лиц, выдающих их невысказанные мысли. Не может быть, чтобы Кэтти-бри была обречена, и мы ничем не сможем ей помочь!

Они ошибаются, я на этом настаиваю.

И все же знаю, что они правы. Возможно, я «знаю» только потому, что боюсь, больше чем когда бы то ни было, их правоты, и, если это действительно так, мне не на что надеяться. Я не могу сказать «прощай» Кэтти-бри, боюсь, я уже это сделал.

Вот так, в моменты слабости, я теряю веру и понимаю, что они правы. Моя любовь, мой самый близкий человек потерян для меня навеки - и здесь снова вмешивается мое упрямство, поскольку первым побуждением было написать «возможно, навеки». Я не могу признать правду, даже если ее признаю!

Я не раз видел, как мои друзья возвращались от самого края смерти: Бренор после полета на спине дракона, Вульфгар из Абисса, Кэтти-бри с темного уровня Тартара. Как часто непреодолимые препятствия были покорены ими! И в конце мы всегда побеждаем!

Но это не так. И возможно, самая жестокая ирония состоит в уверенности, испытываемой моими компаньонами по Мифрил Халлу, благодаря нашей удаче и нашим подвигам.

И когда нас коснулась неотвратимая трагедия, суровая реальность кажется еще более жестокой.

Я смотрю на Кэтти-бри и вспоминаю о своих слабостях. Мои фантазии о спасении мира разбиваются об острые и неподвижные скалы. Я хочу спасти ее, но не могу. Я смотрю на Кэтти-бри и чувствую, что она потеряна для меня, и в такие моменты мечтаю уже не о победе, а о...

Я не могу даже подумать об этом. Неужели я опустился до того, что мечтаю о мирной и быстрой смерти для женщины, которую люблю больше всего на свете?

А вокруг нас, в этом безумном мире, продолжается борьба. И мои мечи уже нашли себе применение в схватке, которая, как я опасаюсь, только начинается. И я должен оставаться посредником между Бренором и Джарлаком, между Джарлаком и Кэддерли. Я не могу остаться в стороне наедине со своим бесконечным горем и болью. Я не могу пренебречь своей ответственностью перед теми, кто меня окружает.

Но все это как-то неожиданно утратило для меня первостепенное значение. Какой смысл в этой борьбе, если со мной не будет Кэтти-бри? Зачем уничтожать драколича, если исход останется все тем же и все мы обречены? Разве наши мысли и дела, которые мы сами считаем очень важными, не оказываются незначительными и мелкими в толще тысячелетий необъятной мультивселенной?

Вот так из чувства бессилия появляется демон отчаяния. Более могущественный, чем безысходность, возникающая от дыхания Мерцающего Мрака, теневого дракона. Более могущественный, чем последствия урока матерей из

Мензоберранзана. Потому что вопрос: какой в этом смысл? - самый коварный и пагубный из всех вопросов.

Но я должен бороться. Я не могу сдать ради тех, кто меня окружает, ради себя самого и, да, ради Кэтти-бри, потому что она не позволила бы мне опуститься до такого состояния.

Откровенно говоря, эта внутренняя борьба изматывает меня сильнее, чем любой демон, чем любой дракон, чем целая орда воинственных орков.

Да, этот мрачный момент демонстрирует мне мою уязвимость, но он же требует от меня веры - веры в то, что, кроме смертной оболочки, есть что-то еще, что, кроме нашего временного существования, есть место величайшего согласия и общего единения.

Иначе наша жизнь была бы слишком грустной шуткой.

Невервинтер

Гаунтлгрим

Пришло время позволить водам прошлого отхлынуть к далеким берегам. Мои ушедшие друзья никогда не будут забыты, но они не должны занимать мои мысли день и ночь. Они рядом со мной, успокаиваю я себя, готовые улыбнуться всякий раз, когда я обращаю свой мысленный взор к их образам за утешением. Готовые воззвать к богу войны, когда битва близка, готовые напомнить мне о моих промахах, когда я готов совершить очередную ошибку, и готовые, всегда готовые заставить меня улыбнуться, отогреть мое сердце.

Но, боюсь, они также напомнят мне о боли, несправедливости, о бесстрастных богах, отнявших у меня мою любовь именно в тот момент, когда я только-только обрел покой. Я никогда их не прощу.

«Проживай свою жизнь по частям», - посоветовала мне одна мудрая эльфийка. Жизнь долгожителя, который увидит рассветы и закаты целых веков, стала бы настоящим проклятием, если постоянно помнить о скорой смерти тех, с кем свела судьба на этом отрезке жизни.

Теперь же, по истечении более чем сорока лет, я поднимаю свой бокал за тех, кто ушел: за Дюдермонта, за Кэддерли, за Реджиса, возможно - за Вульфгара, об участии которого я ничего не знаю. Я поднимаю бокал за Кэтти-бри, мою любовь, мою жизнь... Любовь кусочка моей жизни.

Случай, судьба, боги...

Я никогда не прощу их.

Так уверенно и убежденно произношу эти искренние слова, и все же моя рука дрожит, когда я пишу их. Прошло уже две трети столетия со времен падения короля Призраков, разрушения храма Парящего Духа и сме... ухода Кэтти-бри. Но то страшное утро я помню с болезненной четкостью, хотя очень многие воспоминания

о моей жизни с Кэтти кажутся далекими, словно я оглядываюсь на жизнь какого-то другого дроу, чье место я занял. То утро, когда души моей возлюбленной и Реджиса уехали из Мифрил Халла на призрачном единороге, пройдя сквозь каменные стены, покинули меня. То утро, отравленное самой сильной болью, что доводилось мне испытывать, и оставившее в моем сердце незаживающую, кровоточащую, горящую огнем рану.

Но довольно.

Этот образ я погружаю в стремительные воды памяти и не оглядываюсь на него, пока он уплывает.

Я иду вперед по открытой дороге с друзьями - старыми и новыми. Слишком долго мои клинки пребывали в покое, слишком чисты мои сапоги и плащ. Слишком беспокойна Гвенвивар. Слишком беспокойно сердце Дзирта До'Урдена.

Мы отправляемся в Гаунтлгрим, как утверждает Бренор, хотя мне это кажется безнадежным предприятием. Но по правде говоря, это не имеет значения: он уходит завершать свою жизнь, а я иду искать новые берега - чистые берега, свободные от оков прошлого, новую часть моей жизни.

Вот что значит быть эльфом.

Вот что значит быть живым. Жизнь - это наиболее мучительное испытание для рас долгожителей. Даже люди делят свои жизни на этапы, хотя редко осознают их быстротечность, переходя с одной ступени своего существования на другую. Каждый, кого я знал, обманывал себя, полагая, что текущее положение вещей будет неизменно из года в год. Так легко говорить об ожиданиях, о том, что будет лет через десять, и быть уверенным в том, что мир вокруг останется прежним или улучшится в соответствии с желаниями.

«Такой будет моя жизнь в течение года!»

«Такой будет моя жизнь в течение пяти лет!»

«Такой будет моя жизнь в течение десяти лет!»

Все мы твердо верим в эту иллюзию, стремясь облегчить себе дорогу. Но в конце этого пути, будь то год, пять лет, десять или пятьдесят, именно пройденное, а не цель, достигнутая или потерянная, определяет, кто мы. Путь - это история нашей жизни, а не успех или провал в ее конце. И наиболее важный вопрос, на который необходимо отвечать самому себе: «Какова моя жизнь сейчас?»

Я Дзирт До'Урден, некогда из Мифрил Халла, некогда изгнанник города дроу, некогда ученик удивительного мастера оружия, некогда любимый муж, некогда друг короля и других прекрасных и значительных личностей. Это реки моей памяти, утекающие теперь к далекому океану, чтобы я мог отыскать исток нового пути и свое сердце.

Я уже не ишу цели, как ни удивительно это осознавать, потому что мир вышел за рамки того, что я считал истиной. Королевства полны предчувствием повои тьмы и страхом, маня того, кто захочет изменить существующий порядок вещей.

Однажды я принесу с собой свет, чтобы рассеять тьму, но сегодня я беру клинки, так долго лежавшие без дела, и приветствую ее.

Хватит! Я излечился от раны, оставшейся после потерь!

И это ложь.

Сражения происходят все чаще, и мне это нравится.

Окружающий мир стал темнее, опаснее... Мне нравится и это.

Я окончил самый рискованный период моей жизни и, как ни странно, самый спокойный. Мы с Бренором прошли по сотням и сотням туннелей, забираясь так глубоко в Подземье, как не забирались со времен моего возвращения в Мензоберранзан. Естественно, на нашу долю выпало немало сражений, главным образом с огромными хищниками, населяющими эти места. Несколько стычек с гоблинами и орками, тройцей троллей тут, кланом огров там. Но ни разу не было серьезной битвы, как не было и настоящего испытания моим клинкам. Более того, с тех пор как мы покинули Мифрил Халл много лет назад, самым опасным оказался день, когда землетрясение едва не похоронило нас под землей.

Но теперь, я думаю, все изменилось, и мне это нравится. Со дня катаклизма, десять лет назад, когда произошло извержение вулкана, прочертившее полосу опустошения от гор до самого моря и похоронившее Невервинтер, обстановка в крае изменилась. Это событие казалось сигналом к восстанию, громким призывом для зловещих существ.

Гибель Невервинтера, в сущности, отделила Север от более цивилизованных областей, расположенных вдоль Побережья Мечей. Глубоководье оказалось в авангарде лицом к лицу с дикой местностью. Торговцы больше не путешествуют по этому краю, за исключением морских авантюристов, а прежние богатства Невервинтера притягивают искателей приключений - зачастую отвратительных и беспринципных - в разрушенный город.

Некоторые люди пытаются отстроить все заново, отчаявшись восстановить бойкую торговлю и порядок, некогда царивший в этих землях. Но сражаются они больше, чем строят. В одной руке им приходится держать плотницкий молоток, а в другой - боевой молот.

Врагов хватает: шадовары, зловещие культисты, поклоняющиеся Асмодею, разбойники-авантюристы, гоблины, гиганты и чудища - живые и мертвые.

Со времени катаклизма северное Побережье Меча, безусловно, стало темнее.

И мне это нравится.

В битве я свободен. Когда клинки разрубают порождение зла, у меня возникает ощущение, что это и есть смысл моей жизни. Много раз я думал, может ли эта внутренняя ярость быть отражением наследия, которое я на самом деле никогда не мог обмануть. Средоточие битвы, напряженность боя, наслаждение победой - может ли все это быть лишь подтверждением того, что я все-таки дроу?

И если это правда, тогда что я в действительности знаю о своей родине и своем народе? И не пародия ли я сам на столь ненавидимое мной общество, чьи корни лежат в страсти и вожделии, которых я не понял или не испытал?

Не обладают ли, со страхом думаю я, верховные матери Мензоберранзана какой-то более глубокой мудростью, неким пониманием глубинных потребностей дроу, удерживая город в состоянии непрерывного конфликта?

Это кажется нелепым, и все же, только сражаясь, я способен терпеть боль потерь. Только в битве я вновь обретаю то удовлетворение, ощущение движения вперед, к лучшему будущему.

Это удивляет меня, злит, и, как ни парадоксально, давая мне надежду на будущее, это подразумевает, что моя жизнь - бессмыслица, мираж, самообман.

Как поиски Бренора.

Я сомневаюсь, что он найдет Гаунтлгрим. Я сомневаюсь, что это место существует. И я сомневаюсь, что дворф верит или когда-либо верил в то, что найдет древний город. И все же каждый день он сосредоточенно изучает свои карты и ориентиры и не оставляет ни одну щель неисследованной. У него есть цель. Поиск придает смысл жизни Бренора Боевого Молота. Кажется даже, что такова природа этого дворфа и дворфов вообще. Эта раса все время говорит о чем-то утраченном и о возвращении былого величия.

Какова в таком случае природа дроу?

Даже до того, как я потерял их, мою любовь Кэтти-бри и моего дорогого друга полурослика, я знал, что не создан для отдыха и покоя. Знал, что я воин по натуре. Знал, что счастлив тогда, когда приключения и битвы влекут меня вперед, взывая к тем навыкам, что я совершенствую всю свою жизнь.

Теперь мне это нравится больше - из-за моей ли это боли и потери или это просто истинное отражение моего наследия?

И если все именно так, то не станет ли у меня больше причин для сражений, не потеряет ли силу кодекс, что направляет мои клинки ради того, чтобы продлить мгновения удовольствия? В какой момент, боюсь и одновременно радуюсь я, страсть к сражениям в моем сердце столкнется с моей совестью? Проще ли теперь оправдываться, выхватив клинки?

Мой истинный страх в том, что гнев выльется в безумие - мгновенно, беспричинно, жестоко.

Мой страх?

Или моя надежда?

Невервинтер

И вот я остался один. Я чувствую себя ещё более одиноким, чем после смерти Монтолио много лет назад. Более одиноким, чем тогда, когда решил вернуться в Подземье, в Мензоберранзан, покинув друзей из-за глупой веры в то, что я представляю для них угрозу. Потому как, хоть я был тогда один, но товарищи оставались со мной в моём сердце. Я точно знал, что Бренор, Кэтти-бри и Реджис живы и с ними всё будет хорошо - действительно хорошо, потому, что я оставил их.

Но теперь я совершенно один. Их больше нет, всех до единого. Мои друзья, моя семья.

Кроме Гвенвивар, разумеется. И это многое для меня значит. Она - настоящий и преданный друг, с которым всегда можно поделиться печалью и радостью. Но

этого не достаточно. Гвен может выслушать меня, но что я услышу в ответ? Она может разделить мои победы, радости и испытания, но не разделит со мной свои. Познав любовь друзей и семьи, я не смогу заставить себя верить в то, что общества Гвенвивар мне будет вполне достаточно, как тогда, когда я только ушёл из Мензоберранзана.

Моя дорога увела меня из Гаунтлгрима, как когда-то заставила покинуть Мифрил Халл, и вряд ли я когда-нибудь вернусь - во всяком случае, не для того, чтобы взглянуть на могилу Бренора Боевого Молота. Точно также мне не нравилось ходить на могилы Кэтти-бри и Реджиса. Однажды мудрая эльфийка объяснила мне бессмысленность подобных вещей. Она говорила, что нужно воспринимать жизнь, как череду фрагментов. Это великий дар - видеть рассвет и закат веков, но он может стать и проклятьем. Немногие эльфы заводят партнёра на всю жизнь, как это принято у людей, ибо радость от такой дружбы будет недолгой, а горе тяжким грузом ляжет на сердце на сотню, а может и две сотни лет.

«Относись к прощанию с друзьями, как к перерождению, - говорила Иновиндиль. - Отпускай бывшее и отправляйся в новый путь. Не забывай потерянных друзей, семью, любимых, но не позволяй памяти о них мешать строить новые отношения».

Не раз я вспоминал слова Иновиндиль за последние десятилетия. Сперва, когда Вульфгар покинул Мифрил Халл, затем, когда не стало Кэтти-бри и Реджиса. Я повторял их, словно заговор от ярости, боли, печали... напоминание, что ещё исхожены не все дороги.

Но теперь я знаю - то был лишь самообман.

Я не смог отпустить дорогих сердцу друзей. Я не смог отказаться от надежды, что когда-нибудь снова разрушу логово гигантов вместе с Вульфгаром, или летним днём буду сидеть возле удыщего рыбу Реджиса на берегу Мер Дуалдона, или же проведу ночь в тёплых объятиях Кэтти-бри. Я попросил Джарлакса найти их не потому, что действительно верил в его успех, но потому, что был не в силах отказаться от призрака надежды, что смогу вновь испытать те маленькие радости, которые когда-то заставляли меня улыбаться.

А теперь ушёл и Бренор, и Компаньонов из Халла больше нет.

Я был с ним в его последние мгновения. Это был конец. Это был финал. Только вера Бренора поддерживала во мне мечту вновь увидеть Кэтти-бри и Реджиса, и даже Вульфгара, живыми. Лишь его решимость и стойкость заставляли меня верить, что каким-то волшебным образом, они всё ещё могут быть рядом с нами. Путешествие в Долину Ледяного Ветра пошатнуло во мне эту веру (и, безусловно, стало одной из причин, по которой Бренор перестал бороться за жизнь). А тот крохотный огонёк надежды, что ещё тлел в моём сердце, погас в тот миг, когда мой друг вздохнул в последний раз.

И вот я один. Жизнь, которую я знал, подошла к завершению.

Вне всяких сомнений, я чувствую грусть, сожаление о том, чему уже не суждено посториться. Мне постоянно хочется обратиться к Бренору, поведать ему обо всём, что со мной приключилось, но каждый раз я вспоминаю, что его больше нет. И в такие моменты я ощущаю острую боль.

Но есть кое-что ещё, нечто неожиданное, удивительное, сбивающее с толку и даже заставляющее испытывать чувство вины.

Меня действительно терзает вина и страх, порой я чувствую себя последним подонком.

И всё же этого нельзя отрицать.

Как только я оставил за спиной Гаунтлгрим и могилу короля Бренора Боевого Молота, помимо боли, гнева, беспомощности, воспоминаний о произошедшем и терзаний о несделанном, было ещё... облегчение.

Мне стыдно признаться в этом, но отрицать свои чувства - всё равно, что лгать, даже хуже - лгать самому себе. Наконец-то я понял, что всё закончилось. Настало время оставить прошлое позади и двигаться вперёд. Пришло время, как объясняла мне когда-то Иновиндиль, начать всё заново.

Конечно, я вовсе не рад, что Бренор остался в прошлом. Как и Тибблдорф Пуэнт, раз уж на то пошло! Лучше друга, чем Бренор, мне не найти никогда, и я всем сердцем желаю, чтоб он хоть на одно мгновение снова оказался рядом.

Но всё же, я чувствовал облегчение. Я был готов отпустить Кэтти-бри, Реджиса и Вульфгара - но не забыть их! Я никогда не забуду их, никогда не захочу забыть их! Они навсегда останутся в моём сердце и будут с Дзиртом До'Урденем, куда бы он не пошёл. Но я смирился с потерей - моей потерей - много лет назад, и только упорство старого дворфа, не желавшего отпускать друзей, верившего, что прежние времена ещё можно вернуть, заставляло меня жить прошлым.

Теперь я один. И я свободен? Какая отвратительная мысль! Как подло с моей стороны видеть только перспективы для моей новой, третьей жизни, помня о жестоких уроках первой в Мензоберранзане и о счастливой второй, с моими Компаньонами из Халла. Ныне, испытав на себе жестокость кнутов матрон и познав любовь друзей, я понял, что правильно и чего не должно быть в этом мире. И как вторая жизнь превзошла радости и печали первой, может так же и моя третья жизнь станет лучше предыдущей?

Я не знаю, и только теперь по-настоящему понимаю, как мне повезло найти столь удивительных спутников, как те четверо. Посчастливится ли мне вновь обрести таких друзей, готовых пожертвовать ради меня всем? Полюблю ли снова? И если да, то сумею ли испытать то же, что испытывал с Кэтти-бри?

Этого я не знаю, но не страшусь открытий. Теперь я волен идти своим путём, с открытыми глазами и сердцем, без сожалений и с осознанием того, каким благословением для меня были друзья.

Но есть ещё одна свобода: впервые за долгое время я свободен от гнева. Это странно. Я чувствую, что злость, так долго ожесточавшая меня, державшая в напряжении, наконец, ушла.

Из-за этого я тоже чувствую вину, и, возможно, мои новые спутники будут часто замечать, как я растерянно бормочу что-то. Может, я просто обманываю себя. Возможно, потеря Бренора принесла меня такую боль, которую вынести уже невозможно, и вместо неё я заставляю себя чувствовать нечто совершенно иное.

Возможно да.

Возможно, нет.

Я могу только пожимать плечами и удивляться.

Я могу только чувствовать и принимать это как данность.
Теперь я один.
Теперь я свободен.

Уже давно мне приходило в голову, что я рождён для действий, битв и приключений. Во времена мира и спокойствия, как и мой друг Бренор, я тоскую по открытой дороге, где правят бандиты и бродят дикие орки. На протяжении многих лет я живу битвами и приключениями. Признаюсь, я испытал трепет, когда Король Бренор так легко решил отречься от престола и отправиться на поиски легендарного Гаунтлгрима.

Потому что в этих поисках мы нашли открытую дорогу, дикие земли, приключения, и, разумеется, сражения.

Но чего-то не хватало. Я не мог полностью осознать это, не мог правильно сформулировать, теперь же, спустя долгое время, возвращаясь к первым дням правления Короля Бренора в Мифрил Халле, я понимаю, что отсутствовали острые края, те самые, что царапают мою кожу и дают ощущение полноты жизни.

Любой, кто когда-либо стоял на краю обрыва, поймет это. Можно наслаждаться видом, открывавшейся панорамой, но нельзя не чувствовать волнение от того, что твоя жизнь - часть чего-то большего и грандиозного, словно каким-то образом душа уносится ввысь к звёздам, чтобы присоединится к непостижимым просторам вселенной.

На фоне всей этой красоты и впечатляющего величия ветер завершает общую картину ощущений, особенно кружащий и налетающий порывами морской бриз. С этими ощущениями приходит величайшее подтверждение жизни: чувство страха, признание того, каким мимолетным может быть наше существование.

Когда я стою на краю обрыва, на грани катастрофы, склонившись против ветра, я чувствую себя по-настоящему живым. Я должен быть быстрее, чтобы перестраиваться под ветер и сохранять свой баланс, менять точку опоры одновременно с порывами ветра; если я хочу остаться на краю обрыва, и, соответственно, остаться в живых, то я должен быть быстрее, чем все прихоти ветра.

В прошлом я упорно связывал себя с битвами и приключениями, всегда направлял свой взор к открытой и полной опасностей дороге, но совсем недавно ко мне пришло понимание того, чего мне действительно не хватает: риска и острых ощущений.

Страха перед риском, края этого высокого обрыва. Не самого риска, поскольку он был всегда, а волнения от ощущения риска ...

По правде говоря, это случилось во время моей полночной поездки из Лускана, только тогда я понял, как долго не испытывал этих острых ощущений.

Когда я впервые покинул Далию, я боялся за неё, но страх рассеялся почти сразу, на его место пришло ощущение непобедимости, которого я не знал десятилетиями, а возможно и целый век! Я знал, что преодолею охраняемую стену Лускана, что найду

Бениаго, знал, что заставлю его подчиниться. Я знал, что я одержу победу. Я знал, что буду быстрее, чем порывистый ветер.

Почему?

Риск был всегда, сейчас я понимаю это, но на протяжении стольких лет волнение от риска было вовсе не из-за неприемлемой цены поражения. Цена обладания друзьями, настолько дорогими и любимыми, это ... уязвимость.

Я даже допускаю, что ветер мог сдуть Дзирта До'Урдена с обрыва. Такая цена не слишком высока. Но наблюдать, как Кэтти-бри падает у меня на глазах?

Тогда я не непобедим. Тогда это просто риск, а не острые ощущения от жизни на краю обрыва.

Не более.

Потому что по дороге в Лускан я был непобедим. Стены не могли остановить меня. Бениаго не мог остановить меня.

И теперь я понимаю - потеряв своих друзей, свою семью, свой дом, я потерял также и свою уязвимость, но я вернул назад острые ощущения опасности, свободу не только ходить по краю бездны, но и танцевать там, насмехаясь над ветром.

Что за странная ирония.

Но что тогда значат мои развивающиеся отношения с Далией?

Она очаровывает меня. Она дразнит меня каждым движением и каждым своим словом. Она манит меня туда, где я ещё не был!

Во время моего путешествия, с безудержным восторгом, трепетом от приключения, полного сражений и, конечно, риска, я знал, что она выживет. Я знал это! Даже когда всё кричало о том, что яд убьёт её задолго до моего возвращения из Лускана, где-то глубоко в душе я просто знал, она не будет потеряна для меня. Не сейчас, не так. Её судьба не могла быть написана таким образом; её смерть не могла быть такой грубой и обыденной.

Но что, если я ошибался? Что, если бы её забрали у меня, как остальных до этого? Безусловно, Далия танцует ещё более дико на краю того обрыва, чем я. Она бесстрашна вплоть до безрассудства – за короткое время я хорошо узнал её, я видел это очень ясно.

И всё же этот риск не пугает меня.

Я не хочу, чтобы она умерла. Обаяние, привлекательность, всё это слишком сильно и реально. Я хочу узнать её, понять её. Я хочу кричать на неё и в то же время целовать. Я хочу испытать её в бою и в страсти.

Она настолько же непредсказуема, насколько эротична, она изменяет интонации своего голоса так же легко, как меняет свой внешний вид. Думаю, что игра, в которую она играет, это способ вывести друзей и врагов из равновесия. Но я не уверен, и это тоже часть её бесконечного соблазнения. Она дразнит меня своим непредсказуемым поведением, или Далия действительно непредсказуема? Она актёр или только роль?

А возможно, есть и третий вариант: я так отчаянно нуждаюсь в ответе, кто же этот непредсказуемый доппельгангер, что ищу слишком много смысла в каждом её слове. Возможно, я ищу, и лишь потому вижу, глубокий смысл в её намерениях, и пытаюсь отыскать ключи к её сердцу?

Тщательно охраняемому сердцу. Но почему?

Ещё одна загадка, которую необходимо разгадать ...

Я знал, что она не будет потеряна для меня, но как? Как мои инстинкты полностью побороли мой разум? Учитывая всё, что произошло в моей жизни, не должен ли я был ожидать наихудшего варианта развития событий относительно Далии? С учётом потерь, что я пережил, не должен ли я бояться именно подобных отчаянных ситуаций?

И всё же я не боялся. Я упивался ночной поездкой, приключением и острыми ощущениями от риска.

Может, это привычки Далии, её развязность, её собственное бесстрашие повлияли на моё сердце? Или, возможно, я люблю её не так, как любил Кэтти-бри или Бренора, Вульфгара и Реджиса?

Мне интересно – что, если это нечто иное? Возможно, уроки Инновиндиль проникли в меня гораздо глубже, чем я думал. Это вполне логично, я понимаю точку зрения Инновиндиль, что мы, эльфы, должны проживать свою жизнь маленькими фрагментами из-за того, что бок о бок живём с расами, чьи жизни гораздо короче наших собственных. Но возможно ли, что уроки Инновиндиль зародили во мне уверенность, что я смогу двигаться дальше, что передо мной лежит дорога? И хотя те, кого я глубоко люблю, ушли от меня, я найду других, чтобы разделить с ними свой путь и сражения?

Я надеюсь, это так, а возможно есть ещё кое-что. Возможно, каждая потеря закаляет моё сердце и делает неспособным чувствовать боль. Потеря Бренора ужалила меньше, чем потеря Кэтти-бри и Реджиса, и меньше, чем знание того, что Вульфгар тоже, несомненно, ушёл. Есть и другие причины. Последние слова Бренора: “Я нашёл его, эльф” отражали жизнь, полную приключений, я уверен в этом. Мог ли просить дворф большего, чем знал король Бренор Боевой Молот? Его последний бой один на один, его победа над дьяволом ямы с помощью сил древних королей дворфов, безусловно, наполнила бы до отказа сердце любого дворфа.

Поэтому я не оплакиваю Бренора, хоть и скучаю по нему не меньше, чем по всем остальным.

Получается, здесь нет единого ответа. Жизнь – это сложное путешествие, и некоторые создают связи от чувств к последствиям, от последствий к ожиданиям. Несомненно, я буду стараться распутать это всё, ведь такова моя натура, но в итоге я остался с одной неизбежной истиной: радость от ночной поездки, переговоры с Бениаго при помощи скимитаров, безрассудные приключения.

Острые ощущения на краю обрыва.

Это твоё обещание Дзирту До’Урдону, моя леди Далия, эротичная и непредсказуемая.

И это ваше наследие Дзирту До’Урдону, мои старые Компаньоны из Халла.

Ты видишь меня сейчас, Кэтти-бри?

Ты видишь меня сейчас, Бренор?

Ты видишь меня сейчас, Реджис?

Ты видишь меня сейчас, Вульфгар?

Потому что я вижу вас. Вы идёте со мной. Вы каждый день в моих мыслях, все четверо, и я вижу, как вы улыбаетесь, когда улыбаюсь я, и хмуритесь, когда мне больно. Я верю в это, и чувствую это.

Я молюсь об этом.

Коготь Харона

Я проживаю второе столетие своей жизни, и всё же мне кажется, будто земля под моими ногами – зыбучие пески. Пройдя столько путей, я уверен в себе не больше, чем много десятилетий назад, когда впервые свободным покинул Мензоберранзан – по правде говоря, неуверен даже больше, потому что тогда мои эмоции основывались на чётком ощущении правильного и неправильного, вполне определённом понимании отличий между правдой и ложью.

Возможно, моя уверенность была основана исключительно на отрицательном опыте; когда я осознал истину города Мензоберранзан обо мне, я знал, что не смогу принять, знал, что не найдёт отклика в моём сердце и в душе, и задался вопросом понятия лучшей жизни, лучшего пути. И дело было отнюдь не в том, что я знал, чего хотел, потому что любое подобное понимание возможностей за пределами кокона Мензоберранзана определённо было за гранью моего жизненного опыта.

Но я знал, чего не хочу и что не смогу принять.

Ведомый этим внутренним компасом морали, я проложил свой путь, и моя вера только укреплялась благодаря друзьям, которых я нашёл – родных не по крови, но по духу.

И я прожил жизнь, хорошую жизнь, как мне кажется, с твёрдой верой в правое дело, которая направляла мои клинки. Конечно, бывали времена сомнений, и много ошибок на пути. Рядом оказывались друзья, возвращавшие меня на верный путь, шедшие рядом и поддерживавшие меня, укреплявшие мою веру в то, что общность лучше, чем одиночество, что есть цели более высокие и благородные, нежели простой гедонизм, столь распространённый на моей родине.

Теперь я стал старше.

Теперь, снова, я не знаю.

Потому что обнаружил себя втянутым в конфликт, которого не понимаю, и где обе стороны кажутся мне в равной степени неправыми.

Это не Мифрил Халл, охраняющий свои владения от мародёрских набегов орков. Это не гарнизон Десяти Городов, отбрасывающий нападения полчищ варваров или сражающийся с монстрами, подчиняющимися Акару Кесселлу. Во всём Фаэруне теперь конфликты, тени, неразбериха и чувство неполной победы. Мир стал темнее, и окружает его темнота, так что могут возникнуть и тёмные законы.

Я тоскую по простоте Долины Ледяного Ветра.

Но здесь, в более заселённых землях, есть Лускан, полный предательства, обмана и необузданной жадности. Боюсь, по всему материку разбросаны сотни таких «Лусканов». В последовавшей суматохе послечумных лет, возвращения Империи Нетерил и возвышения шейдов, равно как и распространения тьмы Царства Теней по всему Фаэруну, такие места не могли остаться не затронутыми. Кто-то видит в

хаосе врага, которого необходимо победить и укротить; другие, как я знаю по опыту ранних лет, видят в хаосе возможность для личной выгоды.

По всему Северу разбросаны сотни общин и деревень, жизни чьих обитателей зависят от гарнизонов городов, которые не придут на помощь. В действительности под пятой деспотов и тиранов, или тех же высших капитанов Лускана, все эти селения зачастую становятся добычей тех самых городов, которые должны были их защищать.

Здесь, на Севере, есть Много – Стрел, орочье королевство, потом и кровью созданное королём Обальдом на землях Серебряных Пустошей в давно забытой войне - хотя даже сейчас, по прошествии целого столетия, Много– Стрел остаётся своего рода испытанием, попыткой создать нечто ранее не виданное и чьи последствия невозможно предсказать. Что сделал король Бренор, подписав Соглашение Ущелья Гарумна: положил конец войне или же просто отсрочил начало ещё одной, более страшной?

И подобные заблуждения, подобные вопросы будут возникать, боюсь, всегда.

Но лишь до тех пор, пока я в очередной раз не обнажаю клинки, и это горькая истина о том, кем я стал. Когда в моих руках оружие, немедленно разгорается битва с единственной целью - выжить. Когда-то мою руку направляла более великая цель, которая на деле есть не что иное, как морок, который тоже, подобно всем великим рекам, обратится в пыль, сухой песок.

Я живу на земле со множеством Акаров Кесселлов, но лишь немногие места, похоже, стоят того, чтобы их защищать!

Возможно среди жителей Невервинтера существует такая же величественная защита, которую я чувствовал в Десяти Городах. Но и они находятся в триаде интересов – тэйцев с их полчищами нежити, нетерезов, и других личностей, не менее эгоистичных и безжалостных. Несомненно, не менее несправедливых.

Как мог я позволить втянуть себя в ту пучину, которая грозит поглотить весь Невервинтер? Как мог я сражаться с такой непоколебимой уверенностью в том, что действительно бьюсь за правое дело, ради доброго народа?

Я не могу этого сказать с уверенностью. Не сейчас. Не когда тут замешаны чьи-то тёмные интересы.

Но похоже, что меня более не окружают друзья с такими же устремлениями. Если бы это играло роль только для одного меня, я бы сбежал из этих земель, может, в Серебряные Пустоши, где ещё (я надеюсь) сохранилась надежда и чистота помыслов. В Мифрил Халл или Серебристую Луну, которые всё ещё держатся за идеалы Бренора Боевого Молота и леди Аластриэль. А может, и в Глубоководье, до сих пор, словно маяк, озаряющее тьму - где лорды до сих пор восседают в совете на благо собственного города и его жителей.

Но Далию не уговорить уехать. Что-то здесь присутствует, некая старая неприязнь, которая находится далеко за пределами моего понимания. Я последовал с ней за Силорой Салм добровольно, сводя с колдуньей свои счёты, как Далия – свои. И мне придётся пойти до конца, когда я или останусь с ней, или отступлю в сторону, если она не захочет пойти со мной.

Когда Артемис Энтрери упомянул это имя, Херцго Алегни, в Далии поднялся такой гнев, и такая грусть, что она не станет слушать ни о какой другой цели.

Как и не станет слушать о каких-либо задержках, хотя очень скоро нас накроет зимней толщей. Боюсь, никакая буря не замедлит её; никакой снег не будет достаточно глубоким, чтобы упрямая Далия не прошла через него в Невервинтер, туда, куда она должна идти, чтобы найти этого нетерезского лорда, этого Херцго Алегни.

Я считал ее ненависть к Силоре Салм глубокой, но нет, теперь я знаю, она не выдержит сравнения с отвращением Далии к этому тифлингу, военачальнику нетерезов. Она убьёт его, так она говорит, и когда я пригрозил оставить ее на произвол судьбы, она и глазом не моргнула, не колебалась, и не особо озаботилась нежными прощаниями.

Таким образом я снова втянут в конфликт, которого не понимаю. Возможно ли найти праведный курс в нём? Есть ли хоть какая-то мера добра и зла между Далией и шадоваром? По словам Энтрери, этот тифлинг – абсолютный зверь, и заслуживает жестокой смерти, и, конечно, репутация Нетерила поддерживает эту идею.

Но неужели я настолько забыл о том, каков мой собственный путь, если готов следовать словам Артемиса Энтрери? Неужели я так долго жил порознь с собственным чувством правоты, правильности, вдали от действительно хороших людей, что всё, в конечном счёте, свелось к этому?

Пески текут под моими ногами. Я обнажаю свои клинки, и в отчаянии боя я буду владеть ими, как делал это всегда. Мои враги не будут знать волнений моего сердца, растерянности из-за того, что передо мной нет чёткого пути морали. Они узнают только укус Ледяной Смерти, вспышку Мерцающего.

Но я буду знать правду.

Интересно, является ли мое нежелание сталкиваться с Алегни отражением недоверия к Далии? Она уверена в выбранном ею курсе – более уверенна, чем я когда-либо видел ее, или кого-то другого, если на то пошло. Даже Бренор в его давних поисках ради возвращения Мифрил Халла не шёл к цели столь решительно. Она убьёт этого тифлинга, или умрёт сама в попытке этого добиться.

Неужели из меня настолько ужасный друг и спутник, раз я не готов идти до конца?

Но я не понимаю. Я не вижу отчётливо путь. Я не знаю, какому благу я служу. Я не сражаюсь в надежде улучшить свой уголок мира.

Я просто сражаюсь.

На стороне Далии, которая интригует меня.

На стороне Артемиса Энтрери, казалось бы.

Может быть, в другом веке я вернусь в Мензоберранзан, но не как враг, не как завоеватель, не для разрушения структур общества, которое считал самыми мерзкими.

Может быть, я вернусь потому, что принадлежу ему.

Всё это - мой собственный страх о потраченной впустую жизни из-за того, что я рождён иным. И весь этот страх, вся эта жизнь порождены наивными недостижимыми идеалами, больше присущими невинному ребёнку, который верит, что есть нечто большее.

Мысли плавно текут перед моим внутренним взором, подобно скользящим змеям, сплетаясь друг с другом и расплетаясь вновь, всегда только вперёд, извивающиеся и стремительные, вне досягаемости.

Погружаются вглубь, в тёмные воды, куда я не могу следовать.

Одна из наиболее распространённых истин жизни та, что все мы принимаем как само собой разумеющееся вещи, которые окружают нас. Супруг ли это, друг, семья или дом, после того, как проходит достаточно времени, этот человек, место или ситуация становятся общепринятой нормой нашей жизни.

Но до тех пор, пока мы не сталкиваемся с неожиданным, до тех пор, пока обыденное не исчезает, мы не начинаем по- Настоящему ценить то, что у нас было.

Я уже говорил об этом, я постиг это, я прочувствовал это так много раз...

Но я снова оказался выбитым из равновесия, и змеи скользят мимо, поддразнивая меня. Я не могу схватить их, не могу разделить их переплетённые тела.

Это как с больным человеком, который должен внезапно предстать перед фактом смертности, когда парализующие кандалы концепции вечности разорваны. Когда время сокращается, каждое мгновение кристаллизуется в значимость. В своих странствиях я встречал нескольких людей, которые, узнав о своей скорой кончине, твердили мне, что их болезнь была величайшим событием их существования, настаивали на том, что цвета стали более яркими, звуки более чёткими, выразительными и приятными, а дружеские отношения более располагающими.

Когда привычная рутина разбивается вдребезги, человек начинает жить полной жизнью, как ни парадоксально, учитывая, что катализатором, так или иначе, является неизбежность смерти.

Но, несмотря на знания, несмотря на наш жизненный опыт, мы не можем подготовиться.

Я почувствовал эту рябь на спокойном озере, в которое превратилась моя жизнь, когда Кэтти-бри поразила Магическая Чума, а затем, ещё более глубоко, когда её и Реджиса забрали у меня. Все мои чувства пронзительно кричали; так не должно было случиться. Так много событий было просеяно через тяжелый труд и испытания, что мы, четверо оставшихся Компаньонов из Халла, были готовы для должного и справедливого вознаграждения: приключений и отдыха на наш выбор.

Я не знаю, воспринимал ли я двух этих дорогих друзей как должное, но их неожиданная и внезапная потеря, безусловно, взорвала спокойствие тихих вод, окруживших меня.

Озеро, наполненное бурными встречными течениями и извивающимися змеями противоречивых мыслей, скользящими повсюду. Я помню своё смятение, свою ярость, беспомощную ярость ... Я ухватился за Джарлакса потому, что мне нужно было за что-то держаться, за некий прочный объект и твёрдую надежду, чтобы не дать течению унести меня прочь.

Так и с уходом Вульфгара, чьё решение оставить нас, на самом деле, не было неожиданным.

Так же и с Бренором. Мы прошли путь вместе, и знали, что он закончится так, как закончился. Вопрос был только в том, он или я умру первым на острие вражеского копья.

Я чувствую, что уже очень давно оградил себя от этой ошибки просто принимать прошлое с ложным убеждением, что оно всегда будет существовать.

Почти в любой ситуации.

Почти, кактеперь я понимаю.

Я говорю о Компаньонах из Халла, словно нас было пятеро, затем четверо, когда Вульфгар ушёл. Даже сейчас, когда осознаю свою ошибку, я обнаружил, что кончики моих пальцев всё так же вывели: “нас четверо.”

Нас было не пятеро, в те ранние дни, а шестеро.

Нас было не четверо, когда Вульфгар ушёл, а пятеро.

Мы остались не вдвоём, когда у нас забрали Кетти-бри и Реджиса, а втроём.

И та, кого я редко принимаю во внимание, та, кого, боюсь, я слишком часто воспринимаю как должное, является одной из наиболее близких сердцу Дзирта До'Урдена.

И теперь змеи возвращаются, вдесятеро больше, сплетаясь вокруг моих ног, всё так же вне досягаемости. И я шатаюсь, потому что под ногами у меня не твёрдая почва, а зыбкие пески под грохочущими волнами, потому что равновесие, которое я знал, было вырвано у меня.

Я не могу призвать Гвенвивар.

Я не понимаю – Я не потерял надежду! – но впервые, держа ониксовую статуэтку в руках, пантера, моя дорогая подруга, не явится на мой зов. Я не чувствую её присутствия, не слышу, как она взывает ко мне сквозь планы миров. Она прошла с Херцго Алегни в Царство Теней, или куда-то ещё, растворившись в чёрном тумане на крылатом мосту Невервинтера.

Я ощутил дистанцию вскоре после этого, обширное пространство между нами, слишком большое, чтобы дотянуться с помощью магии идола.

Я не понимаю.

Разве Гвенвивар не была вечна? Разве не была она сутью пантеры? Конечно же, такая сущность не может быть уничтожена!

Но я не могу призвать её, не могу услышать, не могу почувствовать её рядом с собой и в своих мыслях.

Что же это тогда за дорога, на которой я очутился? Я следовал тропой мести рядом с Далией – нет, за Далией, можно ни капли не сомневаться, что именно она руководит моими шагами. Так я пересёк лиги, чтобы убить Силору Салм, и я не могу считать это ошибкой, потому что именно она освободила предтечу и посеяла разруху в Невервинтере. Вне всяких сомнений, победа над Силорой была справедливым и достойным делом.

И вот снова я побывал в Невервинтере, чтобы отомстить этому тифлингу, Херцго Алегни – а я даже не знаю, за какое преступление. Стоит ли мне оправдать свою битву знанием того, что он поработил Артемиса Энтрери?

Могу ли я в том же духе оправдать освобождение Артемиса Энтрери? Возможно, его порабощение было в действительности тюремным заключением, расплатой за дурной образ жизни. Не был ли тогда Алегни просто тюремщиком, которому поручили контролировать убийцу?

Могу ли я знать?

Я качаю головой, когда осмысливаю реальность, где я вступил в любовную связь с эльфийкой, которую не понимаю. И с той, что, без сомнения, совершала деяния, за которые я бы никогда к ней добровольно не примкнул. Вникнуть в прошлое Далии значило бы открыть многое, я боюсь – слишком многое, и поэтому я решил не пробовать.

Пусть всё остаётся так, как есть.

Так же и с Артемисом Энтрери, за исключением того, что я решил просто дать ему возможность искупить вину, чтобы смириться с тем, кем он был и каким он был. И надеюсь, что рядом со мной он, возможно, станет лучше. У него всегда был кодекс чести, чувство правильного и неправильного, хотя ужасно извращённое через призму его затуманенных болью глаз.

Не глупец ли я? С Далией? С Энтрери? Дурак по расчёту? Одинокая душа, дрейфующая в слишком обширных и бурных водах? Растревоженное сердце, слишком израненное, чтобы сохранить надежды – теперь я знаю – несбыточные?

Вот он, камень преткновения для самых мрачных мыслей.

Эти вопросы я хотел бы задать Гвенвивар. Конечно, она не смогла бы ответить мне, но вместе с тем, она, конечно, ответила бы. Своими глазами, своим открытым взглядом, своим искренним вниманием, напоминая мне заглянуть в свою душу с такой же честностью.

Рябь, волны, бурные встречные течения вздымают и бросают меня, крутят во все стороны, и я не могу твёрдо встать на ноги и определить нужное направление. Мне следовало бы опасаться, что эти неожиданные повороты, эти метания по сторонам налево и направо, происходят не по моему собственному выбору.

Следовало бы, но тем не менее я не могу отрицать, что всё это очень захватывает: Далия, более дикая, чем дорога; Энтрери, связь с иной жизнью в другом мире и времени. Присутствие Артемиса Энтрери, конечно, усложняет мою жизнь, но при этом возвращает меня в те простые времена.

Я слышал, как они поддразнивают друг друга, и видел, какими обмениваются взглядами. Они очень похожи, Энтрери и Далия, чего не скажешь обо мне. Они разделяют что-то, чего я не понимаю.

Сердце подсказывает мне, что я должен оставить их.

Но это – далекий голос, такой же далёкий, возможно, как Гвенвивар.

Последний порог

Не думал, что такое возможно, однако мир вокруг меня становится всё более серым и запутанным.

Сколь явной была разница между светом и тьмой, когда я впервые вышел из Мензоберранзана. Сколь преисполнен был я праведной веры, даже когда моё будущее было покрыто мраком. Я мог стукнуть кулаком по камню и заявить: “Это правильно, а это неправильно! Так в мире всё встаёт на свои места,” - с полной уверенностью и внутренней удовлетворённостью.

И теперь я странствую с Артемисом Энтрери.

И теперь моя любовница - женщина, которая...

Грань между светом и тьмой становится всё тоньше. То, что раньше казалось абсолютно понятным, быстро превращается в сбивающий с толку туман.

В котором я блуждаю со странным чувством отрешённости.

Конечно, туман этот был всегда. Изменился не мир, а только моё восприятие. Всегда были, есть и будут воры, такие как фермер Стайлс и его шайка разбойников. По букве закона они действительно преступники. Но разве чаша весов порока не склонилась сильнее к самым ногам феодалов Лускана и даже Глубоководья, чьё общественное устройство ставит мужчин, подобных Стайлсу, в безвыходное положение? Они промышляют на дорогах, чтобы выжить и поесть, влача нищенское существование на границе цивилизации, которая забыла, и даже более того, отринула их!

Так, на первый взгляд, эта дилемма кажется очевидной. Однако, когда Стайлс и его банда действуют, разве они не совершают насилие, не нападают и, возможно даже, не убивают? Разве они просто мальчики на побегушках у своих кукловодов - в равной степени отчаявшихся людей, действующих внутри разобщённых структур этого общества, чтобы прокормиться?

Где же тогда опрокинулась чаша весов морали?

Но наверно, для меня самого важнее выбрать, где бы я мог лучше всего следовать принципам и истинам, которыми очень дорожу?

Должен ли я стать одиночкой, заботясь о своих личных нуждах так, как считаю правильным и справедливым? То есть отшельником, живущим среди деревьев и зверей, сродни Монтолио де Бруши, моему давно потерянному наставнику. Это был бы самый лёгкий путь, но будет ли этого достаточно, чтобы умиротворить сознание, давно поставившее общество выше отдельной личности?

Или я должен стать крупной фигурой в небольшом пруду, где каждое моё движение, продиктованное совестью, посылает волны на окружающие берега?

Я думаю, оба этих варианта подходят, чтобы описать мою жизнь, как на сегодняшний день, так и за последние десятилетия рядом с Бренором и Тибблдорфом, Джессой и Нанфудлом, когда наши проблемы были нашими собственными. А наши личные нужды, по большей части, стояли выше окружающего общества, когда мы искали Гаунтлгрим.

Рискну ли я броситься в озеро, где мои волны превратятся в рябь, или в океан общества, где эта рябь вполне может стать неразличимой среди приливов доминирующих цивилизаций?

Где, я хочу, но страшусь узнать, кончается высокомерие и наступает реальность? Это опасность постижения слишком высока, или я скован страхом, который будет удерживать меня в самом низу?

Я снова окружил себя могущественными спутниками, хотя по своим моральным качествам они не идут в сравнение с моей предыдущей командой, и их гораздо труднее контролировать. Я почти уверен, что вместе с Далией и Энтрери, с этой занимательной дворфой, называющей себя Серая Амбра, и с этим монахом с выдающимися способностями, Афафренфером, мы могли бы убедительно вклиниться в решение самых тягостных проблем в регионе более широком, чем северная часть побережья Меча.

Но я не сомневаюсь, что это рискованно. Я знаю, кем был Артемис Энтрери, и могу только надеяться, кем он будет теперь. Далия, несмотря на все те качества, которые интригуют меня, опасна, и её преследуют демоны, суть которых я только начинаю постигать. А теперь, с появлением этого странного молодого тифлинга, вызвавшего в её сознании опасный беспорядок, рядом с ней я чувствую себя ещё более потерянным.

Серая Амбра - Амбра Гристл О'Мол из Адбарских О'Молов - ей можно было бы доверять больше всех. И всё же, когда мы встретились впервые, она была частью группы, помогающей действительно тёмным силам, пришедшей убить меня и захватить Далию. И Афафренфер... ну, я просто не знаю.

Что я точно знаю, понимая суть своих спутников, это то, что с точки зрения моих моральных обязательств перед истинами, которыми я очень дорожу, я не могу следовать за ними.

В то же время, другой вопрос - могу ли или должен ли я убедить их следовать за собой.

Свобода. Я часто говорю об этом понятии, и так же часто, оглядываясь назад, я неизменно прихожу к пониманию, что меня сбивает с толку значение этого слова. Сбивает с толку или приводит к самообману.

- Теперь я остался один, я свободен! - провозгласил я, когда остывшее тело Бренора легло под камни кургана в Гаунтлгриме.

И затем я поверил в эти слова, потому что не понял: похоронив внутри своё замешательство за битвой теней и солнечного света нового мира вокруг меня, в действительности я был крепко скован своими собственными неразделёнными чувствами. Возможно, я стал свободен, чтобы быть несчастным, но, оглядываясь назад на те первые шаги из Гаунтлгрима, это могло казаться мерилom свободы.

Я стал подозревать о существовании этой скрытой истины, и поэтому настоял на путешествии на север, в Порт Лласт.

Я посмел надеяться, что оказался прав в своей оценке и планах, когда эта миссия близилась к завершению, и мы выступили в поход из Порта Лласт.

Но всем моим надеждам и ожиданиям не суждено было сбыться до тех пор, пока караван, возглавляемый мной и фермером Стайлсом, не подошёл к воротам Порта Лласт. Тогда я полностью осознал факт существования этого лёгкого недовольства, которое двигало меня вперёд. Я спрашивал себя: "Какую бы дорогу я выбрал?" - но этот вопрос был абсолютно неуместным.

Потому что дорога, которую я выбрал для себя, определяет мои действия, а не наоборот.

Если бы я не ушёл в Порт Лласт и не попытался помочь, если бы не вспомнил о судьбе фермера Стайлса и многих других, я так бы и не обрёл ясности в своём сердце. Нет более крепких оков, чем самообман. Тот, кто отрекается от своего сердца, опасаясь за последствия, относится ли это к физической опасности, или к неуверенности в себе, или просто к возможности подвергнуться остракизму, тот не свободен. Действуя наперекор своим ценностям и убеждениям, наперекор тому, что считаете правильным и истинным, вы создаёте тюрьму крепче той, что с адамантовыми прутьями и толстыми каменными стенами. Каждый поступок, ставящий выгоду выше голоса совести, навешивает ещё одну тяжёлую цепь, которая веки вечные как якорь тащится позади.

Пожалуй, я не ошибся, провозгласив о своей свободе после того, как этот мир покинул последний из моих друзей. Но, несомненно, это была только часть моего пути. Теперь у меня нет обязательств ни перед кем, кроме себя, но следовать обязательствам своего сердца для меня важнее всего.

Поэтому и теперь я вновь говорю, что я свободен. И говорю это с уверенностью, поскольку сейчас я снова признаю и принимаю то, что живёт в моём сердце, и осознаю те убеждения, которые выступают самым верным ориентиром на этом пути. Мир может быть раскрашен в различные оттенки серого, но мне не сложно различить грань между добром и злом, и никогда не было. И когда этот принцип сталкивается с установленным законом, к дьяволу такой закон!

Никогда я не был так целеустремлён, как в своём путешествии для поиска и возвращения фермера Стайлса и его банды. Никогда не были так ничтожны сомнения, замедляющие мои шаги.

Это был правильный поступок.

Мой путь предоставил эту возможность, и каким обманщиком я бы стал, повернувшись спиной к требованиям своего сердца.

Всё это я понял, когда спускался бок о бок со Стайлсом по дороге к гостеприимным воротам Порты Лласт. Радостные возгласы с городских стен и ответные крики из каравана показали мне, что это простое на вид решение проблем для обоих этих народов было правильным, справедливым и самым лучшим.

Дорога привела меня сюда. Сердце моё показало шаги Дзирта До'Урдена по этой дороге. Ведомый совестью по этому пути, теперь я с уверенностью могу сказать, что я свободен.

Поразительно, что изначально правильность избранного мною пути подтвердили не приветственные крики жителей Порты Лласт, не облегчение, которое я заметил так явно среди группы беженцев Стайлса, что они обретут наконец место, которое смогут назвать домом, а лёгкий кивок и одобрительный взгляд Артемиса Энтрери!

Он догадался о моём плане, и когда Далия публично осудила его, предложил, я не знаю почему, свою молчаливую поддержку всего лишь взглядом и кивком.

Я был бы лжецом, если бы утверждал, что не был взволнован, отправляясь в это путешествие вместе с Артемисом Энтрери. Встал ли он на путь истинный? Вряд ли. И я, для большей уверенности, продолжаю относиться к нему настороженно. Но в

данном случае он показал мне, что внутри его разбитого и покрытого шрамами сердца действительно есть что-то большее. Конечно, он никогда не признает собственного волнения при поиске этого решения, как и то, что после нашей первой вылазки против сахуагинов он вернулся с довольной улыбкой на своём вечно угрюмом лице.

Но тот кивок кое-что сказал мне.

И это кое-что определяет мой выбор, нет, определяет и определяло мой выбор не раз: во-первых, я вынудил Энтрери ехать со мной на север, а ранее принял его предложение помочь в противостоянии с Херцго Алегни, и даже доверил ему вести нас через канализацию Невервинтера. И что более важно, теперь я знаю, это было правильно. И это служит поддержкой моим решениям.

Я делаю правильный выбор, потому что прежде всего я следую своей совести, потому что мои страхи больше не могут меня поколебать.

Поэтому я свободен.

И что так же важно, я доволен, потому что вернулась моя вера в то, что этот великий цикл цивилизации неумолимо движет расы Фаэруна к лучшему предназначению. Всегда будут препятствия: Магическая Чума, захват Лускана пиратами, появление империи Нетерил, катаклизм, сравнявший с землёй Невервинтер. Но гораздо важнее будет история трудного продвижения вперёд, нелёгких решений и решительности, героев малых и больших. Не сдавайтесь, не отступайте, сражайтесь, и мир станет менее опасным, более свободным и комфортным для большинства людей.

Это вера, которая направляет мои шаги.

Там, где раньше я видел неопределённость и действовал нерешительно, теперь я вижу возможности и приключения. Мир разобщён, смогу ли я всё исправить?

Я не знаю, но думаю, что попытка сделать это будет величайшим из всех приключений.

Моё путешествие из Лускана в Калимпорт и обратно оказалось одновременно и самым однообразным, и самым запоминающимся из всех, что мне когда-либо выпадали. Мы не пострадали от шторма, не столкнулись с пиратами, и с нашим судном не возникло никаких проблем. На протяжении всего плавания любая деятельность на борту Мелкого Шкипера была не более чем рутиной.

Но на эмоциональном уровне в эти десятидневки и месяцы я наблюдал за увлекательной эволюцией от чистой ненависти до глубочайшей вины и абсолютной необходимости примирения в, казалось бы, невозможно разрушенных отношениях.

Но было ли так на самом деле?

Когда мы сражались с Херцго Алегни, Далия была убеждена, что противостоит своему демону, однако это было не так. Именно во время этого путешествия, стоя перед Эффроном, она обнаружила своего демона. И это был не изувеченный молодой

тифлинг, а рана, от которой страдало её собственное сердце. Эффрон был только символом, зеркалом, отражающим то, что она когда-то совершила.

То же можно было сказать и об Эффроне. Возможно, он не был обременён чувством вины, но сердце его, несомненно, было разбито. Он пережил абсолютное предательство, предательство матерью своего ребёнка, и на протяжении всей своей жизни он никогда не соответствовал ожиданиям и требованиями жестокого отца. Он вырос в тени Херцго Алегни, без защиты, без друзей. Кто бы вышел невредимым из такого испытания?

Тем не менее, несмотря на всё это смятение, я знаю, для них обоих остаётся надежда. Пленение Эффрона во Вратах Балдура (за что мы будем в вечном долгу перед братом Афафренфером!) вынудило Далию и её сына в течение длительного времени находиться вместе в тесном помещении. Ни один из них не мог спрятаться от своих личных демонов; главный вопрос, символ, зеркало. Всё это появлялось в глазах каждый раз, как их взгляды встречались.

Так Далии пришлось бороться с чувством вины, затаившимся внутри неё. Со всей честностью она должна была признать и заново пережить свои поступки тех далеких дней, о которых предпочла бы никогда не вспоминать. Она оставалась в смятении. Но бремя её значительно облегчилось, поскольку, к её чести, она встречала его искренне и открыто.

И разве это не единственно верный путь?

Освобождение Далии стало ещё более полным благодаря щедрости Эффрона или, возможно, его потребности, даже если он не отдавал себе в этом отчёт. Он стал относиться теплее к своей матери и ко всем нам; он открыл мне местонахождение Гвенвивар, что означало решительный отказ от жизни, которую он вёл до пленения во Вратах Балдура. Я не знаю, простил ли он свою мать, простит ли он её в один прекрасный день, но его враждебность, безусловно, остыла, от чего стала лёгкой походка Далии.

Я наблюдаю эти изменения, ведь честность была приоритетом большую часть моей жизни. Когда я говорю вполголоса в одиночестве под звездами, или когда пишу в этих самых дневниках, как делал в прошлом (и, надеюсь, буду продолжать в будущем), то ничего не скрываю и не желаю скрывать! В этом всё дело. Прежде всего, я должен посмотреть в лицо своим собственным недостаткам, без оправданий, без оговорок, если надеюсь преодолеть их когда-нибудь.

Я должен быть честным.

Как ни странно, мне легче сделать это, обращаясь к конкретному человеку: к себе самому. Прежде такого не было. Даже не знаю, помышлял ли я об этом тогда, в моей прежней жизни, рядом с прямолинейным и грубоватым Бренором и тремя другими моими друзьями, которым полностью доверял. Размышляя об этом сейчас, чувствую, что всё было скорее наоборот. Я был влюблён в Кэтти-бри много лет, прежде чем признался ей. Кэтти-бри знала это с нашего первого путешествия в Калимпорт, когда мы приплыли, чтобы спасти Реджиса. Её намёки пробудили меня и заставили осознать самообман - или это была просто рассеянность?

Она разбудила меня, потому что я спал умышлено, я дремал, боясь последствий признания того, что таилось в моём сердце.

Должен ли я был больше доверять ей? Я считаю, да. Так же как и Вульфгару. Это та цена, которую вынуждены были заплатить мои друзья, и я погасил долг своим чувством ответственности.

Конечно, в некоторых случаях нельзя поделить истину своего сердца, когда нанесённая рана рискует оказаться хуже, чем цена обмана. И поэтому, когда мы снова видим на горизонте очертания Лускана, я смотрю на Далию и чувствую, как разрываюсь.

Ибо теперь я знаю правду, которую таит моё сердце. Я скрывал её, я боролся с ней, я хоронил её под любыми предложениями, какие только мог себе представить. Так как признать её, значило бы снова взглянуть в глаза тому, что я потерял, и что мне никогда не вернуть.

Я нашёл Далию, потому что был одинок. Она возбуждает и увлекает, я не могу это отрицать, и путешествуя рядом с ней, я многому научился. Если смотреть через призму событий в Невервинтере, Гаунтлгриме, Порте Лласт, включая историю с шайкой Стайлса, мы оставили за собой мир лучшим, чем его нашли. Я в самом деле хочу продолжить это путешествие с Далией, Серой Амброй, Афафренфером, и даже с Эффроном (возможно, больше всего с Эффроном!), и даже с Артемисом Энтрери. У меня такое чувство, что я на правильном пути.

Но Далия - это определённо не любовь.

В какой-то момент я поверил, что люблю её, из-за ощущения жара в моих чреслах, а вернее, из-за холода, который сковал моё сердце. Я снова услышал совет Инновиндиль прожить жизнь, как череду коротких, интенсивных периодов, возрождаясь после каждой потери, чтобы найти новую жизнь и завязать новые захватывающие отношения.

Несомненно, есть доля правды в этом совете, а некоторые представители народа следуют ему буквально.

Но это не мой случай (я надеюсь на это так же, как и боюсь). Я могу заменить моих компаньонов, но я никогда не смогу заменить моих друзей. И самое главное, я никогда не смогу заполнить пустоту, оставленную смертью Кэтти-бри.

Не с Далией.

Возможно ни с кем?

Я не поделился этой правдой из-за нынешнего эмоционального состояния Далии. Я поверил Эффрону, когда он рассказал, что она пыталась занять место в постели Артемиса Энтрери. В действительности меня удивило не это, а то, что я понял, насколько мало меня беспокоила эта информация.

Кэтти-бри по-прежнему со мной, в моих мыслях и в моём сердце. Отныне я не буду пытаться защититься от утраты, прячась в компании другой женщины.

Возможно, течение времени и повороты на моём пути докажут мне конечную мудрость слов Инновиндиль. Но существует огромное различие между намерением следовать своему сердцу и попыткой направить его.

В любом случае, теперь передо мной ясная дорога; я должен вновь обрести самого дорогого мне друга. Я иду к тебе, Гвенвивар. Ты вернёшься ко мне. Мы будем снова идти вместе под ночными звёздами.

Или я умру, пытаюсь найти тебя.

Вот мой обет.

К своему удивлению, я обнаружил, что мой гнев больше не имел цели.

И гнев, и разочарование всё ещё кипели во мне, так же как и чувство глубокой утраты, однако эта ярость рассеялась в более общем отвращении к несправедливости и жестокости жизни.

Мне пришлось постоянно напоминать себе злиться на Дрейго Проворного!

Какое странное откровение, даже прозрение, затопило меня, как волна прилива заполняет пляжи Лускана. Я помню очень отчётливо этот момент, как будто перемена случилась в краткий миг, в то время как происходило это в течение многих месяцев. Я отдыхал в своей комнате, в огромном замке Дрейго Проворного, я размяк в роскоши, ел изысканные блюда и даже располагал собственной винной стойкой, предоставленной слугами Дрейго, как вдруг оторопел, осознав чувство симпатии, которую начал испытывать к Дрейго Проворному. А если это была и не симпатия, то, во всяком случае, полное отсутствие гнева против него.

Как это произошло?

И почему?

Этот нетерезский лорд заключил меня в тюрьму в самых ужасных условиях, приковал меня цепями в грязи и темноте подземелья. Он не пытал меня в прямом смысле слова, хотя обращение его слуг часто бывало жестоким. Они не стеснясь отвечивали пощёчины и удары, много раз пинали по рёбрам. И разве факт моего заточения сам по себе не был гротескной пыткой?

Этот нетерезский лорд напустил медузу на моих компаньонов, мою любовницу и единственное, что связывало меня с давно минувшими желанными днями. Они были мертвы. Далия, Энтрери, Серая Амбра и Афафренфер обратились в камень и погибли из-за козней Дрейго Проворного.

Это правда, мы вторглись в его дом... Эта мысль о смягчающих обстоятельствах, казалось, засела у меня в голове и только крепла день ото дня, по мере того как постепенно улучшались условия моей жизни.

В конце концов я понял, что эта деталь была ключом ко всему остальному. Предоставляя нам комфорт, Дрейго Проворный вёл тонкую игру, соблазняя меня и Эффрона, мало-помалу, шаг за шагом, начав с пищи, которая улучшилась как качеством, так и количеством.

Голодающему трудно ударить по руке, которая кормит его.

Когда вы думаете только о том, как утолить свои физические потребности, трудно распалять гнев и помнить его причину.

Вкусная еда, предлагаемая со спокойными словами, скрадывала эти воспоминания, настолько тонко и постепенно (хотя каждое улучшение моего положения выглядело весьма значительно), что я не отдавал себе отчёта в ослаблении моей враждебности к старому колдуну шейду.

Потом пришло прозрение, в знаменательный день, в моей уютной комнате в замке Дрейго Проворного. Хотя, вспоминая случившиеся печальные события, не

способный вновь обрести прежнюю ярость, я почувствовал только смутное раздражение.

Вот на чём я остановился и что мне интересно.

Дрейго Проворный часто приходит ко мне в гости, иногда ежедневно, и я вполне мог бы раздобыть оружие - осколок бутылки, например.

Должен ли я попытаться счастья?

Возможность вновь обрести свободу путём насилия представляется в лучшем случае маловероятной. Я не видел Эффрона несколько десятидневков и не знаю, где и как его можно найти. Я даже не знаю, находится ли он до сих пор в замке, или даже жив ли он ещё. Я понятия не имею, как найти Гвенвивар, и вдобавок я больше не владею даже ониксовой статуэткой.

И даже если бы я нанёс смертельный удар старому колдуну и смог бежать из замка, что потом? Как бы я вернулся на Фаэрун, и что меня там ожидает, так или иначе?

Ни одного из моих старых друзей, всех развеяло ветром. Нет Далии, нет даже Артемиса Энтрери. Ни Гвенвивар, ни Андахара.

Нападение на Дрейго Проворного станет только лишь завершающим актом неповиновения обречённого дроу.

Мой взгляд задерживается на бутылках, удобно расположенных в диагональных ячейках на винной стойке, и я вижу в них смертельные кинжалы под рукой. Дрейго Проворный появляется теперь один, без охраны. Хотя, даже если бы он был в сопровождении своих лучших солдат, я был обучен сражаться так быстро, что они не смогли бы мне помешать. Старый колдун может быть защищён магическими средствами, способными отразить такую атаку, а может и нет, но этот удар стал бы криком свободы и отречения от колдуна, который отнял у меня так много, который заключил в тюрьму Гвенвивар и лишил меня моих спутников, когда мы пришли за ней.

Представляя себе эти потенциальные кинжалы, я только качаю головой, я не буду делать их из бутылок. Это не страх перед Дрейго Проворным останавливает мою руку. И не безрассудство такого поступка, тем более, я практически уверен, что даже в случае успеха я наверняка погибну и, вероятно, достаточно быстро.

Я не убью его, я знаю.

Потому что не хочу.

И, боюсь, это может оказаться самым важным прозрением из всех.

Компаньоны и Кодекс Компаньонов

Компаньоны

Сколько раз я обдумывал долгий путь, который прошел и, вероятно, еще пройду. Я часто вспоминаю слова Инновиндиль, ее предостережение о том, что эльф,

живущий долго, должен научиться жить своей жизнью, чтобы приспособиться к смертности тех, кого, возможно, узнает и полюбит. И поэтому, когда человек уходит, а любящий его эльф остается, нужно идти вперед, разорвать эмоциональные и прочие узы и начать все сначала.

Я полагаю, все это довольно сложно, и принять решение мне порой нелегко. Разум говорит, что слова Инновиндиль - истинная правда. А сердце...

Не знаю.

Поскольку я не слишком уверен насчет этого бесконечного цикла, мне приходит в голову, что брать за основу продолжительность человеческой жизни - тоже нелепая затея, ибо, в самом деле, разве эти расы с коротким веком не проживают свои жизни бурно, неравномерно, со взлетами и падениями? Дружья детства, разлученные всего на несколько месяцев, могут сойтись снова - для того лишь, чтобы обнаружить: бывшие узы, связывавшие их, истлели. Возможно, один уже вступил в пору юности, в то время как другой остается в плену у отроческих забав. Я много раз наблюдал это в Десяти Городах (хотя среди сородичей Бренора в Мифрил Халле, больше походящих друг на друга, такое встречается реже), когда двое мальчиков, лучших друзей, расходились и один увлекался юной леди, причем настолько, что прежде и вообразить бы не мог, а другой продолжал жить детскими играми и более простыми радостями.

Во многих случаях это расставание оказывалось не просто временным охлаждением, поскольку никогда уже эти двое не смогут взглянуть друг на друга прежним любящим взглядом. Никогда.

И это относится не только к поре перехода от детства к юности. Вовсе нет! Это реальность, которую все мы редко способны предугадать. Дружья выбирают разные пути, клянутся встретиться вновь, и часто - нет, почти всегда! - эти клятвы не исполняются. Когда Вульфгар покинул нас в Мифрил Халле, Бренор поклялся навестить его в Долине Ледяного Ветра, и все же, увы, эта встреча так и не произошла.

А когда мы с Реджисом отправились на север Хребта Мира, чтобы повидать Вульфгара, то выкроили для воспоминаний ночь, всего одну ночь. Одну ночь, когда мы сидели втроем у костра в пещере, которую Вульфгар сделал своим домом, рассказывая о себе и вспоминая приключения, пережитые вместе много лет назад.

Я слышал, что подобные встречи могут оказаться довольно неприятными и исполненными благоговейного молчания, но, к счастью, в ту ночь в Долине Ледяного Ветра все было не так. Мы смеялись и твердо верили, что нашей дружбе никогда не будет конца. Мы побудили Вульфгара открыть нам свое сердце, и он сделал это, подробно рассказав, как прошло его путешествие на север, когда он покинул Мифрил Халл, чтобы вернуть свою приемную дочь ее настоящей матери. Воистину, в этом случае годы, проведенные нами порознь, казалось, растаяли, и мы снова были теми же друзьями, поровну делили хлеб и повествования о наших приключениях.

И все же это была всего лишь одна ночь, а проснувшись поутру и увидев Вульфгара, готовящего завтрак, мы оба знали, что наше общее время подошло к концу. Говорить было не о чем, нерассказанных историй не осталось. У него теперь была своя жизнь, в Долине Ледяного Ветра, а наш с Реджисом путь лежал обратно в

Лускан, и далее в Мифрил Халл. Ибо, несмотря на всю нашу любовь друг к другу, несмотря на все пережитое совместно, на все клятвы встретиться еще, мы до конца прожили нашу общую жизнь. Итак, мы расставались, и Вульфгар, обняв напоследок Реджиса, пообещал, что в один прекрасный день отыщет его на берегах Мер Дуалдона - возможно, даже подкрадется незаметно и стащит приманку с крючка его удочки!

Но конечно же, этого так и не случилось, ибо если Инновиндиль, долго живущая эльфийка, советовала мне разбивать свою жизнь на более короткие отрезки в соответствии с жизнями близких мне людей, то и люди точно так же проживают свои жизни по частям. Сегодняшние лучшие друзья клянутся при встрече через пять лет остаться такими же друзьями, но, увы, пять лет спустя они зачастую уже становятся чужими друг другу. За несколько лет, а это не столь уж большой срок, они создают себе новые жизни с новыми друзьями, возможно даже, с новыми семьями. Таков порядок вещей, хотя немногие могут предвидеть это и еще меньше - признать.

Компаньоны из Халла, четверо дорогих друзей, с которыми я познакомился в Долине Ледяного Ветра, порой рассказывали мне о своей жизни до нашей встречи. Вульфгар и Кэтти-бри были еще очень молоды, когда я вошел в их жизнь, но дворф Бренор уже тогда был стар, и за плечами у него остались столетия приключений и пройденные полмира, а Реджис десятки лет прожил в экзотических южных городах, и удивительных приключений на его долю выпало не меньше, чем ожидало его впереди.

Бренор часто рассказывал мне о своем клане и о Мифрил Халле, как это любят делать дворфы, в то время как прошлое Реджиса, которому, похоже, было что скрывать, осталось загадкой (те дни, что в конце концов и навели на его след Артемиса Энтрери). Но из всех этих обстоятельных повествований Бренора - о его отце и отце его отца, о приключениях, пережитых им в туннелях вокруг Мифрил Халла, об утверждении клана Боевого Молота в Долине Ледяного Ветра - у меня не возникало ощущения, что когда-либо у дворфа были друзья столь же важные для него, как я.

А может, были? Не в этом ли кроется загадка и главная проблема утверждения Инновиндиль, когда срываются все покровы? Может ли у меня быть другой друг, с которым я буду связан такими же узами, как с Бренором? Смогу ли я познать иную любовь, сравнимую с той, что я обрел в объятиях Кэтти-бри?

А жизнь Кэтти-бри - до того, как я встретил ее на продуваемом всеми ветрами склоне Пирамиды Кельвина, или еще до того, как Бренор удочерил ее? Насколько хорошо знала она на самом деле своих родителей? Глубоко ли любила их? Она очень редко говорила о них, но, возможно, просто потому, что не помнила. В конце концов, она была совсем ребенком...

И вот я оказываюсь в одной из долин, простирающихся вдоль тропы, предложенной Инновиндиль: тропы памяти. Чувства ребенка к матери или отцу несомненны. Заглянуть в детские глаза, глядящие на любого из родителей, - значит увидеть истинную и глубочайшую любовь. Без сомнения, так же сияли и глаза Кэтти-бри.

И все же она не могла рассказать мне о своих истинных родителях, потому что не помнила!

Мы с ней говорили о том, чтобы и самим завести детей, - о, как же мне этого хотелось! Но над Кэтти-бри тут же нависали черные крылья ее великого страха, что она умрет раньше, чем ее дитя - наше дитя - станет достаточно большим, чтобы запомнить ее; что жизнь ее ребенка повторит ее собственную. И хотя она редко говорила об этом и ей хорошо жилось под заботливым присмотром великодушного и доброго Бренора, потеря родителей - пусть даже родителей, которых она не помнила, - давила на нее вечным грузом. У нее было такое чувство, будто у нее украли часть жизни, и она куда сильнее проклинала свою неспособность припомнить что-нибудь более конкретное, чем радовалась, припомнив мельчайшие подробности той потерянной жизни.

Глубоки долины вдоль тропы Инновиндиль.

Учитывая все это, учитывая, что Кэтти-бри даже не могла вспомнить тех двоих, кого любила безотчетно и столь полно, учитывая довольное лицо Вульфгара, когда мы с Реджисом отыскиали его среди тундры Долины Ледяного Ветра, учитывая нарушенные обещания снова повидать старых друзей или неловкость, возникающую обычно при подобных встречах, кто скажет, отчего же я тогда так противлюсь совету моей ушедшей эльфийской подруги?

Я не знаю.

Быть может, потому, что я отыскал то, что намного больше обычного вступления в брак, - настоящую любовь, подругу, с которой мы были едины сердцем и душой, в мыслях и желаниях.

Быть может, я еще не нашел другую такую же и боюсь, что подобному не суждено больше повториться.

А может, я просто обманываю сам себя - под влиянием чувства вины, или грусти, или бесплодного гнева преувеличиваю воспоминания и возвожу их на пьедестал, чтобы ничто иное не смогло сравниться с ними.

Именно последняя вероятность и пугает меня, поскольку подобная неправда разрушает ту правду, на которой я стою. Я ощутил это чувство любви столь остро! Мне кажется, узнай я, что нет ни богов, ни богинь, ни великого божьего промысла, выходящего за пределы моего разума, ни даже жизни после смерти, мне было бы не так больно, как если бы я узнал, что вечной любви не бывает.

И поэтому я отказываюсь принять мудрость совета Инновиндиль, поскольку здесь выбираю то, что подсказывает сердце, а не разум.

Я научился понимать, что в противном случае путь Дзирта До'Урдена становится дорогой в никуда.

Мир развивается вне зависимости от моего личного знания или опыта. Вернуться в Долину Ледяного Ветра означает понять, что жизнь в ней продолжается, с новыми людьми, сменившими прежних, с иммиграцией и эмиграцией, рождениями и смертями. Часть ее обитателей - потомки тех, кто жил здесь прежде, и все же на

этой земле, служащей временным пристанищем для бегущих от уз цивилизованного общества, намного, намного больше вновь прибывших из других мест.

Точно так же одни здания возводились, другие рушились. Новые корабли занимали место поглощенных тремя великими озерами.

Это оправданно и логично и сообщает данному месту удивительную гармонию. В Долине Ледяного Ветра все имеет смысл. Население Десяти Городов порой чуть увеличивается или уменьшается, но обычно остается стабильным, и его численность зависит от того, скольких обитателей может прокормить эта земля.

Этот принцип важен для самооценки, ибо слишком многие, похоже, забывают эту важнейшую из истин: мир существует независимо от их личного опыта. О, возможно, они неосознанно выражают сомнение в этой незыблемой истине, но я встречал немало людей, утверждавших, что все существующее - лишь идея, их идея, а значит, и все мы суть лишь составляющие в рамках созданной ими реальности. Воистину, я встречал многих, кто вел себя соответствующе, осознавали они это или нет.

Я говорю, разумеется, об эмпатии, или же, в вышеописанных случаях, о нехватке таковой. Личность и общество пребывают в постоянной борьбе, тогда как в глубине души нам необходимо решить, где заканчивается одно и начинается другое. Для некоторых это вопрос религии, неоспоримые догматы мнимого бога или богов, но для большинства, хочется верить, это постижение основополагающей истины, что общество - необходимый компонент для самосохранения как материального, так и духовного.

Я много раз размышлял об этом прежде и открыто заявлял о своей вере в сообщество. Воистину, именно эта вера помогла мне подняться, когда я был повержен горем, когда вел своих новых компаньонов из Невервинтера, чтобы сослужить великую службу достойному месту, именуемому порт Лласт. Для меня выбор несложен: служа обществу, служишь себе. Даже Артемис Энтрери, циничнейшее из существ, не в силах был скрыть своего удовлетворения, когда мы загнали морских дьяволов обратно под воду на благо славных жителей порта Лласт.

Однако когда я задумываюсь о собственных корнях и различных культурах, через которые прошел, возникает более сложный вопрос: какова роль общества для личности? И как быть с меньшими сообществами внутри бо́льших? Какова их роль или мера их ответственности?

Конечно, всеобщая безопасность важнее всего для целого, но идея сообщества должна быть глубже. Выживет ли сельское сообщество, если дети не будут обучены ухаживать за полями и скотом? Сможет ли поселение дворфов процветать столетиями, если маленькие дворфы не научатся работать с камнем и металлом?

Какой эльфийский клан сумеет веками танцевать в лесу на тайной полянке, если старшие не расскажут детям, как разбираться в звездах и ветрах?

Итак, существует множество задач, непосильных для одного мужчины, или женщины, или семьи, но жизненно важных для процветания и безопасности любого города или поселения. Никакой человек не смог бы в одиночку возвести стену вокруг Лускана, выстроить доки Врат Балдура, или великолепные арки и широкие бульвары Глубоководья, или парящие соборы Серебристой Луны. И никакой культ,

поэтому мелкие сообщества внутри более крупных тоже должны вносить свой вклад ради всеобщего блага, являются их участники или паства гражданами или нет.

Но как тогда быть с концентрацией власти, которой могут сопровождаться улучшения, и с иерархической регламентацией, возможным результатом внутри всякого сообщества? В обществах, подобных клану у дворфов, это решается через родословные и правильных наследников, но в огромном городе, при смешении кровей и разных культур, распределение власти далеко не столь очевидно. Я сам видел лордов, предоставлявших своим крестьянам погибать от голода, хотя их кладовые были забиты едой, гниющей, поскольку их семейство не в состоянии все это съесть. На Карнавале Воров в Лускане я видел судей, использовавших закон как инструмент для собственной выгоды. И даже в Глубоководье, чьи лорды считаются величайшими в мире благотворителями, роскошные дворцы свысока глядят на лачуги и хижины, а также на осиротевших детей, дрожащих от холода на улицах.

И вновь, к своему удивлению, я вижу образец для подражания в Десяти Городах, поскольку в этом месте, где численность населения практически неизменна, хотя состав его все время меняется, существует логичная и обоснованная преемственность. Здесь десять сообществ остаются обособленными и выбирают из своих рядов достойных уважения лидеров различными способами, и эти лидеры имеют право голоса на общем совете.

В случае с Долиной Ледяного Ветра ирония состоит в том, что эти сообщества, в которых полно одиночек (среди их граждан - множество бежавших от закона или же членов какой-нибудь банды, облюбовавших Десять Городов в качестве последнего убежища), полно тех, кто, предположительно, не смог жить в цивилизованных обществах, на самом деле - одни из самых отзывчивых, какие мне случалось видеть. Частные рыбацьи лодки на Мер Дуалдон могут жестоко соперничать за излюбленные места, но, когда наступает зима, никто в Десяти Городах не голодает, когда другие вовсю пируют. Никто в Десяти Городах не замерзает на пустынной улице, когда есть место у очага, - и такое место всегда отыщется. Вероятно, все дело в суровости этих мест, где все понимают, что лишь общими силами можно обезопасить себя от йети, гоблинов и великанов.

В этом и состоит смысл сообщества: общая нужда и общее благо, сила его членов, добрая рука помощи, способность работать вместе, чтобы достичь новых высот для всех, расширение горизонтов для себя и своей семьи, обогащение самой жизни.

О, многие не согласятся со мной, те, кто рассматривает ответственность перед обществом, будь то необходимость пожертвовать немного еды, денег или времени, как нечто чересчур обременительное или посягающее на их личную свободу... Полагаю, слишком часто личные устремления и алчность таятся за ширмой самых прекрасных слов.

Для таких я могу лишь повторить, что в конечном счете они теряют больше, чем выиграют. Что проку в вашем золоте, если друзья не помогут вам подняться, когда вы упадете?

Долго ли будет жить память о вас после вашей смерти?

Потому что, по существу, это единственное мерило. В конце, когда мерцающий огонек жизни угаснет, все, что останется, - это память. Богатство, по этой последней

мерке, определяется не количеством золотых монет, но числом людей, любивших вас, слезами скорбящих о вашем уходе и теплыми воспоминаниями тех, кто продолжает славить вашу жизнь.

Я не мог спланировать свое путешествие. Не какое-то конкретное, в город или в определенное место, а путешествие моей жизни, дорогу, по которой я шел с самых первых дней. Я часто слышал, как люди говорят, что не жалеют о своем выборе, поскольку в результате его они стали тем, - кто они есть.

Не могу сказать, что полностью согласен с подобным мнением, но я, безусловно, понимаю этих людей. Задним умом судить легко, но принять решение в нужный момент куда труднее, «правильный» - выбор зачастую гораздо труднее распознать.

Что опять-таки возвращает меня к исходной мысли: я не мог спланировать это предпринятое мною путешествие, эти десятилетия извилистых дорог и неожиданных поворотов. Даже когда я специально шел в определенном направлении, например покидал Мензоберранзан, я не мог предвидеть долгосрочные последствия своего выбора. Действительно, в том случае я полагал, что, скорее всего, найду свою смерть, и достаточно скоро. Разумеется, это не был самоубийственный выбор - ни в коем случае! Духовным самоубийством мне представлялась обыденная жизнь в Мензоберранзане, и я решил, что даже малейший шанс избежать ее стоит того, чтобы сыграть в эту игру.

Я никогда не думал, что эти первые шаги выведут меня из Подземья в Верхний Мир. И даже когда это стало очевидным, я не мог предвидеть того, что ожидало меня впереди: любовь Монтолио, а затем - дом и семья, обретенные мною в Долине Ледяного Ветра. В тот день, когда я ушел из Мензоберранзана, предположения, что моим лучшим другом станет дворф и я женюсь на женщине человеческой расы, вызвали бы лишь озадаченный и недоверчивый взгляд!

Вообразите Дзирта До'Урдена из Дома Дармон Н'а'шезбернон, сидящего по правую руку от короля Бренора Боевого Молота из Мифрил Халла, вместе с королем Бренором сражающегося против предпринявших набег дроу из Мензоберранзана! Абсурд!

Но это правда.

Это жизнь - приключение слишком сложное, слишком завязанное на множество различных факторов, чтобы быть предсказуемым. Столь многие пытаются спланировать и заранее определить свою жизнь, жестко и непреклонно, и таких я могу лишь пожалеть. Они ставят перед собой цель и преследуют ее, исключая все остальное. Они видят некую воображаемую финишную черту и в одиночестве рвутся к ней, не глядя по сторонам.

У жизни есть лишь одна несомненная цель: смерть.

Правильно, и необходимо, и важно - ставить задачи и добиваться их решения. Но рассматривать их столь обособленно, учитывая, что путь к цели займет многие месяцы, даже годы, - значит упустить цель куда более важную. Этот опыт ценен, поскольку именно совокупность всего пережитого, запланированного или

неожиданного, делает нас теми, кто мы есть. Если вы рассматриваете жизнь как путь к смерти, если действительно понимаете эту конечную цель, тогда именно настоящее становится наиболее важным, а если настоящее важнее будущего, значит вы и в самом деле научились жить.

Одним глазом нужно смотреть в будущее, для которого ты предназначен, а другим - под ноги, на твою теперешнюю тропу, так я считаю.

Я уже говорил и повторю снова - поскольку это ценный урок, заслуживающий того, чтобы быть повторенным часто, - что многие, оказавшись перед лицом неминуемой смерти, например в случае болезни, которая, вероятно, в течение года сведет их в могилу, нередко утверждают, будто этот недуг - лучшее, что случилось с ними в жизни. Именно неотвратимость смерти необходима, чтобы они снова начали видеть восходы и закаты, замечать красоту одинокого цветка среди камней, ценить своих близких, чувствовать вкус пищи и наслаждаться прохладой легкого ветерка.

Ценить свой путь - значит жить в настоящем, даже если ты нацелен в будущее.

В любом случае всегда существуют непредвиденные последствия. Обычно мы не выбираем тех, кто становится важным для нас. О, возможно, мы избираем себе супругов, но это лишь кто-то один из множества наших возлюбленных. Мы не выбираем родителей или братьев и сестер, но обычно любим их. В детстве мы не выбираем соседей, город и страна тоже predeterminedены для нас - во всяком случае, вначале. Лить немногим удастся вырваться из этих социальных уз. Мне удалось, но лишь по причине экстремальной природы Мензоберранзана. Родись я и вырасти во Вратах Балдура и начни этот город воевать с Глубоководьем, под чьим флагом я сражался бы? Почти наверняка на стороне города, где я родился, где живут мои родные и друзья. Это не стало бы нейтральным выбором, на него практически наверняка оказали бы влияние прежние события, большие и малые, бывшие эмоциональные привязанности, которых я мог даже не осознавать. Прежде всего я дрался бы за свой дом, потому что это мой дом!

Дом, который я сознательно не выбирал.

Как я понял, это еще более верно, если говорить о приверженцах разных богов. Во всяком случае, для большинства людей. Детей обыкновенно растят в духе веры, принятой в семье; этот моральный код становится частью их личности, глубинной составляющей самого их существа. И тем не менее исходные принципы у столь многих богов идентичны, если очистить их от почти несущественных частностей. Лишь эти мелкие нюансы в ритуалах или несущественных догматах могут расходиться, а в более широком контексте - какая разница? Даже эти кажущиеся незначительными расхождения затрагивают самые глубинные родовые узы всякого чувствующего существа, и лишь немногие способны стать выше подобного фанатизма и взглянуть на конфликт, если таковой вдруг возникнет, глазами другого человека.

Все это пути, которые не мы сами выбираем, путешествия в обществе любимых людей, которых мы полюбили неосознанно.

«Чем лучше знаешь, тем меньше ценишь», - гласит старая поговорка, но на самом деле близкое знакомство порождает семейные узы и семейную любовь, и эта связь воистину крепка. Я полагаю, что нужны какие-то чрезвычайные обстоятельства, чтобы брат пошел против брата. И печально, что войны в

большинстве своем происходят не из-за каких-то исключительных моральных разногласий или конфликта философий.

И поэтому старые связи обычно сохраняются в момент такого конфликта. Провести детство среди братьев и сестер означает связать себя узами, которые не могли бы возникнуть вне семьи. Мудрый дэру сказал мне как-то, что лучший способ сплотить граждан вокруг их короля пригрозить ему, поскольку, даже если те же самые граждане человека могут ненавидеть, родину они ненавидеть не станут, а угроза правителю становится угрозой прежде всего их отечеству.

Я нахожу, что подобная ограниченность чаще свойственна людям и иным мало живущим расам, нежели эльфам, темным или светлым, - причем по очень простой причине: дети эльфов редко растут в единой семейной группе. Более вероятно, что у ребенка из Народа братья и сестры будут старше его лет на сто, чем окажутся его сверстниками.

Наши пути уникальны, но они проходят не в изоляции. Пути множества людей пересекаются, и всякий раз подобное пересечение - это потенциальный переулоч, скользкая тропа, новое приключение, неожиданная эмоциональная связь.

Нет, я не мог спланировать этот путь. И воистину рад этому.

Есть ли большая надобность в рамках социального развития, нежели потребности в доверии? Существует ли более важная составляющая для дружбы или для сплоченности команды?

И тем не менее на протяжении жизни много ли встречает каждый тех, кому он действительно может доверять? Боюсь, что очень немного. Да, в менее важных вопросах мы доверяем многим, но когда затрагиваются чувства, делающие нас по-настоящему уязвимыми, число наших доверенных лиц резко уменьшается.

Именно этого всегда недоставало в моих отношениях с Далией и в приятельстве с Артемисом Энтрери. На мой теперешний взгляд, можно только посмеяться над тем, что я доверял Энтрери больше, чем Далии, но лишь в тех вопросах, что касались взаимной выгоды. Окажись я в ужасной опасности, бросился бы кто-либо из них мне на помощь?

Полагаю, да, будь у них какие-то шансы на победу, но если их помощь означала бы истинную жертву, когда нужно пожертвовать жизнью, чтобы спасти мою... что ж, тогда я точно погиб бы.

Возможно ли, что я стал настолько циничным, чтобы принять это?

Кто я тогда такой и кем мог бы стать? Я позабыл, что у меня были друзья, готовые оттолкнуть меня с пути летящего копья, даже если это означало бы, что копьё пронзит их самих. Так было с Компаньонами из Халла, где все были за одного.

Даже Реджис. Как часто мы посмеивались над Реджисом, отсиживавшимся в укромном месте, пока шел бой, но все мы знали наверняка, что наш приятель-полурослик будет тут как тут, если нам придется туго, и я действительно не сомневался, что мой маленький друг прыгнет выше собственной головы, чтобы

перехватить летящую мне в грудь стрелу, добровольно жертвуя собственной жизнью.

Не могу сказать того же о второй группе, с которой я путешествовал. Полагаю, свою жизнь за меня не отдали бы ни Энтрери, ни Далия - хотя, по правде, я никогда не знал, чего ожидать от Далии. Монах Афафренфер был способен на такую преданность, как и Амбергрис, дворф из Адбара, но заслужил ли я ее у них или нет, я не знаю. А Эффрон, искалеченный колдун? Не уверен, хотя сомневаюсь, что человек, пробующий себя в столь темном искусстве, может иметь великодушное сердце.

Возможно, со временем эта вторая компания сплотилась бы так же, как Компаньоны из Халла, и, вероятно, вместе с укреплением связей не заставили бы себя ждать и самоотверженные проявления высочайшего мужества.

Но проведи я с ними хоть сотню лет, мог бы я ожидать от них такого же самопожертвования и доблести, как от Бренора, Кэтти-бри, Реджиса и Вульфгара? В безнадежной битве, когда шансы очевидно неравны, мог бы я выдвинуться во фланг нашему общему врагу и быть полностью уверен, что, когда придет время нанести удар, эти остальные окажутся рядом со мной, чтобы победить или умереть?

Нет. Никогда.

Такова связь, которая никогда не станет материальной, степень любви и дружбы, которая превыше всего - даже основного для всех инстинкта самосохранения.

Узнав про связь Далии с Энтрери, я не удивился, и не только из-за той роли, которую сам сыграл в ее изгнании. Она наставила мне рога, чего никогда, ни при каких обстоятельствах не совершила бы Кэтти-бри. И меня не удивило это открытие, поскольку принципиальное различие между двумя женщинами было очевидным с самого начала. Быть может, в первое время я обманывался насчет Далии, ослепленный интригой и страстью или же странной идеей, будто сумею как-то исцелить ее душевные раны, а скорее всего, потребностью найти замену тому, что я потерял.

Но я всегда знал правду.

Когда Эффрон рассказал мне о ее развлечениях с Энтрери, я сразу поверил ему, потому что это соответствовало моим представлениям о наших взаимоотношениях и об этой женщине. Я не был ни удивлен, ни сильно ранен. Тем не менее я лгал себе, тем не менее старался поверить этой лучшей из женщин, каковой я считал Далию.

Я хотел повторения Компаньонов из Халла. Больше всего на свете я хотел снова познать ту степень дружбы и доверия - подлинного и глубокого, сердцем и душой, - что были у меня все эти годы с моими дорогими друзьями. Мир не засияет для меня, пока я не обрету этого вновь, и все же боюсь, что познанное мною однажды уникально, что оно - плод обстоятельств, которые я не могу воспроизвести.

Объединяясь с Энтрери и прочими, я пытался исцелить эту рану и вернуть себе радость жизни.

Но стоит задуматься об этой новой компании искателей приключений, как возникают неизбежные сравнения и понимаешь, что достиг лишь одного - сорвал корку с незажившей раны.

Мне кажется, теперь я более одинок, чем когда-либо прежде.

Ночь Охотника

Правда ли, что люди на самом деле способны меняться?

За последние несколько десятилетий мне столько раз приходилось задумываться над этим вопросом – и каким мучительным он показался мне после новой встречи с Артемисом Энтрери, встречи, потрясшей меня до глубины души. Ведь прошло сто лет, и я считал, что он давно уже мертв.

Нам пришлось путешествовать вместе, и я даже начал доверять ему; значит ли это, что я поверил, будто его характер «изменился»?

Не совсем. И сейчас, когда дороги наши опять разошлись, я не считаю, что этот человек в корне отличается от того Энтрери, вместе с которым я сражался в подземельях Мифрил Халла, когда город еще принадлежал дергарам. Или с тем Энтрери, которого я преследовал до Калимпорта после того, как он похитил Реджиса. В глубине души он остался все тем же человеком, как я остался все тем же дроу.

Разумное существо со временем глубже узнаёт жизнь, становится мудрее, поэтому реагирует по-разному на одну и ту же ситуацию – такую надежду я питаю по отношению к представителям всех рас, даже к обществам. Разве не в этом состоит смысл приобретения жизненного опыта – чтобы использовать его для принятия более мудрых решений, подавления разрушительных инстинктов, поиска лучших путей? В этом отношении могу сказать, что Артемис Энтрери изменился; он уже не хватается за кинжал при любом удобном случае, хотя удар его по-прежнему смертоносен, когда это необходимо. Но сердце его осталось прежним.

Я знаю, что это относится и ко мне самому, хотя сейчас, вспоминая прошлое, я признаюсь, что в последние несколько лет я целенаправленно шел иными путями, нежели те, что лежали передо мной большую часть жизни. Скажу честно: тьма просочилась в мое сердце. Утратив стольких дорогих друзей, утратив надежду, я поддался соблазну идти легким путем, хотя почти каждый день говорил себе: эта дорога циника, это не путь Дзирта До'Урдена.

Но, несмотря на это, я оставался все тем же, и поэтому, столкнувшись с реальностью этого темного пути, когда пришло время решать, принять или не принять его, я не смог идти дальше.

Не могу сказать, что не скучаю по Далии, Энтрери и остальным. Да, конечно, сердце повелевает мне отправиться на их поиски. Но я отнюдь не уверен, что сумел бы так спокойно говорить об этом расставании, если бы самые дорогие друзья не вернулись ко мне! Как могу я сожалеть о прощании с Далией, если это прощание привело меня прямо в объятия Кэтти-бри?

И вот я стою здесь, снова рядом с Компаньонами из Халла, я воссоединился с самыми верными и дорогими друзьями, которые у меня были в жизни; я не мог даже надеяться встретить таких друзей. Изменились ли они? Может быть, их путешествие

через царство самой смерти даровало им новые жизненные принципы, которые принесут мне горькое разочарование, когда я снова ближе узнаю их?

Вот чего я боюсь, но я стараюсь гнать страхи прочь. Потому что я уверен: в основном люди не меняются. Теплые объятия Кэтти-бри придают мне живительной уверенности в собственной правоте. Хитрая ухмылка Реджиса (даже с новыми усами и козлиной бородкой) – та же, что прежде. И голос Бренора той ночью, под звездами, на вершине Пирамиды Кельвина, и его реакция при виде Вульфгара... да, это был Бренор, все тот же Бренор, с крепким черепом, упрямый, как осел!

Но при всем этом должен признать: в первые дни, проведенные вместе, я заметил, как изменилась походка Вульфгара. В ней появилась какая-то легкость, которой я не замечал прежде; и странно – несмотря на то, что, по рассказам, он с большой неохотой покинул Ируладун и снова вернулся в мир смертных, улыбка никогда не сходит с его губ.

Но это совершенно точно Вульфгар, гордый сын Беорнегара. На него снизошло просветление, хотя какого рода, я не могу сказать. Он стал светлым, легким. Как будто камень упал с его души. Я вижу, как он радуется, вижу, что происходящее развлекает его, словно он видит перед собой увлекательное приключение, которого совсем не ожидал и которое досталось ему сверх положенного, и я согласен: так и нужно относиться к жизни!

Они вернулись. Мы снова вместе. Компаньоны из Халла. Мы уже не те, что сто лет назад, но наши сердца не изменились, наши цели общие, и наша вера друг в друга ничуть не ослабела, она по-прежнему безгранична.

И я очень рад этому!

И еще: по какой-то причине (я сам удивляюсь этому) я нисколько не сожалею о последних нескольких годах путешествия по миру, который смущал, пугал меня и в то же время был так величествен. Общение с Далией и особенно с Энтрери многому научило меня. Я словно увидел мир глазами этих циников, но это не отбросило меня в дни юности в Мензоберранзане; я не погрузился во тьму. Скорее, я более четко осознал последствия, которые будет иметь мой выбор, и отбросил цинизм, еще не зная, что ждет меня на вершине Подъема Бренора. Я не настолько сосредоточен на собственной персоне, чтобы считать, будто окружающий мир создан исключительно для меня! Предполагаю, иногда все мы впадаем в подобное заблуждение, но на сей раз я позволю себе лишь одну самоуверенную мысль: я принимаю воссоединение Компаньонов из Халла как награду. Можно давать самые различные имена богам и богиням, судьбе, называть совпадениями то, что движет миром и его обитателями, – это не имеет значения. В этом конкретном случае я предпочитаю верить в особую справедливость.

На самом деле это нелепо и эгоистично, я знаю. Но мне приятно думать так.

Меня все время преследуют выражение лица Бренора и слова Кэтти-бри. «Бремя, которое ты несешь, мешает тебе ясно видеть, – откровенно заявила она мне. – Ты надеешься найти собственные черты в других – даже в орках и гоблинах».

Только она сказала мне это, но выражение лица Бренора и искренний кивок, разумеется, подтверждали его согласие с мнением Кэтти-бри. Я хотел возразить, но обнаружил, что не могу этого сделать. Я хотел накричать на них, сказать им, что судьба не предопределяется происхождением, что разумное существо способно избежать влияния наследственности, что разум может противостоять инстинктам.

Я хотел сказать им, что мне удалось сбежать.

И поэтому, во время этих бесконечных хождений по кругу, разговоров, рассуждений и признания, слова Кэтти-бри насчет моего бремени в конце концов показались мне правдой. И поэтому, если бы меня не ограничивали мой собственный жизненный опыт и неуверенность, преследовавшая меня чуть ли не каждый день после бегства из Мензоберранзана, – хотя с тех пор прошло очень много лет, – я отреагировал бы на слова жены точно так же, как Бренор.

Неужели договор ущелья Гарумна оказался ошибкой? До сегодняшнего дня я не знаю этого наверняка, но сейчас, после нашего разговора, я обнаружил, что моя двойственная позиция вызвана скорее преимуществами договора для дворфов, эльфов и людей Серебряных Пустошей, которые избежали тогда войны, чем преимуществами для орков. Потому что в глубине души я подозреваю, что Бренор прав, и что новое мнение Кэтти-бри о природе орков подтверждается некими событиями в Серебряных Пустошах. Королевство Многих Стрел пока еще не распалось, утверждает Бренор, но мир, который якобы сохраняется благодаря его существованию, – это обман. И я должен признаться, что, возможно, этот «мир» удобен только для орков-разбойников, он позволяет им свободно рыскать по округе; это было бы невозможно, если бы не Королевство Многих Стрел.

И все же, несмотря на все открытия и озарения, это болезненно для меня, все это, и очевидное решение проблемы представляется мне пропастью, слишком широкой, чтобы я смог перепрыгнуть ее. Бренор готов отправиться в Мифрил Халл, поднять дворфов и во главе этой армии открыто объявить войну Королевству Многих Стрел.

Бренор твердо намерен развязать войну. Он так решительно настроен, что не думает о страданиях, смертях, болезнях, прочих несчастьях, которые война неизбежно принесет жителям этих земель; он утверждает, что обязан исправить свою ошибку, совершенную сто лет назад, и искоренить зло, ставшее ее следствием.

Я не могу начать войну. Да, я полностью согласился со словами Кэтти-бри, да, я поверил, что ее устами говорила сама богиня Миликки, но я все равно не могу развязать войну!

И не буду, говорю я; и все же я боюсь... Но нет, я не позволю Бренору так поступить. Даже если его слова насчет природы орков – истинная правда, и скорее всего так оно и есть, все равно нынешнее положение вещей, по-моему, лучше, чем открытый конфликт, которого так жаждет Бренор. Возможно, я излишне осторожен, и мне мешает мой личный жизненный опыт, но на суждения Бренора тоже влияет чувство вины, и он пытается исправить свою ошибку, как он видит ее, и считает войну возможностью искупления.

Разве его бремя легче моего?

Скорее всего, наоборот.

Он сломя голову бросится навстречу несчастьям, ради себя, ради своей чести и наследия, ради всех добрых жителей Серебряных Пустошей. Этого я боюсь больше всего, и как его друг я должен его остановить, если сумею.

Мне остается только собрать в кулак всю свою волю при мысли о предстоящем противостоянии, потому что я еще никогда не видел Бренора настроенным так решительно, никогда не видел его таким уверенным в правильности своих действий. Он до такой степени уверен в себе, что если я попытаюсь отговорить его, дело может дойти до драки!

И еще я боюсь возвращаться в Мифрил Халл. Мой последний визит в этот город был не слишком приятным, потому что мне больно сознавать, что я, следопыт, открыто действовал против дворфов и эльфов на стороне орков. Ради «мира», повторяю я себе, но ведь в конце концов эта отговорка оправдана лишь в том случае, если предостережение Кэтти-бри, предупреждения Миликки – ошибка. Но если орков нельзя считать разумными существами, которым от рождения предоставлено право выбора, тогда...

Я последую за Бренором в Мифрил Халл. Если орки-разбойники так свирепствуют в округе, как описывает Бренор, то, уверен, я найду отличное применение своим клинкам, и вместе с Бренором мы будем охотиться на бандитов и убивать их безо всяких колебаний и угрызений совести.

Но я не буду развязывать войну.

Эта пропасть слишком широка.

Может быть, я неправ, может быть, плохо с моей стороны надеяться, что вопрос разрешится сам собой еще до нашего прибытия? Надеяться на то, что Королевство Многих Стрел недвусмысленно докажет правоту Кэтти-бри?

«Где здесь детская?» – снова слышу я ее голос, он часто звучит у меня в ушах, этот боевой клич на древнем языке дворфов, произнесенный с жестокостью, достойной дочери короля Бренора Боевого Молота. И несмотря на то, что Кэтти-бри много лет говорила с дворфским акцентом, несмотря на то, что она умеет сражаться не хуже мужчины, на сей раз ее боевой клич показался мне неуместным и причинил душевную боль.

А как же тогда Нойхейм, гоблин, которого я знал когда-то и который показался мне достойным существом, не заслужившим своей жестокой судьбы?

И под этим я подразумеваю вопрос: а как же тогда быть с Дзиртом?

Мне хочется отвергнуть послание Миликки; некогда я заявил, что этой богине принадлежит мое сердце, и я знал, что это истинно и правильно. Но сейчас я хочу отказаться от нее, отчаянно хочу и все-таки не могу. Возможно, жестокая правда Фаэруна состоит в том, что гоблины и свирепые великаны – просто чистое зло, что они не воспитаны во зле, а появляются такими на свет.

Скорее всего, мое восприятие этой истины искажено воспоминаниями о прошлом, когда я решительно отказался от, казалось бы, неизбежного пути, для которого был рожден. И возможно, это искажение восприятия несет опасность.

В глубине души послание Миликки ранит меня, и эта рана и есть мое бремя. Может быть, сейчас настал момент, когда уже не осталось места для оптимизма и надежды на то, что добро все же существует? Может быть, это мировоззрение,

путеводная звезда моего существования, просто неприменимо к черному сердцу орка?

Могу ли я начать войну?

Я иду этой дорогой, полный сомнений, но все же охотно, потому что душу мою раздирают противоречия. Я хочу знать, я должен знать! И я боюсь узнать правду.

Увы, столь многое изменилось, но многое осталось прежним. Магическая чума ушла, и все же, по-видимому, назревают новые неприятности. И мы идем по дороге, которая уводит нас в непроглядную тьму, в Гаунтлгрим, на поиски потерянного друга, а потом, если нам удастся выжить, – в центр могучей бури.

Но несмотря на все это, я никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Даже в этом безумном мире, где магия творит все более безумные вещи, где откуда ни возмись возникают десятки тысяч орков, пираты становятся королями, существуют моменты ясности и предсказуемости, когда определенный путь ведет к ожидаемому концу. Эти моменты я называю поэзией истории.

Реджис пришел к нам, едва успев обогнать того, кто преследовал его, действительно опасного врага.

Поэзия истории, комфорт предсказуемости!

Он очень отличается от того Реджиса, которым был в прошлой жизни, наш друг-полурослик. Решительный, хорошо обученный, искусный в обращении с клинком, Реджис провел вторую жизнь, имея перед собой четкую цель. И когда лич появился в нашем лагере в ту ночь в диких пустошах Утёсов, Реджис не обратился в бегство. Нет, он велел нам всем бежать, а сам попытался остановить кошмарное чудовище.

Но, несмотря на странные изменения, происшедшие с моими друзьями, все эти события, наши приключения, приносят мне какое-то знакомое, уютное ощущение.

Поэзия истории.

Я слышал подобные рассуждения довольно часто, особенно от старших эльфов, которые видели восходы и закаты нескольких сотен лет. Мало что способно удивить их, даже бурные события вроде Смутного Времени или Магической чумы, потому что они множество раз слышали стихи истории. И эта ожидаемая реальность воплощается в жизнь, когда дело касается возвышения и падения королевств и империй. Они следуют определенному курсу, они поднимаются в надежде на лучшее, они восходят на вершины славы, пользуясь благоприятными возможностями. Иногда они достигают этой вершины, сверкающего бриллианта, почти полного совершенства – это Миф Драннор во времена своего величия, Глубоководье на вершине могущества, и да, я включу сюда возрождение клана Боевого Молота в Мифрил Халле. Это обещание, это надежда.

Но колесо судьбы движется вперед, поворачивается слишком часто, и падение так же предсказуемо, как возвышение.

Часто я спрашиваю себя: что это, амбиции или слабость разумных рас? Что приводит к вращению этого колеса, подъему и падению культур и королевств? Так

много их начинает свое существование с добрыми намерениями, с большими надеждами. Новая дорога, новый день, светлый рассвет и тысяча других клише...

Однако, по-видимому, любое государство в конце концов приходит к стагнации, и во время этого застоя силу обретают злые люди, руководствующиеся алчностью или жаждой власти. Подобно язве, они находят путь в любое правительство, проникают сквозь лазейки в самых благонамеренных законах, используют их в своих целях, копят сокровища и обеспечивают собственное благополучие за счет других людей, а в несчастьях и смутах винят своих беспомощных подданных, у которых нет ни права голоса, ни прибежища. Они обращаются к крестьянам: «Бойтесь вымогателей!» А вымогатели – это якобы больные, старые, угнетенные.

Они искажают реальность, чтобы сохранить свои богатства, но все же они никогда не чувствуют себя в безопасности, потому что такова кара истории; и когда они заканчивают грабить, несправедливое государство рушится и погребает под собой и угнетенных, и угнетателей.

И тогда несчастья и болезни воцаряются на полях, на море, в лесах, среди работников и крестьян, рыбаков и охотников, среди тех, кто сеет, и тех, кто ест.

Потому что, боюсь, поэзия истории – это мрачная поэзия, она звучит как предупреждение об опасности, а потом она исчезает в памяти далеких поколений, превращается в легенды, а новые вредители выползают из своих коконов и пируют за счет несчастных.

Так не должно быть, но это происходит слишком часто. Я надеялся на нечто новое, лучшее, на нечто продолжительное, и это привело к договору ущелья Гарумна, о котором я начинаю сожалеть.

И поэтому мне следует погрузиться в отчаяние.

Но нет, я далек от безнадежности, потому что я видел божественную справедливость, я получил обратно самое ценное, что может быть в этом мире, – самых верных друзей и супругу, какие только могут быть у смертного существа. Мы идем вперед с открытыми глазами, с открытыми сердцами, мы Компаньоны из Халла, мы прекрасно знакомы с поэзией истории и твердо настроены сделать так, чтобы эти печальные ноты сменились триумфальными тактами и мягкими мелодиями надежды и справедливости. Мир погружен в хаос, но мы несем с собой порядок.

Мир затмила тень, но мы намерены нести свет.

Однажды, не очень давно, мне пришлось уговаривать своих бывших спутников совершать хорошие дела и самоотверженные поступки; теперь, наоборот, я окружен теми, кто побуждает меня к самоотречению.

Потому что даже мрачная правда не может изгнать из моего сердца неиссякаемый оптимизм, надежду на то, что в жизни есть еще что-то лучшее, что-то большее, нормальное общество, где слабые не боятся сильных.

Мы найдем свой путь, найдем нестройные ноты в страшных стихах; так получилось в случае с личем, которого Реджис притащил за собой, с этой тварью, Темной Душой, которая считала себя сильнее нас.

Потому что это была часть игры, которую мы могли бы предвидеть, если бы взглянули более внимательно на нашего друга-полурослика. Если бы мы вспомнили правду о Пузане – о том самом Реджисе, который давным-давно навлек на нас

проклятие по имени Артемис Энтрери (впрочем, с тех пор он перестал быть проклятием...).

И теперь мы действуем более осторожно, потому что в Реджисе появилось что-то новое – какая-то необычная аура, странные манеры, желание бросаться навстречу опасности, иногда напрасно, – и это «новое» привлекает к нам беды.

Пусть будет так. Возможно, как говорит старая пословица, это часть его обаяния.

А я скажу, что он сам ищет смерти.

Необдуманное слова так часто оказываются правдой.

Они идут от сердца, они выдают истинные чувства прежде, чем говорящий успевает вмешаться и прикусить язык – из благоразумия или из страха. Прежде чем естественные стражи заставят говорящего контролировать свои высказывания, защищая его от конфуза или от опасности. Прежде чем законы вежливости заставят его проглотить слова, чтобы пощадить чувства других, скрыть горькую правду.

Бренор называет эту машинальную реакцию «вывернуть кишки».

Мы все так иногда поступаем. Хотя большинство из нас старается помалкивать и не говорить лишнего, и с точки зрения такта и правил этикета это хорошо.

Но иногда такие слова, сказанные необдуманно, служат словно озарением, своего рода признанием в том, что на самом деле лежит у тебя на сердце, несмотря на сдержанность, которую приобретаешь в обществе воспитанных людей.

Так произошло в тот день в одной из комнат верхнего уровня Гаунтлгрима, когда я сказал, что не оставлю Энтрери в руках тюремщиков-дроу. Я не сомневался в своих дальнейших действиях с того момента, как услышал слова Тибблдорфа Пуэнта. Я твердо намерен был отправиться на поиски Артемиса Энтрери и освободить его – и остальных, если их действительно взяли в плен.

Все было просто.

И все же, мысленно возвращаясь к тому моменту, я понимаю, что положение было совсем не простое. Да, действительно, я сам удивился своей решимости и твердости, и по двум очень разным причинам.

Во-первых, когда я услышал собственные слова, то понял нечто такое, в чем прежде не признавался даже самому себе: что судьба Артемиса Энтрери мне безразлична. Я путешествовал вместе с ним не только потому, что это было мне удобно, не потому, что мне было одиноко, не из нелепого стремления привести его и других на путь добра. Я шел с ним потому, что он был мне безразличен; не только Далия была безразлична мне, но и Энтрери.

За прошедшие годы эта мысль много раз посещала меня. Когда я узнал о дружбе Артемиса Энтрери с Джарлаксом, у меня появилась надежда, что Джарлакс поможет этому человеку избавиться от преследовавших его демонов. Я желал Энтрери добра, то есть надеялся, что он начнет лучшую жизнь и найдет лучший путь. Эта мысль, эта слабая надежда, часто мелькала у меня в мозгу.

Но все же в тот день в Гаунглгриме, когда я выпалил эти слова, я сам поразился тому, как сильно я привязан к этому человеку.

В конце концов, ко мне вернулись мои друзья, Компаньоны из Халла, мои самые дорогие друзья, да, моя семья, единственная семья, которая когда-либо была у меня. Мое неожиданное заявление насчет того, что я отправляюсь спасать Энтрери, было в некотором роде эгоистичным, потому что я понимал: мои любимые спутники обязательно пойдут со мной. Следовательно, ради Артемиса Энтрери я намеренно собирался подвергнуть серьезной опасности самых дорогих друзей, даже Кэтти-бри!

Это немало, как мне кажется, и сейчас, когда я вспоминаю тот момент; он открывает мне нечто большее, нежели мое желание освободить Артемиса Энтрери.

Когда я впервые появился в Долине Ледяного Ветра, окружающие считали меня безрассудным. Даже Бренор, который вскочил на спину теневого дракона с бочонком пылающего масла, привязанным к его собственной спине, часто качал головой и бормотал «проклятый эльф», видя мои выходы в бой!

Я сражался так, словно мне нечего было терять, потому что в душе и в сердце своем я чувствовал, что терять мне действительно нечего. Но потом, совершенно неожиданно, я понял, что могу потерять очень многое: друзей, которых я встретил и любил, женщину, которая стала моей женой.

Это не новое открытие – на самом деле я прожил почти столетие, пытаюсь освободиться от уз, которыми сам связал себя, и мне показалось, что я освободился от тоски по Бренору, последнему из моих спутников, покинувшему этот мир и отправившемуся в Дом Дворфов. Несмотря на громадную горе, которое я испытал после его смерти, я наконец почувствовал себя свободным.

Но потом мои друзья, моя семья – мои узы? – вернулись ко мне. Что это означало? Разумеется, я был рад, я был в восторге, ликование переполняло меня, но иногда я думал: неужели мне суждено снова испытать тот же вечный страх потери, который преследовал меня прежде?

Но в момент, когда я высказался необдуманно, настойчиво повторяя, что я, все мы должны найти и освободить Энтрери и остальных, я вдруг осознал, что с возвращением любимых друзей мои «узы» не вернулись ко мне. Возможно, дело было в превращении, которому подверглись Компаньоны, в том, что они умерли и снова воскресли; поэтому окрепла и моя вера, решимость и желание идти навстречу приключениям. Возможно, я стал таким смелым потому, что постепенно смирился с потерей друзей, и страх перед новой потерей почему-то не преследовал меня.

Но скорее всего, здесь было нечто другое, нечто, уходящее корнями в мою душу, связанное с моими убеждениями. В жизни ты делаешь то, что считаешь правильным и нужным, и веришь, что подобное поведение приведет к хорошему концу. Да, это и есть мои убеждения, с которыми я ни за что не расстанусь. И каким же трусом я был бы, если бы отказался от этого пути из страха, любого страха, даже из тревоги за своих дорогих Компаньонов.

Услышав новость о пленении Энтрери, я заговорил инстинктивно, я сказал то, что считал правильным, но когда я вернулся мыслями в прошлое и обдумал этот момент, я узнал больше о самом себе.

И намного больше узнал о своих друзьях, потому что, услышав их ответ, я сделал для себя второе открытие. Они не колебались ни секунды и действительно готовы

были сражаться – как я. Даже Реджис не испытывал страха. Это был наш путь, верный путь, и мы решили пройти его.

И мы отправились на поиски. У меня уже много десятилетий не было так легко на душе – с того дня, как я потерял Кэтти-бри в результате Магической чумы. Столько раз я желал обрести эту свободу, забыть о Мифрил Халле и о Кэтти-бри, снова и снова пытался обрести радость жизни.

Но сейчас все было иначе. Это было не тщательно взвешенное решение, не обещание, не клятва. Это было то, чего я искал долгие годы, и теперь я совершил круг, вернулся в тот день, когда мы с Вульфгаром вошли в логово великана по имени Весельчак. Этот выбор был сделан спонтанно – возникла проблема, и мы отправились улаживать ее, и мы были абсолютно уверены в себе, верили друг в друга.

«Как думаешь, может, предупредить дроу о нашем приходе, чтоб они позвали сюда еще больше своих сородичей?» – пошутил Бренор, но в тот момент я воспринял эту шутку почти всерьез.

Потому что в глубине души мы были уверены в своей победе.

Потому что иной исход был для нас неприемлем.

Все было просто.

И все же нам предстояло сражаться с темными эльфами, а их было немало, и они уже умудрились каким-то образом одолеть и взять в плен Артемиса Энтрери и его отряд. Поэтому, когда мы начали наш путь, у меня зародились сомнения.

Я сомневался не в правильности выбранного пути, а в том, что нам удастся совершить задуманное.

И в том, что цена, заплаченная за успех, окажется невысока.

Но путь был выбран.

Это наше кредо.

Это девиз Компаньонов из Халла.

Другого пути быть не может.

И поскольку мы знали, что сделали правильный выбор, сомнения и сожаления не могли остановить нас.

И цена победы не имела для нас значения.

Восхождение короля

Насколько легче стало мое путешествие теперь, когда я знаю, что иду верной дорогой, знаю, что воюю за справедливое дело. Я шагаю вперед без сомнений, без колебаний, стремлюсь поскорее добраться до цели, зная, что прибуду туда, оставив за спиной лучшую тропу, чем та, на которую я ступил в начале пути.

Таково было мое возвращение в Гаунтлгрим, предпринятое с целью спасти потерянного друга. Таково было обратное путешествие из этого мрачного места в Порт Лласт, когда я сопровождал спасенных пленников, вернул их домой, в родной город.

И теперь точно так же уверенно я направляюсь в Длинную Седловину, где мы освободим Тибблдорфа Пуэнта от его проклятия. Всякие сомнения и колебания оставили меня.

Но что же с нашими дальнейшими планами, походом в Мифрил Халл, в Королевство Многих Стрел, с планами... начать войну?

Может быть, силы оставят меня, когда радость от встречи и возможности вновь пережить приключения рядом со старыми друзьями померкнет при виде ожидающего меня мрака? А если я не смогу искренне согласиться с мнением Кэтти-бри насчет того, что орки неисправимы, не смогу согласиться с Бренором, который утверждает, будто война уже началась и начали ее разбойничьи банды орков? Может быть, эти разногласия разрушат дружбу и единство Компаньонов из Халла?

Я не собираюсь убивать по чужому приказу, пусть даже этот приказ исходит от друга. О нет, для того чтобы извлечь из ножен клинки, я должен быть твердо, всей душой и сердцем убежден в том, что я наношу удар во имя справедливости или ради самозащиты, ради дела, стоящего того, чтобы за него сражаться, умирать и, что самое главное, убивать.

Это имеет первостепенное значение для меня и для избранного мной жизненного пути. Мне недостаточно того, что Бренор объявил войну оркам Королевства Многих Стрел и намерен начать военные действия. Я не наемник, я не воюю ради золотых монет или ради старой дружбы. Мне нужно нечто большее.

Я должен сам принять необходимость войны.

Думаю, путешествие в Мифрил Халл принесет мне радость. Меня будут окружать мои самые дорогие друзья, и вместе мы снова пройдем по новым тропам. Но, скорее всего, я буду шагать уже не так легко, с большим трудом, потому что совесть не дает мне покоя.

А возможно, это не совесть, а растерянность, потому что я не убежден в правильности своих действий, - но и не могу сказать, что я против.

Проще говоря, я не уверен. Несмотря на то что речи Кэтти-бри подсказаны самой Миликки, - так говорит она сама, и я ей верю, - сердце мое не может их принять, а это, как я уже говорил, самое главное. Да, даже важнее воли богини.

Кто-то может сказать, что мое упрямство - результат высокомерия, спесивой самоуверенности; возможно, частично это и верно. Однако для меня это не высокомерие, а чувство глубоко личной ответственности. Впервые я пришел к своей богине потому, что описание Миликки совпадало с устремлениями моей души и сердца. Ее учение отвечало моим убеждениям, так мне тогда казалось. Иначе она была бы таким же пустым звуком для меня, как любое другое божество в пантеоне рас Торила.

Потому что мне не нужен бог, чтобы указывать мне, как себя вести. Мне не нужен бог, чтобы руководить моими действиями и решениями, - отнюдь. Я не нуждаюсь в догматах, чтобы определить, что правильно, а что неправильно.

И уж конечно, я не нуждаюсь в страхе перед божественной карой, чтобы твердо следовать по пути, подсказанному мне голосом сердца. Напротив, подобные оправдания действий кажутся мне поверхностными и, в конце концов, опасными. Я разумное существо, у меня есть совесть и понятия о том, что хорошо и что плохо. И, сворачивая со своей тропы, я наношу оскорбление не некоему невидимому

сверхъестественному существу, чьи учение и обычаи передаются - и часто субъективно толкуются - смертными жрецами и жрицами со свойственными смертным неизбежными искажениями. Нет, прегрешения Дзирта До'Урдена причиняют ущерб прежде всего самому Дзирту До'Урдену.

Иначе и быть не может. Я не слышу голоса Миликки, когда иду одной дорогой с такими спутниками, как Артемис Энтрери, Далия и остальные, словом, с теми, кто не находится ни на стороне добра, ни на стороне зла. И не указания Миликки заставили меня после долгих сомнений покинуть Далию на склоне Пирамиды Кельвина, а мои собственные убеждения, которые нельзя вырвать из моего сердца.

Таким образом, круг замкнулся: я как будто снова вернулся в те времена, когда впервые услышал о Миликки.

В тот день я обрел не божественную мать, которая дергала бы за ниточки марионетку по имени Дзирт.

В тот день я обрел имя для убеждений, которые считал единственно верными. Повторяю еще раз: богиня живет в моем сердце, и мне не нужно искать руководства где-либо еще.

А возможно, я просто слишком самонадеян.

Пусть будет так.

Я прожил на свете почти двести лет, и большую часть этих лет занимала борьба - сражения, войны, засады чудовищ и неожиданные опасности.

И все же, если сложить вместе все часы сражений, в которых мне приходилось участвовать, то общее время окажется ничтожным по сравнению с тем, что я посвящаю тренировкам в течение десяти дней. И действительно, сколько сотен часов, составляющих тысячи дней, я провел, обращая оружие против воображаемых противников, тренируя свои мышцы, чтобы наносить удар клинком как можно стремительнее, сохраняя при этом равновесие, под нужным углом, в нужный момент?

За одну тренировку я, возможно, наношу колющих ударов в центр туловища противника больше, чем за все сражения, в которых участвовал. Таков образ жизни воина, иначе нельзя. И я знаю, что это верный путь для каждого, кто хочет развить свои навыки, для каждого, кто хочет достичь совершенства, даже зная, что совершенства не существует.

Потому что не существует совершенного выпада, совершенной обороны, совершенной формы. Само это слово означает состояние, которое невозможно улучшить, но к боевому искусству это понятие неприменимо, потому что владение собственным телом, разумом и техникой всегда можно совершенствовать.

Итак, не существует состояния совершенства, но искать его - это не глупость, нет, потому что именно эти поиски, это бесконечное путешествие, определяют превосходство воина над другими.

Когда ты не просто сосредоточен на цели, а видишь ведущий к ней путь, ты учишься смирению.

Воин должен быть скромным.

Слишком часто люди определяют ценность собственной жизни в соответствии со своими целями, и, следовательно, по тому, что они считают своими достижениями. Я не раз размышлял над этим явлением, и мудрость, накопленная с годами, научила меня постоянно отодвигать цель дальше, чтобы ее нельзя было достичь. Разве отрицательной стороной достижения не является самодовольство? Со временем я пришел к выводу, что мы слишком часто ставим себе цель и достигаем ее, а потом считаем, что наше путешествие подошло к концу.

Я ищу совершенства, совершенства во владении мечами, во владении своим телом. Я знаю, что его не существует, и это знание помогает мне двигаться вперед, каждый день, и никогда не приносит мне ни раздражения, ни сожалений. Моя цель недостижима, но истина заключается в том, что мой путь к этой цели гораздо важнее для меня.

Это верно также для любой цели любого человека, но мы редко понимаем это. Мы ставим себе цели и стремимся к ним, как будто их достижение волшебным образом гарантирует бесконечное счастье и довольство собой, но так ли это на самом деле? Бренор жаждал найти Мифрил Халл, и он его нашел. И сколько лет после этого достижения мой друг-дворф искал способ спрятать его обратно или, по крайней мере, отвязаться от цели, которую он себе некогда поставил?

Он желал новых приключений, новых дорог, новых целей и в конце концов окончательно отрекся от трона Мифрил Халла.

И если это верно для короля, то верно и для простого подданного, да и почти для всех, кто живет, подчиняя свое существование лихорадочной гонке к следующему «если бы», и во время этой гонки не замечает самой важной из всех истин.

Путь к цели более важен, чем сама цель. Ведь даже если цель и стоит того, чтобы ее достичь, то путь представляет собой саму жизнь.

Итак, я ставлю себе недостижимую цель: совершенство физической формы, совершенство в бою.

И путь к этой цели, путь длиною в жизнь, помогает мне выжить.

Сколько раз за двести лет мне в последнее мгновение удавалось ускользнуть из пасти чудовища или от клинка врага? Сколько раз я побеждал благодаря памяти своих мышц, их способности выполнять требуемые движения прежде, чем мозг прикажет сделать это? Бесконечная практика, медленный танец, быстрый танец, повторение повторения приводят к тому, что тщательно рассчитанные движения становятся совершенно автоматическими. Упражняясь, я вижу перед собой воображаемого врага, его оружие, его фигуру, позу. Я закрываю глаза, противник появляется перед моим мысленным взором, и я реагирую на его движения, тщательно рассчитывая ответный выпад, соображаю, нужно ли парировать или наносить ответный удар, ищу свои преимущества, промахи противника.

Много секунд длится одно-единственное воображаемое движение, и еще множество секунд и минут проходит, когда я отрабатываю это движение снова и снова. Затем я меняю его, поскольку опыт подсказывает мне новые способы нападения и обороны. Снова и снова я повторяю одно и то же. Скорость возрастает -

то, что занимало пятьдесят секунд, теперь занимает сорок девять, затем сорок восемь и так далее.

И когда в настоящем бою я вижу ситуацию, возникавшую в моем воображении во время тренировки, я действую практически не думая. Один удар сердца - и мозг приказывает мышцам совершать рефлекторные движения.

Таков путь воина: необходимость постоянно оттачивать рефлексы, движения, чтобы тело само действовало по сигналу мозга; необходимость доверять своему телу.

Да, вот в этом состоит самая главная сложность. Тренировать тело легко, но эти тренировки бесполезны, если одновременно не тренировать мозг.

Главная черта выдающегося воина - спокойствие. Спокойствие героя.

Основываясь на собственном опыте, встречах и беседах с воинами, волшебниками, жрецами, на воспоминаниях о мужестве и смелости, проявленных другими на краю гибели, я пришел к выводу, что существуют три типа личности. Одни бегут от опасности, вторые застывают в ужасе, а третьи мчатся навстречу ей. Думаю, что для большинства людей это не новость; и еще я думаю, что очень мало найдется тех, кто добровольно отнесет себя к первой или второй группе.

Но последняя реакция, побуждение бежать навстречу опасности, столкнуться лицом к лицу, решительно и спокойно, попадаетея реже всего среди разумных рас, даже среди дроу, даже среди дворфов.

Неожиданность притупляет ощущения. Часто человек, которого застигли врасплох, слишком много времени тратит просто на то, чтобы осознать смысл происшедшего, и отрицает реальность, поскольку эта самая реальность лишает его способности соображать.

«Этого не может быть!» - такую фразу чаще всего произносят перед смертью.

Даже если ситуация принимается сознанием, многочисленные опасения замедляют реакцию. Например, когда видишь серьезно раненного товарища, страх невольно сделать что-то не так, причинить вред, мешает немедленно наложить повязку, в то время как жизнь вместе с кровью хлещет из раны на землю.

В бою ситуация становится еще более сложной, потому что в игру вступают совесть и страх. Лучники, которые могут попасть в цель с расстояния в сто шагов, часто промахиваются, когда противник находится гораздо ближе, когда попасть в него гораздо легче. Возможно, здесь играют роль угрызения совести: совесть говорит лучнику, что он не убийца, что он не должен убивать. Возможно, это страх, страх промахнуться, что может оказаться фатальным для лучника.

Когда я начинал свое обучение в Академии Мили-Магтир, школе воинов дроу, наши первые занятия включали неожиданное нападение мародеров-дергаров. Разбойники вламывались в зал для тренировок и в мгновение ока убивали инструкторов, и студентам, совсем молодым дроу, оставалось обороняться или погибнуть.

Я видел, как темные эльфы из благородных Домов бежали через черный ход, некоторые бросали на бегу оружие, издавая крики ужаса. Другие, ошеломленные, застывали на месте; если бы нападение было реальным, они стали бы легкими жертвами врагов, серых дворфов.

Лишь немногие вступали в бой. Я был среди них. Мною двигала не храбрость, но мгновенно произведенный расчет: я понимал, что мой долг, моя драгоценная возможность сделать что-то полезное для Мензоберранзана и моих товарищей по академии и, наконец, мой единственный шанс спастись заключаются в битве, в готовности сражаться. Я не знаю, каким образом, но в этот момент внезапного, сильного потрясения разум одерживал верх над страхом, и страх отступал перед голосом долга.

Подобную реакцию преподаватели академии называли «спокойствием героя», и тех, кто вступал в бой с дергарами, отличали и едва ли не награждали аплодисментами.

Тех, кто стоял в бездействии или бежал, ожидали брань и наказания со стороны преподавателей, но в конце концов никого не исключали из академии, что свидетельствовало о вполне ожидаемом от воспитанников поведении. Нет, тех, кто провалил это испытание, обучали - нас всех обучали - час за часом, день за днем, бесконечно, упорно, жестоко.

Тест повторился много месяцев спустя в виде очередной неожиданной засады со стороны другого противника, в другом месте.

На сей раз многие из нас уже были обучены тому, что другие понимали инстинктивно, и тренировки давали о себе знать: лишь немногие бежали прочь или застывали на месте от ужаса. Нашим врагом в битве в широком туннеле за пределами города была банда гоблинов, и, в отличие от дергаров, они получили приказ атаковать нас по-настоящему.

С другой стороны, нападавшие гоблины встретили отряд, обученный искусными инструкторами, воинов, которые приобрели не только физическую силу, но и силу духа. И когда пал последний гоблин, на темной коже воинов-дроу осталась лишь пара царапин.

Однако те темные эльфы, которые бежали или не в состоянии были сражаться, потеряли свой шанс на обучение в Мили-Магтир. Они не обладали разумом воинов и поэтому все были исключены.

Позднее я узнал, что многие из них также были с позором изгнаны из своих Домов и семей.

В Мензоберранзане, царстве безжалостной Паучьей Королевы и ее злобных Матерей, нет места тому, кто не может стать настоящим воином.

В последние несколько декад, наблюдая за Реджисом, я вспоминал те дни в Мили-Магтир. Мой друг-полурослик вернулся в мир смертных, решительно настроенный изменить свой характер и образ мыслей, идти путем воина. Размышляя о своем собственном опыте, о прогрессе, которого достигли многие дроу, провалившие первое испытание с серыми дворфами, но храбро сражавшиеся с гоблинами, я лучше понимаю своего нового, бесстрашного спутника - безжалостного воина.

Реджис иногда называет себя «Паук Паррафин», это имя он получил в своей второй жизни, но в конце концов он остается Реджисом, тем самым Реджисом, которого мы знали прежде. Однако он проявил необыкновенное упорство и решимость в преследовании невыполнимой цели и теперь готов к пути воина.

По секрету он рассказал мне, что его по-прежнему терзают сомнения и страхи, и я рассмеялся в ответ.

Потому что, мой друг-полурослик, сомнения и страхи свойственны всем представителям разумных рас.

Это существует где-то в глубине коллективного сознания, бранится и ворчит, жалуется, нашептывает тревожные слова.

Сначала на дне котла появляются крошечные пузырьки недовольства; они остаются там, никем не замеченные.

Все тихо.

Потом они всплывают на поверхность. Сначала их возникает несколько, потом еще несколько, а потом - целый каскад.

Наступает критический момент, когда лидеры должны все как один взять себя в руки и успокоить брожение, «снять котел с огня». Но слишком часто амбициозные оппозиционеры подливают масла в огонь, смущают граждан, распространяют злобные слухи.

Истинны эти слухи или нет, не имеет значения; отрицательное впечатление остается.

Пузырей становится все больше, и вот наконец вода закипает, в воздух поднимается пар, унося с собой души многочисленных жертв, которые должны погибнуть в этой симфонии смерти, среди этого гнева, ищущего выхода.

В этой войне.

Я видел, как это повторяется, множество раз за свою жизнь. Иногда война была справедливой, но чаще всего это был конфликт бесчестных противников, которые прикрывали свои истинные цели красивой ложью. В этом круговороте несчастий и смертей воина чтут высоко, и флаг его гордо развевается над головой. И никто не задает ему вопросов ни насчет целей, ни насчет его методов.

Вот как общество упорно подкладывает мину под собственный «котел с водой».

А когда все заканчивается, когда дома превращаются в кучу мусора, а кладбища переполняются, и на улицах гниют трупы, мы оглядываемся назад и спрашиваем себя, как же мы дошли до этого ужаса.

В этом и состоит величайшая трагедия - в том, что мы спрашиваем себя о причинах только после того, как испытали все ужасы войны.

Разрушенные семьи.

Убитые дети и женщины.

Но как судить о войне с чудовищными захватчиками, о войне против орков и великанов, которые более сильны и жестоки, чем остальные расы? Кэтти-бри, при громогласной поддержке Бренора, пыталась убедить меня, что эта война отличается от других, что этих существ, по словам самой Миликки, нельзя рассматривать наравне с разумными, добрыми расами. Нельзя даже судить о них так, как мы судим о разумном, но отнюдь не добром обществе, вроде моего народа. Орки и великаны отличаются от нас, уверяла меня Кэтти-бри, потому что их мерзкий образ жизни - не

результат влияния преступного общества. Причина лежит гораздо глубже, в самой природе этих тварей.

Тварей?

Как легко слетает с моих губ это уничижительное слово, когда я говорю об орках и гоблинах. Но мой собственный жизненный опыт убеждает меня в обратном - как, например, тот случай с Нойхаймом, рабом-гоблином.

Все это слишком сложно, и, угодив в кипящий котел, я отчаянно цепляюсь за слова Кэтти-бри. Мне нужно верить в то, что те, в кого я стреляю, кого зарубаю мечами, не способны к раскаянию, дурны, неисправимы, что цель их жизни - уничтожение.

А иначе как мне смотреть на свое отражение в зеркале?

Признаюсь: я испытал облегчение, когда, появившись на Серебряных Пустошах, обнаружил, что Королевство Многих Стрел развязало войну.

Испытал облегчение, увидев, что началась война...

Можно ли представить себе нечто более странное? Как может война - любая война - вызвать чувство облегчения? Это трагическая неудача добрых ангелов, потеря разума, способности чувствовать; момент, когда душа уступает низменным инстинктам.

И все же мне стало легче, когда я увидел, что войну начало Королевство Многих Стрел, и я солгал бы самому себе, если бы вздумал это отрицать. Я был рад за Бренора, потому что, уверен, он сам начал бы войну, и тогда неизбежное несчастье легло бы тяжким бременем на его плечи.

Мне стало легче и за Кэтти-бри, потому что она так решительно и бескомпромиссно заявляет, что для орков не существует исправления.

Так она толкует песнь богини.

Но ее толкование поколебало мою веру в эту богиню.

Кэтти-бри не настолько уверена в себе, как хочет показать. Прежде, когда мы еще не видели ужасов войны, голос ее звучал тверже. Но все изменилось после того, как мы, прячась за стенами Несма, ожидали следующей атаки, нового витка насилия. В те дни с помощью огненных шаров и огненных элементаров она уничтожила немало врагов, и поступила совершенно правильно, потому что защищала жителей города.

И все же ее прекрасное лицо постоянно нахмурено, в голубых глазах ее я замечаю боль и, несмотря на ее улыбку, вижу, что на душе у нее тяжело. Она продолжает придерживаться поучений Миликки и своих собственных заявлений, и заклинания ее смертоносны. Но каждая смерть, случившаяся в городе или за его стенами, лишает ее покоя, вновь ранит сердце, разрушает ее надежды.

- То, что случилось, то случилось, - повторяет Атрогейт, расхаживая по парапетам.

Но на самом деле «то, что случилось» - вовсе не то, чего желает Кэтти-бри, и поэтому война причиняет ей сильную боль, и сильнее тела страдает ее душа.

Но я рад за Кэтти-бри. Это одна из причин, по которым я люблю ее.

Итак, я чувствую облегчение, думая о своих дорогих друзьях, об их сердцах и шрамах, которые оставит эта война. Война всегда оставляет шрамы. И все равно мне

причиняет горе мысль о смертях, жестокости, просто бессмысленности этой войны на Серебряных Пустошах.

Если рассматривать победу как нечто лучшее, нежели ситуацию, существовавшую до начала конфликта, то становится ясно: сейчас победителей не будет.

Я уверен в этом.

Месть Железного Дворфа

Потерянные снова

Кажется, мои друзья вовлечены в паутину повторяющегося ночного кошмара. Двое моих дорогих вернувшихся товарища, и новые спутники, с которыми я путешествовал последнее время. Так много раз я - мы - оказывались на краю безысходности. Превращенные в камень, захваченные могущественным некромантом, похищенные дроу и даже встретившие свою смерть.

И теперь мы снова вместе. Временами, мне кажется, что боги смотрят на нас, вмешиваясь в течение наших жизней.

Или, быть может они смотрят на нас, лишь играя нашими судьбами.

Теперь мы снова стоим у этой черты. Реджис и Вульфгар пропали в туннелях Верхнего Подземья. Казалось, было что-то окончательное в их исчезновении, когда дьявольская ловушка вернулась на свое место. Мы слышали, как падает Реджис. Где-то вдали. Не похоже было, что он спокойно полетел вниз, а орки, как мы знаем, любят ловушки, которые в начале ловят жертву, не убивая её сразу.

Это не повод хранить надежду, но все же, зная, как орки обычно ведут себя со своими пленниками...

В первые дни после нашего возвращения я убедил короля Коннерада удвоить стражу в нижних туннелях, чтобы позволить мне выбраться с охраняемой территории, все еще контролируемой Мифрил Халлом, следуя к областям, захваченным орками. Бренор порывался пойти со мной, но лучше уж я один спущусь в Подземье. Кэтти-бри просила меня остаться в крепости, говоря, что она уже выходила, используя свою магию, пытаясь разузнать судьбу наших друзей.

Но я не могу отсиживаться в тишине и комфорте Мифрил Халла, когда я все еще боюсь того, что мои товарищи могут быть там. Когда я слышу, все еще слышу, их крики о помощи, раздающиеся в моей голове. Повторяющийся кошмар везде следует за мной: мои дорогие друзья, неистово сражаясь, пробираются к нижним туннелям, все еще контролируемым дворфами. Но здешние места совершенно не подходят для полурослика или человека. Один тупик за другим, одна засада за другой. Я представляю, как они отчаянно сражаются, а затем бегут обратно, туда, откуда пришли. Орки машут копьями и смеются, гоня их во тьму.

Если я верю, что они все еще там - как я могу остаться за железными стенами?

Я не могу отрицать, что нам еще многое предстоит сделать в крепости. Мы должны найти способ прорвать оцепление и начать наступление на поверхности, иначе Серебряные Пустоши падут. Волна страданий накроет окружающие земли...

Нам так много надо сделать.

Несм пал.

Нам так много надо сделать.

Остальные дворфские цитадели полностью осаждены.

Нам так много надо сделать.

Одинокие дороги жизни, эти туннели, соединяющие Адбар, Фелбарр и Мифрил Халл, теперь находятся под постоянным давлением со стороны врагов.

Нам так много надо сделать.

И так много времени мы провели в мрачном молчании. Мы путешествовали в Цитадель Фелбарр и обратно. Много декад прошло с тех пор, как пропали Вульфгар и Реджис.

Они все еще там, в темных туннелях или прикованы к стене в темнице орков? Кричат ли они от боли и безысходности, моля друзей прийти на помощь? Или просят о смерти?

Или теперь они замолчали навсегда?

Все указывает на то, что они мертвы, но я видел слишком многое в своей жизни, чтобы просто принять эту истину. Я храню в душе надежду и знаю из своего жизненного опыта, что эта надежда не может быть ложной, основанной лишь на глупых эмоциях.

Но она все равно всего лишь надежда.

Они упали, скорее всего, на встречу смерти. Либо немедленной, либо в плену у орков. Даже если это не так и их падение сквозь стену привело моих товарищей в туннель, свободный от орков и дроу, которые часто посещают эту местность, слишком много декад прошли без новостей. Они не могут находиться в Подземье. При всех своих замечательных качествах, в этом темном месте и в это темное время - так мало шансов, что Вульфгар и Реджис могут быть живы.

И поэтому я держусь за эту соломинку, но в глубине своего сердца, я готовлюсь к худшему.

Как ни странно, но я смирился с этим. И это не то фальшивое состояние, когда я пытался спрятаться от моей боли за надеждой, что все это - лишь один из вариантов. Если они погибли, если они упали - я знаю, они умерли хорошей смертью.

Это самое большее, что мы можем просить сейчас. Все мы. Есть старая поговорка дроу - чаще всего я слышал её применительно к Матери Бэнр в дни моей юности: "qu'ella bondel" . Это значит - подаренное время. Или лишнее время. Верховная мать была очень стара, старше, чем кто-либо другой, старше, чем какой-либо из известных дроу. Поэтому она должна была умереть много веков назад. За много веков до того, как Бренор опустил свой топор на её голову, но она жила на qu'ella bondel.

Поэтому, мы принимаем свою судьбу.

Если Вульфгар и Реджис не вернутся к нам, если они действительно погибли - и, как заверила меня Кэтти-бри, боги не станут снова вмешиваться в это - значит, так тому и быть. На сердце у меня будет тяжело, но оно не разобьется. Нам всем был дан

великий дар. Приветствуя друг друга снова, мы все знали, что делаем это лишь затем, чтобы попрощаться.

Но только...

Что бы я чувствовал теперь, если бы там, в туннелях, осталась Кэтти-бри?

«Я не смелый гоблин. Я предпочитаю жить, хотя часто мне становится интересно, чего же действительно стоит моя жизнь».

Эти слова не дают мне покоя.

В свете откровений, ниспосланных моей богиней, Миликки, Кэтти-бри, все гоблиноиды - несправимое зло, которое должно быть вырезано мечом. И эти слова не дают мне покоя.

Они были сказаны мне гоблином, которого звали Нойхейм, сосредоточием интеллекта и остроумия. Для меня он был чем-то из ряда вон выходящим, ведь я никогда раньше не говорил с гоблином так открыто и честно. Он называл себя трусом, так как не смог подняться против людей, захвативших, бивших и поработивших его. Он задумался о ценности своей жизни, потому что был рабом.

Они пришли к Нойхейму, поймали его, и это навеки стало моим позором. Я не смог помочь гоблину, и в следующий раз увидел друга повешенным за шею его мучителями. Пошатываясь, я побрел прочь, и в ту же ночь написал: «Есть события, которые навсегда застывают в памяти, чувства, которые несут в себе нечто совершенное, оставляющее в наших душах яркий и неизгладимый след». Я помню ветер, дувший в тот ужасный момент. Небо в этот день было укутано низкими облаками, но погода стояла необычно теплая, однако внезапные порывы несли с собой сковывающие укусы холода, спустившегося с высоких гор и таящего в себе морозную свежесть глубоких снегов. Этот ветер налетал сзади, бросая на лицо мои длинные белые волосы, заставляя плотно прилегать к спине плащ, пока я сидел, погруженный в свое горе, и беспомощно смотрел на высокую поперечную балку.

Этот пронизывающий ветер покачивал окоченевшее и раздутое тело Нойхейма, слегка поворачивая его. Болт, державший пенковую веревку, поскрипывал, словно бы в беспомощном и скорбном протесте.

“Я буду видеть его всегда”

И вот я вижу его до сих пор, и когда мне удастся выгнать эти мысли из своей головы, они все равно возвращаются.

И никогда они не были сильнее, чем сейчас, с этой войной, с Бренором, высмеивающим Соглашение Ущелья Гарумна, как худшую ошибку, с Кэтти-бри, моей любимой Кэтти-бри, настаивающей на словах Миликки. Богини, которой мы оба дорожим. И все эти люди из давно прошедших дней, из той давно пустующей деревни, что стоит у Сарбрина, деревни, чье название я даже не могу вспомнить, получают оправдание в своих действиях.

Я не могу смириться с этим. Я просто не могу.

Утверждения Кэтти-бри сокрушают меня и выбивают землю из-под моих ног, покуда я совершенно не погружаюсь в отчаяние. Ибо, когда я убиваю, даже в бою, я

чувствую, как часть моей души уходит вместе с побежденным врагом. Я чувствую, словно становлюсь чуть хуже. Я примирился со своей душой, напоминая себе о том, что таковые действия необходимы, поэтому крылья вины не захватывают меня в свой темный плен.

Но что если я подвожу требования Миликки к их логическим последствиям? Что делать, если мой путь пройдет через деревню орков или гоблинов, которые не проявят ко мне агрессии, не покажут никакого намерения вести войну или совершать иные преступления? Что, если я пойду искать ясли, как недавно говорила Кэтти-бри, со своим насмешливым акцентом издавая старый дворфский клич "Где тут детская?"

Конечно, тогда, по указу Миликки, я должен буду расправиться с детьми гоблинов, даже с младенцами. Убивать стариков и немощных, даже если они не совершили никаких преступлений и не проявляли недружелюбия.

Нет.

Я не буду.

Такие действия сдавят мое сердце железным кольцом, как несправедливые и жестокие. Такие действия стирают грань между добром и злом. Такие действия пойдут вразрез с моей собственной совестью, какими бы не были требования Миликки!

В конечном итоге именно это, как мне кажется, заставит разумное существо пасть. Какой болью ляжет убийство на душу и сердце того, кто поднял руку на старого и немощного орка, или на ребенка гоблина? Какое пятно расплзется, навеки закрывая собой доверие, чувство правды, веру в себя, которые так важны для воина?

Если я должен вести ужасную битву - пусть так и будет. Если я должен убивать, то пусть так и будет.

Если я должен.

Только если я должен!

Моя чистая совесть защищает меня от ямы, чья тьма слишком беспросветна, чтобы даже заглянуть в это место. Надеюсь, что Бренор и Кэтти-бри никогда не попадут туда.

Но что все это значит для моего служения Миликки, прообразу богини, в которую я верил, для той, что была в моем сердце? Что значит это для единорога - её коня - которого я вызываю с помощью свистка на шее? Что это значит для моих вернувшихся друзей, Компаньонов из Халла? Они рядом со мною снова, и все мы согласны, что это стало возможным лишь с благословения и желания Миликки.

Кэтти-бри рассказывает о воле Миликки по отношению к гоблиноидам. Она - жрица Миликки, владеющая магической силой, ниспосланной ей богиней. Как могла она ошибаться в данном вопросе?

Да, Кэтти-бри сказала правду о словах богини.

Осознание этого приносит самую большую боль. Я чувствую себя обманутым. Я чувствую противоречия, мой голос больше не звучит вместе с песней богини.

И если мое сердце больше не верит слову Миликки...

Черт с этими богами! Кто эти существа, так жестоко играющие с чувствами разумных и честных смертных?

Я ломал голову и копался в своих воспоминаниях, пытаюсь доказать себе, что я не прав. Я пытался доказать себе, что гоблин Нойхейм просто манипулировал мною, чтобы попытаться спасти свою шкуру.

Нойхейм не был бедной жертвой людей. Он был подлым, коварным убийцей, который оставался живым лишь по милости своих хозяев.

Должно быть так.

Но я не могу поверить в это. Просто не могу. Я не ошибся, не ошибся в моем изначальном представлении о Нойхейме. Я не был неправ, думая о Джессе, полурке, друге, компаньоне, которая много лет путешествовала рядом со мной, Тибблдорфом Пуэнтом и Бренором Боевым Молотом.

Но я должен поверить, что был не прав, или что была права Миликки. Как такое возможно?

Как могла богиня, которую я хранил в своем сердце, как воплощение лучших качеств, быть не правой? Как может быть жалкой пародией песня Миликки, которую я храню в своей душе?

Не ошибаются ли боги, присматривая за нами, раз мы - лишь кусочки на доске сава? Я - только пешка?

Тогда мой разум, моя совесть, моя способность мыслить самостоятельно и моя мораль должны быть отброшены, подчиненные волей высшего существа...

Но нет, я не смогу так поступить. Не в простых вопросах правильного и не правильного. Независимо от того, что скажет Миликки, я не могу оправдать действия этого работарговца Рико и других, которые мучили, пытали, и, в конце концов, убили Нойхейма. Независимо от того, что скажет мне Миликки, её слова не должны идти вразрез с тем, что я знаю, как истинное и верное.

Так должно быть! Это не высокомерие, но крик, что внутренний моральный компас, совесть разумного существа, не может быть проигнорирован в таких вопросах. Я не взываю к анархии, в этой софистике я ничего не предлагаю, но я настаиваю на том, что истины о добре и зле должны быть универсальны.

И одна из этих истин должна гласить, что личностные качества существа перевешивают внешние атрибуты смертной оболочки.

Я чувствую себя потерянным. В эту Зиму Железного Дворфа я чувствую себя больным и сомневающимся.

Раз я прошу людей, дворфов, иногда даже эльфов, рассматривать мои деяния, а не репутацию моего народа, то должен проявлять такую же вежливость, такую же политику, такое же уважение к любому разумному существу.

Мои руки сейчас дрожат. Я читал записки, написанные мною век назад, с сердцем, полным благодати Миликки, в которую я верил, в которой я не сомневался.

«Закат, - писал я, и вижу опускающийся огненный шар так же ясно, как в тот роковой день. - Еще один день сменился ночью, и я сижу на склоне горы, неподалеку от Мифрил Халла.»

Загадка ночи снова опустилась на мир, но знает ли Нойхейм теперь ответ на куда большую загадку? Я часто задаюсь вопросом куда ушли те, кто покинул этот мир раньше меня, кто уже нашел то, чего я не найду, пока не умру сам. Отправился ли Нойхем в то место, где ему живется лучше, чем в рабстве у Рико?

«Если загробная жизнь - одна из форм справедливости, то, конечно, отправился...»

Я должен верить, что это так, но все же мне больно от осознания роли, которую я сыграл в смерти необычного гоблина, в его пленении и в том, что пришел за ним слишком поздно. Пришел с надеждой, которой он не смог оправдать. Я не могу забыть, что покинул Нойхейма, из каких бы наилучших побуждений это не было сделано. Я уехал в Серебристую Луну и оставил его беспомощным, оставил его с незаслуженной болью.

И вот теперь я понимаю свою ошибку

«Теперь я вечно буду отрицать такую несправедливость». Если я снова получу шанс найти кого-то, обладающего духом Нойхейма и сложной судьбой Нойхейма, пусть его злобный хозяин поостережется. Пусть законы государства пересмотрят свои действия и оправдают меня, если правители согласятся с моей точкой зрения. А если нет...

Это не имеет значения. Я последую за своим сердцем.

Три утверждения стали ясными для меня в свете откровений, провозглашенных Кэтти-бри.

«Если загробная жизнь - одна из форм справедливости, то, конечно, отправился...» - так я сказал себе, чтобы поверить в то, во что должен был верить. Тем не менее, если загробная жизнь - царство Миликки, то Нойхейму в ней наверняка нет лучшего места.

«Теперь я вечно буду отрицать такую несправедливость», - поклялся я, поэтому буду верен этому обету, ибо верю в силу настроя.

Да, Бренор, мой дорогой друг. Да, Кэтти-бри, жизнь моя и моя любовь. Да, именно Миликки была той, кому я посвящал всего себя.

«Это не имеет значения. Я последую за своим сердцем».

Брат Афафренфер восседал на большом камне - на самом деле, он полулежал на нем, глядя в черное небо, на котором уже должны были бы появиться звезды. Но увы, в это темное время суток в Серебряных Пустошах больше не отыскать звезд. Монах не был поражен моим появлением. Он, конечно же, знал, что камень, который он нес, был маяком для дракона Ильнезары. Таким образом, он позволил ей использовать свою магию, чтобы телепортировать меня сюда.

Я поздоровался с братом, и он слегка кивнул, не отводя взгляда от черноты ночи. Я узнал выражение, застывшее на его лице, потому что сам частенько принимал его.

- Что тебя тревожит, брат? - спросил я.

Он не обернулся и не сел...

- Я обрел силу, которую не совсем понимаю, - признался он.

Он продолжал объяснять мне, что пришел на Серебряные Пустоши, на эту войну, не один - и он имел в виду не только с Амбер, Джарлакса, и сестер-драконов. Монах постучал по волшебному камню, вставленный в обруч, обвивавший его голову, и

сказал, что это - магический филактерий. Теперь он содержит в себе бестелесный дух великого монаха по имени Кейн, легендарного Великого Магистра Цветов Ордена Желтой Розы, к которому принадлежал Афафренфер. Вместе с этим филактерием, Кейн отправился в дорогу рядом с братом, даже в мыслях брата.

- Чтобы вести меня и учить меня. Он делал это и продолжает делать.

Наконец, Афафренфер сел, и подробно поведал мне о битве, где толпа гоблинов была сметена тычками и взмахами его рук и ног. Как он наносил удар и успевал провести его до того, как противник смог придумать контратаку, как он убил великана шлепком руки, используя это прикосновение в качестве канала, через который он, словно снаряд, вылил свою жизненную энергию, используя её, чтобы разорвать жизненную энергию великана.

Я не совсем понимал эти техники, но благоговение, с которым человек рассказывал о своих достижениях, многое сказало мне. Оно напомнило мне о моей собственной учебе. Как я достиг самого высокого уровня боевого мастерства в академии друу - Мили-Магтире, как я наконец научился быть таким же прекрасным воином, как мой отец, Закнафейн.

Я был удивлен даже больше, чем он, в тот далекий день, когда наконец победил его в нашей тренировочной битве. Я собирался победить с каждым блоком, каждым шагом, каждым поворотом и каждым косым ударом. Но когда понял уникальность содеянного, то провел многие часы в созерцании и размышлении.

И поэтому мне казалось, что я понял чувства Афафренфера, но потом осознал, что его дилемма заключается не просто в удивлении собственным мастерством. Нет, он подвел итог своим раздумьям одним словом. Монах произнес его смиренно и с легкой дрожью в тихом голосе.

- Ответственность.

Существует некоторый вес тех эмоций, которые сопровождают ожидания других. Когда отчаявшиеся люди обращаются к тебе за помощью, и ты знаешь, что если сам не поможешь им - то не сможет уже никто...

Ответственность.

- Мы сегодня отлично поведем дворфов в битву.

Я помню, как я сказал это Афафренферу, и помню, что он отрицательно покачал головой, как только слова слетели с моих уст. Не потому, что он сомневался в нашем плане, на самом деле, он был уверен в нем более, чем я. Но потому, что Афафренфер говорил о чем-то глобальном.

Он говорил о человеке, которым он был. Но теперь, с этим внезапным ростом, он рассказывал мне о человеке, которым он, по своему представлению, должен был стать.

Мне кажется, ситуация Афафренфера стала сложнее от внезапности полученной силы. Великий Магистр Кейн тренировал его, на глубоком уровне, и поэтому он поднялся на ранее совершенно недостижимый уровень мастерства. И это пробудило в нем осознание того, что он стал частью чего-то большего, чем он сам, и ответственен теперь за вещи, которые никак не связаны с его личными потребностями.

Я никогда не думал о собственной жизни столь глобально, не связывая это с чем-то конкретным, с какой-то путаницей. Вероятно, потому что моя природа, с

самых ранних дней подвигавшая меня к рефлексии, заставила меня принять те убеждения и ожидания, с которыми Афафренфер сейчас столкнулся, как с внезапным и неясным прозрением.

У меня больше не было времени сидеть и обсуждать с ним все это, так как мы должны были немедленно найти короля Харнота и его отряд, чтобы помочь им найти нужное место в предстоящем водовороте.

Но я не смог сдержать улыбки, когда двигался по склону, поросшему соснами, рядом с монахом из монастыря Желтой Розы. Теперь он испытывает то же прозрение, что некогда я так надеялся увидеть у Артемиса Энтрери.

Я видел трепет на лице брата Афафренфера, но знал, что скоро он сменится чувством истинного удовлетворения. Ему было дано что-то, какое-то благословение, которого большинство людей никогда не смогут испытать. Благодаря Великому Магистру он получил некоторое представление о своем потенциале, и поэтому понимал, что такие способности были достижимой правдой.

Как много людей не понимают этого - они могут тихо надеяться, или представлять в моменты, проводимые наедине с собой, но они никогда не поверят в подобное, в себя самих, чтобы пойти и достигнуть цели. Страх неудачи, осуждения, осмеяния, будет держать их, не давая вырваться из пузыря безопасности. Предотвращая любой риск, удерживая их руки поближе к собственным карманам.

Так много людей живут мелочами, боясь совершать великие вещи, с детства приученные к стремлению занять свое место в текущем порядке вещей, в так называемой "иерархии", и так и остаться там, запутавшимися и маленькими, держа руки поближе.

Желая чего-то достичь, но боясь сделать шаг вперед - это удобство знакомых вещей, ниши, вырезанной в пределах ожиданий и суждений других.

- Знай свое место, - слова, ставшие общей уздой, и так много подобных разрушительных "прописных истин" преследуют нас всю жизнь. Особенно в те ранние годы, когда мы пытаемся определить для себя то самое место. Голоса сомнений и предупреждения, которые часто высказывают, словно совет. Все это ограничивает нас, всегда пытаясь держать поближе наши руки, чтобы мы не смогли чего-то достичь.

Потому что когда мы достигаем, когда мы ищем это место, которое видели только в своих мечтах, мы угрожаем нарушить порядок вещей, и поставить под угрозу место тех, кто нашел для себя теплый насест.

И когда мы решаемся чего-то достичь, когда мы преодолеваем, когда мы получаем власть, богатства и привилегии за наши успехи, то к нам приходит та же тяжесть, о которой размышлял брат Афафренфер, когда я столкнулся с ним на другом конце телепорта Ильнезары. Ответственность.

Теперь брат Афафренфер понял, что он мог бы достичь большего, чем мечтал. Но сердце его потребовало ответственности.

Чувство тяжести, которое так явно отражалось в глазах Афафренфера, когда я пришел к нему, напомнило мне, что монах был хорошим человеком.

Возвращение домой

Архимаг

Никогда я так ясно не осознавал того, что неизвестное мне действительно мне неизвестно.

Я не ожидал, что поднимусь в воздух посреди того поля, посреди всей дворфской армии. Когда из моих пальцев, моей груди, моих глаз вырвались лучи света, это произошло без всякого осознания - я был не более, чем проводником. И я, не менее удивленный, чем остальные, смотрел, как эти сияющие потоки устремляются в небо, пронзая тьму, накрывшую окружающие нас земли.

Когда неожиданная левитация прервалась, и я опустился вниз, на землю, к моим друзьям, я видел слезы радости, которые они проливали обо мне. Дворфы и люди, полурослики и эльфы пали на колени, вознося хвалу Миликки, благодаря её за разрушение тьмы, охватывавшей Серебряные Пустоши, их земли, их дом.

Никто не пролил больше слез счастья, чем Кэтти-бри, Избранная Миликки, вернувшаяся ко мне милостью богини. Теперь, вероятно, пора было подвести некоторый итог испытаниям, ради которых она, как и все остальные мои друзья, вернулась к жизни.

Кэтти-бри часто предполагала, что её битва с Далией в зале Гаунтлгрима была ничем иным, как поединком между Миликки и Ллос, но, разумеется, она не могла быть уверена в этом. Но теперь, когда мое тело так эффектно было использовано для того, чтобы развеять тьму, Затемнение Паучьей Королевы, вопросов больше не возникало, поэтому она верила. Все они верили.

Но я все еще не знаю.

Я все еще не убежден!

Я был проводником сил Миликки, как они говорят, как это всем показалось. Потому что я не использую магию и, разумеется, не знаю ни единого двоемера, похожего на тот, что пробежал по моему телу. Разумеется что-то, какая-то сила, нашла свой путь через меня. И логично приписать её Миликки.

Следуя этим умозаключениям, меня коснулась рука богини. Быть может это мой личный скептицизм, мое личное желание получить доказательства всему происходящему мешают мне просто принять это? Быть может для меня важно быть не тем, что думают окружающие, но действительно чувствовать себя так, словно ко мне прикоснулась богиня?

Это моя бесконечная дилемма, мой надоедливый агностицизм, моя готовность признать то, что есть вещи мне неизвестные и которые, возможно, никогда не станут мне известны, в соединении с моим пониманием того, что подобное знание или его отсутствие не повлияет - и никогда не влияло - на то, как я веду себя. Я нашел Миликки, чтобы дать имя той, что уже была в моем сердце. Когда я узнал богиню, её пути и заповеди, я понял, что её песнь созвучна с мелодией моих

собственных этических убеждений и моего собственного чувства общности с людьми и природой.

Это казалось удобным шагом.

Но я никогда еще не чувствовал себя разделенным надвое. Одна часть - это я сам и то, что есть в моем сердце, а другая - нечто сверхъестественное, относящееся к более высокому уровню существования или, быть может, действительно ниспосланное богом.

Для меня Миликки стала названием, лучше всего ассоциирующимся с моей внутренней совестью и принципами существования. Я не чувствовал потребности в дальнейших поисках, попытках доказать существование Миликки или понять её место в пантеоне, или даже задуматься об отношениях одного истинного бога - или богов, или богини, в зависимости от обстоятельств - к смертным созданиям Фаэруна, и, что более важно, ко мне самому. Путь, который я выбрал, был указан мне изнутри, а не снаружи, и это именно то, чего я сам хочу!

Я не знал о существовании кого-то по имени Миликки в те времена, когда только покинул Мензоберранзан. Я даже не слышал разговоров о таких вещах. Я слышал лишь имя Ллос, Демонической Паучьей Королевы и знал, также, что никогда не смогу примириться с требованиями этого злобного существа. Я так часто переживал, что останься я в Мензоберранзане - суть моя стала бы сродни Артемису Энтрери, и была какая-то правда в том страхе безнадежности и апатии, которую я вижу, или некогда видел, в этом человеке. Но я давно отверг мысль о том, что когда-либо стал бы походить на него, вне зависимости от постигших меня горестей.

Даже во владениях Паучьей Королевы, даже окруженный жестокостью и мерзкой натурой моих сородичей, я никогда не мог пойти против того, что лежало на сердце. Мой внутренний бог совести не позволил бы мне сделать этого. Возможно, я бы сломался, но никогда не стал бы причинять зла другим.

Нет, говорю я себе.

И потому я вышел на поверхность. Здесь я нашел новое имя для моей совести - Миликки. И тех, кто разделяет мои моральные принципы и постулаты. Теперь я обрел мир.

Заявление Кэтти-бри об абсолютно злой природе великанов и гоблиноидов нарушила этот мир, как её тон - и тон Бренора - потряс мои самые основные чувства. Тогда я понял, что не могу примириться с тем, что сказала моя любимая жена. Тем, что она выразила, как желания Миликки. Я попытался рационализировать её слова, попытался понять их, но...

Диссонанс остался.

А теперь еще и это. Что-то подняло меня в воздух, используя мое тело, как проводник, создавая свет там, где раньше была лишь тьма. Это было прекрасно. Прекрасно - и нет иного способа описать изменения, которые Миликки, если это была Миликки - но могла ли это не быть Миликки? - создала через нашу магическую связь.

Означает ли это божественное присутствие команду отказаться от того, что я считаю истинным и правильным в своем сердце, уступая предполагаемому приказу от Миликки Кэтти-бри? Должен ли я сейчас, перед лицом такого мощного доказательства, отказаться от своих убеждений, принимая веру богини?

Натолкнувшись на поселение гоблинов в следующий раз, должен ли я, даже если они ведут себя миролюбиво и не мешают жить другим, устроить бойню в их доме, уничтожая и детей? В том числе младенцев?

Нет, говорю я.

Потому что я не могу. Я не могу отказаться от того, что живет в моем сердце, что является моей совестью. Я - существо обладающее разумом и интеллектом. Я знаю, какие действия вызовут у меня одобрение, какие - облегчат душу, а какие - принесут боль. В бою я без сожаления убью гоблина, но нет, я не убийца.

И это стало моей болью, моим бременем. Ибо если я принимаю Миликки, как свою богиню, это не сделает круг квадратом, не сможет уничтожить пропасть из разногласий.

Кто все эти боги, которым мы служим, этот пантеон Королевств, такой богатый, мощный и разнообразный? Есть ли универсальная истина, и как тогда существует столько вариантов правды, во многом похожих, но частично связанных с ритуалами или специальными требованиями, которые отличают один от другого, иногда - лишь легким несовпадением, а иногда создавая диаметрально противоположности?

Как такое может быть?

Я верю, что есть одна истина - потому что так говорит мне мое сердце! - и если это так, значит ли все это, что большинство жителей пантеона, называющих себя богами и богинями - просто лжецы?

Или они, как Бренор решил в первые годы своей второй жизни, всего лишь жестокие кукловоды, а мы - только их игрушки?

Все это так запутано и так соблазнительно понятно, но, я боюсь, навсегда останется за пределами понимания смертных.

Поэтому я снова ухожу с правдой, живущей в моем сердце. И если Миликки не способна принять этого, значит она выбрала не тот путь для своей магии, а я - не ту богиню.

Потому что несмотря на все, что утверждала Кэтти-бри, чему Бренор вторил с огненным блеском глаз, я буду судить по содержанию личности, а не по форме или цвету её смертной оболочки. То, что требует мое сердце - это немалая часть меня. Мой духовный мир должен всегда быть приоритетным.

Со всей уверенностью я заявляю, что мои скимитары скорее перережут мое собственное горло, нежели горло ребенка гоблина или любого иного ребенка.

Ветры перемен развивают волосы у меня за спиной. Они щекочут и дразнят меня, отправляя в неожиданные места.

В последние годы моя дорога сплелась в кольцо, ведя от дома и очага, в открытое поле. Я пытался построить что-то новое с попутчиками, которые не были мне по сердцу. Но теперь круг завершился, возвращая меня туда, откуда я начал свой путь. Хотя мне кажется, что это не так.

Потому что эти возвратившиеся друзья - не те люди, которых я некогда знал. Они очень похожи на них своими сердцами и принципами. Они, безусловно, узнаны мною, но теперь они - другие. Они видели новый свет и новый путь, обрели новое понимание смертности и смерти. Они нашли новый смысл собственной жизни. Разумеется, это проявляется очень тонко, но я вижу эти изменения везде: в ворчании Бренора, в уверенности Кэтти-бри, в боях Реджиса и смехе Вульфгара.

А теперь я вижу это и в себе самом. Последние десятилетия, после того, как Кэтти-бри и остальные покинули меня, и даже до того, как Бренор пал в Гаунтлгриме, я чувствовал себя беспокойным и вполне довольным таким положением вещей. Я желал знать, что ждет меня за следующим поворотом дороги, любой дороги - будь то поиски Гаунтлгрима или время, когда я вел группу Артемиса Энтрери, Далии и остальных. Мой дом оставался в моей памяти - и я не хотел, чтобы что-то заменило эти воспоминания. Ибо их хватало, чтобы поддерживать меня и питать мою душу. И в том долгом и извилистом пути к окончательному осознанию, я едва не потерял себя. И я бы потерял, я знаю, не откажись я там, на холме Долины Ледяного Ветра от Далии. И там же я снова обрел себя. В конце концов, я выжил. Дзирт До'Урден, человек, которым я стремлюсь быть, пережил испытания.

А теперь я снова нахожу себя на дороге приключений, вместе с Бренором и Кэтти-бри. И что может быть лучше? Наша задача так же благородна, как та, за которую мы взялись век и даже более назад, отправившись на восстановление Мифрил Халла. Мы идем с песней и стуком дворфских сапог, под знаменами трех дворфских королей и с пятью тысячами улыбающихся воинов.

Что может быть лучше?

Быть может, если бы Реджис и Вульфгар были здесь, с нами. Я действительно скучаю по ним каждый день. Хотя иногда даже счастлив за них, храня в своем сердце уверенность, что мы все снова встретимся. Я видел искры в глазах Реджиса, разгоравшиеся каждый раз, когда он говорил о Донноле Тополино, и я могу только радоваться дороге, которую он избрал - и радоваться еще больше, что могучий Вульфгар отправился в этот путь вместе с ним! Горе любым проходивцам, вставшим на пути у этой грозной пары!

Они вернутся. Некогда я боялся, что этого не случится, но теперь - совершенно уверен. Это не похоже на те времена, когда Вульфгар оставил нас, чтобы вернуться в Долину Ледяного Ветра. В тот раз я сомневался, что мы увидим варвара снова. И мы не увидели. Никто из нас - кроме меня и Реджиса, отправившихся в Долину Ледяного Ветра. И даже тогда воссоединение было... странным. Ибо тогда, когда Вульфгар покинул нас десятилетия назад - он сделал это и эмоционально и физически.

Но сейчас - не тот случай.

Они вернуться, и мы с победой войдем в Гаунтлгрим. Я верю в эти истины, потому - я спокоен. А еще встревожен и возбужден!

И нервничаю, потому как удивлен этой правдой. Когда той темной ночью мы воссоединились на вершине Пирамиды Кельвина, это только окрыляло. И как я был шокирован появлением моих друзей, восставших из мертвых, также я просто легкомысленно радовался, чувствуя благословение и удачу, которых никто не мог ожидать ранее.

В первые дни, даже когда мы вернулись на Серебряные Пустоши и были втянуты в войну, нам всем казалось, что Компаньоны из Халла живут за счет времени, позаимствованного у богов. И потому наш конец, смерть любого из нас, может прийти в любой момент. Но для нас в том не было ничего страшного, потому что мы нашли друг друга снова, и между нами больше не осталось не сказанных слов. Даже несмотря на то, что четверо моих друзей начали новую жизнь, два десятилетия проведя с новыми личностями, с новой семьей, новыми друзьями и, для Реджиса, с новой любовью, наше существование каждый день было полно удовольствия и благодарности.

И это было... здорово.

Вскоре после того Кэтти-бри, Бренор и я поверили, что Вульфгар и Реджис пали в туннелях Подземья во время нашего путешествия назад в Мифрил Халл. Многие месяцы мы думали, что они навсегда потеряны для нас. Что они снова отправились в царство смерти, из которого на этот раз не было возврата.

И это было... здорово.

Несомненно, мы чувствовали боль, но нам был дан великий дар - возможность снова провести время вместе, осознание, что наша дружба уходит корнями за грань смерти! Я ничем не мог бы отплатить за такое! Много раз я говорил себе, что человек должен знать о том, что смертен, принять эту простую истину, чтобы отбросить страхи и найти настоящую цель в жизни. Мои друзья знали это. И сейчас, я уверен, знают лучше, чем многие.

Они видели другую сторону.

И когда смерть снова призовет их - они отправятся туда со спокойствием. Не потому, что знают правду о бессмертии или вечности за пределами смертной оболочки - конечно, Вульфгар, и даже Реджис, по-прежнему скептически относятся к богам. Даже несмотря на свое тяжелое испытание в лесу Ируладун.

Такое близкое присутствие смерти, их десятилетия, проведенные где-то за пределами жизни, дало им, дало нам всем, понимание и принятие. Это дважды благословение.

Возможно, из-за течения времени. А может, из-за наших побед и выживания в Войне Серебряных Пустошей, я начал ощущать изменения. Позаимствованное время становится для меня чем-то меньшим, когда я чувствую себя уютно рядом с друзьями, возвратившимися ко мне. Живыми и яркими. И, надеюсь, с десятилетиями жизни перед ними - в самом деле, если вражеский клинок не настигнет одного из нас, Бренор вполне может обогнать меня по количеству прожитых лет!

Или наш конец, смерть любого из нас, может прийти сегодня, или завтра. Я всегда знаю это, и сделал это понимание частью моей повседневной рутинной жизни. Но теперь, когда исчезла новизна возвращения моих друзей, когда я поверил, что они здесь - они действительно здесь, такие же осязаемые и реальные, как были тогда, когда я встретил Кэтти-бри на склоне Пирамиды Кельвина, когда она представила меня Бренору и Реджису, когда Вульфгар присоединился к нам после того, как проиграл в битве с Бренором.

Это обновление, это свежесть и это, с личной точки зрения каждого из нас, долговечность.

Поэтому теперь я нервничаю, идя в бой. Потому что сейчас вижу будущее в тепле очага, с моими друзьями, с моей Кэтти-бри. И это то будущее, которого я так давно искал!

Как ни странно, теперь я вижу, что двигаюсь в противоположном от Вульфгара направлении. Он вернулся беззаботным, готовым к открытиям, которые может предложить ему мир - в битве, в игре и в любви. Он живет каждым моментом, ни о чем не сожалея.

Полностью лишенный сожалений, что является немалым достижением. «Последствия» - не то слово, что может смутить Вульфгара теперь. Он вернулся к жизни, чтобы играть, получать удовольствие, чтобы чувствовать жажду, чтобы испытывать страсть.

Я стараюсь отразить это изобилие, и надеюсь найти это удовольствие, и знаю, что моя страсть - в моей любви к Кэтти-бри, но если Вульфгар охватывает жизнь со свободолюбием кочевника, я бы даже сказал, бродяги, ища приключения и впечатления везде, где только можно, я заинтересован в постоянстве очага и дома. Я хочу быть мужем, другом.

Отцом?

Буду ли я удивлен в момент собственной смерти? В это мгновение? Когда меч рассекает кожу, молот великана опускается на голову или пламя дракона обжигает тело?

Когда я осознаю, что происходит. Когда без всяких сомнений пойму, что смерть идет. Удивлюсь ли я или останусь спокойным? Приму ли истину или испугаюсь?

Я говорю себе, что готов. Я рассмотрел этот вопрос логически, отбросив эмоции, принимая неизбежное. Но когда действительно понимаешь, что это происходит, знаешь, что ничего не можешь сделать, чтобы остановить происходящее - это другой уровень принятия, нежели любая подготовка к этому неизбежному, конечному событию.

Может ли быть что-то более нежелательным для нашего разума, чем вероятный конец нашего разума?

Я не живу этими мыслями. Каждую ночь я отправляюсь в свою постель без мысли о смерти, беспокойно возящейся рядом со мной. Просто задавая вопрос - буду ли я удивлен в момент собственной смерти? - я, полагаю, шагнул в понимании этого события дальше, чем многие. Дальше, чем большинство.

Во многих - в каждом - из нас есть глубинное желание избежать, даже отрицание неизбежного.

Для некоторых панацеей является религия. Для некоторых - это ложная позиция - больше надежда, чем искренняя вера. Я знаю это, потому что видел этих набожных в момент смерти. Он был таким ужасающим для них. Для кого-то религия является подлинной, жизнерадостным признанием, верой в лучшее за порогом нашей жизни.

Но религиозный экстаз никогда не был моей целью. Я не знаю, почему, и я не настолько высокомерен, чтобы унижать тех, кто выбрал другой путь сквозь эту сумбурную жизнь и её неизбежный конец, или делать вид, что они обладают меньшим умом, моральной целостностью или мужеством, нежели я. Среди последней группы, среди тех кто обладает глубокой верой, я выделил бы Кэтти-бри, мою любимую жену. Она так защищена своим знанием о том, что ждет её после того, как коса смерти опустится на её голову и время на Ториле подойдет к концу.

Смог бы я тоже смотреть на это по-другому, если бы побывал в мире за пределами времени и пространства вместе со своими друзьями?

Честно говоря, я не знаю.

Вульфгар был там, и он вернулся вновь, убежденный в том, что ждет его на другой стороне пруда в лесу Ируладун. Действительно, Вульфгар признавался мне, что его вера в залы Темпуса стала куда меньше после его путешествия сквозь смерть ради возвращения в этот мир. Мы живем во вселенной удивительной магии. Мы даем ей имена и делаем вид, что понимаем или можем использовать в собственных целях.

Что еще важнее, мы сознательно преуменьшаем красоту мира вокруг нас, чтобы он соответствовал нашим надеждам и отгонял страхи.

Я знаю, что этот день придет. Меч противника, молот великана, дыхание дракона. Нет выхода, нет выбора, нет везения.

День придет.

Буду ли я удивлен? Могу ли быть готов?

Вернее, может ли хоть кто-то оказаться готовым?

Быть может - нет. Но все же мысль о смерти не станет сопровождать меня в кровать каждую ночь. Мало того, я стану больше беспокоиться за то, что могу изменить - я просто не могу волноваться о своей неминуемой гибели. Только думать о действиях в настоящей жизни.

Передо мной, перед всеми нами лежат альтернативы, правильные и неправильные. Мы можем следовать зову своего сердца и быть счастливыми. Мы можем уклоняться от зова души, убеждать себя красивыми словами и слабыми оправданиями, чтобы в итоге пойти против того, что, как мы считаем, истинно. Ради славы, богатства, самовосхваления или любой другой смертной слабости. И это, на мой взгляд, проклятие для концепции мира и справедливости, божественного или иного.

Итак, чтобы лучше всего подготовить себя к последнему моменту жизни, необходимо прожить её честно, по отношению к самому себе. Во имя великих дел и великого добра.

Я делаю это не ради божественного вознаграждения. Я делаю это не от того, что боюсь любого бога или его возмездия. И не ради того, чтобы гарантированно не попасть в Бездну или Девять Кругов.

Я делаю это потому, что так велит мне сердце. После того, как я назвал его Миликки. Но теперь, вспоминая указания в отношении гоблиноидов, переданные богиней через Кэтти-бри, я не так уверен, что Миликки и мое сердце - действительно одно и то же.

Но это не важно.

Могу ли я подготовиться к моменту моей смерти?

Нет, как мне кажется.

Но я сдержан и спокоен. Я знаю, что ведет меня в жизни. И это - мое сердце.

Я не могу сделать большего.

Маэстро

В жизни, пусть даже прожитой отлично, рано или поздно приходит момент, когда взгляд устремляется за новые горизонты, рано или поздно останавливаясь на том моменте, когда это бренное тело станет пищей для червей. Жизнь - это путешествие, прекрасная прогулка сквозь пространство и время, которые мы едва ли можем понять по-настоящему и потому лишь думаем, что понимаем. Мы создаем свой собственный уголок мира и безопасности и, если нам повезет, даже семью - часть более крупного сообщества.

Срочные потребности отнимают большую часть нашего времени - ежедневные испытания, с которыми мы сталкиваемся. Есть доля радости в каждой самой маленькой победе, каждом приеме пищи, в теплом приюте в холодную зимнюю ночь.

Это нормальное течение жизни. Но для тех, кто обладает достаточной долей удачи, наступает момент, когда он оказывается на вершине горы и его мелкие потребности удовлетворены, чтобы открыть дорогу к чему-то большему. Это тонкий переход разумного существа от «Что я могу создать?» до «Что я оставлю после себя?»

Каким станет наследие Дзирта До'Урдена? Стану ли я лишь воспоминанием для тех, кто знает мое имя? Насколько лучше станет жизнь тех, кто придет после меня - моих детей, быть может, если мы с Кэтти-бри последуем этой дорогой - учитывая мое прошлое здесь? Я наблюдал за Бренором, который устанавливал саркофаги короля Эмеруса и короля Коннерада. Эти тела, заключенные в коконы из лавы, теперь стоят по бокам трона Гаунтлгрима. Немало народа будет помнить о них. В Мифрил Халле и Цитадели Фелбарр. На всех Серебряных Пустошах много веков подряд.

Суждено ли и мне стать подобным памятником?

В практическом смысле, я сомневаюсь, ибо ожидаю, что большая часть моей земной жизни пройдет за пределами владений Бренора. Мы никогда не забудем друг друга, я уверен в этом, но я чувствую, что мои дни рядом с ним подходят к концу. При всем моем уважении к королю Бренору, я не хочу растить своих детей в шахте дворфов. Как, я уверен, и Кэтти-бри.

Перед нами лежит открытая дорога - в Длинную Седловину, но лишь на данный момент. За прожитые две сотни лет я совершенно точно узнал одну вещь : несколько лет - не такой уж большой срок, но, тем не менее, зачастую эти дни могут быть богаты событиями с неожиданными поворотами. Хотя, где бы меня ни подхватил этот извилистый путь, теперь, когда мои путешествия становятся все более редкими, рядом со мной пойдет понимание, что мне делать, и я лучше пойму, что мне хочется сделать.

Так много вариантов, которые не связывают меня оковами, развернулось впереди. Я не отрицаю, что стал счастливым человеком! У меня достаточно богатства, а теперь я нахожусь в мире с собой. Меня окружает любовь, и только я сам отвечаю за себя - ведь моя ответственность перед женой - лишь мое личное желание.

И что же мне делать? Какую дорогу мне выбрать? Какое наследие я оставлю после себя?

Это отличные вопросы, полные обещания великой награды, и я лишь желаю, чтобы каждый мужчина и каждая женщина из добрых рас смогли прийти к такому моменту множества возможностей и планов. То, что я нахожусь здесь, в этом роскошном месте - замечательно. Я и не надеялся на такое, будучи бездомным бродягой, гонимым дроу в дебрях Подземья. Мой путь был полон удивительных поворотов. Я встретил замечательных друзей и великих наставников: Закнафейна, моего отца, и Монтолио де Бруши! И Кэтти-бри, которая помогла мне отыскать мое сердце и мужество иного рода - мужество жить в месте, где никто не рад моему происхождению.

И Бренора. Да, Бренора - быть может, его признание я ценю больше всех остальных. Непостижимо, что я смог подружиться с королем дворфов и был принят им, как брат. И эта дружба была взаимной. Я помог Бренору вернуть себе трон, я отправился с ним в дальнюю дорогу, чтобы привести его народ к великой родине - Гаунтлгриму. Между нами, кажется, витает сама суть дружбы.

И я здесь вместе со всем этим. Я прошел так много битв, преодолел так много препятствий, но я не могу отрицать, что удача сыграла большую роль в тех событиях, которые, в конце концов, привели меня сюда. Каждый мужчина, каждая женщина найдет сражения, найдет врагов, с которыми нужно биться - будь то гоблины или орки, больной ребенок, рана, которая никогда не заживает, недостаток пищи или холодная зима, безответная любовь или отсутствие друзей. Жизнь - это дорога от собственного испытания до испытания других, от любви до ненависти, от радости встречи до печали расставания. Каждый из нас имел дело с тревожной неопределенностью и каждый из нас шел дальше, следуя по дороге, которая, в конце концов, приводит нас к могиле.

Какие великие вещи мы могли бы сделать, следуя своим путем? Что мы можем сделать, дабы помочь нашим детям отправиться своей дорогой?

И вот я пришел к этому осознанию. Я взобрался на вершину горы и теперь смотрю на грандиозный великолепный вид, открывшийся мне. Я могу поблагодарить женщину, чьи объятия принесли мне покой. Я могу поблагодарить друзей, лучших из тех, которых мог обрести человек. Я могу поблагодарить короля дворфов, который нашел бродягу на склоне одинокой горы и назвал его другом, принимая к себе.

Но я эльф, и я боюсь - впереди меня ждет новая гора. Я часто вспоминаю Инновиндель, которая говорила мне проживать свою жизнь короткими промежутками, равными жизни тех недолго живущих рас. И если у нас с Кэтти-бри будут дети - я почти наверняка переживу их, как почти наверняка переживу и Кэтти-бри.

Это сбивает меня с толку, перемешивая великую радость с великой болью.

И вот, будучи здесь, на этой вершине, оглядывая грандиозный вид, я понимаю, что буду наблюдать рассветы еще несколько столетий. По мерке эльфов я прожил лишь часть моей жизни, но в этот момент я чувствую себя таким целостным!

Я счастлив.

Должен ли я видеть те далекие рассветы, ведь впереди меня ждут темные долины, такие моменты, когда после глубокой потери я найду в себе силы, чтобы взобраться на следующую гору, а за ней - на следующую?

Я смогу видеть их, я знаю. Потому что в том горе, что я испытывал когда-то, я считал, что потерял друзей, потерял любовь, потерял жизнь, но я пришел к пониманию истины: дорога будет стелиться под моими ногами вне зависимости от того, плетусь ли я едва-едва, очищая грязь с тяжелых ботинок, или шагаю быстро и решительно, полный надежд.

И поскольку только мой выбор определяет суть этого путешествия - я выбираю счастье. Я выбираю восхождение на следующую гору.

Кто этот маэстро, этот кукловод, который дергает за веревочки стольких марионеток?

В том числе - и меня!

Маневры Джарлакса сокрыты в тени и затрагивают великие силы - и это лишь те моменты, о которых я знаю. Без сомнения, он владеет гораздо большим, ныряя в самые темные уголки Мензоберранзана, находя путь к сердцу драконов или улю иллитидов. В те места, что могли мне лишь грезиться. А если быть точнее - прийти ко мне в страшных кошмарах.

Кто он - объединивший силы моей жены, Гарпеллов, тысячи дворфов и архимага Мензоберранзана в попытке восстановить сооружение такой древней силы?

Кто он - втайне контролирующий Лускан, с помощью обмана и великой скрытой силы?

Кто он - понукающий меня и Артемиса Энтрери отправиться в Мензоберранзан, чтобы спасти Далию, напасть на Дом До'Урден и тем самым вызвать гнев Верховной Матери Города Пауков?

Кто он - приводящий драконов на поле боя Серебряных Пустошей?

Кто этот маэстро, поворачивающий шестеренки Фаэруна, играя музыку судьбы для всех, кто станет слушать?

Я зову его другом, но до сих пор не могу понять правды об этом самом интересном и опасном дроу. Скрытыми приказами он передвигает армии, создает альянсы, обещая взаимную выгоду и втягивая в самоубийственные приключения самых неожиданных спутников.

Он заставляет доверять себе более всякого разумного - хотя зачастую делает вещи, выходящие за пределы всякого разумного.

И все же я здесь, иду по дорогам Подземья рядом с Джарлаксом и Артемисом Энтрери, направляясь в город моего рождения, где я, пожалуй, более всего

скрывался от убийственной несправедливости Ллос. Если я попадусь, то никогда больше не увижу Бренора или Кэтти-бри, как и залитый солнцем мир. Если Мать Бэнр найдет меня, она превратит две моих ноги в восемь и заставит меня всю оставшуюся жизнь влачить жалкое существование в форме драука. Если Тиаго и его союзники настигнут меня, они, несомненно, преподнесут мою голову верховной матери.

И вот, я охотно следую к этой возможной судьбе.

Я не могу отрицать то, что обязан Джарлаксу. Смогли бы мы выиграть войну на Серебряных Пустошах, если бы он не прибыл к нам с Афафренфером, Амбергрис и сестрами-драконицами? Быть может. Но цена была бы неизмеримо большой.

Взял бы Бренор Гаунтлгрим, если бы Джарлакс не убедил Верховную Мать Зирит сдаться? Скорее всего, да. Но как ужасна была бы плата.

Можно ли восстановить Главную Башню Волшебства и тем самым сохранить магию, которая зажигает горны Гаунтлгрима и сдерживает страшную силу, которая спокойно может превратить комплекс в груды щебня, без усилий Джарлакса и его банды? Я думаю - маловероятно. Быть может, Кэтти-бри, архимагу и остальным не удастся завершить эту монументальную работу, но, благодаря Джарлаксу, у нас есть шанс.

Никто из нас, даже Громф, не может отрицать свой долг перед маэстро.

Я должен признаться себе, если не кому-нибудь иному, что есть еще кое-что, толкающее меня сильнее, чем простая благодарность Джарлаксу. Я чувствую свою ответственность перед Далией. Я должен попытаться помочь ей в этом отчаянном положении, особенно если Джарлакс, такой умный, уверяет меня, что у нас может все получиться. Я чувствую свою ответственность перед Артемисом Энтрери. Возможно, я никогда не назову его другом, но мне кажется - будь ситуация иной и окажись в ловушке Кэтти-бри, он рискнул бы, чтобы спасти её.

Почему, во имя Девяти Кругов, я верю в это?

У меня нет ответа на этот вопрос, но моя вера никуда не уходит.

Джарлакс намекнул, что все происходящее также связано с более высокой целью. Начиная с поражения дроу и их орков на Серебряных Пустошах и заканчивая сдачей Гаунтлгрима Матерью Зирит, а также восстановлением Главной Башни и спасением Далии.

Гаунтлгрим Бренора станет для Джарлакса буфером, позволяющим обеспечить укрытие мужчинам дроу, а Главная Башня в руках бывшего Архимага Мензоберранзана - конкурировать с Магиком. Выступление Джарлакса против Матери Бэнр на Серебряных Пустошах вызвало упреки не только в адрес высших жриц, но и язвительные обличения самой Паучьей Королевы. И паутина Матери Бэнр снова ослабнет, когда Далия выберется из её рук.

И Джарлакс использует меня - что он признает - как маяк для мужчин, угнетаемых удушающей дискриминацией, учиняемой женщинами-последовательницами Госпожи Ллос. Я сбежал и нашел лучшую жизнь - в этом моя ересь.

Верховная Мать Бэнр слишком хорошо показала, что я прав в этой догадке, когда восстановила Дом До'Урден и попыталась использовать это зная, чтобы разрушить мою репутацию среди людей, которые приняли меня в Серебряных

Пустошах. Я не настолько высокомерен, чтобы поверить в то, что это была единственная причина вторжения Мензоберранзана на Серебряные Пустоши, но в этой нелепой попытке навесить мой герб и имя на вторжение жрица дреу показала всем руку Ллос.

И само это является доказательством того, что интриги Джарлакса пугают силы, которые правят Мензоберранзаном.

И в этом страхе я не могу не заметить надежды.

Даже отбросив все это - долг перед друзьями и компаньонами, великие планы оптимистичного Джарлакса, я не могу отрицать, что есть что-то еще, что-то большее, заставляющее меня продолжать путешествие. Да, я не зову Мензоберранзан домом и не имею ни малейшего желания жить там когда-либо вообще. И я не вернусь, как сделал некогда, чтобы сдаться тьме. Хотя, быть может, я стану разглядывать эту тьму, чтобы увидеть, способен ли сквозь неё пробиться луч света, потому что не могу просто так отбросить десятилетия, проведенные в Городе Пауков. Именно в Мензоберранзане меня научили сражаться и ходить путями дреу. И именно отказ от этих нравов и догм сделал меня тем, кем я стал сегодня.

Мензоберранзан создал меня, показывая мне все то, что я не желаю и не хочу принимать.

Разве это не наложило на меня долг перед своим народом, перед Вирной и Закнафейном, которые могли бы все еще жить под удушающим гнетом Паучьей Королевы?

Моя сестра, Вирна, не была злой. И Закнафейн, мой отец, так походил на меня сердцем.

Сколько еще подобных им ютятся в тенях, потому что считают, что выхода нет? Сколько соответствуют пожеланиям жестокого общества, потому что считают, что альтернатив не предвидится? Как много чувствуют укусы змееголовых бичей или превращаются в жалких драуков?

Возможно ли, что само мое существование, мое необычное путешествие сможет принести немного изменений в эти нравы? Джарлакс считает, что да. Он не сказал об этом прямо, но я сложил вместе кусочки паутины, которую он плетет с Громфом и Матерью Зирит - той, что сильно отличается от иных верховных матерей, как он сам заверил меня - и я могу сделать вывод, что именно это и есть цель его игры.

Учитывая это, учитывая манипуляции Джарлакса - возможно ли такое?

Я не знаю, но разве не обязывают меня те же принципы, что направляют каждый мой шаг, хотя бы попробовать?

И разве не ради себя самого я должен противостоять этим призракам, которые сформировали мою личность, и учиться честно глядеть в зеркало моих первых дней?

Насколько верно я понимаю цель своей жизни, если я не могу честно ответить на вопрос: кто и что ведет меня по моему пути?

Я слышал, как сильные люди, одаренные властью, утверждают, что реальность такова, какой они хотят ее видеть. Что они сами создают свою реальность и потому

могут направлять тех, кто встречается на их пути. И пока другие пытаются найти истину, они переходят к новым завоеваниям, новому творению, новому витку создания своей реальности.

Я могу назвать это лишь величайшей иллюзией, ложью, преподнесенной в виде истины, ибо истина объявляется подконтрольной могущественным кукловодам.

Я отвергаю - в значительной степени, отвергаю до сих пор - подобное понимание реальности. Если нет истины, то, как мне кажется, нет никакой опоры для самой реальности. Если восприятие мира - реальность, тогда реальность - податливая и нестабильная вещь. И в какой момент все меняется?

Правда ли то, что каждый из нас - бог своего разума?

Я боюсь, принять это - значит ввергнуть себя в чистейший хаос - но разве не станет это в той же мере и чистейшей гармонией?

Я выбрал быть счастливым, и счастье - это действительно личный выбор. Я могу каждый день выходить из Дремления, скрежеща зубами из-за того, чего у меня нет. Или могу улыбаться, благодарный за то, что приобретаю. С этой точки зрения я должен согласиться с высокомерным завоевателем. На эмоциональном уровне восприятие действительно может влиять на испытываемые чувства, и правильное понимание может стать путем к счастью и достатку. Я знаю много бедняков, вполне счастливых своей участью, и многих богачей, полных недовольства. Пороки сердца - гордость, зависть, жадность и даже похоть, которая несет боль другим - все это выбор, который можно принять или отклонить. Принятие которых ведет к недовольству, и потому они, судя по текстам многих культур и рас, являются смертными грехами.

Но в стороне от ложных умозаключений завоевателя и выбора личных чувств, есть ли еще один уровень преломления реальности там, где пересекается мир и наше восприятие мира? Где наше ощущение реальности искажается так сильно, что маскирует истину, заменяя её собой? И в подобном состоянии, есть ли кукловод, способный разрушить личное восприятие так же легко, как кузнец может пробить тонкое стекло?

Это мой страх, мой ужас. Мой ночной кошмар.

Весь мир под моими ногами плывет, словно пески пустыни. И то, что эти пески могли скрывать...

Если бы не Вульфгар, я никогда не понял бы того, что происходит со мной. Когда он много лет назад пал в Мифрил Халле, под завалом, в объятиях йоклол, его перенесли в Бездну. Там Вульфгар был поработан демоном Эррту.

Вульфгар рассказал мне о своих испытаниях, худших из них - и самом худшем, пытке за пределами всякой физической боли. С помощью своей демонической магии Эррту подарил избитому и израненному Вульфгару новое ощущение реальности. Великую иллюзию того, что варвар свободен, что он женат на Кэтти-бри, что вместе они растят прекрасных детей.

А потом Эррту пожирал детей Вульфгара на его глазах, убивал Кэтти-бри. Это была сама суть дьявольской пытки, само воплощение зла. Демон создал реальность. Красивую ложь. А потом разрушил эту реальность прямо перед беспомощной жертвой.

Все, что Вульфгар мог делать - это кричать и плакать, пока увиденное разрывало его сердце.

Он сломал Вульфгара. Когда варвар, наконец, спасся, возвращаясь в настоящую реальность Фаэруна, к своим друзьям, эти сны вернулись. Обман Эррту остался, он поджидал Вульфгара в минуты слабости, вынуждая его от полного отчаяния пристраститься к бутылке.

Я знаю об этом от Вульфгара и потому подготовлен лучше. Теперь я знаю ужасную правду о своей жизни.

Я не знаю, как давно меня охватила эта великая дьявольская игра, но, быть может, в ту темную ночь на вершине Пирамиды Кельвина.

Быть может, я умер там.

Быть может, именно там Ллос и забрала меня.

И вот где скрылся обман. Но, отстранившись от него, я был поражен, как я мог быть так слеп и глуп! Я был поражен тем, как легко то, чего я так отчаянно желал, стало правдой! Я уничтожен тем, как легко попался на крючок!

Прошло столетие. Я видел смерть Кэтти-бри и Реджиса в Мифрил Халле. Я знаю, что Вульфгар состарился и умер в Долине Ледяного Ветра. Я держал умирающего Бренора на собственных руках!

- Я нашел его, эльф, - сказал мне дворф, и именно так умер Бренор Боевой Молот. Его жизнь была полной, его место за столом Морадина - заслуженным.

Все они ушли. Я видел это. Я жил с этим. Я горевал из-за этого.

Но нет, все они здесь! Какое чудо!

И даже Артемис Энтрери прошел сквозь столетие. Он был человеком средних лет, когда началась Магическая Чума, и все же он тут. Хотя минул век. И снова он - человек средних лет, или все еще - я не уверен, да это и не имеет значения.

Потому что все это нереально.

Слишком много всего!

Я решил, что Компаньоны из Халла вернулись благодаря дару Миликки, и что Энтрери выжил из-за проклятия и меча, и о, как мне хотелось верить в эти совпадения и волшебные обстоятельства! И вот меня погубило мое желание. Оно лишило защиты мою душу. Это не благословение Миликки.

Это проклятие Ллос.

Великая шутка!

Она создала мою реальность, чтобы мое сердце стало мягче. Только так она может растерзать мое восприятие, растерзать сердце Дзирта До'Урдена.

Теперь я вижу это - как я мог быть таким дураком? - но понимание не защитит меня. Ожидание не спасет мою душу. Пока нет.

Если я не смогу восстановить защиту, полосу застывшего камня. Я снова должен принять смерть моих друзей, любимой Кэтти-бри. Я должен вернуть свое сердце к этому огрубевшему состоянию, принять эту боль, горе и пустоту.

Увы, но даже если я добьюсь успеха, то с какой целью? Когда эта великая иллюзия рухнет, с чем я останусь?

И, зная, что восприятие и реальность так сильно переплетены, я снова спрашиваю себя - что в конце?

Герой

Я смотрю на звезды, которые теперь кажутся мне такими же чуждыми, как в те времена, когда я впервые покинул Подземье.

Если мыслить разумно и опираться лишь на логику - итоги моего путешествия в Мензоберранзан должны казаться просто триумфальными.

Демогоргон убит. Угроза Мензоберранзану, как, быть может, и остальному миру, устранена. Мы с товарищами живы. Далия спасена из сетей Верховной Матери Бэнр. Тиаго мертв, и мне больше не нужно бояться, что этот эльф соберет альянс, направленный против меня и моих друзей. Даже если дроу воскресят его, этот вопрос улажен. Я в этом уверен. Ни Тиаго, ни какой иной темный эльф не покинет Подземье, чтобы поохотиться за головой Дзирта До'Урдена.

Итак, по всем меркам, мой поход в Мензоберранзан увенчался великим успехом. Двумя неожиданными и радостными событиями.

И сейчас, глядя на эти звезды, я должен быть вне себя от радости.

Но теперь я знаю. Снова знаю, что все не так.

Быть может откровение, снизошедшее ко мне - это единственная истина.

И я нахожу подобное отвратительным.

Единственная правда в том, что нет никакой правды? Эта жизнь, все жизни - все это просто игра, уловка, бессмысленность, лежащая за пределами реальности, которую мы сами придумали и поставили перед своим взором?

Эррту обманул Вульфгара, запертого в темницах Бездны. Вся жизнь моего друга была придумана, сфабрикована, и потому его восприятие реальности, сконцентрированное на глубочайших желаниях, было лишь развлечением великого демона.

Как далеко зашла ложь? На сколько все, что мы видим, все, что мы знаем, все, во что мы верим, является шуткой демонов или богов?

Или же те существа тоже созданы моим собственным разумом? Могу ли я быть богом? Единственным богом. И все, что творится вокруг меня - не более, чем мое собственное творение. Мои глаза придают миру форму, нос - запахи, мои уши заставляют его звучать, а настроение создает историю?

Да, этого я и боюсь. Я не желаю быть богом собственной вселенной! Что может быть более тяжким проклятием?

Но да, да, действительно! Хуже было бы узнать, что маэстро - это не я. Я - лишь жертва того, кто дергает за веревочки, дразня меня своими зловещими замыслами.

Нет, не хуже! Нет. Ведь если я - божество, если я создаю реальность с помощью собственного воображения, тогда я все же не один?

Я не могу разобраться в этом. Я смотрю на звезды, те звезды, что освещали мой путь многие десятилетия, и какими чужими они кажутся мне теперь.

Потому что я боюсь, что все это ложь.

И победы кажутся бессмысленными. Все, во что я так нежно верил по сей день, ускользает от меня.

Эта странная жрица, Ивоннель, назвала меня Чемпионом Ллос, но в глубине души я понимаю, как она ошибается. Я действительно боролся за Мензоберранзан, но бился за правое дело. За победу над ужасом, внушаемым демонами. Не за Ллос, но за тех эльфов, которые могут еще увидеть истину и прожить достойную жизнь.

Так ли это?

В этом путешествии, я прошел по коридорам Дома До'Урден - того, каким он был, а не каким стал. Я видел, как умер Закнафейн, во что я вынужден был поверить и в чем я также не уверен.

Единственная истина в том, что никакой правды нет... нет реальности, есть лишь наше воображение.

И если реальность это лишь наше воображение, то что имеет значение? Если все это сон, то все окружающее - это просто аспекты моей личности.

Одинокой.

Не преследующей никакой цели, кроме развлечения.

Не имеющей морали, только капризы.

Творящей значение лишь ради забавы.

Одинокой.

Я поднимаю мои клинки, Мерцающий и Ледяную Смерть. Теперь я вижу их веслами в этой игре. Почему я уверен в том, что могу следить за тем, когда использовать оружие, если все окружающее - лишь забава какого-то демона, бога или моего собственного воображения?

И теперь, этой чистой звездной ночью, я возвращаюсь в Лускан.

Без цели.

Без морали.

Без смысла.

В одиночестве.

Мне не отмыть своих рук.

Ранка была такой маленькой, почти бескровной. Но мой клинок застыл там, у шеи Кэтти-бри, и, нет сомнений, я собирался нанести удар, жестоко перерезая её горло Видринас. Чтобы отомстить!

О, как я хотел сделать это!

Потому что знал, она - злобный демон, что явился мучить меня, приняв обличье моей потерянной возлюбленной. Я знаю это, и я сомневаюсь в этом.

Когда же она намерена открыть обман? Взглянет ли на меня сверху вниз уродливое лицо, когда мы будем заниматься любовью? Возвысится ли надо мной жуткая демоническая сущность, быть может принявшая мое семя, чтобы зачать отвратительную полукровку?

Или нет? Или все не так?

Быть может, я приставил клинок к горлу настоящей Кэтти-бри - Кэтти-бри! - и остановился в шаге от убийства.

И тогда, кажется, поплыви я снова вдоль Побережья Мечей - стоит мне лишь опустить руку в воду, и все море на моем пути окрасится в красный цвет! Пролилось так мало крови, и все же для меня это - вся кровь мира. Она оmyвает меня, помечая кожу красным клеймом стыда.

Убийца!

Потому что в мыслях я убил её. Потому что сердцем я усомнился в ней. Моя рука подвела меня. Моя смелость покинула меня.

Потому что демон должен был умереть!

Эта самозванка должна была умереть. Её смерть стала бы последним актом неповиновения Ллос. Одно движение, одно простое убийство, призванное показать Паучьей Королеве, что она не одержала трусливой победы. По своей прихоти она стерла бы меня с лица земли - ведь пожелай она того, я не смог бы защититься - но нет, в конце концов ей не удалось бы сломать меня.

Я - не игрушка в её руках!

Если только той женщиной, что почувствовала клинок моего скимитара на своей шее, действительно не была Кэтти-бри. Как я могу удостовериться?

Это и есть загадка, это - глубочайшее проклятие, именно потому я уже потерял.

Каждое утро я выхожу из Дремления и говорю себе, что сегодня буду радоваться восходу солнца и познавать надежду. Пусть все это уловка, все это один большой обман Паучьей Королевы, чтобы причинить мне нескончаемые мучения.

И каждое утро я говорю, что так тому и быть. Так тому и быть.

Каждое утро я спрашиваю себя: "А какой у меня выбор?"

Куда мне деваться? По какой дороге я мог бы направить свои шаги? Если все это иллюзия, то в какой точке моего пути иллюзии, даже самообман, стали восприниматься, как реальность? Если мне нравится этот мир, то не должен ли я найти в нем счастье, несмотря на его обманчивость и иллюзорность? Стоит ли, разумно ли отказываться от удовольствия провести годы с друзьями и близкими, не ради того, чтобы стать счастливым, а лишь из-за страха за то, что случится или не случится?

Стал ли рассвет менее красивым? Стала ли не такой очаровательной улыбка Кэтти-бри? Стал ли не таким заразительным смех Бренора? Неужели Гвенвивар теперь мурлыкает не так утешительно?

Я твержу это каждый день. Каждый день я заставляю себя стремиться к счастью и радости. Каждый день я повторяю эту мантру против безумия, заворачиваюсь в эту броню против окончательного отчаяния.

Каждый день.

И каждый день я терплю поражение.

Я не могу найти смысла во сне. Я не могу найти цели в мире, созданном собственным воображением. Я не могу свободно улыбаться, неотрывно преследуемый мыслью, что враги ждут моей самой счастливой улыбки лишь для того, чтобы потом стереть её с моего лица.

Что еще хуже, теперь мои руки окрашены кровью Кэтти-бри или злобного демонического создания. И если верно первое - то я ударил женщину, которую

люблю, а потому должен валяться, покрытый стыдом и кровью. Если же истинно последнее - у меня не хватило смелости завершить начатое, и потому я также потерпел поражение. Они забрали у меня оружие, и я рад. Сделают ли они то же самое с моей жизнью, чтобы положить конец этой игре?

Они делают вид, что им не все равно. Они изображают магию и псионику, якобы пытаюсь излечить мою болезнь, но я вижу злобные взгляды и чую запах туманов Бездны. Я слышу тихий хохот за их обманчивыми вздохами притворного беспокойства.

Позвольте же мне гнить. С кровью Кэтти-бри на руках, или стыдясь собственной трусости.

В любом случае, я заслужил подобной судьбы.

Каждый день - и сейчас это проявляется чаще - наступают моменты, когда мои страхи заставляют меня чувствовать себя дураком. Как и уверенность, что все окружающее - сплошной кошмар. Моменты ясности, когда абсурдность всего произошедшего - возвращение Кэтти-бри и всех моих друзей, длинная жизнь Артемиса Энтрери - бледнеет рядом с глупостью моих страхов. Рядом с мыслью, что Ллос, без всяких причин, решила уничтожить меня.

И тогда я вспоминаю, какое оскорбление нанес Паучьей Королеве. Теперь она не остановится ни перед чем, чтобы вернуть мне этот долг.

Я вспоминаю пытки, которым подверг Эррту Вульфгара, пытаюсь сломать его.

Однако это путешествие кажется мне величественнее и масштабнее всех пережитых прежде, ибо теперь я прошел пол-Фаэруна, держа путь в место, о котором слышал только в рассказах.

В Монастыре Желтой Розы есть на что посмотреть. Местные братья и сестры практикуют свое мастерство ревностнее всех, кого я знал прежде. Их соблюдение устава и ритуалов может сравниться с фанатизмом «Кишкодёров» или самоотверженностью мастеров оружия Мензоберранзана. Прекрасно созерцать людей, что в великой гармонии постигают вершины своего искусства. Они опираются на успехи друг друга с такой честной радостью... не страшась продвижения других членов ордена. Например, Афафренфер вполне может поставить под угрозу чье-то место в иерархии.

Мастер Сэвэн рада тому, что Афафренфер движется вверх по иерархической лестнице монастыря. Она сказала мне с радостью в глазах и легкостью в голосе, что никогда прежде не видела такого стремительного совершенствования тела и духа, какое показывает теперь Афафренфер. Тем не менее, вскоре он будет оспаривать принадлежащий ей титул. И проиграй она бой - её место в иерархии монастыря станет на ступень ниже.

Я спросил её об этом, и ответ женщины пришелся мне по сердцу. Если он сможет победить её, то заслуживает и похвалы, и места. Ей же нужно будет усерднее тренироваться, чтобы отвоевать свой титул назад. В конечном итоге, подъем Афафренфера только сделает её лучше.

У неё собственное видение конкуренции. Она считает, что нет лучшего соревнования между людьми, чем то, что человек ведет сам с собой. Вызов, брошенный самому себе, должен перевешивать все остальное. Проще говоря, возвышение наших противников заставляет нас самих становиться лучше и лучше. Нужно приветствовать такую возможность, а не бояться или избегать её.

Это полностью противоречит философии Мензоберранзана. На самом деле, именно желание дроу удерживать других и даже убивать, чтобы любым способом сохранить собственное положение, когда-то вынудило меня покинуть город. Подобная позиция безнравственна и ограничена.

Здесь, в Монастыре Желтой Розы, я нашел полную противоположность этой бессмысленной паранойе. Здесь я чувствую себя так же, как в тот день, когда столкнулся с Монтолио и узнал о Миликки. Но на этот раз я познаю взаимоотношения, которые поддерживаю всем сердцем.

И это прекрасно.

Великолепно.

Поколения

Вне времени

В Подземье нельзя увидеть паутину. Ты чувствуешь её, слишком поздно, она щекочет и чешется, и может быть, перед смертью ты закричишь от страха или отвращения.

Но ты не увидишь паутину.

Как и пауков, или других созданий, устроивших ловушки для заблудших глупцов, которые отправились туда, где им не место.

Но других мало. Немногие чувствуют себя как дома в Подземье, и здешние жители считают мрак союзником в их собственном коварстве.

Здесь дворфы-дергары вгрызаются в камень, с силой ненависти размахивая кирками. Они постоянно рычат и ругаются, и каждая искра от ударившего о камень металла высвечивает серые лица, застывшие в постоянном угрожающем оскале.

Здесь жуткие пещерные удильщики протягивают свои длинные щупальца, готовые схватить неосторожно посетителя и затащить его, беспомощно и жалко трепыхающегося, вверх по утёсу в нетерпеливую пасть.

Здесь бурые увальни роют норы, в камне или в чужой плоти - неважно.

Здесь огромные грибы собираются вместе и лелеют жуткие замыслы.

Здесь трепещут и скользят живые, разумные тени, холодные пальцы которых готовы задушить любого, владеющего теплом жизни.

Здесь скрытни притворяются землёй. Здесь пронзатели висят среди сталактитов. Любой, кого обнаружат эти чудовища, решит, что само Подземье ожило, чтобы поглотить его.

И во многих отношениях - не ошибётся.

А потом он, как и столь многие прежде, погибнет, будет сожран тенью.

Ведь это - Подземье, где тени теснятся слишком близко, чтобы звать их тенями, где свет освещает носителя, а не дорогу перед ним, где с любыми охотничьими угодьями граничат другие охотничьи угодья, где настоящее везение - выбрать собственную смерть, пронзить собственное сердце собственным мечом, прежде чем щупальца зверя-обманщика стянут тебя с края или прежде чем паук прекратит невыносимо медленно высасывать соки из заключённого в плотный кокон тела.

Здесь часто бродят полные неуголимого гнева демоны, мастера убийства.

Здесь вечно спят бесшумные, не обладающие запахом и невидимые газы далёких волнений, готовые превратить высеченную кремнем искру в огненный шар, которому позавидовал бы архимаг Мензоберранзана.

Здесь зловещее биение далёкой капающей воды, единственный пляшущий от камня к камню звук, усиляется абсолютной тишиной.

Здесь грохочут кости неупокоенных мертвецов, приведённые в движение тёмной магией тёмного места, готовы рвать и кусать в своём посмертии.

Да, это Подземье, и здесь находится Мензоберранзан, Город Пауков, город тех, кто поклоняется демонической богине, именующей себя Паучьей Королевой.

Только глупец придёт сюда без приглашения.

Только глупец придёт сюда по приглашению.

Ведь здесь живут дроу, тёмные эльфы, властелины божественной и волшебной магии, мастера оружия, наделённого жестокими чарами Фаэрзресс, магической границы, что даёт жизнь Подземью и соединяет его с землями демонов и дьяволов.

Да, здесь живут дроу, и они прекратят убивать друг друга лишь ради того, чтобы убить тебя.

- Что взять мне, отец? - в известной всему Фаэруну басне спрашивает юноша, готовый отправиться на поиск приключений в Подземье.

- Две монеты.

- Золото Глубоководья? Серебро Кормира?

- Неважно, - отвечает отец.

- Сколько еды собрать мне в путь?

- Неважно. Две монеты.

- Но уж вода-то мне понадобится, отец. Сколько воды мне взять с собой?

- Неважно. Две монеты.

- Я куплю необходимое всего за две монеты? Тогда какое оружие мне следует избрать? Меч? А может, лук?

- Две монеты. Лишь две монеты.

- Чтобы купить всё, что мне нужно? - недоумённо спрашивает сын.

- Нет, - отвечает отец. - Чтобы прикрыть монетами глаза, когда погибнешь. Ты можешь взять с собой что угодно, но от смерти нет спасения.

Это Подземье, земля убийц.

Земля дроу.

Мне интересно перечитывать свои записи многолетней давности. Я часто морщусь при взгляде на свои старые умозаключения, считая, будто теперь я умнее и обладаю более ясным взглядом на любую ситуацию, с которой сталкиваюсь, более чётким пониманием лучшего итога. О, в этих записках я вижу такие же намерения, такой же счастливый итог, но тут и там по ним разбросаны мелкие ошибки, которые теперь стали для меня очевидными.

«Мудрость» - слово, которое часто ассоциируют с опытом, но возможно, его также следует употреблять вместе со словом «смирение», поскольку сейчас я понимаю, что оглядываясь на эти заметки через десять или через сто лет, скорее всего обнаружу необходимость в многочисленных исправлениях.

Другое, что изумляет меня в этих проблесках прошлого - циклическая природа жизни. Речь не только о рождении и смерти, но и о многочисленных радостях и бедах, что находят нас год за годом. У друу есть старая поговорка:

Ава'тил ната пасайсон жах куэс по финнуд эбриес херм.

«История - это стихотворение, где все строчки рифмуются».

Как точно! Простой взгляд на конфликты, с которыми встречались мы с моими друзьями, позволяет заметить новые угрозы, очень похожие на старые. Даже великие печали и радости нашей дружбы для того, кто проживал их снова и снова, следуют предсказуемой последовательности. Воззрения часто кажутся разбитыми, но сама природа разумных существ однажды восстановит их.

Возможно, в этом единственном отношении Ллос не так уж глупа - а возможно, она величайшая из глупцов. Хаос вызывает радостное возбуждение у её последователей - они чувствуют себя живыми! Но в конце концов они оказываются там же, где были в самом начале. Ранг дома может измениться, ближайший враг может потерпеть поражение, новое заклинание может омрачить небеса. Но тот, кто отправится в Мензоберранзан сегодня, увидит место, очень похожее на город, который я впервые узрел из колыбели.

Отличается ли он в этом от Глубоководья?

Поскольку да, некоторые цивилизации будут уничтожены завоевателями. Некоторых сравняют с землёй вулканы. Долгая засуха может переместить целые культуры, а огромные морские волны могут погрузить других в вечное молчание на дне морском. Но круг жизни продолжается. Остаются щедрость и жадность. Остаются любовь и ненависть. Остаются милосердие и месть. Все эти противоречивые, бесконечно сражающиеся черты людей, дворфов, эльфов, полуросликов, гномов и любой другой разумной расы остаются... и ведут войну.

И победитель всегда оказывается в опасности, и любой итог всегда столь обычен, что в вихре хаоса всё равно ничего не меняется.

Когда я сказал об этом Бренору, он ответил, что темна не только моя кожа, потянулся за свой щит и вручил мне кружку с выпивкой.

Но нет, это не грустная мысль, она не подразумевает беспомощность перед лицом судьбы и предопределённости.

Поскольку знаю я и то, что хотя мы движемся кругами, мы по-прежнему движемся вперёд. Культуры взрослеют подобно тому взрослению, которое я вижу в своих записках. Для сегодняшнего гостя Мензоберранзан будет очень похож на тот город, который увидел я из дома До'Урден, но будут и отличия.

Со временем судьба каждого народа кажется всё менее и менее зловещей, поскольку с культурой приходит и память, понимание того, что работает, а что нет. Когда эти уроки забываются, круг снова возвращается назад, а когда их помнят - общество движется вперёд, и с каждым циклом, с каждым подтверждением того, что есть добро, а что зло, начальная точка следующего урока становится немного ближе к добру.

Это долгий цикл, но он вращается в направлении справедливости и добра для всех нас. Несложно оглянуться на историю и увидеть преступления огромного размаха, которые пугают людей нашего времени, но в дни более суеверные и тёмные воспринимались как простая данность или считались необходимыми.

Бренора это заявление не впечатлило. Он просто протянул мне ещё одну кружку.

Но сейчас мне кажется неоспоримой истиной, что жизнь индивида и жизнь общества заключена в этих циклах мира и кризиса, и что с каждым витком мы учимся и становимся сильнее.

Мы становимся мудрее.

Мне приходит в голову, что существа, которых мы на Фаэруне называем богами, могут быть просто долгоживущими созданиями, слышавшими рифмы пасайсон, прошлого, так часто, что простой опыт позволяет им знать будущее. Возможно, результат так неотвратим, что теперь они слышат не только отзвуки прошлого, но и будущего - обладают предвидением последствий. Они научились великой силе, как мечник обучается новому приёму.

Во время последнего кризиса моё путешествие почти оборвалось, не только потому, что я погиб - это кажется очень частым условием - но потому что я потерял всё, что служило мне якорем в этой реальности. Земля, на которой я стоял, превратилась в зыбкий песок, и я едва не сгинул в этом песке.

И сгинул бы, если бы не научился сужать круги моей жизни до такой степени, что я почти надеюсь: моё путешествие станет более прямой дорогой вперёд, путём лучшего предвидения и ясного понимания.

Поскольку величайшее из учений монахов Жёлтой Розы - способность прощать, целиком и полностью, свои собственные недостатки, принимать своё физическое тело как сосуд для духа, стремящегося к совершенству. Столь полное принятие себя, ограничений, слабостей и неудач, позволяет личности двигаться вперёд без вмешательства вины и ненужных колебаний.

Слышать отзвуки прошлого.

Предвидеть ноты будущего.

Храбрее шагать вперёд.

И я храбро и с улыбкой шагаю вперёд, высоко подняв свои сабли.

С возрастом приходит мудрость, поскольку с возрастом приходит опыт. Мы учимся, и если мы не закалились в своих поступках и не упорствуем во взгляде на мир, который отрицает доказательство опытом, мы учимся.

Повторы истории, в конце концов, величайший учитель.

Однако вопрос состоит в том, достаточно ли хороши ученики. Да, Мензоберранзан покажется мне совершенно другим, с моим багажом опыта, сопровождающим меня в это мрачное место, и да, каждый индивид может учиться, должен учиться, во время своего путешествия. Но я видел, что это происходит не со всеми. И действительно ли всё так на уровне общества? Или на уровне поколений?

Можно ожидать, что эльфы, включая дроу, должны быть умелыми проводниками по этому повторяющемуся циклу. Воспоминания долгоживущих народов, видевших рождение и смерть веков, должны быть суровым предупреждением очередному глупому королю, королеве или совету лордов изменить курс, когда они идут по дороге к катастрофе. Поскольку мы уже были свидетелями этого кукольного театра прежде, и куклы все погибли, а выжившие правители жили с глубочайшим сожалением и даже ужасом перед собственными поступками. По тёмному пути идут мелкими шагами.

Поэтому эльфы должны быть тревожной трубой предостережения, но к сожалению, циклы разрушения больше всего продиктованы именно коротким сроком человеческой жизни, поскольку со сменой поколения, знавшего большие потрясения, войну или беспорядки, стирается и общественная память о трагическом финале этой дороги.

В монастыре Жёлтой Розы есть большая библиотека, и в этом историческом репозитории хранится хроника разрушительных, потрясших мир событий.

Такие события повторяются с тревожной частотой. Каждые семьдесят-сто лет приходит пора больших потрясений. О, время от времени случаются и другие, зачастую трагичные события, но похоже, что это просто аномалии, внезапные поступки глупых королей.

События, о которых я говорю, предстают скорее созреванием катастрофы, опасным путешествием из тысяч крохотных шажков, которое оканчивается, когда погибает последний из людей, хранивших воспоминания о нём.

Потом снова наступает тьма.

Я думаю, что это не просто совпадение, этот шаг назад, этот отскок катящегося колеса веков, и я стал считать, что просветление может казаться прямой линией для индивидов, но для всего мира оно содержится лишь внутри этого медленно вращающегося колеса.

Лорды Неверэмберы бывали и раньше, с другими именами, но с такой же недалёковидностью.

Возможно, далее мне следует именовать лорда-защитника Невервинтера лордом Непомнящим.

Его отношение к королю Бренору вызывает большую тревогу. Его призывы к господству не знают здравого смысла. Его эгоизм ведёт к накоплению сокровищ, вредоносному и даже губительному для тех, кого он зовёт подданными.

Для людей всё значительно быстрее. Их сжатые жизни приводят к появлению сжатых королевств и повторяющимся войнам. Возможно, это стремление как можно быстрее достичь слишком высоких пьедесталов, прежде чем наступит неотвратимая смерть. Или, может быть, из-за их коротких жизней им просто особенно нечего терять. Король, разменявший шестой десяток, может потерять двадцать лет жизни, если погибнет в битве или если его шею найдёт гильотина в результате попытки захватить ещё больше власти, но эльфийский король может потерять века, а дворфийский - многие десятки лет.

С приходом старости многие радости жизни увядают, и возможно поэтому человеческий король должен стремиться к чему-то величественному, чтобы найти замену радостям своего восхождения к власти, или далёким удовольствиям плоти, или простому отсутствию боли при ежедневном подъёме с кровати.

Несмотря на все эту потенциальные трагедии и несчастья, я должен напомнить себе, что колесо неизбежно движется вперёд. Сто лет назад мир был более страшным, грубым и жестоким местом, а тысячу лет назад - ещё хуже.

И это даёт мне надежду относительно моего собственного народа. Катится ли наше колесо тем же образом, пускай даже намного медленней?

Правда ли, что со сменой каждого поколения дроу Мензоберранзан постепенно эволюционирует к более светлому и доброму существованию?

Такова моя надежда, но её сдерживают весьма реальные опасения того, что колесо поворачивается слишком медленно и его инерции может не хватить, что события и беспринципные верховные матери не просто остановят его, но толкнут в другую сторону.

Не говоря уже о жестокой демонической богине, которая держит верховных матерей на поводке.

Нам нужны дроу-герои.

К счастью, Мензоберранзан породил удивительно много таковых. Обычно они скрываются в тени, которых там в избытке.

Я отчаянно надеюсь, что один из них, тот, которого я так сильно любил, вернулся в этот мир.

Где заканчивается «я» и начинаются другие, «сообщество»?

Вопрос как будто простой, даже очевидный, но я начинаю думать, что это может быть самым сложным изысканием из всех. И самым важным, если я хочу найти настоящий смысл моей жизни. В более широком отношении это вопрос, который определяет суть общества, а возможно, тем или иным образом, даже срок его жизни.

Если я иду по дороге и вижу человека, тонущего в пруду, и у меня есть верёвка, которая достанет до него, разумеется я брошу бедолаге верёвку и вытащу его на берег.

Но это не самоотверженный поступок.

Меня могут назвать героем за спасение чужой жизни.

Но это не героический поступок.

Нет, такого поведения ожидают от любого, достойного жить в цивилизованном обществе, и всякий, кто не остановится, чтобы помочь утопающему в подобной ситуации, заслуживает по меньшей мере порицания.

Если бы я шёл по дороге и увидел человека, тонущего в пруду, но верёвки у меня не было, я прыгнул бы в воду и попытался вытащить утопающего.

Это более самоотверженно и включает в себя небольшую толику опасности.

Стану ли героем?

Некоторые назовут меня так, но в моих ушах это будут пустые слова. Потому что я сделал лишь то, чего ожидал бы от любого соседа, если бы сам был утопающим.

Вот что делает сообщество важнее индивида.

Предположим, человек тонет в озере, где живёт щука-убийца. Предположим, на него даже напало подобное создание. Предположим, озеро кишит голодными щуками.

В какой точке моя попытка спасения становится героической? В какой точке мои действия по праву могут заслужить мне титул героя?

В какой точке я не захочу, чтобы соседи бросались в эту смертельную, полную щук западню, чтобы попытаться меня спасти?

И такая точка наверняка есть. Существует место, где ответственность перед собой перевешивает, намного перевешивает, ответственность перед обществом.

Но где она?

Вряд ли многие тщательно размышляли над вышеописанной дилеммой, но с содержащимся в ней вопросом постоянно встречается любая личность. Где заканчивается ответственность перед собой и начинается более широкая ответственность перед обществом?

Если я успешный охотник и доверху заполнил на зиму, свои погреба, будет ли правильно и справедливо позволить соседу голодать? Если мне придётся урезать собственный рацион, чтобы накормить соседа, провести в зиму в лишениях, но без смертей, должен ли я по-прежнему спасти неудачливого охотника?

Я удивлён тем, сколько встречал людей, которые утверждали что нет, что их урчащий живот не стоит жизни соседа, и оправдывали своё заявление, обвиняя соседа в том, что ему не повезло с охотой.

Опять же, пример крайний, но если мы обратимся к повседневности, к ежедневным выборам, с которыми каждый встречается в своей жизни, наш выбор будет не менее важным. За что ты несёшь ответственность, кроме самого себя? За своего спутника, за своих детей, братьев, родителей, кузенов, соседей, знакомцев?

Я думаю, что эти вопросы определяют тебя как личность больше любых других твоих поступков.

Законы королевства пытаются очертить эти границы ответственности в повседневной жизни граждан. В деревне Одинокий Лес в Десяти Городах, к примеру, успешный охотник обязан делиться добычей, превышающей дневную порцию. Любые излишки делятся поровну между всеми жителями Одинокого Леса. Но в Норе Дугана, ещё одном из Десяти Городов, те, кто не способен добывать себе пропитание

охотой, зимой скорее всего будут голодать, а успешные охотники могут защищать свою добычу до смерти, даже если эта добыча столь велика, что начнёт гнить с приходом в тундру весенних оттепелей.

В Норе Дугана никто не пытается изменить эти законы или типичное отношение, придающее им силу. Конечно, в Брин Шандере, центре Десяти Городов, найдутся такие, кто хотел бы подобных перемен, поскольку голодающий народ из городов Красных Вод неизбежно пытается добраться до врат Брин Шандера.

Я предпочитаю Одинокый Лес, как и мои товарищи, поскольку начал считать филантропию главным источником довольства собой, если не откровенного эгоизма!

В Брин Шандере есть старая женщина, которая берёт к себе бродячих собак и котов. Она неустанно трудится, чтобы пристроить их среди жителей города.

Она так предана своей задаче, что мало ест и ещё меньше спит. Однажды я спросил её об этом, о том, почему она жертвует лишним часом сна, чтобы найти бродячего кота, о котором ей рассказали.

- Каждый час, когда я не работаю, драгоценный кроха может умереть, - сказала она мне.

Люди Брин Шандера считают её сумасшедшей, и честно говоря, я и сам подвергал сомнению здравость её рассудка и расстановку приоритетов. До тех пор, пока не поговорил с ней, и тогда обнаружил в этой женщине одного из самых разумных и здравомыслящих людей, с которыми когда-либо имел счастье встречаться. Тепло её сердца тронуло меня и позволило увидеть искренность её улыбки. Для неё это было призвание, способ, которым она, бедная старая женщина, может сделать мир лучше.

Среди знакомых мне дворян немногие могли сравниться с ней в искренности улыбки.

Я считаю себя немного похожим на эту старую женщину, и больше прежнего - после моего обучения в монастыре. Величайший урок, полученный мной в этом месте великого учения - постоянное напоминание о том, как мало мне на самом деле нужно, и предостережение избегать ловушки собственности.

Чаще всего богатство владеет богачом, а не наоборот.

Богатая женщина может вызывать зависть, и хотя зависть будет ей приятна, этот повод омрачит лица окружающих задолго до того, как она умрёт.

Некоторые меряют богатство золотом.

Другие меряют его слезами тех, кто будет оплакивать их после смерти.

Я понимаю и с отвращением признаю, что среди встречавшихся мне людей мои предпочтения вовсе не являются общепринятыми. Нора Дугана не нуждается в новых жителях, и любые дома, опустошённые суровыми условиями этого сообщества, вскоре наполняются снова, по большей части людьми, ворчащими по поводу дани или налогов и готовыми воевать с любым, кто потребует у них хотя бы медяк.

«Не можешь поймать жратву - не имеешь права жить» - распространённое кредо, которое часто можно услышать в этом городе и даже на берегах озера под названием Красные Воды.

Таков этический спектр разумных существ со шкалой между «я» и «сообщество».

Мой друг Бренор - один из богатейших королей в этой местности. Соединённые дворфийские королевства, от Долины Ледяного Ветра до Серебряных Пустошей и Гаунтлгрима, вышли из своих войн, сверкая богатством и могуществом. Сам Бренор уже обладает сокровищницей, способной вызвать зависть большинства лордов Глубоководья.

Обязан ли в таком случае Бренор распахнуть свои врата для всех просителей? Насколько широки границы ответственности для того, кто обрёл столь многое? Шире, чем для фермера или сапожника? Если фермер сберёг дюжину серебряных монет и даёт одну бедняку, которого встретил на рынке, следует ли Бренору, владеющему в тысячу тысяч раз большим состоянием, раздать по монете тысяче тысяч нуждающихся?

Или ему следует раздать даже больше, поскольку после определённой степени богатства его монеты становятся не так важны для его собственного здоровья и безопасности? Подобно драконам, великие лорды севера владеют горами сокровищ, которые не в силах потратить за всю свою жизнь. Даже их дети и следующие поколения не могут потратить такие богатства. Потеря серебряной монеты меньше вредит человеку и его семье, обладающему десятью серебряными монетами, чем потеря медной монеты - семье, у которой есть только десять медяков. А потеря золотой монеты для женщины, которая обладает десятью золотыми монетами, значит для блага её семьи меньше, чем дань, назначенная человеку с десятью серебряными.

И по мере возрастания размеров богатства правило продолжает соблюдаться. Чем больше у вас есть, тем меньше вам необходимо, и когда все базовые нужды удовлетворены, роскошь становится избыточной и притупляет радость приобретения.

Мензоберранзан похож на Нору Дугана. Никакого золота и драгоценностей не хватит, чтобы удовлетворить неутолимую жажду верховных матерей. В Мензоберранзане богатство - это власть, а власть - это всё. И богатство означает положение, которое значит даже больше власти. Ведь положение вызывает зависть, а для друу моей родины чужая зависть - одна из величайших радостей в жизни.

Такая жизненная философия кажется мне абсолютной глупостью.

Попрошайку у ворот дома Бэнр убьют или возьмут в рабство.

Попрошайку у ворот Гаунтлгрима накормят горячей едой и дадут постель.

Поэтому король Бренор - мой друг.

Без границ

После воскрешения Закнафейна Джарлак потратил немало часов, рассказывая мне истории о времени, проведённом с моим отцом в Мензоберранзане. Подозреваю, что его цель - помочь мне лучше узнать этого мужчину, который был так важен для меня в юные годы и чьё прошлое до сих пор оставалось загадкой. Возможно Джарлак рассматривает это как способ преодолеть пропасть, которая

неожиданно отделила меня от отца, сгладить углы резкого отношения Закнафейна ко всем, кто не является дроу.

Но в первую очередь я обнаружил, что истории Джарлакса больше рассказывают о Джарлаксе, чем о Закнафейне - главным образом об эволюции Джарлакса и его наёмнического отряда Бреган Д'эрт. Эта эволюция придаёт мне огромный оптимизм, поскольку кажется меньшим примером того, что, как я надеюсь, может случиться со всей культурой дроу.

Поначалу Джарлакс создал эту банду изгоев лишь для того, чтобы сохранить свою шкуру. Он был бездомным бродягой, что в Мензоберранзане обычно является гарантией короткой и сложной жизни. Но хитрый Джарлакс собрал других бродяг и свёл их вместе, и превратил этих личностей в могущественную силу, которая оказалась ценной для правящих матерей, но в то же время не представляла для них опасности. Однако тот отряд ещё не был Бреган Д'эрт, который сейчас управляет Лусканом, и различие не такое уж и незаметное, хотя я не уверен, что сам Джарлакс видит его.

Сейчас Бреган Д'эрт - совсем иная организация, но я думаю, что перемены внутри отряда накапливались на протяжении веков. Джарлакс и сам должен был измениться.

А потому - смею ли я надеяться, что Закнафейн тоже найдёт свой путь?

В самом начале Бреган Д'эрт был отражением жестокой культуры домов Мензоберранзана, и зачастую использовал городские конфликты - как между домами, так и внутри домов. Эти предательства были воистину велики! Жертвенный клинок пощадил мою собственную жизнь лишь потому, что мой брат Дайнин убил моего брата Нальфейна в день моего рождения. Об этом знали все, включая нашу мать, Мэлис, но Дайнин не был наказан. Для него это обернулось сплошной выгодой из-за хитрого способа, которым он избавился от Нальфейна - без свидетелей. Думаю, что около половины матрон, занимающих положение главы дома, получили свой титул благодаря убийству (или, по крайней мере, благодаря помощи в убийстве) собственных матерей. Таков путь Ллос и таков путь дроу, и таков был путь Бреган Д'эрт.

По сути, Джарлакс оставил своим подопечным полную свободу и отсутствие каких-либо указаний в попытках подняться в иерархии Бреган Д'эрт. Насколько я могу судить, его единственным правилом было требование платить ту цену, которую могли навлечь на него действия членов отряда. Его подчинённые могли обманывать и драться, красть и убивать, а Джарлакса не заботило это настолько, чтобы вмешиваться. Убитому члену отряда, подозреваю, необходимо было найти замену из кармана убийцы, но Джарлакс не принуждал подопечных следовать какому-то моральному кодексу.

Иногда я сомневаюсь, что в то время у него самого был такой кодекс.

Я спрашиваю об этом честно, ведь пускай я и убеждён, что он всегда обладал определённым кодексом чести, это не обязательно то же самое, что моральный фокус. Артемис Энтрери тоже придерживался какого-то искажённого чувства чести, но лишь недавно позволил простой морали по каплям просочиться в свои поступки.

Но ведь Артемис Энтрери воспринимал человеческое общество точно так же, как Джарлакс - и Закнафейн - воспринимали общество дроу: безнадежным, испорченным и достойным лишь крайнего презрения и смертельной кары.

Подобные взгляды так удручающе напрасны!

Когда Джарлакс рассказывает эти истории о его не-братьях по оружию, он как будто не обращает внимания на огромные различия с тем, что представляет собой Бреган Д'эрт в наши дни. Тогда тайное общество выживало лишь благодаря силе и способности Джарлакса заставить разрозненный и полный внутреннего соперничества отряд выполнять задачи, поставленные перед ними верховными матерями, в первую очередь - верховной матерью Бэнр. Судя по тому, что я сумел вывести из этих рассказов, Джарлакс потерял больше пехотинцев от клинков Бреган Д'эрт, чем от вражеского оружия.

Но в сегодняшнем Бреган Д'эрт я вижу совершенно иную - и куда более сильную - организацию.

Ведь Джарлакс дал своим последователям нечто поистине редкое среди преданных Ллос дроу: элемент доверия.

И сделал это на собственном примере. Джарлакс доверил Киммуриэлю Облодре само управление отрядом в тех нередких случаях, когда он, Джарлакс, занят какими-нибудь приключениями. Он даже поручил Киммуриэлю обуздывать его собственные пороки - держать в узде самого Джарлакса!

Джарлакс оставил немалую свободу Бениаго в роли старшего капитана Курта, правящего Лусканом. Бениаго не советуется с Джарлаксом на каждом шагу, и Джарлакс всё равно доверяет ему управлять городом гладко, с выгодой, и - как я начал верить - с определённой толикой заботы об общем благополучии граждан.

Возможно, самый красноречивый показатель - то, как Джарлакс принял могучего бывшего архимага. Насколько я могу судить, Громф Бэнр - не полноправный член Бреган Д'эрт, но с согласия Джарлакса он живёт в Лускане как архимаг Главной башни Волшебства. Без разрешения Джарлакса сама Главная башня не была бы отстроена, ведь Громф не смог бы выстоять против всего Бреган Д'эрт и не нашёл бы поддержки у короля Бренора, а тем более - помощи при постройке от Кэтти-бри.

Джарлакс подарил Громфу эту величайшую из волшебных башен, силу, настолько же могущественную, как любой из известных мне замков, даже замок короля Гарета Драконоборца в Дамаре или Магик, школа дроу для волшебников в Мензоберранзане. Нынешнее собрание в башне магии и тех, кто в совершенстве этой магией владеет, может привести к невообразимым разрушениям.

Но не приведёт. Джарлакс об этом знает. Громфа приняли в Бреган Д'эрт и в город под властью Бреган Д'эрт со множеством условий. У него короткий поводок, и большая часть этого поводка лежит в плоскости доверия.

И всё это стало возможным лишь потому, что Бреган Д'эрт вырос, эволюционировал. Как их предводитель, так и они сами.

И это даёт мне надежду.

Поэтому я смею. Смею надеяться, что влияние Джарлакса и его пример найдут отклик в сердце Закнафейна.

И всё-таки боюсь, что трансформация Закнафейна не успеет случиться вовремя, чтобы заслужить дружбу и даже семейную любовь Кэтти-бри или нашего ребёнка, и в этом случае - не успеет заслужить любовь Дзирта До'Урдена.

Надеюсь, что этого не случится.

Но он - моя семья по крови. А она - моя семья по выбору.

Я понял, что второе - связь намного более крепкая.

Если верить мудрости магистра Кейна, утверждающего, что я создан из того же вещества, что и весь окружающий мир, значит мы едины. Все мы, всё вокруг нас.

Представляет ли собой это наблюдение истину или всего лишь философскую игру ума? Ведь ни верховные матери Мензоберранзана, ни дворфы Гаунтлгрима, ни даже моя возлюбленная жена, которая видит своё будущее в Роще Единорогов внутри Дома Природы, где держит двор богиня Миликки, не разделяют этой концепции.

Значит ли это, что магистр Кейн узрел истину за пеленой религий и догм материального мира? Или что его истина не противоречит остальным; что его истина, возможно, всего лишь иная точка зрения на тот же самый вопрос?

Я испытываю огромную радость и удовлетворение, понимая, что этот древний человек, принявший меня в ученики, не станет злиться на мой вопрос. Нет, он одобрит его, он даже требует от меня таких вопросов, поскольку его единство видения требует интереса и любознательности, открытого сердца и открытого разума. Я не могу отрицать силу правды Кейна. Я видел, как клинок проходит сквозь него, не потревожив брENNую плоть.

Он способен пройти сквозь каменную стену. В теле брата Афафренфера он превратился в сверкающую пустоту, окутанный дыханием дракона, лишь чтобы затем восстановиться в телесной смертной форме и сразить чудовище.

Мне приходит на ум, что волшебник или старшая жрица способны на то же самое при помощи различных заклинаний, и я знаю, что Киммуриэль может повторить многие из достижений магистра Кейна благодаря своей странной магии разума.

Да, возможно Киммуриэль Облодра и магистр Кейн похожи сильнее, чем готовы признать. Обоим не требуется сознательно призывать стихии или некое богоподобное существо ради использования своих сил. Для Киммуриэля, как и для верховного магистра Кейна, это силы дисциплинированного разума.

И я задаюсь вопросом - едина ли их философия? Или они получают некую скрытую энергию из разных источников?

Признаю, что обожаю эти загадки, но в то же время меня беспокоит кажущееся спокойствие и смирение, демонстрируемые моим наставником. Опять же, если я должен верить мудрости магистра Кейна, что я состою из того же материала, что и весь мир вокруг, значит мы едины. Мы все, всё вокруг нас. Придаёт ли нам форму сознание и мышление? А что тогда насчёт камней и облаков? Не наше ли сознание придаёт им их форму?

Не уверен, что сам верховный магистр может ответить на эти вопросы, но данная философия неизбежно вызывает ещё один вопрос, который как будто вовсе его не тревожит: если все мы едины, все состоим из одного вещества, и таким образом наши конечные судьбы связаны, тогда ради чего мы различаем добро и зло? Почему меня должны беспокоить эти концепции, если все мы из одинакового материала, если все мы в конечном итоге вольёмся в вечность всего? Если мне предстоит смешаться с кусками ога? Или демона?

Однако этот вопрос Кейна интересует, и его ответ прост и, по моему мнению, удовлетворителен. В его глазах вселенная стремится к добру и справедливости, и последней наградой для всех нас станет это место братства и спокойствия. Братья и сёстры Жёлтой Розы говорят, что во всём этом действительно присутствует философский и моральный компас, и такая выгода - не просто временное удобство, но долгострочное изменение во вселенском масштабе.

Возможно, они правы. А может быть, всё это впустую, и нет никакой последней награды и наказания за границами этой брэнной оболочки. Эти ответы предназначены для тех, кого по нашему мнению не существует, кто вернулся в ту вечность или пустоту, которая может ожидать всех. Пока что, говорит Кейн и повторяю я, мы должны следовать тому, что в нашей душе и в сердце. Вера во вселенскую вечную гармонию и единство не противоречит вере в добро, в любовь, в радость, в дружбу и в сестринство.

Я обрёл мир в этом монастыре, устроившемся в горах Галенах в Дамаре. Истинный мир и смирение, и в этом свете, когда я возвращаюсь домой в Длинную Седловину или Гаунтлгрим, или в тех случаях, когда я рядом с Кэтти-бри или остальными, я знаю, что я стал лучшим другом.

Так много мудрых изречений преследуют нас на каждом шагу, но помогают ли они нам или просто ограничивают? Стоит ли прислушаться к подобным фрагментам знаний, или эти забытые пути древних времён лучше забыть или хотя бы пересмотреть?

В отношении традиций, древних изречений или обычаев я много раз находил справедливым второе. Сама концепция древней мудрости в конце концов кажется... неоднозначной, и как мы можем надеяться улучшить то, что оставили нам предки, если мы должны следовать их путям? Неужели ритуалы и традиции так отличаются от материальных сооружений? Разве остановили бы дворфы добычу, достигнув границ выработок в своих древних родинах?

Конечно же нет. Они бы вырыли новые тоннели, и если бы во время этого они открыли лучшие строительные материалы или новую конструкцию помостов, то использовали бы их - и скорее всего вернулись в старые тоннели и усовершенствовали работу, проделанную отцами отцов отцов их отцов.

Тогда почему всё должно отличаться, когда дело касается традиций? Уж среди моего народа традиции точно служат ограничениями - и притом ужасными. Половина населения Мензоберранзана заперта в ловушку второстепенных ролей, их

амбиции находятся в клетке слов более древних, чем самые старые тёмные эльфы, слов, написанных больше тысячи лет назад. В этом случае некоторые причины такого положения дел очевидны: госпожа Ллос и её заповеди. Действительно, религия - для тех кто верует в любую веру - зачастую не подлежит сомнениям и не изменяется под действием здравого смысла или призыва к простой справедливости. Слово вечно, говорят они, и всё же во многих случаях очевидно, что это не так.

Тогда почему эта так называемая мудрость держится так прочно?

Я считаю, что прихоти недоступного и (как удобно!) неопровержимого божества - лишь часть ответа. Другая часть относится к тёмным уголкам традиций любой разумной расы. Ведь те традиции, что сохранились вопреки всему здравому смыслу или очевидным моральным изъясам, те традиции, которых придерживаются наиболее рьяно, слишком часто служат на благо тех, кто получает от их соблюдения наибольшую выгоду.

В городе моего рождения носителям власти не приходится соперничать с половиной населения. Верховным матерям не приходится беспокоиться о мужчинах, и по традиции они могут использовать своих мужских партнёров как пожелают. Даже такие личные занятия, как занятие любовью, определяются потребностями женщин Мензоберранзана - и не испытывайте иллюзий по поводу «любви» в подобных отношениях - и мужчина, который не станет подчиняться, столкнётся с суровым наказанием за свою дерзость. Только женщина может возглавлять дом. Только женщина может восседать в Правящем Совете, и даже самый высокопоставленный мужчина в городе - обычно архимаг Мензоберранзана - по традиции, по закону, по требованию этих беспощадных правительниц, по-прежнему считается менее важным, чем самая незначительная из женщин.

Дроу - далеко не единственный народ, загнанный в тупик такой систематической несправедливостью, вовсе нет. В племени Вульфгара и у многих других народов севера сохраняется традиция патриархата вместо матриархата, и хотя мужчины не так жестоки в своей власти, как женщины-дроу, итог, подозреваю, не слишком отличается. Может быть, отношение и мягче - я вспоминаю стыд Вульфгара, который был так силен, что заставил его сбежать от нас, когда в припадке наведённых демоном воспоминаний он ударил Кэтти-бри. Я представить себе не могу, чтобы Вульфгар избил женщину намеренно или потребовал сексуальных удовольствий против её воли, но даже в раскаянии Вульфгара внутри у него на много лет сохранилась эта мягкая снисходительность. Он считал, что должен защищать женщин - благородный обет, вот только происходил он из невысказанной, но очевидной убеждённости, что женщины не способны защитить себя сами. Он возводил их на пьедестал, но так, как будто они представляли собой нечто хрупкое - он просто не мог заставить себя понять истинные способности женщины, даже такой сильной, умной, способной и не раз проявлявшей себя, как Кэтти-бри.

Потребовались годы, чтобы Вульфгар избавился от этого и полностью осознал ценность, одинаковое достоинство и потенциал Кэтти-бри и других женщин. Так сильны были наставления из его молодости, что даже после столкновения с многочисленными очевидными доказательствами их ошибочности, потребовались большие усилия, чтобы освободиться от них.

Да, чтобы освободиться, ведь именно это и означает - принять, что всё, чему так тщательно тебя учили, замыслы целого общества вокруг тебя, могут быть ошибочны.

Вульфгар избавился от бессмысленного сексизма своего племени, и фактически, больше всего от этого выиграл сам Вульфгар.

Смею ли я надеяться, что с Ивоннель будет так же? Поскольку я знаю, что на это надеется Джарлакс, и такова его миссия, в которой он продолжает использовать меня в качестве блестящего примера. Мне остаётся только смеяться.

И надеяться, что могущественные верховные матери Мензоберранзана не устанут от игр Джарлакса до такой степени, что придут и убьют меня ради того, чтобы отобрать его главный символ.

Разумеется, повсюду есть люди, свободные от такого сексизма, но они тоже скованы своими традициями. По обычаю делзунских дворфов пол не важен по сравнению с заслугами. В Мифрил Халле сейчас правит королева, Дагнаббет, дочь Дагнаббита, сына Дагны. Это неважно. Её правление будут судить лишь по её поступкам. В каждом аспекте дворфийской жизни, от поединков до приготовления пищи, от шахтёрской работы до обязанностей правителя, во всём, что посередине - важны лишь заслуги и умения.

Если речь идёт о дворфе.

Мне не на что жаловаться - скорее напротив! - относительно того, как обращались со мной дворфы за многочисленные десятилетия жизни на поверхности, но дело было скорее в личном расположении Бренора. Ведь он - настоящий авторитет для своего народа. Друг это друг, а враг это враг, и размер ушей, цвет кожи и рост не имеют для короля Бренора Боевого Молота ни малейшей значения.

Однако если бы не он, маловероятно, что дворфы Долины Ледяного Ветра когда-нибудь приняли бы к себе домой потерянного и скитающегося тёмного эльфа, как родного.

Если бы не появился другой дворф, похожий на Бренора, который повстречал меня на склонах Пирамиды Кельвина. Не могу отрицать такую возможность, поскольку в каждом народе, в каждой культуре, существует целая радуга качеств, предрассудков, сострадания, доброты и жестокости.

Среди людей бытует абсурдное мнение, будто дроу просто злые - о, поймите меня правильно, многие дроу действительно заслужили такую репутацию! Как и многие люди. Они воюют друг с другом не реже, чем дома дроу сражаются в тенях, и в таких больших масштабах, что одна битва оставляет после себя даже больше искалеченных жертв, включая тех, кто не принимал участия в бою, чем проживает населения во всём Мензоберранзане. Я был свидетелем Карнавала Воров, когда судьи пытали своих сородичей-людей с таким же умением и злорадством, как любая жрица Ллос, заслужившая кнут. Я видел, как эльфы поверхности отказывают в укрытии беженцам, оставляя их на милость преследователей. Даже беззаботные зачастую полурослики не лишены тёмных порывов сердца.

И несмотря на всё это, я уверен, что завтра будет лучше. Бренор и другие дворфийские короли и королевы не держат свой народ в таких ежовых рукавицах, как их предшественники. Реджис и Доннола не правят Кровоточащими Лозами, нет.

Их называют лордом и леди деревни, но они скорее управляющие делами, и, что поразительно, они занимают этот пост с согласия прочих жителей. Поскольку Доннола изменила традиции клана Тополино. И теперь народ Кровоточащих Лоз получил великий дар: собственный голос.

Потому что именно так поступают традиции: они лишают личность права голоса. Они исключают сольные партии и фокусируются только на хоре - и горе тому певцу, что выступит против дирижёра!

Нет, Кровоточащие Лозы - скорее оркестр, где у каждого инструмента есть своё мнение, но который играет при этом в гармонии, создавая единое целое. Если жители выберут других руководителей, Доннола и Реджис отступят в сторону.

На такое завтра я надеюсь, поскольку верю, что лишь в обществе, где прислушиваются к нуждам каждого, будут удовлетворены нужды народа.

Это звук завтрашнего дня, и значит - завтра будет лучше, чем сегодня.

За такой короткий период времени я столь многому научился у верховного магистра Кейна. Я научился контролировать своё тело и даже изучать его такими способами, которых раньше даже представить себе не мог. Это сосуд моего сознания, который я могу исследовать глубже, чем когда-либо прежде. Я могу управлять мускулами, чтобы превратить руки в кинжалы или выстоять против ураганного ветра - даже могу активировать индивидуальные мышцы и выдавить яд змеи или кинжала из раны, в которую его занесли.

Я изучил углы атаки и обороны, превосходящие те, которым научили меня в академии дроу или даже те, которым научил отец. Пожалуй, ещё важнее то, что я научился предвидеть точный рикошет от угла блокирования, и теперь простой поворот бёдер позволяет жалящему мечу пройти мимо, будучи направленным точной защитой моей сабли или даже моей руки.

Время, проведённое с магистром цветов, было полным чудесных открытий - как внутри, так и снаружи. Я стал совсем иначе относиться к миру вокруг, к друзьям поблизости, к моей жене, к моему будущему ребёнку - с намного большим восхищением, как будто негативные импульсы ревности, страха и инстинктивного гнева больше не могут пробиться сквозь нарастающий стыд, который я испытываю, даже думая о них. Жизненное путешествие стало одновременно более прекрасным, лёгким и проникновенным.

Это - более широкая картина мира и мультивселенной вокруг нас - и есть тайна вечной невозмутимости магистра Кейна, его неизменной доброжелательности и скромности. Он знает своё место, и совсем не в уничижительном смысле. Напротив!

Так что, вспоминая проведённое с магистром Кейном время и долговременные эффекты полученного опыта, я могу с уверенностью заявить, что самый важный и дорогой урок который я выучил - это благодарность.

Я благодарен каждый день. Стремиться к этому каждое мгновение означает искать совершенства души, подобно тому, как всю свою жизнь я искал воинского совершенства, совершенства тела. Теперь я научился объединять эти две вещи... нет,

четыре вещи - разум, тело, сердце и душу - в едином порыве. Чтобы поднять руку для отражения удара копьем, необходимо понимать движение и обладать достаточной скоростью и реакцией мышц, но подобная тренировка без дисциплины и понимания моральных последствий такой битвы, даже духовного итога подобного поединка, превращает воина в... Артемиса Энтрери - и хуже того, в старого Артемиса Энтрери.

Должна существовать причина, превосходящая простые оправдания - и когда ты понимаешь, что всё вокруг едино, эти причины проступают более ясно и придают в битве сил, одновременно физических, интеллектуальных и философских.

Чтобы стать настоящим воином, недостаточно научиться выполнять приёмы точно и без ошибок. Я давно это знал. Однажды я сказал Энтрери, что он не сможет меня победить, никогда, потому что сражается, не вкладывая душу. Теперь, познакоившись с Кейном, будучи смирён этим мужчиной, который превзошёл обычные человеческие границы, я лучше понимаю собственные слова, обращённые к Артемису Энтрери в тот далёкий день. Совсем недавно тот же аргумент привёл мне Кейн, не оставив места для возражений.

Да, я благодарен Кейну, верховному магистру цветов монастыря Жёлтой Розы, и моя величайшая признательность вызвана тем, как расширилась моя перспектива, касающаяся всего вокруг той сущности, которую я зову «собой», касающаяся самой жизни, касающаяся самой причины, напоминающей мне о том, чтобы быть благодарным и учиться - всегда учиться.

Таков наш путь.

Такова наша цель.

Таково наше счастье.

Наше вечное счастье.

Без пощады

Что называю я моим миром? Какая черная змея сидит в моей душе? При свете моя кожа черна; в темноте она становится белой от жара моего гнева, который я не могу подавить.

Если бы у меня хватило решимости уйти отсюда или из жизни либо выступить открыто против зла, царящего в этом мире, мире моих сородичей! Найти существование, которое не противоречит тому, во что я верю, и тому, что я искренне считаю истиной. Знафейн До'Урден, так меня зовут, однако я не дроу ни на словах, ни на деле. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь объяснил мне, кто я такой. Пусть гнев этого мира обрушится на эти старые плечи, уже сожженные безнадежностью Мензоберранзана.

Мензоберранзан, что за ад ты собой являешь?

Я захвачен врасплох, и это намного больше любых неприятностей, с которыми я встречался - даже в бою. В отличие от боя, боюсь, что восстановление окажется намного более сложным и займёт не один день, месяц, год или даже жизнь.

Если я вообще сумею отыскать путь к принятию моего сына и тех, кого он считает своими дорогими друзьями - тех, кого он ценит больше меня. Последняя мысль - вовсе не жалоба, ведь эти друзья были рядом с ним большую часть жизни, сопровождали его во многих приключениях и стояли плечом к плечу во многих битвах - легендарных сражениях, судя по тому, что рассказал мне Джарлак.

Так что дело не в ревности и в не горечи по поводу его отношений с другими.

Кроме того, я сам виноват в своих текущих затруднениях. Я знаю об этом, но признаваться даже самому себе - больно.

Я слышу слова, слетающие с моих губ, рефлекторные шутки и уколы, и только увидев выражения на лицах собеседников - и услышав иногда разгневанную отповедь - только тогда понимаю, что нанёс оскорбление.

Я выпал из мира живых почти на две сотни лет. Может быть, настали другие времена, но кроме того - я оказался в месте, подобного которому никогда не знал в прошлой жизни.

Моя прошлая жизнь принадлежала тёмному эльфу, дроу Ллос. Я никогда не жил за пределами Мензоберранзана и провёл свои полвека только там, за исключением отдельных миссий, все из которых, кроме двух, проходили в Подземье и в основном заключались в патрулировании тоннелей вокруг пещеры, содержащей мой родной город, или в других городах дроу под пятой Паучьей Королевы - обычно в Чед Насаде.

В той прошлой жизни я видел нескольких людей, пару дюжин дворфов и лишь горсточку эльфов. И я хорошо с ними обходился - даже старался заставить других быть такими же милосердными, насколько это возможно без того, чтобы обречь собственную жизнь.

Я думал, что это было правильно, было чем-то таким, что позволяло мне облечься мантией гордости. Как благородно поступает Закнафейн, отказываясь пытаться или убивать дворфов просто за то, что они дворфы!

Я не видел собственных предрассудков и относил свои тихие, искренние чувства просто на счёт «порядка вещей».

Мне даже в голову не приходило, что в восхвалении собственной доброты тоже скрывалось молчаливое чувство превосходства. Молчаливое, но не могу сказать, что ненамеренное. Какое-то время я признавал ценность человека, дворфа, эльфа, полурослика или гнома как личности, а не как чудовищ-гоблиноидов - и хотя я пытался в своём кратком общении судить этих не-дроу по их убеждениям и тому, что было в их сердце, по их словам и поступкам, эти суждения выносил один лишь разум.

Их не было в моём сердце.

Заключалась ли причина просто в моём воспитании или дело было в обществе, в котором я жил, в «порядке вещей», правда в том, что я считал себя - дроу - выше. Я не признавал этого - может быть, не мог осознать - но обладал определёнными ожиданиями по поводу ограниченности других народов, физической и ментальной.

Теперь я отчётливо это вижу, особенно столкнувшись с реальностью, в которой мой сын женился на человеческой женщине, а она носит дитя человека и дроу!

Я вижу свои собственные предрассудки, но это не значит, что от них легко избавиться.

Нет. Я вижу правду каждый раз, когда с моих губ срывается насмешка, укол, подначка - унижительная для окружающих меня не-дроу или предназначенная напомнить тем немногим дроу рядом о «порядке вещей».

Теперь я знаю. «Порядок вещей» - самый упрямый и губительный демон из всех.

Неужели они все такие? Неужели у всех детей дроу такая наивность, такая простая, неиспорченная улыбка, которую губит уродство нашего мира?

Или ты особенный, Дзирт До'Урден? А если ты так отличаешься от других, то в чем причина? Моя кровь, которая течет в твоих жилах? Или годы, которые ты провел с твоей матерью-воспитательницей?

Этот не такой!

Этот не такой.

Я пуст.

Я считаю, что мне вручили великий дар - снова вернуться к жизни, в мир, полный обнадеживающих и зловещих перемен - и я чувствую, что могу что-то изменить в отношении последних.

На первый взгляд, это всё, чего я желал. Это открытый поединок с Ллос и её злыми слугами, шанс дать сдачи за все страдания, пережитые в руках Ллос мной и моим народом, и даже целым миром.

Но я пуст.

В последние мгновения прошлой жизни я отдал себя, чтобы мой сын мог жить. Такова была сделка, и другая сторона сдержала своё слово, пускай даже лишь потому, что Мэлис не сумела убить Дзирта. Из-за этой сделки Дзирт прожил хорошую жизнь, в которой нашёл лучший путь, нашёл спасение.

Он нашёл любовь.

Всё это должно облегчить мою душу, но как? Я отдал жизнь за Дзирта, а теперь моя сделка отменилась - в обе стороны, хотя для меня прошло всего несколько месяцев, а не долгие века. Я жив, а Дзирта больше нет - и теперь я не знаю, хочу ли вообще жить!

Знаю, что нельзя так думать, особенно теперь. Я напитаю свою скорбь гневом и решимостью - гневом из-за потери и решимостью выполнить для отпрыска Дзирта то, что я не смог пообещать сыну... или моей потерянной дочери.

Ребёнок Дзирта будет расти в объятиях и заботе любящей матери, в окружении множества достойных, чудесных друзей.

Если он или она сумеет пережить эту битву в месте под названием Гаунтлгрим.

Ребёнок уцелеет.

Даже если мне придётся убить каждого демона, каждого дроу, каждого врага во всём мире, этот ребёнок уцелеет.

Я обещаю тебе, мой потерянный сын Дзирт.

И тебе, моя потерянная дочь Вирна.

Жаль, что я не смог быть для вас лучшим отцом.

Путь дроу

Звёздный анклав

Моя маленькая Бри.

Большую часть жизни я был благословлён друзьями, а также ясным пониманием и чувством цели. Я видел мир вокруг, и всё, на что я надеялся – оставить его за собой немного более спокойным и ровным, чем те бурные воды, через которые мне пришлось пройти. Я стал сильнее в надежде на какое-то будущее товарищество, а затем – стал сильнее, когда наконец это товарищество нашёл. Нашёл и принял, и мой мир чудесным образом стал намного шире.

Это была хорошая жизнь. Не лишённая трагедий, не лишённая боли, но с чувством направления, пускай даже часто казалось, что тропа ведёт к призрачной цели, к манящему кольцу сверкающих алмазов, такому близкому, но каждый раз ускользающему из рук. Но да, хорошая жизнь, несмотря на то, что я много раз смотрел на мир вокруг и вынужден был усилием воли отгонять отчаяние, поскольку чёрные тучи часто закрывали небо надо мной, грязные поля подо мной, и страхи внутри меня.

Я пережил перемену – пережил плохо и едва не разрушил себя – когда утратил друзей, и в тот час небеса и поля моих мыслей были темны, как никогда прежде. В ту полночь моей жизни я утратил смысл, поскольку утратил надежду.

Но в конце я нашёл его снова – мне казалось, что то был конец, прежде чем изгибы судьбы и прихоти богини воплотили мою надежду на возвращение утраченных друзей. Той тёмной ночью на вершине Пирамиды Кельвина я мог погибнуть один с Гвенвивар.

И пускай. Я бы погиб довольным, поскольку снова стал тем, чего от себя требовал, и был удовлетворён, действительно успокоив многие воды в моём долгом и петляющем потоке.

Но затем – неожиданно – произошло столько всего. Возвращение товарищей, любви и дружбы, уз, выкованных за долгие годы путешествий бок о бок – во мрак и на солнечный свет.

И теперь – столько всего ещё предстоит.

Моя маленькая Бри.

Когда я влетел в ту дверь, чтобы впервые на неё взглянуть, когда я увидел её там, такую крохотную, среди моих самых дорогих друзей, среди тех, кто учил меня, утешал меня и странствовал со мной, в моё сердце хлынуло столько эмоций. Я подумал о жертве брата Афафренфера – никогда я не забуду, что он совершил для меня.

И никогда я не ожидал понять, почему он это совершил – но в то мгновение, когда я пересёк порог и увидел мою кроху Бри, мне всё стало ясно.

Я был ошеломлён – конечно, от радости, от обещания того, что может случиться. Но прежде всего я был ошеломлён тем чувством, которого не ожидал. Не в такой степени. Ведь впервые в жизни я знал, что меня можно по-настоящему уничтожить. В той комнате, глядя на моё дитя, итог истинной и долгой любви, я был, прежде всего, уязвим.

Но я не могу позволить этому чувству изменить мой курс.

Я не могу прятаться от ответственности перед тем, во что верю. Нет, совсем напротив!

Ради моей маленькой Бри, ради других детей, которые могут у меня быть, ради их детей, ради любых детей, которые могут быть у Реджиса и Доннолы, ради наследников короля Бренора и Вульфгара, ради всех тех, кому нужны спокойные воды – я буду продолжать идти вперёд к цели.

Это хорошая жизнь.

Таков мой выбор.

Пускай быстрый ветер сдует облака мрака!

Расти, зелёная трава, и укрой тёмные поля!

Прочь из головы, сомнения и страхи!

Это хорошая жизнь, потому что это мой выбор, и это лучшая жизнь, потому что я буду шагать целеустремлённо, решительно и без страха, чтобы успокоить тревожные воды.

Осознание величайшего дара, приобретённого в результате моего обучения у монахов ордена Жёлтой Розы, одновременно потрясло и озарило меня.

Можно считать величайшим даром упрочнение связи между моим телом и разумом, более глубокое понимание того, что я хочу совершить, и глубоких взаимодействий моей физической оболочки, необходимых для более простого и полного исполнения движения. К примеру, я всегда могу подпрыгнуть в воздух, развернуться и ударить ногой в развороте. На это способен почти любой воин, по крайней мере воин-дроу. Но теперь мой разум обращается к самым тонким частям моего тела, лучше управляя движением бёдер, углом стопы, узлом мускулов на тыльной стороне ног и выбором времени для удара. Если раньше я мог отбросить противника подобным манёвром, теперь я могу сразу же закончить бой единственным сильным ударом, если мой оппонент не сохранял необходимое равновесие и поставил блок для защиты.

Я не хочу преуменьшать красоту этого дара. Я способен даже манипулировать мускулами, чтобы выдавить яд из раны! Но это – не главное из полученных мною сокровищ.

Можно считать, что величайший дар – это понимание ки, жизненной силы. Способность заглянуть внутрь и зачерпнуть силу, превосходящую силу костей и мускулов. Использование этой внутренней энергии позволяет мне ударом открытой ладони отбросить противника на несколько шагов. Оно позволяет мне находить мои ранения и погружать мою кровь, мышцы и всё, что физически находится внутри меня, в медитацию над этими ранами. С помощью ки и понимания моей физической оболочки я способен бежать быстрее и прыгать выше. Удары моих сабель стали более стремительными и сбалансированными.

Я стал лучшим воином, но нет, это всё ещё не самое большое из дарованных мне сокровищ магистра Кейна.

А ещё есть трансцендентность. С её помощью я сбежал от ретривера, растворив своё физическое тело во вселенной, став частью всего окружающего, первичным материалом звёзд, единственным вечным веществом в мультивселенной. Тем, из чего сделаны мы и всё то, что мы видим вокруг. Голая, невыразимая красота такого полного преодоления границ физической оболочки могла оставить меня там навсегда, в месте лучшем – в более истинном и полном существовании и понимании – чем всё, что я когда-либо испытывал или смогу испытать в этой смертной жизни.

Но даже эта трансцендентность – не то, что сейчас, в этот момент моей жизни, я считаю величайшим даром из всех.

Эта вершина занята самым незаметным из уроков верховного магистра, поскольку медитация, настоящая медитация, освободила меня от самого распространённого проклятия разумных существ, будь они дроу, людьми, полуросликами, дворфами, эльфами или даже гоблиноидами и великанами, возможно даже другими народами, о которых я ничего не знаю:

Сознательного стремления к некому предопределённому уровню напряжения.

Это дар, который я старательно пытаюсь передать моей дорогой крошке Бри, поскольку это лекарство от проклятия, которое, как я считаю, мы получаем в самые ранние годы жизни.

Невозможно недооценить его серьёзность, и я подозреваю, что это абсолютная проблема, определяемая степенью, а не её присутствием или отсутствием.

Внутри нас всегда есть некая степень беспокойства, вибрация в наших сердцах, в нашем сознании, в самих наших душах, которая наиболее удобна для нас как «нормальная». Как камешек, брошенный в неподвижную воду, это беспокойство – результат драмы, конфликта в сознании, в теле, или в обоих. Это чувство нормальности мы получаем в очень юном возрасте, и оно только растёт по мере того, как мы становимся полностью самостоятельными существами.

Проклятие заключено в том, что мы этого не осознаём.

В самых напряжённых обстоятельствах я видел это в себе, или в короле Бреноре, когда мы оба становились беспокойными, даже тревожными, создав вокруг себя обстановку мира и спокойствия.

- В путь! – был нашим общим призывом к действию, даже если в действиях не было нужды.

Из-за того, что нам были необходимы вибрации, внутренний конфликт, чтобы чувствовать себя нормально.

Бренор ненавидит быть королём, когда мир вокруг него пребывает в покое. Ему становится необычайно скучно (хотя сейчас, с его жёнами, он мог найти подходящую замену для конфликта и напряжения!). Ему необходимо это чувство нормальности, так что он достигает требуемого беспокойства независимо от обстоятельств. Он будет ворчать и жаловаться по тому или иному поводу, часто несущественному, но никогда не скажет ни слова и не станет беспокоиться о мелких подробностях более повседневных забот вокруг него, находясь в кольце демонических орд. В таком случае, когда напряжение настоящее и серьёзное, все эти мелкие проблемы уже не имеют значения.

Я теперь понимаю, что проклятие в том, что этим мелкие проблемы имеют значение без этой демонической орды, и поэтому их подсознательно преувеличивают ради того, чтобы отвлечься.

Я часто думал, а не является ли ложью, которую я рассказываю себе, эти поиски мира и спокойствия, учитывая мою собственную страсть к приключениям и да, даже опасности.

Но это крайние примеры внутренних вибраций. Крайние, редкие, и касающиеся побуждений, которые куда легче одолеть, поскольку они так очевидны, и возможно – так разрушительны или саморазрушительны. Менее серьёзные примеры, меньшие камешки, всегда присутствуют внутри и вокруг всех нас. Они проявляются в сплетнях, в бесполезных обсуждениях бессмысленных действий или спорах, в неразумных страхах по поводу событий, над которыми мы не властны, в напрасных волнениях по поводу собственных изъёнов или мыслях, которые не отличаются никакой важностью... но внутри каждого из нас они превращаются в вибрации и беспокойство.

Вибрации разума, сердца, самой души.

И поэтому величайший дар, полученный мной во время обучения в монастыре Жёлтой Розы – способностью по-настоящему остановить всю эту троицу, сделав пруд Дзирта До'Урдена таким спокойным и гладким, что отражение мира вокруг меня становится точным воспроизведением того, что есть, а не того, что воспринимается сквозь рябь внутренних тревог и внутренней вибрации.

Я свободен от беспокойства. Я доволен существованием в текущем моменте, в каждом моменте, в любом моменте.

Это не значит, что я отказался от любви к приключениям – как раз напротив!

Нет, дар состоит в том, что теперь я могу выбирать приключение, теперь я могу растворять драму, теперь я могу отбросить сомнения и страхи, чтобы увидеть отчётливую картину и избрать лучший способ действий, чтобы перерисовать её или наслаждаться ею без произвольных порывов.

И наоборот – теперь я знаю, как вызвать эти порывы в случае необходимости.

Этот дар ясности – и есть истинная свобода.

У всех бывают долгие периоды настоящих испытаний, но периоды настоящего спокойствия кажутся куда более скудными. Эти мгновения мира часто нарушает, как я стал считать, наше собственное стремление беспокоиться о вещах, которые совсем не стоят беспокойства.

Создавать рябь в неподвижной воде, чтобы чувствовать себя нормально.

Для того, кто научился пути Кейна, эта рябь приходит только извне, и когда она приходит, её видно с безупречной ясностью.

Что за могучая сила – эта одержимость, этот страх смерти. Разве может быть иначе для разумного и смертного существа? По крайней мере, смертного в этой форме.

Нас учат с детства – а может быть, это даже врождённое у всех разумных существ – готовиться к будущему, предпринимать действия, которые приведут нас туда, где мы, как считаем, хотим оказаться. Боги Фаэруна основали на этом разделение сфер своей власти! Поскольку настоящее будущее, как мы знаем, ждёт не в этой короткой жизни, но в том, что случится дальше, если случится (а если нет – то это, вероятно, самый жестокий вариант).

И всё же – как мы можем подготовиться к этому иначе, чем посвятив себя делам веры? Мы ищем доказательства – я встречал серьёзные улики в моём путешествии к трансценденции – однако всё, что мы видим, остаётся лишь уликами и ничем более. Это – последняя загадка жизни, величайшая из всех.

Моё путешествие с Киммуриэлем удивило меня самым чудесным образом. Увидеть его, самого безэмоционального среди всех моих знакомых, вовлечённым в подобные дискуссии о смысле и месте, о назначении жизни и надеждах на то, что произойдёт после неё, было не просто неожиданно. Это было как минимум шокирующе.

Одарённость Киммуриэля несомненна. Он часто находится в необъятной библиотеке иллитидского разума улья, его сознание легко порхает среди воспоминаний и выводов из этого обширного репертуара истории и опыта. Он в совершенстве овладел магией, кардинально отличающейся от магии жриц вроде Кэтти-бри, волшебной силой, не полагающейся на идею божественности. Он овладел магией, кардинально отличающейся от магии Громфа, ведь волшебство Киммуриэля не зависит ещё и от Пряжи, от силы стихий, от обуздания природной энергии. Его магия чисто интеллектуальная, исключительно вопрос контроля над собственными мыслями и эмоциями и использования этой интеллектуальной силы в качестве оружия или инструментов вора.

И всё-таки он был рядом со мной, без вопросов подчиняясь моим требованиям, обнажив собственную уязвимость в виде надежд и страхов в его попытке распутать эту величайшую из загадок.

И более того – я видел, как это путешествие привело его за пределы его собственного мысленного пространства в мир вокруг, включая приоритет долга перед сообществом над долгом перед собой – я никогда бы не подумал, что станет рассматривать возможность присоединиться к грядущей битве за Мензоберранзан из соображений альтруизма и морали. Только не Киммуриэль, путешествие которого изумляет меня даже сильнее, чем путь, проделанный Джарлаксом. Действия Джарлакса всегда намекали на то, что было в его сердце, какие бы

оправдания для своей неизменной щедрости и заботы он ни изобретал. Откровения Киммуриэля удивляют меня больше, чем путешествие, которое я видел в Артемисе Энтрери, путь которого провёл его через личную тьму, через неспособность смотреть в зеркало и не испытывать ужас при виде своего отражения. Поскольку Энтрери был жертвой в той же степени, что и злодеем.

Он удивляет меня даже больше, чем путешествие Даб'ней, или то, на что я надеюсь в верховной матери Мензоберранзана и других «истинных» последователях омерзительной Демонической Паучьей Королевы. И хотя я подозреваю – и небеспочвенно – что эти сомнения относительно жречества Ллос также произвольно служат Паучьей Королеве, демонической богине, которая превыше всего ценит борьбу и хаос, я убеждён, что те, кто увидел чудовищную правду о Ллос, уже никогда не вернутся к прежним воззрениям и скорее даже умрут.

Наблюдение за духовными путешествиями всех этих личностей, включая мою собственную жену, служит прекрасным напоминанием мне всегда проявлять терпение к тем, кто приходит к отличным моим выводам, и не ставить себя превыше них.

Большую часть жизни я завидовал тем, кто нашёл свой ответ, своё спасение, свою запланированную и ожидаемую жизнь после смерти. Я говорю это вовсе не с насмешкой, и совсем без мыслей о том, что я каким-то образом лучше них, или что я прав или лучше информирован, раз не разделяю их убеждённости. Ведь я с самого начала понимал, что этой веры, этого понимания мультивселенной и собственного существования за пределами смертной оболочки, нельзя достичь при помощи силы воли или разума. Оно либо происходит, либо нет. Либо откровение случается, либо нет. Я имею в виду истинно верующих, а не тех, кто исповедует религию просто по традиции.

И поэтому я вполне искренне говорю о зависти к тем, кто нашёл своё откровение, ведь я сам долго этого ждал. Теперь я тоже его нашёл. По меньшей мере, я понял, пускай и на время, что меня ждёт нечто большее, нечто величественное, нечто освобождающее – освобождающее от этой одержимости и страха абсолютного конца.

Давным-давно я назвал себя свободным, потому что знал, что однажды умру. Это напоминало мне наслаждаться каждым рассветом и каждым закатом, радоваться вещам, которые многие принимают как должное.

Теперь я ещё свободнее, поскольку получил своё откровение.

И теперь я ещё более убеждён в своём агностицизме, поскольку ко мне присоединился Киммуриэль, дроу с огромным интеллектом и неизмеримыми познаниями.

Я никогда не мог себе представить, что Киммуриэль Облодра способен относиться к чему-то с такой эмоциональностью. Он видел, как верховная мать Бэнр разрушает его дом, а всю его семью за считанные мгновения убивают. Он видел, как

его мать отрывают от мучений в Бездне, чтобы использовать как связующее звено с ульем иллитидов – и впоследствии уничтожить.

Он часто говорил об этом – с Джарлаксом, со мной, – и никогда, ни единого раза, я не видел ничего, кроме рассчётливого и интеллектуального подхода к личным трагедиям.

Даже сейчас, в нашем общем путешествии на восток, когда он вспоминал об этих событиях, они служили лишь уроками о том, какой личной властью может наделить своих избранных Ллос ради сражения с узурпаторами и еретиками. Не было ни намёка на скорбь, ни единого упоминания, что его заботила судьба Кь'орл и остальных. Но когда он говорил о грядущем шторме – и более того, об истории Мензоберранзана, раскрывшейся в воспоминаниях, переданных Ивоннель и верховной матери Квентл, – я видел отчаянное желание, отчётливую искру, отчётливое чувство сразу жажды и предвкушения; сочетание эмоций, которое встречается лишь тогда, когда итог представляет огромную важность для говорящего.

Когда я размышляю над этой кажущейся непоследственностью хладнокровного псионика, узел его сердца начинает распутываться. Его обучали покорности. Он даже не вздрогнул – или почти не вздрогнул – когда уничтожали его семью, когда у него с такой жестокостью и внезапностью отняли дом, наследие, знатное и богатое происхождение – и всё потому, что в рамках цинизма, который с самого рождения закладывали в Киммуриэля, в столь многих из нас в Мензоберранзане, это было предсказуемое событие.

Сочетание беспомощной покорности и простого отупения от ежедневной жестокости и зверства – губительная смесь для эмоций любого дроу.

Но в эти дни глаза Киммуриэля сверкают.

Теперь он едет верхом рядом со мной, чтобы поговорить – чтобы вместе надеяться.

Это ключ к его пробуждению – он осмелился надеяться.

Я не могу прятаться внутри себя, хотя и жалею об этом. Мои оправдания против этого света надежды мне самому кажутся пустыми, но я не могу отрицать, что в моём собственном сердце эта надежда вызывает сопротивление.

Интересно, какова будет моя роль?

Поступок верховной матери и Ивоннель на том поле был неожиданным и шокирующим, признаю, и наверняка многие очевидцы испытали прилив надежды.

Поначалу.

Когда я мысленно возвращаюсь к моей жизни в Мензоберранзане, лучше всего я помню рвение жриц Ллос и моей собственной матери, верховной матери Мэлис. Думаю, что если бы это великое событие и великая ересь случилась в те времена, я увидел бы искру в глазах Закнафейна, и скорее всего – в глазах моей сестры Вирны, может быть – даже в глазах Майи.

Я уверен, что Мэлис быстро бы погасила эти тлеющие угли надежды, а даже если нет – если бы Мэлис слышала надежды и обещания своих детей и любовника, мысль о том, что можно отвернуться от Ллос, зародилась бы в ней лишь благодаря уверенности, что выбранная сторона принесёт ей личную выгоду. Мэлис любила борьбу. В наше время она приняла бы сторону верховной матери Квентл лишь в том

случае, если бы считала, что Квентл одержит победу, и что тогда её, Мэлис, щедро вознаградят.

Может быть, таковы неизбежные последствия этой грядущей битвы. Сколько союзников матери Квентл займут её сторону только ради преследования личных целей? А сколько – просто потому, что будут напуганы и растеряны? Сможет ли могучий дом Бэнр, возглавив восстание против Ллос, хотя бы удержать в узде собственных членов? Окажутся ли драуки, превращённые в дроу, верными солдатами Квентл, или быстро узнают, что они – всего лишь обман Паучьей Королевы, и призваны испытывать её детей, сеять хаос и выкорчёвывать непокорных?

Я не могу избежать этих мыслей, как бы ясно ни осознавал, что это – тот же самый цинизм, который позволил Киммуриэлю Облодре отмахнуться от потери семьи! И это – не тот, кем я старался быть с тех самых пор, как покинул этот проклятый город. Я всегда шёл страху наперекор.

Но я не могу отрицать, что в сердце ещё не принял этот лучик надежды.

Я могу потерять слишком многое.

У меня есть Кэтти-бри и есть Бри, и счастье, которого я даже представить себе не мог. Если меня не станет – они будут жить дальше, и думаю, жить хорошо. Бри не могла рассчитывать на лучшую мать, чем Кэтти-бри, а Кэтти-бри не могла рассчитывать на лучших друзей, чем наши товарищи, в первую очередь – её отец, Вульфгар и Реджис. Она не останется одна, если я погибну в Мензоберранзане, что стало совершенно ясно, когда я вернулся из путешествия в вечность и обнаружил мою жену и новорождённую дочь, окружённых такой невероятной любовью.

Я никогда не сомневался, что Кэтти-бри будет скорбеть, если такое случится, и никогда не относился к этому легкомысленно. От простой мысли, что она могла потеряться на севере, у меня всё сжимается внутри от мучительного страха и воображаемых ужасов и самого глубокого чувства возможной пустоты, которое я когда-либо знал. В таких случаях, когда страх поглощает меня, и я начинаю верить, что действительно мог её потерять, я ломаюсь. Даже озарённый улыбкой Бри, я пуст внутри.

Я очень отчётливо помню это чувство. Я помню то утро в Мифрил Халле, когда проснулся и обнаружил рядом безжизненное тело Кэтти-бри. Я помню свой ужас, свою беспомощность, когда её душа на моих глазах покинула тело, недостижимая, прошла через твёрдую реальность камня. Это не то чувство, которое я захотел бы испытать снова.

И это не то чувство, которое я хотел бы причинить Кэтти-бри.

Не хочу я и того, чтобы Бри выросла, пытаясь представить себе отца, которого нет рядом. Если она увидит мужчин-дроу, направляющихся к ней, не примет ли их за папу? Не будет ли она чувствовать, что я решил бросить её, что я оставил её потому, что у меня были дела поважнее? Или поймёт, что я ушёл, потому что заботился о ней так сильно, что должен был попытаться сделать мир лучше – ради неё?

В этом-то вся и загвоздка. В какой момент эта великая борьба станет чужой? В какой момент – и есть ли такой момент? – настанет очередь кого-то другого, а я смогу наслаждаться более спокойными и личными обязательствами?

Или я обречён поддаваться надеждам на будущее и упускать радости настоящего?

Очевиден конфликт между моей личной ответственностью и более широкой миссией, важной дорогой, по которой я шёл с тех пор, как отринул Мензоберранзан, с тех пор, как поклялся сражаться за то, что моё сердце считает правильным и справедливым. Я знаю, что грядущая война в Мензоберранзане, какой бы ужасной она ни была, будет идти за то, чтобы освободиться от демоницы Ллос, что она будет идти ради надежды на окончательную победу моего народа. Ради уничтожения чудовищной догмы, которая навредила и может навредить очень многим.

За свободу.

Но каково моё место во всём этом?

Могу ли я оставить Бри с монахами, если Кэтти-бри не вернётся с севера? С Бренором? В обоих случаях не отказываюсь ли я от своей ответственности перед ней – убедиться, что она вырастет в родительских объятиях?

Впервые в жизни мне приходится задаваться этим вопросом.

Впервые в жизни я могу потерять столь многое.

Впервые в жизни мне приходится по-настоящему задуматься: где моё место?

Край ледника

Занимаясь самоанализом, я обнаружил, что меня часто волнует понятие восприятия. Будь то политика, религия или взаимоотношения различных культур и существ Фаэруна, всегда есть вопрос основных истин, но еще важнее вопрос восприятия этих истин и того, куда они приведут и куда должны привести. Мы - существа, руководствующиеся разумом, фактами и логикой, но мы также являемся существами, руководствующимися эмоциями.

Это бесспорно, но отделить эмоциональное от логического - непростая задача для большинства, в том числе и для меня.

Поэтому я думаю о таких моментах, которые бросают нам вызов. Насколько хуже цена битвы, если в ней погибает тот, кого вы любите? И насколько меньше боль, если все жертвы эмоционально далеки от вас?

Личная цена - не то же самое, что большая цена, ведь если в двух вышеописанных сценариях была убита дюжина, значит, была убита дюжина, и поэтому цену издалека следует считать одинаковой. Но мы знаем, что для разных людей это не одно и то же. Когда армия возвращается с залитых кровью полей, новости о битве будут восприняты гораздо более остро и пронзительно в деревне, где погибло много людей, чем в той, где их не было. И это будет ощущаться иначе в большом городе, где погибли солдаты, чем в тех маленьких деревнях.

Хотя, опять же, это зависит от того, какой город и какие люди. Если бы клан Боевого Молота вступил в войну и в победоносном походе погибла дюжина гномов, они бы радовались такому исходу. Да, они отдали бы честь павшим, но с торжественно поднятыми кружками в море ликования. Но если бы одним из павших

был король Бренор или одна из королев Мифрил Халла, кружки были бы торжественно подняты в море мрачного одобрения.

Для меня это безумная правда, но это также и неоспоримая истина.

Смешение этих двух часто противоречащих друг другу реальностей - логической и эмоциональной - лежит глубже, чем простое восприятие окружающего мира. Я пришел к убеждению, что это в значительной степени определяет тип человека. Я неизбежно прихожу к убеждению, что уровень, до которого человек может сопереживать, глядя поверх личного на боль и потери более широкой ситуации, является мерилем его сердца и доброты.

Возможно, единственным.

Я встречал очень много людей, которые не считают что-то тревожным, или угрожающим, или ужасным, и никакие уговоры, объяснения или убедительные доказательства не заставят их отказаться от этой беспристрастной позиции - пока этот человек или кто-то очень близкий ему лично не пострадает от инцидента, нападающего или болезни.

Наблюдая за ростом Артемиса Энтрери, например, я вижу, что он значительно расширил свой круг заботы. Он принял друзей в свою личную группу, и расширение этого круга привело к тому, что он стал видеть боль других людей, даже если эта боль не является для него острой.

Эмпатия.

Так часто я видел отсутствие таковой как у эгоистичных и закрытых сердцем людей, так и, что еще более удивительно, у тех, кто считает себя твердо опирающимся на разум и проверяемые факты. Ведь как легко потеряться в мыслях, в буквальном смысле слова! И в этих потоках сортировки, расчетов и надежд так легко потерять из виду окружающую действительность.

Мы все подвержены этому размыванию реальности, этому затуманиванию физических истин о нас в поисках ясности наших философских глаз.

Точно так же все мы в той или иной степени являемся жертвами своего эгоизма. Временами мы слишком сужаем наше восприятие и забываем истину: если человек находится в другом месте, насколько ясно мы осознаем, что мир в этом другом месте продолжается, даже когда нас там нет? Жизнь продолжается во всех ее сложностях и личных трудностях, боли и радости.

Это существование, ограниченное нашими чувствами, мыслями и физическими слабостями, не является нашим сном, разве что коллективным, что трудно принять, потому что наш собственный опыт настолько уникально личный, и в то же время он универсален.

Бренор часто укоряет меня за то, что я слишком много думаю, и вот я снова виноват. Так легко заблудиться в философии, в тайнах, в вопросах, на которые невозможно ответить, которые всегда где-то там, в мыслях, готовые вырваться наружу всякий раз, когда какое-то событие - смерть любимого человека, близкое столкновение с самим собой - резко напомнит о себе. Таков был мой неровный и запутанный путь в течение некоторого времени, особенно с тех пор, как я вернулся после выхода за пределы своего смертного и физического "я" и увидел... возможности.

Ибо там я был потерян.

Потребовался псионик-дроу, человек, которого я едва ли считал другом и никогда не считал более чем союзником, в отношении которого я остаюсь подозрительным и осторожным, чтобы перенастроить мои чувства, вывести меня из оцепенения, вызванного размышлениями о картине моего личного будущего, и напомнить мне, что мир вокруг меня продолжает вращаться.

Воспринимать не только себя. Дальше воспринимать тех, кто находится в моей непосредственной сфере.

Сопереживать более широкому миру.

Дорога, по которой я шел в те годы в Мензоберранзане и из Мензоберранзана, проложила путь для других. Как я освободился от хватки Ллос, как я стал недостижим для нее - независимо от того, что она сделала с моим физическим существом, - так и мои сестры и братья дроу могут найти свой путь. И я призван помочь им. Чего бы я ни желал лично - моей любви к Кэтти-бри и нашей дорогой дочери; моей радости, когда я нахожусь с моими друзьями в этих землях, которые мы приручили, и добра, которое мы сделали для окружающих нас людей; простых удовольствий, когда я сижу на задней лужайке монастыря Желтой Розы и позволяю звездам поднять мое настроение до широкой вселенной - мой долг теперь ясен для меня, и ставки не могут быть выше.

Я не могу игнорировать вращающиеся колеса, которые катятся и крутятся вокруг меня. Какими бы ни были мои личные чувства - чувство завершенности, которое я не хочу нарушать, - я должен встряхнуть их и понять, что это особое путешествие в немалой степени начал я, раздул и потянул за собой многих.

Мензоберранзан идет на войну.

Дзирт До'Урден идет на войну.

Если всё едино, то одинок ли человек?

Вопрос звучит нелепо, и все же он преследовал меня в последние дни, с тех пор как само понятие этого неожиданного парадокса появилось в моих мыслях. Красота трансценденции, как я понял из своего короткого опыта, заключалась в единстве со всем, с каждым камнем, деревом, живым существом, пустым пространством и звездой. Это был обширный экзамен полного сознания и понимания, более высокий уровень мышления и бытия, без сомнения. В этом был комфорт и радость. Новые переживания и понимание лежали передо мной открытыми, поселившись во вселенной высшего удовлетворения и гармонии.

Но если я становлюсь единым целым с теми, кто шел раньше, если наше сознание и понимание, наши мысли и чувства полностью разделены, причем на таком уровне близости, что слово "разделенный" даже близко не подходит для правильного объяснения этого соединения, означает ли это также одинокое существование? Всепоглощающий, вездесущий и всеведущий... но поэтому одинокий?

Это был бы рай и это был бы ад.

Так что нет, говорю я и надеюсь. Единство и осознание того, что все мы - звезды, не должны, и я надеюсь, что не должны, полностью заменять какую-то часть индивидуальности.

Парадоксальным и совершенно неожиданным образом, взгляд на мультиверс через ощущение трансцендентного единства привел меня в место более искреннего сочувствия и признательности к тем, с кем я не согласен. Споры, дебаты, сам опыт оспаривания своих "истин" - это вкус жизни и ключевой ингредиент роста. Стремиться к самосовершенствованию - вот в чем вызов, становиться лучше с каждым новым опытом, подниматься в пресловутую гору по тропам ровным и тропам трудным - значит чувствовать это движение вперед и вверх и испытывать чувство удовлетворения и свершения.

Разве это потеряно во вездесущности?

Неужели всеведение настолько совершенно, что такие чувства больше не нужны?

Я не могу и не буду знать (или, возможно, не буду знать вообще), пока это смертное существо не перестанет существовать, и эта неизбежная истина пробудит во мне незаинтересованность, или, точнее, дистанцию, от невзгод материального, смертного мира. Откровение, которое должно быть не более чем прекрасным, вместо этого вселило меланхолию.

Я по-прежнему вижу простые радости. Мои улыбки не натянуты, когда я смотрю на Бри, или Кэтти-бри, или любого из моих друзей, но мой интерес, конечно есть.

Или был.

Ибо эта меланхолия, как я теперь ясно вижу, была оплачена ущербом для тех, кого я люблю.

Этого нельзя терпеть.

И теперь я также вижу, что при всей прелести выхода за пределы этой смертной спирали и всех ее ограничений, то, что я потерял в этом коротком путешествии, не так уж неумовимо и не без сожаления.

Потому что я хочу спорить. Я хочу, чтобы мне бросали вызов. Я хочу не соглашаться.

И больше всего я хочу понять точку зрения другого человека - отдельного и самостоятельного индивидуума, несущего на себе груз собственного опыта, испытаний, радостей и потребностей, с которым я так вражду.

Теперь я понимаю, что цена трансцендентности еще глубже. Возможно, "одинокость" - неправильное слово для состояния всеведения, или, что более очевидно, оно описывает лишь часть потери. Ведь в этом путешествии к этому состоянию есть надежда, а в испытаниях есть свершения, и даже шрамы от неудач имеют ценность как указатели на пути к совершенствованию.

Много лет я жил один, полагаясь только на себя. Все изменилось, когда я встретил Монши, и еще больше изменилось, когда я впервые взобрался на склоны Пирамиды Кельвина в Долине Ледяного Ветра и обнаружил, что я - добровольный член группы, семьи.

Они полагаются на меня, и это замечательное чувство.

Я полагаюсь на них и знаю, что смогу, и это еще лучше.

Вместе мы сильнее. Вместе мы лучше, разделяющие радости, разделяющие горе и боль.

Мы связаны, но остаемся разными. Мы спорим - о, как мы спорим! - и мы растем. Мы боимся друг за друга в бою и радуемся, что мы все вместе.

Еще до того, как мы отправились на север, магистр Кейн мог бы просто сбросить свое физическое тело и остаться во мне, соединяясь с моими мыслями, разделяя мою плоть, направляя меня и укрепляя меня, предлагая всё без вопросов и без возможности разногласий, поскольку мы двое понимали бы - прекрасно понимали бы - каждую мысль и команду.

Но Кейн не сделал этого, и не стал бы, и не нужно объяснять, почему. Ибо мы оба знали и знаем радость индивидуальности.

Когда я ушел из этого существования и брат Афафренфер пришел за мной, чтобы рассказать мне о Бри, чтобы шепнуть мне, что мое пребывание здесь не завершено, он и я оставались разными существами.

Даже в этом всеведении и вездесущности трансцендентности мы оставались разными.

Я молюсь, чтобы детали не расплылись в небытие в том, что действительно наступит после завершения этого жизненного пути.

Мне нужны мои спутники.

Мне нужно быть нужным моим спутникам.

В этом моя величайшая радость.

Когда я делаю паузу и обдумываю недавние откровения об основании Мензоберранзана, меня поражает глубокая мысль о том, что восприятие формирует мораль в той же степени, что и объективная истина. С одной стороны, это оскорбляет ту часть меня, которая требует разума и фактов, но с другой стороны, несмотря на все мои жалобы, я нахожу это наблюдение неоспоримым.

Я не знаю - не могу знать - какая версия Мензоберранзана реальна, та, которой меня учили в Академии, та, в которой Ллос спасает своих детей около четырех тысячелетий назад, или та, которую открывают воспоминания Ивоннель, считающую, что городу всего половина этого возраста, и утверждающую, что его основание было основано на самых высоких требованиях эгалитарной справедливости - на самом деле, даже вера, которой я придерживаюсь, что когда коллективное сознание и совесть направляют политику и направление, этот мир становится более справедливым и честным.

Я не могу знать, какая из версий была правдивой, и меня пугает осознание того, что у меня действительно нет возможности проверить возраст самых старых зданий и артефактов города моего рождения, или были ли сталагмиты и сталактиты выдолблены дроу, которые поселились там, или предшествующей им культурой.

Я не могу знать! И в этом неизбежная "правда" истории: в конечном счете, это история, и она вполне может измениться под воздействием новой информации.

Тем не менее, известие о событиях, разыгравшихся на поле за пределами Гаунтлгрима, о магической паутине, похитившей проклятие у измученных драуков, и, что еще важнее, об источнике этой паутины, вселило в меня большую надежду, ибо я знаю, какую версию я желаю видеть правдивой, а потому предпочитаю верить. А значит, и то, какую историю я буду использовать в дальнейшем, ибо сказание об Ивоннель указывает на то, что я знаю в своем сердце как истину.

Это дело рук Ллос. Это всегда была нечестная Ллос.

Но что же тогда с теми, кто шел с ней в первые дни, с ее учениками и матерями? Я не могу поверить, что они были там только ради власти и богатства, которые предлагала им Ллос, потому что, если бы это было так, власть Паучьей Королевы не продержалась бы столько веков. Нет, они поверили ее лжи, я уверен. Они верили в ее путь и наставления, и поэтому считали себя правыми, тем более что вера в то, что они правы, принесла им то, чего они желали.

Нет ничего опаснее злодея, который считает себя благородным, и нет ничего убежденнее и убедительнее обращенного ученика. Ни один шанс прозелитизма не будет упущен, ни одна проповедь не будет произнесена в ровных тонах, ни один намек на сомнение никогда не будет раскрыт.

Мензоберранзан - небольшое место в грандиозной схеме Фаэруна. Пещера не достигает и десяти миль в поперечнике в любом направлении, и поблизости нет ни городов, ни надежных культур, ни каких-либо источников, откуда дроу, живущие в пещере, могли бы черпать информацию, правду, которой они руководствуются в своих повседневных действиях. Поэтому нескольким избранным приспешникам Паучьей Королевы - в данном случае, матерям и могущественным жрицам - легко контролировать историю, которую преподают каждому дроу.

Некоторые, конечно, знают лучше. Семья Киммуриэля нашла свои истины в улье иллитидов, а волшебник с силой Громфа может бродить по самым плоскостям бытия в поисках ответов. Но у большинства дроу Мензоберранзана нет таких ресурсов, и поэтому, как правило, они верят в то, чему их учат.

Они просто знают то, что знают. Я сомневаюсь, что я единственный, чья совесть потребовала подвергнуть сомнению эти общепринятые истины. Действительно, я знаю, что я не единственный, но я сомневаюсь, что даже те немногие, о ком я знаю - Закнафейн, Киммуриэль, Джарлак, Даб'ней - редкие исключения. Но, опять же, я должен напомнить себе, что Мензоберранзан - не такое уж большое место. Как и Чед Насад или другие немногочисленные города дроу в Подземье. А в тех местах подобные еретические мысли опасны и влекут за собой самые ужасные последствия, какие только можно себе представить. Поэтому, хотя многие не говорят об этом, я уверен, что я не единственный дроу, который чувствовал себя совершенно одиноким и беспомощным в своих еретических мыслях.

Существует глубокая разница между обманщиками и обманутыми. Ллос, конечно, королева обмана, но ее подручные не менее виновны. И те дроу, которые соглашались - и продолжают соглашаться - с ее требованиями из соображений самовозвеличивания или обогащения, не лучше. Это обманщики, и "зло" - единственное слово, которое я могу для них использовать.

Сколько, интересно, среди остальных обманутых? Сколько из них верят в дело Ллос, потому что они попали под эти чары, вероятно, с самого рождения, и поэтому

верят в благородство своих путей? Разве это зло - убить человека, эльфа, дворфа, если ты искренне веришь, что эти народы - враги, смертельные и неисправимые враги, которые убьют любого и всех, кого ты любишь, если ты оставишь свой клинок?

Если бы я убил Артемиса Энтрери в одной из наших первых встреч, если бы я преследовал его, пока не нашел средства прикончить его, было бы это злым поступком? Если бы я верил, что он будет убивать невинных, если я не покончу с ним, был бы я злом, если бы убил его, или было бы больше вреда и, да, зла, если бы я оставил его в живых и тем самым обрек на смерть других невинных людей?

Когда ты дроу в Мензоберранзане и попадаешь под чары Ллос, все, кто не дроу, считаются той опасной версией Артемиса Энтрери, которая, как я боялся, окажется правдой.

Такова задача в предстоящей борьбе за сердце и душу Мензоберранзана: отделить обманщиков от обманутых и убедить обманутых, что правда не та, которой их учили, и что есть лучший путь, более мягкий путь, более процветающий и нравственный путь.

Это нелегкая задача. Во многих случаях, когда человек убежден в истине, никакие доказательства не смогут его разубедить, и я обнаружил, к своему ужасу, что сам факт представления противоположных доказательств часто толкает человека еще глубже в его убеждения! Да, это вызов, и в предстоящей борьбе мы либо убедим их, либо убьем их, либо они убьют нас.

Я уверен, что Леди Ллос будет наслаждаться зрелищем в любом случае.

Пока оно не закончится, говорю я, ибо сторона правды победит, и тогда Ллос больше не будет желанной в сердцах дроу.

Такова моя клятва.

Рассмотрение вопроса о границах и взаимоотношениях между внутренним и внешним в процессе обучения с монахами стало для меня поистине просветляющим.

Мир, конечно же, является внешним по отношению к нам. Он находится вокруг нас, населен людьми, животными и существами, которые обладают свободной волей и желаниями, отличными от наших собственных. Молния ударит в высокое дерево в лесу, независимо от того, услышу ли я удар или увижу вспышку. Мир вращается вокруг нас, когда нас нет, и поэтому, конечно, он является внешним по отношению к нам.

Но не полностью.

Наше восприятие формирует то, что мы видим, слышим и чувствуем. Мир таков, каков он есть, но он не всегда, даже не часто, будет одним и тем же для двух разных людей. И то, что вы слышите об окружающем мире, также формирует ваше восприятие.

Я наблюдаю за восходом солнца. Он имеет для меня огромное значение не только из-за своей внешней красоты, но и потому, что напоминает мне о лишениях Мензоберранзана и Подземья. Наблюдение за тем, как солнце поднимается над

горизонтом, является для меня воспроизведением моего собственного восхождения в мир дневного света.

Не каждый будет так относиться к восходу солнца, и поэтому это внешнее событие является также и внутренним событием. Мир вокруг нас формирует нас, а мы формируем мир вокруг нас.

Это может показаться мелочью, но благодаря монахам и больше всего благодаря Кейну, я стал лучше понимать серьезность этого простого и, казалось бы, очевидного понятия. Ведь часто внешняя форма является изнуряющей или ограничивающей. А иногда это может привести к ложным смыслам - вы можете действительно потерять себя в момент философского самоанализа, до такой степени, что потеряете связь с другими вещами и, что более важно, с другими людьми, которые вас окружают. Неспособность распознать совершенно иное восприятие другим человеком того, что вы считаете общим событием, приведет к путанице и часто к конфликтам.

Кроме того, глубокое ожидание того, что вас окружает, может быть сродни погрязновению в интеллектуальной луже грязи.

Когда я впустил дух магистра Кейна в свой разум и тело в пещере гноллов, он увидел нечто совершенно очевидное, чего я совершенно не заметил, потому что стоял глубоко в такой грязи. Когда я впервые обрел браслеты Дантрага Бэнра, они показались мне запутанными и вредными. Мой разум не поспевал за движениями рук, когда я надевал их, и, что еще хуже, мои ноги не поспевали за движениями оружия, выводя меня из равновесия.

Но я уже не тот молодой воин.

Благодаря тренировкам под руководством магистра Кейна, с братьями и сестрами ордена Святого Соллара, я значительно увеличил скорость движения ног. Понимание гармонии бедер и ног - нет, не просто понимание, а ощущение каждой связи между ними - значительно увеличило мою способность быстро бегать, прыгать и поворачиваться, не говоря уже о дополнительной плавности и просто физической силе, которую дает правильное понимание жизненной силы, ки.

Теперь я ношу браслеты как браслеты, зажатые на запястьях, и движения моих рук, моих скимитаров, согласованы с поворотами и шагами. Два удара превращаются в три, и равновесие не теряется.

Кейн увидел это сразу, когда был в моей форме, когда мы сражались - скорее всего, он увидел это извне задолго до этого. Независимо от этого, я верю, что без его несколько иной призмы видения я бы никогда не нашел эту простую настройку.

Что еще более важно, временное присутствие Кейна во мне помогло мне найти гармонию между двумя различными боевыми стилями, воином и монахом. Он показал мне баланс вблизи, и благодаря его мастерству и пониманию я увидел и почувствовал истинную гармонию, хотя я считаю, что мне еще предстоит пройти определенный путь, прежде чем я смогу найти этот баланс самостоятельно. Но теперь я знаю, куда идти. Раньше я колебался между двумя стилями в зависимости от ситуации - прыгал как монах, крутил клинки в боевых упражнениях, наносил удары ки издали или ловил стрелы как монах, а парировал и отражал как воин.

Теперь эти дисциплины более объединены во мне, это смесь стилей, которая, когда будет доведена до совершенства, предоставит мне больше возможностей,

больше инструментов и больше выбора, как сознательного, так и инстинктивного, в любой ситуации.

Что касается боя, то мои внутренние корректировки и восприятие изменили мир вокруг меня. Теперь я вижу тоннель, холм, берег реки, выступ по-другому, поскольку рассчитываю наилучший вариант действий и формирую поле боя в свою пользу.

Сейчас я также по-другому смотрю на восход солнца. Я все еще вижу свой собственный путь в его восхождении над горизонтом, все еще вижу красоту переливающихся красок, но теперь, выйдя за пределы своей смертной формы, я вижу и расстояние небесных тел, огромные пустоты между ними, звездную массу, которую они представляют, частью которой являюсь и я.

Восход солнца для меня теперь прекраснее.

И я стал более грозным.

Воин Ллос

Мое прежнее недомогание смущает меня. Когда я вернулся в эту жизнь, я сделал это без должной оценки... этой жизни! И с этим недостатком я также передал это недомогание окружающим меня людям - не намеренно, нет! Но мои действия и слова, моя отстраненность от самой ответственности дружбы, партнерства, воспитания, не могли быть проигнорированы, даже если я изо всех сил старался их скрыть.

То, чему я был свидетелем в том, что я считаю следующим существованием, вызвало во мне огромное отчаяние и почти непреодолимое чувство малости этого существования. Не внешне, а внутри моего собственного сознания.

Я не мог быть более неправ.

Как я мог позволить себе так соблазниться тем, что может прийти потом, и игнорировать то, что есть здесь и сейчас? Потребовалась жестокая битва, великая победа, великая личная потеря и момент общего ликования, чтобы показать мне мои ошибки.

Для всех нас, кто родился и вырос в Мензоберранзане, путешествие через этот город среди эвендроу было исполнением наших (почти всегда тайных) надежд, видений и сожалений о том, каким мог бы быть Мензоберранзан.

Для меня это также стало завершением личного спора, ответ на который с самого начала казался очевидным - и все же я испытал огромное удовлетворение, увидев, что мои убеждения подтвердились столь драматическим образом.

Это была Ллос. Всегда Ллос.

Не религия ее поклонников - ибо как кто-то может по праву называть это религией, в конце концов, если "божественное существо", за которое вы должны принять себя как вопрос веры, на самом деле является диктаторской угрозой, которая часто вмешивается напрямую и, конечно же, непосредственно назначает жестокие наказания? Поклонение Ллос в Мензоберранзане - это не вопрос веры, едва

ли! Это даже не послушание, не выражение заслуженного уважения, благодарности или чего-то подобного. Нет, это слепое послушание, причем послушание, проистекающее либо из жажды власти - как у многих правящих матерей, - либо из простого, логичного ужаса перед почти всеми остальными.

Я буду качать головой, пока всё не прояснится, пока я каким-то образом не пойму это представление о страхе как о великой мотивации.

Но я также должен изучить свои собственные мысли и чувства относительно Каллиды, и это самое насущное.

И я должен признать свою глупость, позволив красоте трансцендентности почти украсть у меня так много. Ибо если путешествие из этой жизни в следующую - это то, во что я теперь верю, то да, если бы я оставался в том высшем состоянии, вне этого смертного тела, мертвый для этой жизни и живой в следующей, я бы узнал о Каллиде и обо всех других городах и кланах дреу, которые, по словам эвендроу, существуют по всему поверхностному миру Фаэруна. Я познал бы их в этом единстве, в этом полном и прекрасном понимании.

Но почувствовал бы я их? Почувствовал бы я Каллиду с теми живыми ощущениями, которые переполняли меня там, на ледяном уступе, когда я впервые взглянул на город? Обнял бы я Кэтти-бри для поддержки и поцеловал бы ее так сильно за то, что она привела меня в это место? Разве умножилась бы моя радость от выражения ее лица, когда она поделилась бы со мной этим открытием, сделанным ею и другими? Или моя радость умножилась бы при виде улыбки Джарлакса, кивка Закнафейна и даже сияния, которое так явственно исходило от Артемиса Энтрери?

Или выражение лица Джарлакса, когда он, наконец, нашел то, на что потратил большую часть своей жизни? Мы многое разделили на том высоком уступе, когда он со знанием дела кивнул мне.

Разве умножилась бы моя радость от возвышенного спокойствия Киммуриэля, который наконец-то обрел ту меру ценности и заботы, о существовании которой раньше мог только мечтать?

Или рыдания Громфа (хотя он хорошо старался их скрыть), великого и могущественного архимага, наконец-то смирившегося и признавшего свои чувства, переполненного, чему он никогда прежде не позволял, чем-то неподвластным ему, чем-то, что принесло ему такую радость, не по его вине?

Как бы много ни значил для меня вид Каллиды - а я не могу преуменьшить важность осознания того места и тех событий, - разделить этот момент с остальными, впитывая их бесчисленные выражения и эмоции, принимая их как свои собственные и отдавая им свои, это сделало его еще более чудесным.

В этом и заключается суть трансцендентности. Это страх потерять что-то, если действительно нет индивидуальности. Но этого я еще не могу знать, этот страх я еще не могу отбросить. Но пусть будет так.

Теперь, наконец, я понимаю.

Я нахожусь в этом моменте моего путешествия, в этом формирующемся слове моей истории.

Настоящее не будет пленником прошлого.

Настоящее не будет слугой будущего.

Под тяжестью всего этого важно путешествие, момент, формирующееся слово.

Когда я гулял по улицам Каллиды, разговаривал с эвендроу, контраст с Мензоберранзаном не мог быть более разительным. Это был ответ, по крайней мере для меня и для Джарлакса, а скорее всего, и для других спутников из Мензоберранзана, хотя я не знаю, задумывались ли когда-нибудь над этим вопросом Закнафейн, Киммуриэль, Даб'ней или, конечно, Громф: было ли что-то во мне, во всех дроу, изъян в нашей природе, предопределенность, проклятая судьба, все те пороки нашей культуры, за которые другие культуры Фаэруна возлагают вину и упреки?

Конечно, я никогда не испытывал подобных внутренних побуждений, демонов или желания причинить вред. Как, я уверен, и мои сестры - по крайней мере, две - или мой отец. Я не видел такой природной злобы ни в Джарлаксе, ни даже в Киммуриэле, хотя он часто пугал меня.

Но все же, даже зная это, мне было трудно полностью отказаться от мнения, которое народы других земель, рас и культур высказывали о дроу, обо мне. Кэттибри как-то сказала мне, что, возможно, меня больше сдерживает то, как я вижу других людей, чем то, как эти другие люди видят меня, и в этом небольшом смысловом повороте есть своя правда. Но правда была глубже, она лежала в основе того, кем на самом деле был Дзирт До'Урден, или, что более важно, того, кем я боялся быть или стать.

Ожидания других - это часто непосильный груз.

Но теперь у меня есть ответ. Теперь у всех нас есть ответ, даже у тех спутников, которые, возможно, никогда напрямую не задавали этот вопрос.

Мы, дроу, не ущербны. Мы не хуже других. Мы не злокачественны ни по каким меркам природы. Честно говоря, я не знаю, как высоко по лестнице злодеяний поднимается такая истина. Я видел злобных диктаторов любой расы и культуры, не уступающих по мерзости самой ревностной жрице Ллос. Я видел по-настоящему злых людей, от дворфов до полуросликов, от людей до эльфов и дроу, и всех между ними, и каждая раса или культура лишь немного отдалялась. Так что, возможно, есть люди, которые имеют внутри себя природное зло.

Или, возможно, даже у них, даже у самых злых, таких как Мать Жиндия Меларн или судьи карнавала в Лускане, которые с таким удовольствием пытаются обвиняемых преступников, были шаги в ранние дни их личного пути, которые развратили их и привели к их нынешнему состоянию. Это вопрос, на который я сомневаюсь, что когда-нибудь появится ответ, да и не является ли этот ответ действительно самым важным фактором, ибо в настоящем, в моменте, в своих собственных действиях, эти люди, как и все мы, несут ответственность.

Более важным вопросом для меня во всем этом является то, как может целый город - почти весь город - быть настолько подвластным, настолько полностью подчиненным воле демонической королевы, что они теряют всякое представление о

том, что правильно, а что нет? Ведь, несомненно, это базовое понимание - то, чем должно обладать любое разумное существо!

В Мензоберранзане, как я теперь понимаю, было гораздо больше схожих со мной людей, чем тех, кто с радостью принял догматы Ллос и ее порочного духовенства. Даже Даб'ней, которая давно поняла, насколько сильно она презирает всё, что есть Ллос (и все же оставалась жрицей и по-прежнему получала магические заклинания от того существа, которое презирала!)

Ответ, как я теперь знаю, - это страх. Из всех вдохновений, мотивов, которые может дать любой лидер, самым простым является страх, и его, пожалуй, труднее всего отбросить в сторону. Даб'ней могла тайно ненавидеть Ллос, но открыто заявить об этом означало бы ее смерть, если бы ей повезло. Более вероятно, что ее превратили бы в драука, приговорив к вечности непрекращающихся мучений.

Страх - сильное оружие, и трагический результат гнусного короля или лорда - слишком часто рассказываемая история, которую легко увидеть в более скоротечных обществах короткоживущих рас. Я видел, как королевства людей были доведены до плохого конца владыкой со злыми намерениями - мы видели это с Неверэмбером и домами Глубоководья, которые он развратил ради своей личной выгоды. Это одни из самых предсказуемых и печальных историй в летописи человеческих обществ, когда то или иное государство решает развязать войну, чтобы отобрать землю или ресурсы у соседа. И еще, к счастью, наряду с распространенностью, такие государства часто являются самыми скоротечными. Королевства, которые когда-то были заклетыми врагами, теперь являются большими союзниками и друзьями, делят рынки, заключают браки, процветают вместе.

Разница в Мензоберранзане, очевидно, в том, что власть там, злого владыки со злыми замыслами, была и остается недолговечной. Человеческий лидер умрет - возможно, его преемник окажется с более добрым и щедрым сердцем. Да и простая физическая география наземных королевств не способствует длительной и изнурительной автократии, ведь многие из людей будут знакомиться с жителями других земель и узнают о недостатках своего общества, когда оно сравнивается с чаяниями и надеждами их соседей.

В пещере моего рождения дело обстоит иначе. Мало того, что Ллос - вечная и вечно присутствующая диктаторша, которая не разжимает когтей, так еще и сам город уединен. Я не уникален в своем желании бежать, и я не единственный дроу, который бежал из Мензоберранзана через тысячелетия контроля Ллос. Возможно, я не единственный, кто выбрался оттуда, кто каким-то образом, при удаче, выжил в диких землях Подземья, а при еще большей удаче, нашел дом, истинное место в семье. Но для каждого дроу, вроде меня, который каким-то образом спасся, я с радостью осознаю, что есть тысячи тех, кто хотел бы сбежать, кто видит перед собой несправедливость.

Метод Ллос - ложь.

Вдохновение Ллос - страх.

Полное проклятие Ллос для дроу в Мензоберранзане заключается в том, что оно вечно и сжимается всё крепче с каждым поколением.

Теперь у нас есть шанс разорвать эту хватку, освободить город, превратить шепот дроу в открытый крик отрицания.

Вот почему я не мог остаться в Каллиде. Вот почему я не мог остаться в комфорте своих домов в Длинной Седловине или Гаунтлгриме, с женой и дочерью рядом.

Потому что сейчас, только сейчас, у нас есть шанс.

Из всех черт, которые я считаю важными в тех, кем я себя окружаю, для меня важнее всего ценность слова этого человека. Без этого нет доверия. А без доверия нет шансов на настоящие отношения. Люди, которые знают меня и видят, что я дружу с Джарлаксом, могут удивляться этому, но правда о Джарлаксе в том, что у него есть честь, что он не станет принуждать, лгать или обманывать в любом важном деле. Он - игрок, но не злонамеренный человек.

Его влияние на Артемиса Энтрери невозможно переоценить. Энтрери обладал многими из этих же качеств, хотя они были погребены под сильной болью и неослабевающим гневом, в основном ненавистью к себе. Джарлакс вывел его из этого состояния.

Когда эти двое - и Киммуриэль в том числе - дают мне слово, я понимаю, что этому слову можно доверять.

Столько раз я слышал, как кого-то называли блестящим тактиком в битве, или в споре, или в торговле, будь то армии, или оружие, или товары, или слова, но, увидев этого человека вблизи, я качал головой и вздыхал в знак покорности - вздох, который когда-то был бы отвращением, но теперь я знаю, что это реакция на что-то настолько обычное, что я не могу сдержать такого отвращения! Ибо когда я вижу, как работают их слова и тактика, я вижу не гениальность, а, по сути, не что иное, как безнравственность. Для этих очень часто могущественных личностей их истинный дар является проклятием: они просто не связаны приличиями.

Они выходят за рамки ожиданий тех, кого они обманывают.

Заставить народ поддержать вас, обманывая его, - это не гениально. Великие ораторы играют на аудитории, основываясь на ее предрасположенных убеждениях или, что еще хуже, страхах, говоря им ложь или давая обещания, которые как они знают, не смогут выполнить, - это не признак гениальности или ума, нет. Это просто явный признак отсутствия этики и характера.

Обман в физическом соревновании, как я наиболее болезненно узнал за годы учебы в академии, не сделает вас лучшим фехтовальщиком - более того, результат может оказаться прямо противоположным.

Продавая кому-то чудодейственное лекарство или склоняя его к сделке, цель которой - просто забрать его золото, вы не станете титаном бизнеса ни в одной моральной вселенной. Но, к сожалению, в простых практических терминах это часто делает именно таким человеком, который жертвует своим моральным обликом и причиняет боль другим в обмен, почти всегда, в избыток.

Это тоже битва за Мензоберранзан, война за содружество и душу моего народа. Ллос - это ложь, Ллос - это ужас, и ничего больше. Но эти непристойные черты привели ее к неоспоримой власти в домах Мензоберранзана, и лишить ее этой власти может оказаться невозможным.

Однако это попытка, которая, по мнению большинства из нас, стоит борьбы и неизбежных жертв. Это битва за правое дело, война, которая найдет отклик у всех, кто ее переживет, и у их детей и потомков, которые придут после.

Мы всё увидим.

Сколько часов я провел за написанием этих эссе, выстраивая свои мысли в словесные строки, извивая и сплетая, пока не узнал то, что знаю?

И зная также, что то, что я знаю сейчас, - это не то, во что я могу поверить, пока история продолжается, пока мое путешествие учит меня новым истинам - и я молюсь, чтобы я никогда не закрывал свое сердце для таких озарений.

Ведь это и есть история. Я думаю о своей жизни как об истории, которую я пишу. Она находится под моим контролем. Я - автор, ибо только я могу быть автором этой истории.

Как и для всех нас. Я - автор своей истории, как и любой человек, который, возможно, однажды будет читать это... как и вы - автор своей собственной истории. Каким бы ни был поворот, в каком бы месте и при каких бы обстоятельствах что-либо ни происходило, история остается вашей, которую вы пишете, которую вы чувствуете, которую вы творите. Конечно, есть много вещей, которые невозможно контролировать, но независимо от них, мировоззрение, эмоции, отношение к предлагаемому путешествию и есть та книга жизни, которая написана.

Путешествие. Для меня, с самых ранних дней, с самых ранних воспоминаний, путешествие всегда было важнее цели. Научиться сражаться и ориентироваться в академии дроу было важнее, чем стать великим воином, поскольку первое привело бы ко второму, на какой бы уровень я ни поднялся.

Я не могу определить, будет ли восход солнца ярким или его затупят слишком тяжелые облака, но я всегда могу контролировать свою реакцию на него. Я всегда могу найти надежду в этих ранних лучах или туманном сиянии. Я всегда могу улыбнуться в ответ и напомнить себе, что я благословлен наблюдать за тем, что показывает мне рассвет. Это, я знаю, лучше, чем сетовать на облака, в конце концов.

Я не могу контролировать облака. Как и не могу контролировать многое в окружающих меня обстоятельствах.

Но моя реакция на них и мой выбор из-за них... это моё и только моё. Это мое путешествие, и ничьё больше.

Я редко, очень редко, возвращаюсь и перечитываю эти написанные мною эссе. Или, возможно, мне следует называть их "сортировками", потому что именно этим они и являются: сортировками, разматыванием сложных и запутанных нитей, которые преграждают мне путь на моем пути. Можно было бы подумать, что, возможно, я буду часто обращаться к ним. Но нет. Такое чтение - редкость, и никогда

- более одной сортировки за раз. В эти нечастые визиты к прозрениям моего прошлого меня приводит простое любопытство. Любопытство, а не какое-то переосмысление прозрения, когда я ищу ответы на любые узлы в жизненных нитях, которые сейчас передо мной. Возможно, я мог бы измерить некоторый рост с помощью новых перспектив, которые я привношу в чтение, по мере того, как мой опыт обогащается.

Но всегда в таких случаях я читаю с большой осторожностью и решительной отстраненностью, потому что я не хочу, чтобы эта глава моей жизненной книги была определена сознательно - или, что еще хуже, полностью - каким-либо прежним озарением. Не в этом смысле. Опыт есть, он оседает в моем сердце и душе, но моим ориентиром должно быть то, что сейчас передо мной, в настоящем. Поступить иначе означало бы поймать себя на том самом страхе перемен, который, как я недавно отметил, был одним из побудительных мотивов наших врагов в Мензоберранзане.

Однако теперь, когда вокруг меня произошли драматические перемены, открытие Каллиды, бушующая война в Мензоберранзане, я изменил пьесу. Я дал себе разрешение вернуться и прочитать эти эссе, все.

Возможно, это из-за моих тренировок с магистром Кейном.

Возможно, это из-за того, что я вышел за пределы этого смертного тела.

Возможно, это из-за Каллиды и эвендроу, ибо, узнав о них, мир изменился для меня так неожиданно и во многом.

Возможно, именно благодаря Бри - да, эта возможность звучит наиболее правдиво. Я хочу, чтобы она прочла их, и надеюсь, что мы будем говорить о них, как для того, чтобы она могла узнать меня, могла узнать своего отца более полно, так и потому, что любая помощь, которую они могут оказать ей в поиске путей разматывания ее собственных нитей, принесет мне большую радость.

Учить тому, чему мы научились, делиться тем, во что мы поверили, передавать истории, которые нас научили...

Это и есть бессмертие.

Это хорошая и утешительная мысль, когда вокруг меня бушует война, когда я возлагаю свои надежды на кажущуюся невозможной армию демонов и могущественных фанатиков.

Как бы там ни было, это моя жизнь, моя история, моё путешествие, только моё. Возможно, оно близится к концу - вокруг меня идет борьба, свирепая и грозная.

Но нет, я не могу так думать, иначе я перестану писать эту историю!

Так много изменилось, и в то же время так много осталось неизменным. Я остался верен тому, что было в моем сердце. Да, я неоднократно уточнял свои чувства, но суть всего этого, надежды, желания, истины, оставались прочной и неразрывной частью сердца Дзирта До'Урдена.

Это моя история. Это моё путешествие.

Рассказана ли эта история полностью?

Думаю, нет!

Остается слишком много возможностей, слишком много радости - радости, которую только я могу создать в этой жизни, которой я живу, в этой личной книге, этой книге жизни, моей и только моей истории, которую я пишу.

Я увижу следующий восход солнца...